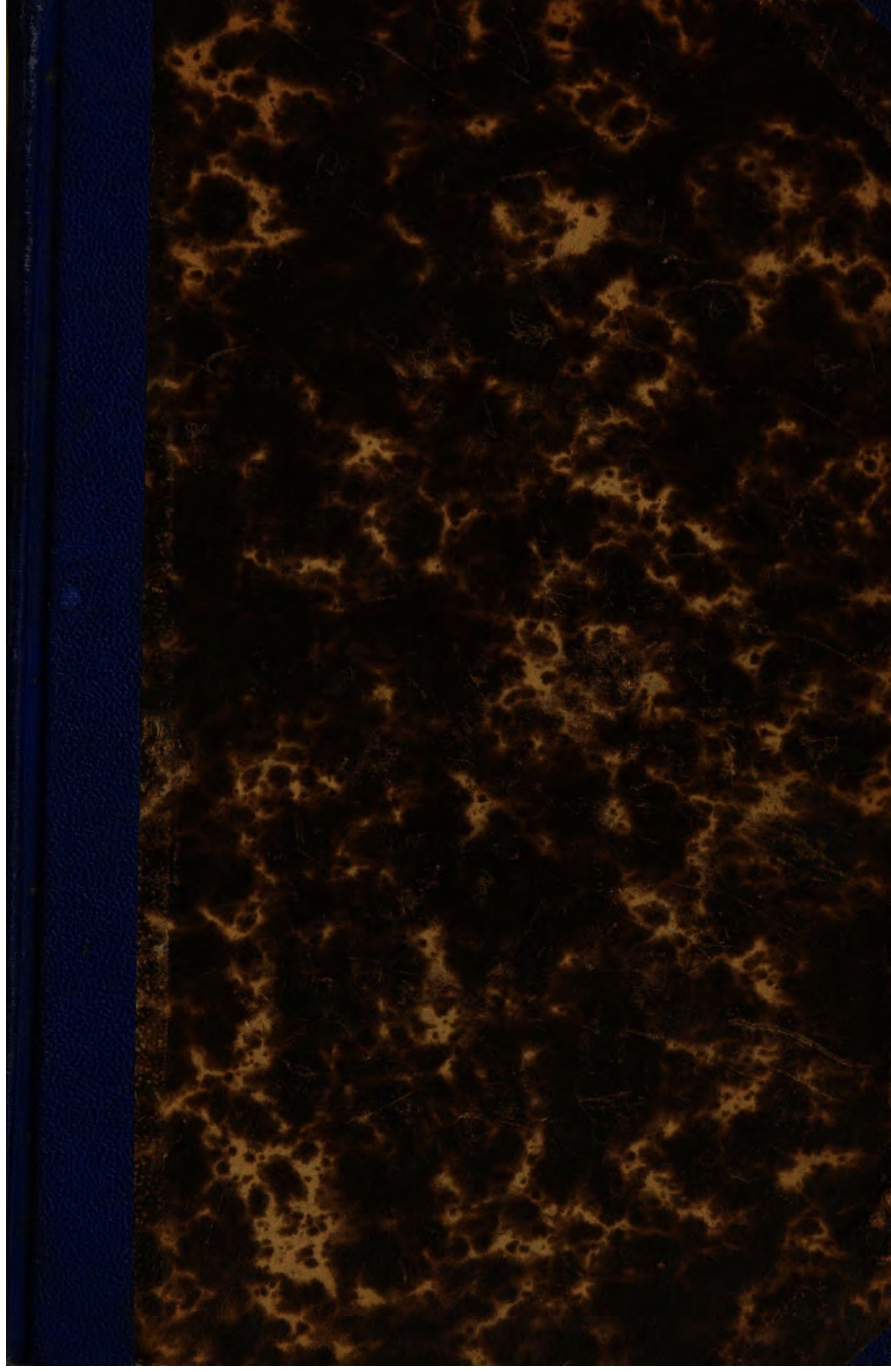

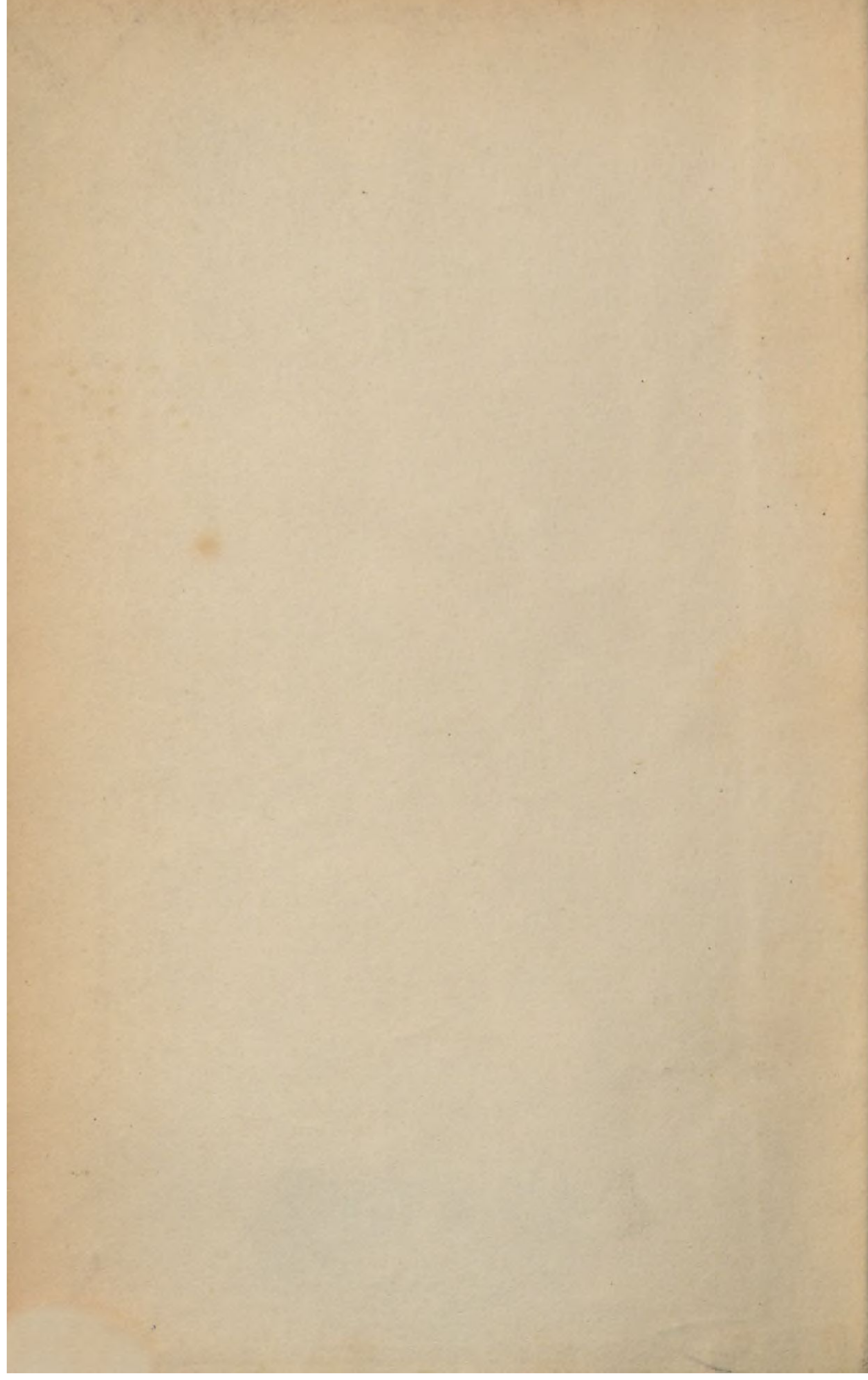
P. o. rel.

Biblioteka

2910

Xerokopieren
rischen Gründe
Nur im Les

-4.02.88

Р.О.Зел. 2910

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ТОМЪ XXVII.

ПАНУРГОВО СТАДО

В. В. КРЕСТОВСКАГО.

Часть первая.

Durchtriebene Schelme. Von W. W. Krestowski.

ЛЕЙПЦИГЪ, LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.
Центральный книжный магазинъ для славянскихъ
странъ.

1 8 7 0.

451 Gy

ПАНУРГОВО СТАДО.

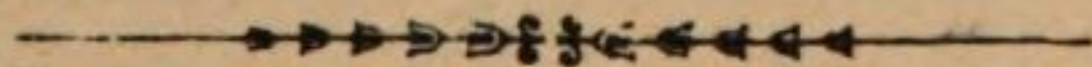
ИВАНЪ ПЛОДО СЛАВНО.

ПАНУРГОВО СТАДО.

Соч.

В. В. КРЕСТОВСКАГО.

Часть первая.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

Центральный книжный магазинъ для славянскихъ странъ.

1870.

PLATELORO STATO

071

1851

LEIPZIG

Wolfgang

1851

1851

I. Воля.

Наступилъ день 19-го февраля 1861 года.

Милліоны труждающихся и обремененныхъ осѣнили крестомъ свои широкія груди; милліоны удрученныхъ головъ съ земными поклонами склонились до сырой земли русской. Съ церковныхъ папертей и амвоновъ во всеуслышаніе раздалось вѣщее слово. По всѣмъ градамъ и весямъ, по всѣмъ пригородамъ и слободамъ, по деревнямъ, посадамъ и селамъ церковные колокола прогудѣли по всей землѣ Русской благовѣсть воли.

Русская земля отпраздновала первый день своей всенародной свободы.

А между тѣмъ...

Въ воздухѣ было что-то давящее, плавало что-то смутное, сѣрое, неопредѣленное. На горизонтѣ собирались какія-то зловѣщія, свинцовыя тучи.

— А что, рѣкой не возять?

— Покинули... день съ двадцать какъ покинули... береговымъ трахтомъ валятъ.

— Да вѣдь еще не сломало ея?

— Не ломало, а только вздулась, почернѣла вся... Подъ Краснымъ Яромъ, слышно, стонъ уже дала: надо быть, скоро тронется.

Этими словами молодой человѣкъ, выглядывавшій изъ приподнятаго воротника бараньей шубы, перекинулся съ мужиченкомъ, коряваго вида, который сидѣлъ за кучера на передкѣ дорожнаго возка. Возокъ по всѣмъ примѣтамъ былъ помѣщичій, не изъ богатыхъ, а такъ-себѣ, средней руки. Его тащила по расхлябанной, размытой и разѣзженной дорогѣ понурая обывательская тройка разношерстныхъ клячъ. Былъ апрѣль мѣсяцъ — урочное время, когда по нашимъ первобытнымъ дорогамъ нѣтъ пути ни на колесахъ, ни на полозьяхъ. Молодой человѣкъ ѣхалъ на обывательскихъ, по вольному найму.

Дорога близилась къ рѣкѣ.

Моросило сверху, слякотило снизу. Время стояло непогожее, а между тѣмъ на дорогѣ было замѣтно какое-то необычное оживленіе. То-и-дѣло плелись мужики: кто въ одиночку, кто по два, по три, а то и цѣлыми гурьбами, душъ въ

десять и болѣе; иные тащились на розвальняхъ, иные верхомъ на поджарыхъ, мохнатыхъ клячонкахъ, то-и-дѣло понукая ихъ болтающимися ногами, когда тѣ вязли въ безконечной, невылазной грязи. И все это какъ-то оживленно, озабоченно толковало промежь себя, все это какъ будто торопилось куда-то, и плелось все по одному и тому же направленію, въ ту самую сторону куда тащился и помѣщичій дорожный возокъ.

Корявый мужиченко, ровняясь время отъ времени съ пѣшеходами, иногда приподнималъ свой несуразый малахай и кивалъ головою. Иные изъ пѣшеходовъ, въ свою очередь, отвѣчали ему поклонами. Видно было, что все это люди болѣе или менѣе знакомые, изъ ближней окрестности.

— Стигней! а Стигней! Куды те преть? окликнулъ корявый мужиченко одного изъ поровнявшихся съ нимъ мужиковъ.

— Въ Снѣжки! махнулъ тотъ рукой вдоль по направленію своей дороги: — всѣ въ Снѣжки махаемъ.

— За коимъ лѣшимъ въ Снѣжки?

— Да ты отколева? Нешто не слышалъ?

— Какъ не слыхать! Да развѣ не покончили?

— Зачѣмъ кончать... Тамъ, слышно, теперича воля заправская. Сказывали, быдто съ Питера енараль наѣхалъ... въ Снѣжки будетъ, мужичкамъ снѣжковскимъ волю вычитывать... И мы, значить, слухать идемъ.

— Да вѣдь батька въ церкви чолъ уже?

— Мало чего нѣтъ! Теперича, баяли, самую заправскую выложить. А то, слышь ты, снѣжковский Нѣмецъ-ать крестьянъ снова на барщину погналъ, какая жь это воля?

Корявый мужиченко зацмокалъ, замахалъ въ воздухъ кнутикомъ, животы принатужились, рванулись понуро впередъ, и возокъ опередилъ попутнаго Евстигнея.

До села Высокіе Снѣжки оставалось верстъ пятокъ, не болѣе. Молодой человѣкъ закутался плотнѣе въ свою баранью шубу и уютно откинулся въ глубь возка, на мягкія деревенскія подушки. Въ Снѣжкахъ ему предстояло перемѣнить лошадей чтобы плестись съ грѣхомъ пополамъ далѣе, въ губернский городъ, который на фантастической картѣ Россійской Имперіи, существующей въ воображеніи читателя, отмѣчается довольно крупнымъ кружкомъ, съ подписью при ономъ: „Славнобубенскъ“; стало-быть и гу-

бернію, существующую въ нашей фантазіи, мы назовемъ Славнобубенскою.

Молодой человѣкъ, съ которымъ мы повстрѣчались на дорогѣ, принадлежалъ къ числу средней руки дворянъ Славнобубенской губерніи. Читателю необходимо знать кто онъ, поэтому авторъ долженъ рекомендовать его. Это обыкновенно самое скучное, хотя и совершенно неизбежное мѣсто все возможныхъ повѣстей и романовъ. Сознавая это, авторъ постарается быть по возможности краткимъ. Зовутъ его: по фамиліи Хвалынцевъ, по имени — Константинъ, по отцу — Семеновъ. Ни въ имени, ни въ фамиліи, какъ видитъ читатель, ничего особенно достопримѣчательнаго не оказывается. Хвалынцевъ съ полнымъ правомъ можетъ называться молодымъ человѣкомъ, потому что ему только-что стукнуло двадцать два года. Онъ высокъ и мускулистъ, сложенъ крѣпко и красиво. Еслибы спросили объ его лицѣ, я бы сказалъ что это лицо русское, совсѣмъ русское, отмѣченное своеобразною красотой. Отъ его открытой улыбки, отъ его свѣтло-сѣрыхъ большихъ глазъ вѣяло чѣмъ-то симпатичнымъ и умнымъ. Теперь два слова объ его общественномъ положеніи и о томъ зачѣмъ онъ ѣдетъ по дорогѣ.

Кромѣ того что уже извѣстно, а именно что Хвалынцевъ принадлежитъ къ числу дворянъ и средней руки землевладѣльцевъ Славнобубенской губерніи, надобно знать еще что онъ третьяго курса университетскій студентъ и ѣздилъ недавно на родину хоронить одинокаго дядю, да раздѣлиться съ своею сестрою оставшимся послѣ покойнаго наслѣдствомъ. Теперь онъ возвращается въ Петербургъ, но предполагаетъ, по дѣламъ, остаться на нѣкоторое время въ Славнобубенскѣ. Вотъ и все „скучное“, что пока необходимо знать читателю о молодомъ человѣкѣ.

Возокъ поднялся на пригорокъ, и предъ Хвалынцевымъ, въ верстѣ разстоянія, развернулись то скученныя, то широко разбросанныя группы сѣрыхъ избъ, сараи, амбары, овины и бани. Тамъ и сямъ надъ этими группами поднимались силуэты обнаженныхъ деревьевъ и бѣлѣлась каменная церковь съ высокою пирамидальною колокольней. Это было село Высокіе Снѣжки.

Широкая площадь между церковью и старымъ господскимъ домомъ сплошь была покрыта густыми толпами народа. Во всей этой массѣ виднѣлись только однѣ мужскія головы. Бабье и ребятенки жались больше по окраинамъ пло-

щади, поближе къ избамъ, и промежь своихъ собственныхъ разговоровъ, пассивно глазѣли на волнующуюся массу крестьянскаго люда, надъ которою гудѣлъ, какъ шмелиный рой, какой-то смѣшанный, тысячеголосый говоръ.

Едва Хвалынцевъ вѣхалъ на эту площадь, какъ возокъ его вмигъ окруженъ былъ толпой, и кони стали, за невозможностью двинуться далѣе.

— Енаралъ!... Енаралъ пріѣхалъ! пробѣжало изъ устъ въ уста по кучкамъ толпы, и головы ближайшихъ къ возку мужиковъ почти-тельно обнажились. Но это длилось не болѣе полминуты: разглядѣли слишкомъ молодое лицо пріѣзжаго, его баранью шубу и рѣшили, что генералу таковымъ быть не подобаетъ. Обнаженные головы снова накрылись, хотя возокъ и продолжалъ еще возбуждать любопытство толпы.

— Братцы! дайте проѣхать! высунулся Хвалынцевъ впередъ изъ-подъ кузова.

— Да тебѣ куда, милый человѣкъ? отозвался чей-то голосъ.

— На стоялый дворъ... а потомъ мимо.

— Мимо... стало-быть, не къ намъ... А нашто тебѣ на стоялый?

— Лошадей порядить.

— Стало, на вольныхъ ѣдешь?

— На вольныхъ.

— Ну, значить, зашабашить надо! Теперь не порядишь, не повезуть.

— А что такъ?

— Да гдѣ ужъ тутъ везти! Не такое время... Каждый мужикъ на міру нуженъ: енарала съ Питеру ждемъ.

Между тѣмъ корявый мужиченко кое-какъ пытался прокладывать себѣ дорогу; удавалось ему это съ величайшими затрудненіями, толпа разступалась туго, тысячи любопытныхъ глазъ пытливо засматривали подъ кузовъ; наконецъ, добрался-таки до стоялаго двора, который тутъ же, на краю площади, красовался расписными ставеньками.

Не успѣлъ Хвалынцевъ оглядѣться, распустить дорожный ременный поясъ, да заказать самоваръ, какъ къ нему вошли нѣсколько мужиковъ и съ поклонами остановились вдоль стѣны у дверей. Бороды по большей части были сивыя, почтенныя.

— Что вамъ, братцы? Чего вы?

— Къ твоей милости, батюшко! Заступись! обижаютъ...

— Да я-то что же?... Я, братцы, проѣзжій.

— Ты, батюшко, сказывали, питерскаго

енарала передовой... Разсуди, кормилецъ! Волю скрасть хотятъ у насъ! То было волю объявили, а нынѣ Карла Карлычъ, Нѣмецъ-то нашъ, правляющій, на барщину снова гонитъ, а мы барщины не желаемъ, потому не законъ... Мы къ тебѣ отъ міра; и какъ ежели что складчину какую, такъ ты не сумлѣвайся: удоблетворимъ твоей милости, только обстой ты насъ... Они всѣ супротивъ насъ идутъ...

— Кто всѣ? полюбопытствовалъ Хвалынцевъ.

— Да всѣ какъ есть: и становой, и исправникъ; корвинской баринъ, предводитель, тоже за Нѣмца; опять же офицеръ какой-то съ города наѣхалъ — и тотъ за Нѣмца... Одна надежда на енарала на питерскаго... Пошто же мужиковъ обижать занапрасно!

Только-что сталъ было Хвалынцевъ убѣждать ихъ что онъ къ питерскому генералу никакого касательства не имѣетъ, что онъ просто самъ по себѣ и ѣдетъ по своей собственной надобности, какъ вошелъ новый посѣтитель — жандармъ, во всей своей аммуниціи.

— Который здѣсь проѣзжіи?

— Я проѣзжіи. А что?

— Пожалуйте... Полковникъ требуютъ.

— Какой полковникъ? Зачѣмъ... Что ему?

— Не могу знать! Приказано... Пашпортъ свой прихватите.

Хвалынцевъ, недоумѣвая, пошелъ за жандармомъ.

Пришли въ прихожую стараго и давно уже нежилаго господскаго дома. Тамъ помѣщался другой жандармъ и тоже во всей своей аммуниціи. Хвалынцева пропустили въ залу, а солдатъ почтительно-осторожною, но неуклюже-косолапою походкой на ципочкахъ пошелъ докладывать во внутренніе покои.

Хвалынцевъ машинально сталъ оглядывать залу: узкія потускнѣлыя зеркала съ бронзовою инкрустаціей; хрустальная люстра подъ расписнымъ потолкомъ; у мебели тонкія точеныя ножки и ручки, въ видѣ египетскихъ грифовъ и мумій; давнымъ-давно полинялый и выцвѣтшій штофъ на спинкахъ и сидѣньяхъ; темные портреты а на портретахъ все екатерининская пудра да высочайшіе александровскіе воротники, жабо да хохлы сученные на лобъ. Надъ диваномъ потрескавшаяся большая картина съ какимъ-то мифологическимъ сюжетомъ и обнаженными полногрудыми женами. Все это какъ-то таинственно переносило въ другой міръ, отжившій, нѣкогда бле-

стящій; все это вѣяло какимъ-то домашнимъ преданіемъ, семейною хроникой, и свѣтлыми, и темными, но нынѣ уже потускнѣвшими красками.

Въ одной изъ смежныхъ комнатъ, куда удался жандармъ, раздавались людскіе голоса. Чрезъ полминуты онъ вышелъ, и сказавъ мимоходомъ Хвалынцеву чтобъ обождалъ, удалился въ прихожую.

— Уголь отъ пяти... полтина очко... пять рублей мазу! слышалось изъ внутренняго покоя, сквозь неплотно припертую дверь, когда скрипъ солдатскихъ шаговъ затихъ въ передней, и воцарилась прежняя тишина.

„Что жъ это такое?“ не безъ удивленія подумалъ Хвалынцевъ.

— Болеславъ Казимірычъ, да вы хоть талию-то кончите... Успѣете еще!...

Студентъ отвернулся къ окну и сквозь двойныя стекла, отъ нечего дѣлать, сталъ глядѣть на дворъ, гдѣ отдыхалъ помѣщичій дормезъ рядомъ съ перекладною телѣгой, и тутъ же стояли широкія крытыя сани да легкая бричка, вѣроятнѣе всего, исправничья. А тамъ дальше, на площади, колыхались и гудѣли толпы народа.

Въ залѣ слышались шаги.

Хвалынцевъ обернулся и увидѣлъ синій раз-

стегнутый сюртукъ и, съ широкими подбрасниками, характерные усы высокаго штабъ-офицера, который шелъ прямо на него.

— Кто вы такой? освѣдомился офицеръ съ офиціально - начальственно - вѣжливою сухостью, остановившись отъ него въ двухъ шагахъ разстоянія.

Хвалынцевъ назвалъ себя.

— Вашъ видъ?

Тотъ досталъ изъ дорожной сумки, висѣвшей у него черезъ плечо, свое университетское свидѣтельство.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Высокіе Снѣжки? продолжалъ офицеръ, наскоро пробѣжавъ глазами поданную ему бумагу.

— Проѣздомъ въ Славнобубенскъ.

— Гм... проѣздомъ... Такъ-съ... А зачѣмъ же непременно въ Снѣжки?

— Затѣмъ что дорога на Снѣжки лежитъ.

— Гм... дорога... А развѣ нельзя было мимо объѣхать?

— Ну, объ этомъ надо спросить, полковникъ, моего извозчика: онъ это, конечно, лучше меня знаетъ, а мнѣ здѣшніе пути незнакомы.

— Вы развѣ не знаете что въ Снѣжкахъ

возстаніе, бунтъ крестьянскій, и ѣдете прямо въ Снѣжки!

— Откуда же знать мнѣ? Я человѣкъ проѣзжій.

— То-то я и вижу что проѣзжій... А зачѣмъ вы сейчасъ мужиковъ къ себѣ собирали?

Хвалынцевъ объяснилъ ему какъ было дѣло.

— Ваша подорожная?

— Я ѣду по вольному найму на обывательскихъ.

— Гм... на обывательскѣхъ... безъ подорожной... такъ-съ.

Офицеръ смотрѣлъ на Хвалынцева пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ: онъ, очевидно, не довѣрялъ его словамъ.

— Вы... извините, началъ онъ со вздохомъ, спустя нѣкоторое время: — я долженъ задержать васъ... тѣмъ болѣе, что и такъ вы все равно не достали бы себѣ лошадей... не повезутъ, потому — бунтъ.

Въ это время въ залу вошли изъ того же внутренняго покоя еще четыре новыя личности. Двое изъ вошедшихъ были въ сюртукахъ земской полиціи, а одинъ въ щегольскомъ пиджакѣ шармеровскаго покроя. Что касается до четвертой личности, то достаточно было взглянуть на

ея рыженькую, толстенъкую фигурку чтобы безошибочно узнать въ ней Нѣмца-управляющаго.

Пиджакъ переглянулся съ Хвалынцевымъ, и оба какъ будто узнали другъ друга.

— Господинъ Хвалынцевъ, если не ошибаюсь? съ изящною вѣжливостію прищурился немножко господинъ въ пиджакѣ.

— Не ошибаетесь, столь же вѣжливо поклонился студентъ.

— Имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на похоронахъ вашего дядюшки... Мы хоть и разныхъ уѣздовъ, но почти сосѣди и съ дядюшкой вашимъ были старые знакомые... Очень пріятно встрѣтиться... здѣшній предводитель дворянства Корытниковъ, отрекомендовался онъ въ заключеніе и любезно протянулъ руку, которая была принята студентомъ.

Штабъ-офицеръ передернулъ характерными русыми усами и недоумѣло поглядѣлъ на того и другаго.

— Послушайте, таинственно взявъ подъ руку, отвелъ онъ предводителя въ сторону, на другой конецъ залы: — студіозуса-то, я полагаю, все-таки лучше будетъ позадержать немного... Онъ хоть и знакомый вашъ, да вѣдь вы за него ручаться не можете... А я ужъ знаю,

вообще, каковъ это народецъ... Мы его эдакъ, подъ благовиднымъ предлогомъ... Оно какъ-то спокойнѣе.

— Какъ знаете, пожалуй плечами, предводитель: — это ужъ ваше дѣло, полковникъ.

— То-то; я думаю что лучше позадержать... Вонъ онъ едва пріѣхалъ, а къ нему ужъ мужичье нагрянуло совѣтовъ просить. Ну, а я ужъ знаю вообще эти студентскіе совѣты!...

— Господинъ Хвалынцевъ... извините... это — маленькое недоразумѣніе! съ любезною улыбкой началъ офицеръ, направляясь къ студенту и подшаркивая на ходу: — вотъ вашъ видъ; но все-таки, я полагаю, вамъ лучше бы переждать немного... вопервыхъ, сами изволите видѣть, время тревожное, ѣхать не безопасно... Мало ли чтò можетъ случиться... Это, во всякомъ случаѣ, рискъ; а вовторыхъ, смѣю васъ увѣрить, вы здѣсь никакъ теперь лошадей не достанете: не повезутъ... До того ль имъ теперь! Мы и сами вотъ какъ бы въ блокадѣ содержимся, пока... до прибытія войска.

Хвалынцевъ поблагодарилъ предупредительнаго полковника, но при этомъ все-таки выразилъ желаніе попытаться, авось-либо и удастся порядить лошадей.

— Мм... сомнѣваюсь, покачалъ головой полковникъ. — Да еслибъ и удалось, я все-таки не рискнулъ бы отпустить васъ. Помилуйте! на насъ лежитъ, такъ-сказать, священная обязанность охранять спокойствіе и безопасность гражданъ, и какъ же я вдругъ отпущу васъ, когда вся мѣстность, такъ-сказать, въ пожарѣ бунта? Это невозможно. Согласитесь сами, моя отвѣтственность... вы, надѣюсь, сами вполне понимаете...

Хвалынцевъ ничего не понялъ, но тѣмъ не менѣе поклонился.

— Ну, нечего дѣлать, пожалуй онъ плечами, — пойду на стоялый.

Нѣтъ, ужъ и на стоялый не ходите, торопливо предупредилъ офицеръ: — это точно также не безопасно... Вѣдь ужъ къ вамъ и то забрались мужички-то наши...

— Да что жъ имъ во мнѣ? Вѣдь не противъ меня бунтуютъ.

— Вы полагаете? многозначительно, глубокомысленно и политично сдвинулъ полковникъ брови и съ неудовольствіемъ шевельнулъ усами: — это бунтъ, такъ-сказать, противусловный, и я, по долгу службы моей, не отпущу васъ туда.

— Но какъ же мнѣ быть, господинъ полковникъ?! .

— Остаться здѣсь до времени.

— Но мои вещи...

— Жандармы перенесутъ ваши вещи.

— Но, наконецъ, я ѣсть хочу, отдохнуть хочу...

— Все это къ вашимъ услугамъ. Вотъ, Карлъ Карлычъ, рекомендательно указалъ онъ рукой на рыженькаго Нѣмца, — почтенный человѣкъ, который озаботится... Вотъ вамъ комната, можете расположиться, а самоваръ и прочее у насъ и безъ того ужъ готовы.

Хвалынцева внутренно что-то передернуло: онъ понялъ, что такъ или иначе, а все-таки арестованъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, и что всякое дальнѣйшее препирательство или сопротивленіе было бы вполнѣ бесполезно. Хочешь-не-хочешь, оставалось покориться прихоти или инымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ этого политика, и потому, слегка поклонившись, онъ только и могъ пробормотать сквозь зубы:

— Я въ вашей власти.

— Очень пріятно! Оччень пріятно-съ! отвѣтилъ полковникъ съ поклономъ, отличавшимся тою невыразимо-любезною гоноровою „гжечно-

стью“, которая составляет неотъемлемую принадлежность родовитых Поляковъ. — Я очень радъ что вы приняли это благоразумное рѣшеніе... Позвольте и мнѣ отрекомендоваться: полковникъ Пшецыньскій, Болеславъ Казимірычъ, а это, — указалъ онъ рукой на двухъ господъ въ зимско-полицейской униформѣ, — господинъ исправникъ и господинъ становой... Не прикажете ли чаю?

— Да, я прозябъ и хотѣлъ бы согрѣться.

— Въ такомъ случаѣ, пойдете съ нами, предложилъ ему продводитель, указавъ на дверь во внутренній покой, и всѣ отправились по указанному направленію.

Здѣсь представало Хвалынцеву новое зрѣлище. То былъ старинный барскій кабинетъ, съ глубокими вольтеровскими креслами, съ пузатымъ бюро, съ широкой оттоманкой отъ угла въ двѣ стѣны. Хроматическія гравюры, висѣвшія тутъ, изображали охотничьи сцены изъ англійской жизни да сантиментальныя похождения Поля и Виргиніи. Посрединѣ комнаты стоялъ ломберный столъ, на которомъ валялись мѣлки и карты — атрибуты неоконченнаго штоса. Въ углу, на другомъ столѣ, помѣщался вмѣстительный самоваръ съ чайною принадлежностью, лимоны,

бутылка коньяку, графинъ съ водкой, селедка и сыръ. Всѣ эти снѣди и питія малымъ остаткомъ своимъ краснорѣчиво доказывали, что присутствующіе успѣли уже неоднократно оказать имъ достодолжную честь.

Едва вошелъ Хвалынцевъ въ эту комнату, какъ на него злобно зарычали два мордастые бульдога, которые были привязаны сворой къ ножкѣ пузатаго бюро. Но Нѣмецъ управляющій внушительно цыкнулъ на нихъ, и они замолчали. Кромѣ яствъ и картъ, Хвалынцева не мало удивило еще присутствіе въ этой комнатѣ такихъ воинственныхъ предметовъ, какъ, наприкладъ, заряженный револьверъ лежавшій на ломберномъ столѣ, у того мѣста на которое сѣлъ теперь полковникъ Пшецыньскій, черкесскій кинжалъ на окошкѣ, въ углу двѣ охотничьи двустволки, рядомъ съ двумя саблями, изъ коихъ одна, очевидно, принадлежала полковнику, а другая — стародавняя. заржавленная — составляла древнюю принадлежность помѣщичьяго дома. Вообще, эти злющіе бульдоги на сворѣ, этотъ заряженный револьверъ, и ружья, и кинжалы, и сабли ясно доказывали, что всѣ эти господа дѣйствительно почитали себя въ самой серіознѣйшей блокадѣ и намѣревались недешево

продать русскимъ мужикамъ свое драгоцѣнное существованіе, еслибы тѣ вздумали брать приступомъ господскую твердыню.

— Когда же вы меня отпустите отсюда, полковникъ? Когда я буду свободенъ? спросилъ Хвалынцевъ, *volens-nolens* располагаясь на старой оттоманкѣ.

— О, помилуйте, вы и теперь свободны, но... только я не могу отпустить васъ раньше окончательнаго укрощенія; когда волненіе будетъ подавлено, вы можете ѣхать куда угодно.

— А когда оно будетъ подавлено?

— Это зависитъ отъ прибытія войскъ. Вчера мы послали эстафету, сегодня, надо ожидать, придутъ.

— Да что это у васъ за возстаніе такое? Какъ? Почему? Зачѣмъ? Объясните пожалуйста, обратился Хвалынцевъ къ предводителю.

О, это презапутанная и вмѣстѣ пренелѣпая исторія; съ изящнымъ пренебреженіемъ выдвинулъ предводитель свою нижнюю губу; — никакихъ властей не признаютъ, Карла Карлыча не слушаютъ... Какой-то вредный коммунизмъ проявился... *Imaginez-vous*, не хотятъ понять что они должны либо снести тѣ усадьбы которыя стоятъ ближе пятидесяти саженой къ

усадебѣ помѣщика, либо, по соглашенію съ помѣщикомъ, платить за нихъ выкупъ. Не хотятъ ни того, ни другаго. „Усадьба, говоритъ и безъ того моя была!“ (Предводитель, ради пущей изобразительности и остроумія, крестьянскія реплики въ своемъ разсказѣ передразнивалъ на мужицкѣй ладъ.). Вотъ и толкуйте съ ними! И теперь *à la fin des fins*, вышли на площадь, толкуютъ *Dieu sait quoi* о томъ что волю у нихъ украли помѣщики, и какъ вы думаете, изъ-за чего? Для ихъ же собственной пользы и выгоды, денежный выкупъ за душевой надѣлъ замѣнили имъ личною работою. Не желаютъ: „мы-де нонѣ вольные и баршшыны не хотимъ!“ Мы всѣ объясняемъ имъ, что тутъ никакой барщины нѣтъ, что это не барщина, а замѣна выкупа личнымъ трудомъ въ пользу помѣщика, которому нужно же выкупъ вносить, что это только такъ, пока, временная мѣра для ихъ же выгоды, — а они свое несутъ: „баршшына да баршшына!“ И вотъ, какъ говорится, *inde iŕae*; отсюда и вся исторія... „Положенія“ не понимаютъ, толкуютъ, его по-своему, самопроизвольно; ни мнѣ, ни полковнику, ни г-ну исправнику не вѣрятъ, даже попу не вѣрятъ; говорятъ: помѣщики и начальство настоящую волю спрятали, а прочитали

имъ подложную волю, безъ какой-то золотой строчки, что настоящая воля должна быть за золотою строчкой... И вотъ все подобныя глупости!

— Но для чего же собственно они повыходили на площадь? спросилъ Хвалынцевъ.

— А вотъ слухи между ними пошли что „енараль съ Питеру“ прїѣдетъ имъ „волю заправскую читать“... Полковникъ вынужденъ былъ вчера эстафетой потребовать войско, а они, ужъ Богъ знаетъ какъ и откуда, прослышали о войскѣ и думаютъ что это войско и придетъ къ нимъ съ настоящею волей, — ну, и ждутъ вотъ, да еще и сосѣднихъ мутятъ: и сосѣди тоже пришли.

— М-да... „енараль... прочтетъ онъ имъ волю! съ многозначительною ироніей пополоскалъ губами и щеками полковникъ, отхлебнувъ изъ стакана глотокъ пуншу, и повернулся къ Хвалынцеву: — Я истощилъ всѣ мѣры кротости, старался вселить благоразуміе, пояснилъ онъ докторально-авторитетнымъ тономъ: — даже пастырское назиданіе было имъ сдѣлано, — ничто не беретъ! Ни голосъ совѣсти, ни внушенія власти, ни слово религіи!... Съ прискорбіемъ, долженъ

былъ послать за военною силою... Жаль, очень жаль будетъ, если разразится катастрофа.

Но... опытный наблюдатель могъ бы замѣтить что полковникъ Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій сказалъ это „жаль“ такъ что въ сущности ему нисколько не было „жаль“, а сказалъ онъ единственно лишь для красоты слога. Многія губернскія дамы даже до пугливаго трепета восхищались административно-воинственнымъ краснорѣчіемъ полковника, который пользовался репутаціей хорошаго спикера и мазуриста.

— Нѣобразованность!... промолвилъ господинъ становой семинарски-малороссійскимъ акцентомъ : — это все отъ нѣобразованія!

— Русски мужикъ — свинъ! ни къ селу, ни къ городу ввернулъ и свое слово рыженькій Нѣмецъ, къ которому никто не обращался, и который все время возился то около своихъ бульдоговъ, то около самовара, то начиналъ вдругъ озабоченно осматривать ружья.

— Н-да, это грустный фактъ! изящно вздохнулъ предводитель; — я никакъ не противъ свободы; напротивъ, я Англичанинъ въ душѣ и стою за конституціонныя формы, mais... savez-vous, mon cher (это „mon cher“ было сказано отчасти въ фамиллярномъ и отчасти какъ

будто и въ покровительственномъ тонѣ, что не совсѣмъ-то понравилось Хвалынцеву), *savez-vous, la liberté et toutes ces réformes* для нашего русскаго мужика — *c'est trop tôt encore!* Я очень люблю нашего мужичка, но... свобода требуетъ развитія, образованія... Надо бы сперва было позаботиться объ образованіи, а то вотъ и выходятъ подобныя сцены.

Хвалынцеву стало не хорошо на душѣ ото всѣхъ этихъ разговоровъ, но онъ понималъ въ то же время свое двусмысленное и зависимое положеніе въ обществѣ деликатно арестовавшаго его полковника, и потому благоразумно воздержался отъ сильныхъ проявленій своего чувства.

— Да, замѣтилъ онъ съ легкою улыбкой: — но дышать-то вѣдь хочется одинаково какъ образованному, такъ и необразованному...

Корытниковъ тоже своеобразно улыбнулся, и не возразивъ ни слова, сосредоточенно сталъ крутить папироску. За то Болеславъ Казиміровичъ очень не хорошо передернулъ усами, и пылливо взглянувъ искоса на студента, вышелъ изъ комнаты.

— Левъ Александрычъ! многозначительно кивнулъ онъ Корытникову изъ-за двери, и тотъ сейчасъ же удалился.

— А что, не отлично я развѣ сдѣлалъ съ арестаціей этого студіозуса? вполголоса похвалился полковникъ: — помилуйте, вѣдь это красивый, совсѣмъ красивый, каналья!... Ужъ я, батенька, только взгляну, сейчасъ по рожѣ насквозь вижу всего!...

— Н-да, но что толку арестовать-то его? ... Только насъ стѣсняетъ... Ну его! пускай себѣ ѣдетъ!

Пшецыньскій удивленно выпучилъ глаза и покачалъ головой.

— Ай-ай-ай, Левъ Александрычъ! Какъ же это вы такъ легкомысленно относитесь къ этому! „Пускай ѣдетъ!...“ А какъ не уѣдетъ? А какъ пойдетъ въ толпу да станетъ бунтовать, да какъ если борони Боже, на домъ нахлынутъ? Отъ подобныхъ господчиковъ я всего ожидаю!... Нѣтъ съ, пока не пришло войско, мы въ блокадѣ, доложу я вамъ, и я не дамъ лишняго шанса непріятелю!... Выпустить его невозможно.

Полковникъ, очевидно, очень трусилъ непріятеля. Будучи храбрымъ и даже отважнымъ въ своей канцеляріи, равно какъ и въ любой губернской гостиной и на любомъ зеленомъ полѣ, онъ пасовалъ предъ невѣдомымъ ему непріателемъ — русскимъ народомъ. Но боязни своей показать

не желалъ (она сама собой иногда прорывалась наружу) и потому поторопился дать иное тоже не совсѣмъ для себя бесполезное значеніе вызову Коротникова на секретное слово.

— А что я васъ хотѣлъ просить, почтеннѣшій Левъ Александрычъ, вкрадчиво началъ, онъ улыбаясь пріятельски сладкою улыбкой и взявъ за пуговицу своего собесѣдника: — малый кажется мнѣ очень, очень подозрительнымъ... Мы себѣ засядемъ будто въ картишки, а вы поговорите съ нимъ — хоть тамъ, хоть въ этой комнатѣ; вызовите его на разговорецъ на эдакій... пускай-ко выскажется немножко... Это для насъ, право же, не бесполезно будетъ...

Предводитель помялся, поморщился, но не сдѣлалъ ни мадѣйшаго возраженія полковнику.

— Ваше высок-бородіе! Генералъ требуютъ! громогласно доложилъ жандармъ, въ эту самую минуту показавшись изъ передней.

— Какъ генералъ!?... развѣ ужъ пріѣхалъ? оторопѣло спохватился Пшечыньскій.

— Сычасъ звóлыли прибыть.

— Ай-ай, батюшки мои!... Живѣй мундиръ!... Поворачивайся, каналья!... Скорѣе!...

И полковникъ со всѣхъ ногъ бросился облакать себя въ полную форму.

II. Великое и общее недоразумѣніе.

Какъ только въ городъ Славнобубенскѣ была получена эстафета полковника Пшецыньскаго, такъ тотчасъ же казачьей сотнѣ приказано было спѣшно выступить въ село Высокіе Снѣжки и послано этафетное предписаніе нѣсколькимъ пѣхотнымъ ротамъ, расположеннымъ въ уѣздѣ на ближайшихъ пунктахъ около Снѣжковъ, немедленно направиться туда же.

Не доходя верстъ пяти до Высокихъ Снѣжковъ, военный отрядъ былъ опереженъ шестеркой курьерскихъ лошадей, которыя мчали дорожный дормезъ. Изъ окошка выглянула озабоченная фізіономія генерала, мимолетомъ крикнувшаго командиру отряда чтобы тотъ поспѣшалъ какъ можно скорѣе. Рядомъ съ генераломъ сидѣлъ адъютантъ, а на козлахъ и на имперіалѣ — два ординарца изъ жандармовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ взмыленная шестерка вомчалась въ село и остановилась у постоялаго двора, въ виду волнующейся площади.

Тысячегрудое и долгое *ура!* загремѣло надъ толпой народа, но вновь прибывшимъ лицамъ

трудно было разобрать впопыхахъ настоящій смыслъ и значеніе этого могучаго привѣтствія. Въ эту минуту, подѣ впечатлѣніемъ обстоятельствъ нынѣшняго и прошлыхъ дней, оглушительный крикъ заставилъ мелькать въ ихъ воображеніи представленія о бунтовщикахъ, кольяхъ, топорахъ. Новоприбывшіе скрылись за дверь. Ординарцы внесли въ горницу чемоданы и прочую дорожную принадлежность. Генераль тотчасъ же послалъ за Пшецыньскимъ.

А между тѣмъ къ нему, точно такъ же какъ и къ Хвалынцеву, вздумали было нахлынуть сивобородые ходаки за міръ, но генеральскій адъютантъ увидѣлъ ихъ въ окно въ то еще время какъ они только на крыльцо взбирались, и не успѣвъ еще совершенно оправиться отъ невольнаго впечатлѣнія какое произвелъ на него тысячеголосый крикъ толпы, приказалъ ординарцамъ гнать ходаковъ съ крыльца, ни за что не допуская ихъ до особы генерала.

Но пока онъ самъ одѣвался и обчищался, да пока одѣвался и шелъ къ генералу, въ сопровожденіи жандарма, полковникъ Пшецыньскій, съ неизмѣннымъ револьверомъ въ карманѣ, — впечатлѣніе внезапнаго испуга успѣло уже

пройти, и адъютантъ встрѣтилъ въ сѣняхъ Пшецыньскаго какъ подобаетъ независимому адъютанту, сознающему важности власть своего генерала.

— Вы, полковникъ, надѣлали Бетъ знаетъ что! внушительно и даже отчасти строго началъ онъ, когда Пшецыньскій, не безъ нѣкоторой заискивающей почтительности, поклонился ему: — зачѣмъ вы изволили потребовать войско?... Развѣ вы не могли обойтись и безъ этой крайней мѣры?... Зачѣмъ вамъ военная сила, когда вы должны были укрощать силой вашего личного авторитета... Его превосходительство не доволенъ вами... Все что говорю я, я передаю вамъ отъ лица его превосходительства... Что это здѣсь за исправники! Что это за земская полиція, которая допускаетъ подобные безпорядки!... Это ни на что не похоже-сь!... Такъ, ей-Богу, служить нельзя!

— Помилуйте, истощены всѣ мѣры кротости... ни голосъ религіи, ни сила власти, ничто... зарапортовалъ было Пшецыньскій, отчасти смутившійся столь начальственнымъ и безцеремоннымъ тономъ адъютанта, на оберъ-офицерскихъ погонахъ котораго сидѣло всего только три звѣздочки. Но адъютантъ, почти не слушая Болеслава Казиміровича, отворилъ дверь и жестомъ пригласилъ его войти, для личныхъ

объясненій къ его превосходительству, а самъ, даже съ нѣкоторымъ похвальнымъ безстрашіемъ, вышелъ на крыльцо сдѣлать рекогносцировку относительно настроенія и положенія въ данный моментъ бунтующей толпы. Онъ самъ въ душѣ даже пріятно пощекоталъ себя похвалой за это безстрашіе, по поводу котораго вдругъ почувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ героемъ.

Почти предъ самымъ крыльцомъ былъ теперь поставленъ столикъ, котораго прежде адъютантъ не замѣтилъ. Онъ былъ покрытъ чистою бѣлою салфеткой съ узорчато расшитыми коймами, и на немъ возвышался на блюдѣ каравай пшеничнаго хлѣба да солонка, а по бокамъ, обнажа свои головы стояли двое благообразныхъ стариковъ, съ длинными сѣдыми бородами, въ праздничныхъ синихъ кафтанахъ.

Едва ступилъ адъютантъ на крыльцо, какъ многія головы въ крестьянской толпѣ мгновенно обнажились, а старики стоявшіе у хлѣба иочтительно отвѣсили ему по глубокому поясному поклону.

Поручикъ, юный годами и опытностью, хотя и зналъ что у русскихъ мужиковъ есть обычай встрѣчать съ хлѣбомъ и солью, однако полагалъ что это дѣлается не болѣе какъ для проформы, въ родѣ того какъ подчиненные являются иногда

къ начальству съ ничего незначащими и ничего не выражающими рапортами; а теперь, въ настоящихъ обстоятельствахъ, присутствіе этого стола съ этими стариками показалось ему даже въ нѣкоторомъ смыслѣ дерзостью: помилуйте, тутъ люди намѣреваются одною собственною особой, однимъ своимъ появленіемъ задать этому мужичью добраго трепета, а тутъ вдругъ, вовсе уже и безъ малѣйшихъ признаковъ какого бы то ни было страха, выходятъ прямо предъ него, лицомъ къ лицу, два какіе-то человѣка, да еще со своими поднесеніями! Поручикъ возжелалъ съ первой же минуты показать свою твердость и силу, коими самъ въ душѣ намѣревался не мало полюбоваться, возжелалъ, что называется, сдѣлать впечатлѣніе.

— Эт-та что такое?... Что это значитъ? рѣзко и строго возвысилъ онъ голосъ, указывая то на каравай, то на бороды выборныхъ.

— Отъ міра! Хлѣбъ да соль вашимъ милостямъ! проговорили старики, сопровождая слова свои вторичнымъ поклономъ.

— Вы кто такіе?... Откуда? Какіе люди? Какъ смѣли вы!

— Мы выборные, батюшко, отъ міра...

— Какой я вамъ „батюшка“!... Не видите

развѣ кто я? вспылить адъютантъ, принявшій за дерзость даже и „батюшку“ послѣ привычнаго для его дисциплинарнаго уха „вашего благородія“. Притомъ же и самое слова „выборные, показалось ему многознаменательнымъ и зловѣщимъ: „выборные... власти долой, значитъ... конвентъ... констигуціонныя формы... самоуправленіе... революція... Пугачевъ“ — вотъ обрывки тѣхъ смѣшанно-неясныхъ мыслей и представленій, которыя вдругъ замелькали, запрыгали и запутались въ головѣ поручика при словѣ „выборные“. — Бунтовщики!... Обмануть надеетесь!... задобрить хотите! закричалъ и затопалъ онъ на стариковъ: — тутъ съ бунтовщиками угощаться не станутъ! Къ вамъ пріѣхали порядокъ водворять, а не ѣсть тутъ съ вами!... Вонъ отсюда!... Убрать все это сейчасъ же!... Вотъ я васъ!

Старики оторопѣли и въ величайшемъ недоумѣніи переглянулись другъ съ другомъ.

— Ну, что же вы стали?... Непокорство!... Эй, ординарцы, взять ихъ!

И по слову адъютанта, два жандарма вмигъ распорядились какъ слѣдуетъ съ выборными. Столикъ съ салфеткой, и съ блюдомъ, и съ караваемъ, тотчасъ же исчезъ куда-то, словно его

и не бывало, и одно только недоумѣніе все болѣе и болѣе разливалось на старческихъ лицахъ.

Послѣ столь энергическаго приступа къ дѣлу, поручику показалось что онъ уже достаточно задалъ предварительнаго страха, и что теперь мужики будутъ чувствовать къ его особѣ достаточное уваженіе.

Кончивъ объясненіе съ Пшецыньскимъ, генералъ вышелъ на крыльцо. Полковникъ какъ-то меланхолически выступалъ за нимъ слѣдомъ, держа въ рукахъ „Положеніе“. На крыльцѣ генерала встрѣтили, только что подошедшіе въ это время, становой съ исправникомъ и Коротниковъ, на которомъ теперь, вмѣсто шармеровскаго пиджака, красовался дворянскій мундиръ съ шитымъ воротникомъ и дворянская фуражка съ краснымъ околышемъ.

Коротникова генералъ удостоилъ поклона и даже рукопожатія, а становому съ исправникомъ буркнулъ сквозь зубы одно только; „стыдно, господа, стыдно!“

Но тѣ рѣшительно не поняли почему это имъ должно быть стыдно.

— Ну, не шумѣть, ребята! громко закричалъ генералъ толпѣ: — я съ вами говорить желаю... Смирно!

Толпа стояла тихо: въ ней улегались волны и гулъ послѣднихъ движеній; она, казалось, напряженно ждала чего-то. Шапки все болѣе и болѣе слетали съ головъ.

— Тихо!... Тихо, ребята!... Слухай!... Сейчасъ, вѣрно, заправскую читать будетъ! пробѣгалъ по толпѣ сдержанный говоръ.

— Смирно! еще громче повторилъ генераль: — пускай ко мнѣ выйдутъ нѣсколько человѣкъ. Я съ ними буду говорить, а они потомъ пусть всѣмъ остальнымъ сообщать мои слова.

Въ толпѣ опять заколыхались, и минутъ чрезъ пять болѣе десятка толковыхъ мужиковъ вышли изъ массы и безъ шапокъ, съ видомъ явнаго уваженія, подошли къ генералу.

— Вы видите кто я? началъ онъ, указывая на свою грудь и плечи.

— Видимъ, батюшка енараль! Видимъ! поклонились тѣ.

— Понимаете кто я?

— Какъ-ста не понять! Понимаемъ... всѣ понимаемъ.

— Ну, то-то же!... Теперь скажите мнѣ зачѣмъ вы бунтуете, властямъ не покоряетесь?

— Гдѣ же мы бунтуемъ, батюшко ваше благородіе! заговорили мужики: — экъ ли лю-

ди-то бунтуютъ!... Мы только обиду свою ищемъ, а бунтовать не желаемъ... Зачѣмъ бунтовать?... Мы бунтовать не согласны! Обстой ты насъ, батюшко! Будь милостивцемъ!

— А зачѣмъ вы толпами на площадь собрались? Это развѣ не мятежъ по-вашему? продолжалъ генераль.

— Собрались мы, кормилецъ, затѣмъ чтобы всѣмъ міромъ отъ тебя самого волю услышать... Отъ насъ настоящую-то волю скрали.

— Какъ? Чтò? Какую волю?... Вамъ была уже читана воля, чего же вы еще хотите?

— Какая жь это воля, батюшко, коли насъ снова на барщину гонять... Какъ, значитъ, ежели бы мы вольные — шабашъ на господъ работать! А насъ опять гонять... А мы супротивъ закону не желаемъ. Теперь же опять взять хошь усадьбы... Экъ ихъ сколько дворовъ либо прочь сноси, либо выкупъ плати! Это зашто же выкупъ? Споконъ вѣку и отцы, и дѣды все жили да жили, а нонѣ на-ко-ся вдругъ — нельзя.

— Дураки! Для вашей же пользы! пояснилъ генераль: — вѣдь вы неравно помѣщику домъ сожжете, потомъ черезполосица выходить, а вамъ не все ль равно? Тутъ одинъ помѣщикъ только въ убытокъ.

— Да какъ же мужику безъ усадьбы быть? Самъ посуди ты, ваше благородіе! заголосили переговорщики — мужику безъ усадьбы да безъ земли никакъ невозможно! А иной изъ нашего брата и самъ себѣ усадьбу-то ставилъ, за свой коштъ, а теперича за нее плати... Этого мы не согласны!

— Да вѣдь земля господская! снова пояснилъ генералъ.

— Нѣтъ, батюшко, мы господскіе, точно что господскіе, а земля наша! Искони нашей была! Потому, безъ земли ужъ какой же это мужикъ? Самое послѣднее дѣло!

— Земля по закону господская, и вы, если не хотите сносить съ нея усадебъ, должны выкупъ платить, по соглашенію. Затѣмъ перехожу я къ душевому надѣлу: для вашей же собственной пользы и выгоды, чтобы вамъ же облегченіе сдѣлать, вмѣсто платежа за землю по душевому надѣлу вамъ пока предлагаютъ работу, то-есть замѣну денегъ личнымъ трудомъ, а не барщину, и вѣдь это только пока!

— Поймите вы различіе между, личнымъ трудомъ и барщиной! поучающимъ тономъ замѣтилъ адъютантъ, обратясь особо къ нѣсколькимъ личностямъ изъ той же кучки перегово-

щиковъ: — личный трудъ никакъ не барщина; личный трудъ это — личный трудъ... Всѣ мы несемъ личный трудъ — и я, и вы, и... и всѣ, а барщина совсѣмъ другое, она только при крѣпостомъ правѣ была. Понимаете?

— Да вѣдь это по нашему, по мужицкому разуму, все одно выходитъ, возражали мужики съ плутоватыми ухмылками, — опять же, видимое дѣло, — не взыщите, ваше благородіе, на словѣ, — какъ есть вы баре, такъ барскую руку и тянете, коли говорите что земля по закону господская. Этому никакъ нельзя быть, и никакъ мы тому вѣрить не можемъ, потому — земля завсегда земской была, значить она мірская, а вы шутите: господская! Стало-быть, можемъ ли мы вѣрить?

— Ваше превосходительство! явное недо-вѣріе!... даже къ словамъ вашего превосходительства! подшепнулъ Пшецыньскій; — и это ли еще не бунтъ? Это ли не возстаніе?

— Значить, вы мнѣ не вѣрите? спокойно спросилъ генералъ.

— Да чтò жь, коли ты, батюшко, по-нашему выходитъ, совсѣмъ не дѣло говоришь-то!

— Да вѣдь законъ... вмѣшался было Пшецыньскій.

— Да что законъ... перебили его въ кучкѣ переговорщиковъ: — ты, ваше благородіе, только все говоришь про законъ; это одинъ разговоръ, значить! А ты покажи намъ законъ настоящій, который, значить, за золотою строчкой писанъ, тогда и вѣру вамъ дадимъ, и всему дѣлу шабашъ!

— Любезные мои, такого закона, про какой вы говорите, нѣтъ и никогда не бывало, да и быть не можетъ, и кто сказалъ вамъ про него, тотъ, значить, обманщикъ и смутитель. Вы этому не вѣрьте! Я вамъ говорю что такого закона нѣтъ! убѣждалъ генераль переговорщиковъ.

— Эва-ся, нѣтъ!... Какъ нѣтъ!... Мы доподлинно знаемъ что есть! возражали ему съ явными улыбками недовѣрія: — это господа, значить, только намъ-то казать не хотятъ, а что есть, такъ это точно что есть! Мы ужъ извѣстны въ томъ!

Нѣсколько времени длились еще подобные споры. Одна сторона тщетно старалась убѣдить въ несуществованіи закона за золотою строчкой; другая же крѣпко стояла на своемъ, выражая явное недовѣріе къ словамъ своихъ убѣдителей. И дѣло, и взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ съ каждою минутой запутыва-

лись все болѣе, такъ что въ результатѣ оставалось одно только возрастающее недоразумѣніе. Утомленный продолжительностію и полнѣйшею бесплодностію всѣхъ этихъ переговоровъ, генераль почти безнадежно махнулъ рукой и ушелъ на нѣкоторое время въ горницу освѣжиться отъ только-что вынесенныхъ впечатлѣній и сообразить возможность и характеръ дальнѣйшихъ дѣйствій. Дѣло, на его взглядъ, все болѣе и болѣе начинало принимать оборотъ серіозный, съ исходомъ крайне сомнительнаго свойства.

На крыльцѣ остались адъютантъ съ Пшецыньскимъ, да почти совсѣмъ пассивная и безмолвная группа изъ предводителя и становаго съ исправникомъ.

Пшецыньскій съ особо-энергическимъ краснорѣчіемъ укорялъ мужиковъ-переговорщиковъ за то что тѣ выказали такое недовѣріе къ словамъ генерала, а адъютантъ продолжалъ доказывать что личный трудъ отнюдь не барщина. Мужики же въ отвѣтъ имъ говорили, что пускай генераль покажетъ имъ свою особую грамоту за царевою печатью, тогда ему повѣрятъ что онъ точно посланъ, отъ начальства, а не отъ баръ, а адъютанту на всѣ его доводы возражали что, по ихъ мужицкому разуму, прежняя барщина и

личный трудъ, къ какому ихъ теперь обязываютъ, выходитъ все одно и то же. Недоразумѣніе возрастало. Юный поручикъ все болѣе и болѣе терялъ необходимое хладнокровіе и начиналъ не въ мѣру горячиться.

— Да ужъ что толковать! порѣшили наконецъ переговорщики, почесавъ затылки: — деньги мы, такъ и быть, платить, пожалуй, горазды, а на барщину не согласны.

— Кто несогласенъ? перебилъ адъютантъ и обратился къ одному изъ кучки: — *ты* не согласенъ?

— Я-то ничего, да міръ не согласенъ; значитъ, всѣ, батюшко, высокое твое превосходительство, всѣ, какъ есть всѣ не согласны — весь міръ, значитъ! отвѣтствовалъ тотъ.

— Я не про всѣхъ спрашиваю! Я спрашиваю тебя; ты не согласенъ?

— Да я что жъ, батюшко, я человѣкъ мірской — куды міръ, туды, знамо дѣло, и я.

— Отвѣчай мнѣ, каналья! грозно затопалъ поручикъ: — ты не согласенъ?

— Виновати, батюшко! поклонился оторопѣвшій, но все-таки уклончивый мужикъ.

— Что такое „виновати“! Что это значитъ

„виновати“?! Я тебя въ послѣдній разъ спрашиваю: ты не согласенъ?

— Не согласенъ... тихо и потупясь отвѣтилъ допрашиваемый.

— Взять его! мигнулъ поручикъ жандармамъ, и мужика вытащили изъ кучки и увели въ калитку постоялаго двора.

— Ты не согласенъ? обратился адъютантъ къ слѣдующему.

— Не согласенъ, ваше благородіе.

— Взять и этого!

— Ты?

— Не согласенъ.

— Туда же!

— Да всѣ не согласны! весь міръ не согласенъ! закричали изъ толпы предніе ряды.

— Братцы! да что жъ это онъ мужиковъ-то хватаетъ? недоумѣло стали ужъ поговаривать тамъ: — зашто же это?... А волю-то не читаетъ!...

— Ваше благородіе! громко выкрикнулъ чей-то голосъ оттуда: — не томи ты насъ! Будь милостивцемъ! Вычитай ты намъ волю-то скорѣе!

— Волю! волю! подхватили изъ той же толпы нѣсколько сотенъ.

— Кто смѣлъ закричать: волю? поднялъ

адъютантъ къ толпѣ свою голову: кто зачинщики? Выходи сюда!

Въ толпѣ никто не шелохнулся.

— Господинъ становой приставъ! отыщите и возьмите зачинщиковъ!

— Помылуйте! ни якъ нѣ можно! разставля ладони и пожимая плечами, флегматически залепеталъ было становой.

— Въ противномъ случаѣ, вы будете строго отвѣчать предъ закономъ! начальнически-отчетливымъ тономъ пояснилъ адъютантъ, выразительно сверкнувъ на него глазами и безъапелляціонно-приглашающимъ жестомъ указалъ ему на толпу.

Физиономію господина становаго передернуло очень кислою гримасой, однако, нечего дѣлать, махнулъ рукой подъ козырекъ и потрусилъ къ толпѣ. Тамъ поднялось нѣкоторое движеніе и гулъ. Становой ухватилъ за шиворотъ перваго попавшагося парня и потащилъ его къ крыльцу. Парень было уперся сначала, но позади его нѣсколько голосовъ ободрительно крикнули ему: „Не робѣй, паря! Не прись! Пущай ихъ!“ и онъ покорно пошелъ за становымъ, который такъ и притащилъ его за шиворотъ къ адъютанту.

— Парень стоялъ безъ шапки, смирно и почтительно.

— Ты зачинщикъ?... Ты крикнулъ: волю? напустился на него рьяный поручикъ.

— Нѣтъ, не я... я не кричалъ, отвѣтилъ онъ почти безъ всякаго смущенія.

— А! запыраться!... Я тебя заставлю отвѣтить!

— Что жь, ваше благородіе, твоя воля! подернулъ тотъ плечами: — мы люди темные, ничего не понимаемъ, научи ты насъ, Христа ради! мы те вò какое спасибо скажемъ!

— Отвѣчай кто зачинщики! настаивалъ между тѣмъ поручикъ.

Тотъ молчалъ, потупясь.

— Взять его! скомандовалъ онъ жандармамъ, и парня утащили въ калитку.

Увы!... этотъ блестящій и въ своемъ родѣ, — какъ и бòльшая часть молодыхъ служащихъ людей того времени, — даже модносовременный адъютантъ, даже фразисто-либеральный въ мірѣ свѣтскихъ гостиныхъ и кабинетовъ, который тамъ такъ легко, такъ хладнокровно и такъ административно-либерально рѣшалъ иногда, при случаѣ, всѣ вопросы и затрудненія по крестьянскимъ дѣламъ, здѣсь, предъ этою толпой,

рѣшительно не зналъ что ему дѣлать! Онъ чувствовалъ, такъ сказать, полнѣйшее отсутствіе почвы подъ ногами, чувствовалъ какую-то неестественность, неловкость, въ своемъ положеніи, смутно сознавалъ что слишкомъ увлекся и черезчуръ зарвался, такъ что походилъ скорѣе на Держиморду чѣмъ на блестящаго, современнаго адъютанта. Куда дѣвался весь либерализмъ, всѣ эти хорошія слова и красивыя фразы! И что досаднѣе всего, это держимордничество проявилось какъ-то такъ внезапно, почти само собой, даже какъ будто независимо отъ его воли, и теперь, словно сорвавшійся съ корды дикій конь, пошло катать и скакать чрезъ пенъ въ колоду, направо и налѣво, такъ что юный поручикъ, даже и чувствуя немножко въ себѣ Держиморду, былъ уже не въ силахъ сдержать себя и снова превратиться въ блестящаго, разсудительнаго и современнаго адъютанта. Держимордничество, — какъ часто случается въ иныхъ людскихъ, а особенно въ кадетскихъ натурахъ, — словно порывистый вихрь подхватило его, какъ оторванную отъ корня вѣтвь, и закрутило, и понесло по своему произволу... Онъ не зналъ что говорить, что предпринять, на что рѣшиться, чувствовалъ что ему лучше всего было бы съ

самаго начала ничего не говорить и ни на что не рѣшаться, но... теперь уже поздно, теперь уже зарвался, и потому, начиная терять послѣднее терпѣніе, адъютантъ все болѣе и болѣе горячился и выходилъ изъ себя. Мужики не понимали его, онъ — мужиковъ. Точно также не понимали они и генерала; генераль же, въ свою очередь, не могъ уразумѣть ихъ въ томъ пунктѣ, что земля, признаваемая закономъ собственностію помѣщика, со стороны крестьянъ почитается какою-то искони вѣковъ ихнею земскою, мірскою собственностью: „Мы-де помѣщичьи, господскіе, а земля наша, а не барская.“

Это было одно всесовершенное, общее, великое недоразумѣніе.

До сей минуты этимъ либеральнымъ господамъ приходилось толковать о русскомъ народѣ только въ пріятныхъ гостиныхъ, да и толковать-то не иначе какъ съ чужихъ словъ, съ чужихъ мыслей. Теперь же, когда обстоятельства поставили ихъ лицомъ къ лицу съ этою толпою, русскій мужикъ показался имъ бунтовщикомъ, мятежникомъ, революціонеромъ... Они вспомнили что въ русской исторіи были Стенька Разинъ и Емельянъ Пугачевъ. Всѣ чувствовали себя какъ-то не совсѣмъ ловко, и всѣмъ хотѣлось какъ-

рѣшительно не зналъ что ему дѣлать! Онъ чувствовалъ, такъ сказать, полнѣйшее отсутствіе почвы подъ ногами, чувствовалъ какую-то неестественность, неловкость, въ своемъ положеніи, смутно сознавалъ что слишкомъ увлекся и черезчуръ зарвался, такъ что походилъ скорѣе на Держиморду чѣмъ на блестящаго, современнаго адъютанта. Куда дѣвался весь либерализмъ, всѣ эти хорошія слова и красивыя фразы! И что досаднѣе всего, это держимордничество проявилось какъ-то такъ внезапно, почти само собой, даже какъ будто независимо отъ его воли, и теперь, словно сорвавшійся съ корды дикій конь, пошло катать и скакать чрезъ пенъ въ колоду, направо и налево, такъ что юный поручикъ, даже и чувствуя немножко въ себѣ Держиморду, былъ уже не въ силахъ сдержать себя и снова превратиться въ блестящаго, разсудительнаго и современнаго адъютанта. Держимордничество, — какъ часто случается въ иныхъ людскихъ, а особенно въ кадетскихъ натурахъ, — словно порывистый вихрь подхватило его, какъ оторванную отъ корня вѣтвь, и закрутило, и понесло по своему произволу... Онъ не зналъ что говорить, что предпринять, на что рѣшиться, чувствовалъ что ему лучше всего было бы съ

самаго начала ничего не говорить и ни на что не рѣшаться, но... теперь уже поздно, теперь уже зарвался, и потому, начиная терять послѣднее терпѣніе, адъютантъ все болѣе и болѣе горячился и выходилъ изъ себя. Мужики не понимали его, онъ — мужиковъ. Точно также не понимали они и генерала; генералъ же, въ свою очередь, не могъ уразумѣть ихъ въ томъ пунктѣ, что земля, признаваемая закономъ собственностію помѣщика, со стороны крестьянъ почитается какою-то искони вѣковъ ихнею земскою, мірскою собственностью: „Мы-де помѣщичьи, господскіе, а земля наша, а не барская.“

Это было одно всесовершенное, общее, великое недоразумѣніе.

До сей минуты этимъ либеральнымъ господамъ приходилось толковать о русскомъ народѣ только въ пріятныхъ гостиныхъ, да и толковать-то не иначе какъ съ чужихъ словъ, съ чужихъ мыслей. Теперь же, когда обстоятельства поставили ихъ лицомъ къ лицу съ этою толпою, русскій мужикъ показался имъ бунтовщикомъ, мятежникомъ, революціонеромъ... Они вспомнили что въ русской исторіи были Стенька Разинъ и Емельянъ Пугачевъ. Всѣ чувствовали себя какъ-то не совсѣмъ ловко, и всѣмъ хотѣлось какъ-

рѣшительно не зналъ что ему дѣлать! Онъ чувствовалъ, такъ сказать, полнѣйшее отсутствіе почвы подъ ногами, чувствовалъ какую-то неестественность, неловкость, въ своемъ положеніи, смутно сознавалъ что слишкомъ увлекся и черезчуръ зарвался, такъ что походилъ скорѣе на Держиморду чѣмъ на блестящаго, современнаго адъютанта. Куда дѣвался весь либерализмъ, всѣ эти хорошія слова и красивыя фразы! И что досаднѣе всего, это держимордничество проявилось какъ-то такъ внезапно, почти само собой, даже какъ будто независимо отъ его воли, и теперь, словно сорвавшійся съ корды дикій конь, пошло катать и скакать чрезъ пенъ въ колоду, направо и налѣво, такъ что юный поручикъ, даже и чувствуя немножко въ себѣ Держиморду, былъ уже не въ силахъ сдержать себя и снова превратиться въ блестящаго, разсудительнаго и современнаго адъютанта. Держимордничество, — какъ часто случается въ иныхъ людскихъ, а особенно въ кадетскихъ натурахъ, — словно порывистый вихрь подхватило его, какъ оторванную отъ корня вѣтвь, и закрутило, и понесло по своему произволу... Онъ не зналъ что говорить, что предпринять, на что рѣшиться, чувствовалъ что ему лучше всего было бы съ

самаго начала ничего не говорить и ни на что не рѣшаться, но... теперь уже поздно, теперь уже зарвался, и потому, начиная терять послѣднее терпѣніе, адъютантъ все болѣе и болѣе горячился и выходилъ изъ себя. Мужики не понимали его, онъ — мужиковъ. Точно также не понимали они и генерала; генераль же, въ свою очередь, не могъ уразумѣть ихъ въ томъ пунктѣ, что земля, признаваемая закономъ собственностію помѣщика, со стороны крестьянъ почитается какою-то искони вѣковъ ихнею земскою, мірскою собственностью: „Мы-де помѣщичьи, господскіе, а земля наша, а не барская.“

Это было одно всесовершенное, общее, великое недоразумѣніе.

До сей минуты этимъ либеральнымъ господамъ приходилось толковать о русскомъ народѣ только въ пріятныхъ гостиныхъ, да и толковать-то не иначе какъ съ чужихъ словъ, съ чужихъ мыслей. Теперь же, когда обстоятельства поставили ихъ лицомъ къ лицу съ этою толпою, русскій мужикъ показался имъ бунтовщикомъ, мятежникомъ, революціонеромъ... Они вспомнили что въ русской исторіи были Стенька Разинъ и Емельянъ Пугачевъ. Всѣ чувствовали себя какъ-то не совсѣмъ ловко, и всѣмъ хотѣлось какъ-

рѣшительно не зналъ что ему дѣлать! Онъ чувствовалъ, такъ сказать, полнѣйшее отсутствіе почвы подъ ногами, чувствовалъ какую-то неестественность, неловкость, въ своемъ положеніи, смутно сознавалъ что слишкомъ увлекся и черезчуръ зарвался, такъ что походилъ скорѣе на Держиморду чѣмъ на блестящаго, современнаго адъютанта. Куда дѣвался весь либерализмъ, всѣ эти хорошія слова и красивыя фразы! И что досаднѣе всего, это держимордничество проявилось какъ-то такъ внезапно, почти само собой, даже какъ будто независимо отъ его воли, и теперь, словно сорвавшійся съ корды дикій конь, пошло катать и скакать чрезъ пенъ въ колоду, направо и налѣво, такъ что юный поручикъ, даже и чувствуя немножко въ себѣ Держиморду, былъ уже не въ силахъ сдержать себя и снова превратиться въ блестящаго, разсудительнаго и современнаго адъютанта. Держимордничество, — какъ часто случается въ иныхъ людскихъ, а особенно въ кадетскихъ натурахъ, — словно порывистый вихрь подхватило его, какъ оторванную отъ корня вѣтвь, и закрутило, и понесло по своему произволу... Онъ не зналъ что говорить, что предпринять, на что рѣшиться, чувствовалъ что ему лучше всего было бы съ

самаго начала ничего не говорить и ни на что не рѣшаться, но... теперь уже поздно, теперь уже зарвался, и потому, начиная терять послѣднее терпѣніе, адъютантъ все болѣе и болѣе горячился и выходилъ изъ себя. Мужики не понимали его, онъ — мужиковъ. Точно также не понимали они и генерала; генералъ же, въ свою очередь, не могъ уразумѣть ихъ въ томъ пунктѣ, что земля, признаваемая закономъ собственностию помѣщика, со стороны крестьянъ почитается какою-то искони вѣковъ ихнею земскою, мірскою собственностью: „Мы-де помѣщичьи, господскіе, а земля наша, а не барская.“

Это было одно всесовершенное, общее, великое недоразумѣніе.

До сей минуты этимъ либеральнымъ господамъ приходилось толковать о русскомъ народѣ только въ пріятныхъ гостиныхъ, да и толковать-то не иначе какъ съ чужихъ словъ, съ чужихъ мыслей. Теперь же, когда обстоятельства поставили ихъ лицомъ къ лицу съ этою толпой, русскій мужикъ показался имъ бунтовщикомъ, мятежникомъ, революціонеромъ... Они вспомнили что въ русской исторіи были Стенька Разинъ и Емельянъ Пугачевъ. Всѣ чувствовали себя какъ-то не совсѣмъ ловко, и всѣмъ хотѣлось какъ-

нибудь выйти изъ этого положенія, хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь наполнить время до рѣшительной минуты, когда войско ужъ будетъ на мѣстѣ. Многіе изъ нихъ ждали что одинъ грозный видъ военной силы сразу утишитъ возстаніе и заставитъ толпу покориться и выдать зачинщиковъ.

— Читайте имъ „Положеніе“! Объ ихъ обязанностяхъ читайте! обратился полковникъ Пшецыньскій къ становому, испытывая точно такую же неловкость и не зная самъ для чего и зачѣмъ тотъ будетъ читать.

Становой глянулъ на него недоумѣлыми глазами, дескать: „вѣдь ужъ сколько же разъ было имъ читано!“ Однако выступилъ впередъ и раскрылъ книгу.

По толпѣ опять пробѣжалъ смутный гулъ, и она замолкла чутко, напряженно...

Раздалось громкое чтеніе.

Толпа жадно слушала, хватая налету изъ пятого десятое слово, и ничего не понимала. Въ ней, какъ въ одномъ человѣкѣ, жило одно только сознаніе, что это читаютъ „заправскую волю“.

Ковыляя по грязямъ и топямъ большой дороги, форсированнымъ маршемъ приближалась

къ Высокимъ Снѣжкамъ военная сила. Во главѣ сѣрѣвшей колонны колыхался частоколъ казацкихъ пикъ, а глубоко растянувшійся хвостъ ея терялся за горою. Вотъ, осторожно ступая по склизкому скату, кони спустились на плотину у мукомольной мельницы, прислонившейся внизу у ручьистаго оврага, перебрались на противоположную сторону, и казачій отрядъ, раздѣлясь на двѣ группы, тотчасъ же на рысяхъ разѣхался вправо и влево, и тамъ и здѣсь растянулся широкою цѣпью, отдѣляя отъ себя гдѣ одного, гдѣ пару казаковъ, окружилъ село и занялъ всѣ выходы. Вотъ близъ того же оврага остановилась пѣхота. Люди стянулись, сомкнули стройные ряды и оправились. Чрезъ нѣсколько минутъ маршъ колонны направлялся уже по широкой улицѣ села. Однѣ только собаки таякали изъ подворотень на незнакомый имъ людъ, да иногда пѣтухи, своротивъ на сторону красные гребни, какъ-то удивленно оглядывали съ высоты крестьянскихъ плетней это воинственное шествіе. Здѣсь какъ будто вымерла вся людская жизнь, и только на задахъ кое-гдѣ, да на выходахъ, между соломенными кровлями и древесными прутьями, торчало тамъ и сямъ

остріе казацкой пики... Весь народъ, старъ и младъ, гудѣлъ вдали, на широкой площади.

Раздался барабанный бой. Отрядъ входилъ уже на площадь и строился развернутымъ фронтомъ противъ крестьянской толпы, лицо къ лицу. Толпа, въ первую минуту ошеломленная рокотомъ барабановъ и видомъ войска, стояла тихо, недоумѣло...

Рыженькій Нѣмецъ-управляющій, съ рижскою сигаркой въ зубахъ, флегматически заложивъ за спину короткія руки, вытащилъ на сворѣ пару своихъ бульдоговъ и вмѣстѣ съ ними вышелъ на крыльцо господскаго дома любоваться предстоящимъ зрѣлищемъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ туда же и Хвалынцевъ. Сердце его стучало смутною тоской какого-то тревожнаго ожиданія.

— Что же, вы поняли чтò читали вамъ? обратился къ толпѣ Пшецыньскій.

Толпа молчала.

Тотъ повторилъ вопросъ, на который отвѣтомъ послѣдовало опять-таки то же самое недоумѣлое молчаніе. Адъютантъ окончательно уже вышелъ изъ себя. Онъ отказывался вѣрить, чтобы смыслъ читаемаго, столь ясный для него, былъ непонятенъ крестьянамъ.

— Бунтовщики! Вы отвѣчать не хотите! закричалъ онъ: — хорошо же! съ вами найдутъ расправу!

Генералъ снова появился предъ народомъ.

— Батюшко! не серчай! завопили къ нему голоса изъ толпы: — а дай ты намъ волю настоящую, которая за золотою строчкой писана! А то что читано мы не разумѣемъ... Опять же отъ барщины ослобони насъ!

— Ваше превосходительство! въ почтительно-совѣщательномъ тонѣ обратился адъютантъ къ своему принципалу: — мнѣ казалось бы, что не мѣшало бы распорядиться послать за священникомъ. Пусть увѣщеваетъ... Надо первоначально испытать всѣ средства.

Черезъ нѣсколько минутъ привели священника, съ крестомъ въ рукахъ, и послали увѣщевать толпу. И говорилъ онъ толпѣ, на заданную тему, о томъ что бунтовать великій грѣхъ и что надо выдать зачинщиковъ.

— Да какіе же мы бунтовщики! слышался въ толпѣ протестующій говоръ: — и чего они, въ самдѣлѣ, все „бунтовщики да бунтовщики“! Кабы мы были бунтовщики, нешто мы стояли бы такъ?... Мы больше ничего что хотимъ быть оправлены, чтобы супротивъ закону не

обижали насъ... А зачинщиковъ... Какіе же промежъ насъ зачинщику? Зачинщиковъ нѣтъ!

— Какъ нѣтъ!? Чтò они тамъ толкуютъ? почтительно косясь и оглядываясь на генерала, и видимо желая изобразить предъ нимъ свою энергическую дѣятельность, возвысилъ голосъ Пшецыньскій, который, сбѣжавъ съ крыльца, однакоже не приближался къ толпѣ болѣе чѣмъ на тридцать шаговъ. — Должны быть зачинщики! Выдавай ихъ сюда! Пусть всѣ безпрекословно выходятъ къ его превосходительству!... Вы должны довѣряться вашему начальству! Выдавай зачинщиковъ, говорю я!

— Да всѣ мы зачинщики!... Всѣ какъ есть! дружно грянуло надъ толпой: — всѣ здѣсь! Всѣхъ бери!

Пшецыньскій торопливо попятился и неловко споткнулся о камень. Въ толпѣ раздался хохотъ.

— Я шутить не стану! строго замѣтилъ генераль: — Господинъ исправникъ! господинъ предводитель! прошу отправиться къ нимъ и повторить мои слова что никакой другой воли нѣтъ и не будетъ, что они должны безпрекословно отправлять повинности и повиноваться управляющему во всѣхъ его законныхъ требова-

ніяхъ, и что наконецъ, если чрезъ десять минутъ (генераль посмотрѣлъ на свои часы) толпа не разойдется и зачинщики не будутъ выданы, я буду стрѣлять.

— Надо будетъ стрѣлять, ваше превосходительство! почтительнѣйше подшепнулъ Пшечинскій, успѣвшій уже вернуться на крыльцо. — Къ сожалѣнію, надо будетъ стрѣлять!... Иначе ничего не сдѣлаемъ... Необходимъ разительный примѣръ.

Генераль ничего не отвѣтилъ, но въ душѣ былъ согласенъ съ опытнымъ полковникомъ: все это, дѣйствительно, казалось бунтомъ весьма значительныхъ размѣровъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оставалось все-таки одно лишь великое недоразумѣніе. По соображеніямъ власти, медлительность и нерѣшительность ея, въ виду того тревожнаго, исполненнаго глухимъ броженіемъ времени, которое тогда переживалось, могли отозваться цѣлымъ рядомъ безпорядковъ по обширному краю, если оказать маломальское потворство на первыхъ порахъ, при первомъ представившемся случаѣ.

Между тѣмъ исправникъ и monsieur Корытниковъ отправились въ толпу передавать слова

генерала, а самъ генералъ поспѣшилъ къ неподвижно стоявшему войску.

— Ребята! обратился онъ къ солдатамъ: — помните, что ружье дано солдату затѣмъ чтобы стрѣлять! Предъ вами бунтовщики, поэтому будьте молодцами!...

Ради стараться, ваше — ство-о! индючьимъ перекликомъ пробѣжало по фронту.

А въ толпѣ все росъ и крѣпчалъ гулъ да говоръ... Волненіе снова начиналось, и все больше, все сильнѣе. Увѣщанія священника, исправника и предводителя не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ, и они возвратились съ донесеніемъ что мужики за бунтовщиковъ себя не признаютъ, зачинщиковъ между собою не находятъ и упорно стоятъ на своемъ чтобы сняли съ нихъ барщину и прочли настоящую волю, и что они не повѣрятъ генералу пока тотъ не объявитъ имъ самолично эту „заправскую волю за золотою строчкой“.

— Стрѣлять... стрѣлять необходимо, ваше превосходительство! снова подшепнулъ со вздохомъ подвернувшійся подъ руку Пшецыньскій, и вздохъ его явно стремился выразить послѣднюю, грустную рѣшимость крайняго отчаянія.

Либерально-почтительный адъютантъ былъ

того же мнѣнія, и въ душѣ даже какъ будто подбодрился тѣмъ что въ такую минуту близь него есть люди раздѣляющіе его собственное убѣжденіе. „Imaginez-vous!“ могъ бы потомъ онъ рассказывать въ петербургскихъ гостинныхъ: „огромная толпа, съ другой стороны войско... и вдругъ залпъ!... О, это была ужасная, поразительная картина! Это былъ своего рада эффектъ, котораго я никогда не забуду!“ По странному сочетанію мыслей, въ головѣ поручика въ эти минуты главнѣйшимъ образомъ рисовалось то какъ онъ будетъ рассказывать въ Петербургѣ о томъ чему предстояло совершиться чрезъ нѣсколько мгновеній. Онъ не думалъ какъ именно все это совершится, но зналъ что онъ будетъ потомъ рассказывать объ этомъ очень красивыми, изобразительными фразами.

— Господинъ маіоръ! закричалъ межъ тѣмъ генералъ баталіонному командиру: — изготовьтесь къ пальбѣ.

Баталіонъ! *жай!* раздалась съ лошади зычная команда командира, и мгновенно блеснувъ щетиной штыковъ, ружья шаркнулись къ ногѣ. Шомпола засвистали и залязгали своимъ желѣзнымъ звукомъ въ ружейныхъ дулахъ. Крестьянская толпа въ ту же минуту смолкла до той

степени тишины, что ясно можно было разслышать сухое щелканіе взводимыхъ курковъ.

Этою-то минутой думалъ было не безъ эффекта воспользоваться ретивый поручикъ.

— Ваше превосходительство! позвольте испытать... въ послѣдній разъ... послѣднее средство! быстро забормоталъ онъ, обратясь къ генералу, и затѣмъ, почти не дожидаясь отвѣта, повернулся къ толпѣ. — На колѣни! повелительно закричалъ онъ: — на колѣни!... Поко-
райтесь, или сейчасъ стрѣляютъ!

— Что жь, стрѣлай, коли те озорничать хочется! отвѣтили ему изъ толпы: — не въ насъ стрѣлишь — въ Царя стрѣлять будешь... Мы царскіе, стало и кровь наша царская!...

Съ крыльца махнули въ воздухъ бѣлымъ платкомъ, и вслѣдъ за этимъ знакомъ отчетливо пронеслась команда: „баталіонъ пли!“ и залпъ холостымъ зарядомъ грянулъ.

Толпа вздрогнула, но молчала. Передніе совершенно молча, внимательно оглянулись вокругъ себя: никто не палъ, никто не стонетъ — всѣ живы, цѣлы, стоятъ какъ стояли... Первая минута смущеннаго смятенія минула. Мужики оправились.

— Эге, робя! Никакъ шутки шутятъ!

громко замѣтилъ одинъ молодой парень: — небось, въ царскихъ крестьянъ стрѣлять не по-смѣютъ!

— Это они только такъ, гороху напёрлись! отвѣтилъ какой-то шутникъ.

Въ толпѣ захохотали.

Снова мелькнулъ въ воздухѣ бѣлый платокъ.

Рой пуль просвисталъ надъ головами.

Толпа инстинктивно пригнулась... Опять осматриваются, — опять ни единый человѣкъ не повалился.

Это уже породило недоумѣніе: свистъ нѣсколькихъ сотенъ пуль былъ явственно слышенъ, — отчего жъ никого не убило?

— Братцы! Мужички почтенные! раздался чей-то голосъ: — Самъ Богъ за наше сиротское дѣло: пули отъ насъ отгоняетъ!... Не берутъ! Стой, братцы, на своемъ твердо!

— Стоимъ!... стоимъ!... Постоимъ за міръ!... Господи, благослови! пронеслись по толпѣ отвѣтные крики.

Раздался роковой залпъ, пущенный уже не надъ головами. И когда разсѣялось облако пороховаго дыма, впереди толпы оказалось нѣсколько лежащихъ... Бабы, увидя это, съ окра-

инъ площади съ визгомъ бросились къ мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ; но мужики стояли тихо.

— Ну, пошто вы, ваши благородія, озорничаєте!... Эка мужиковъ-то задаромъ пристрѣлили! со спокойною укоризной обратился къ крыльцу изъ толпы одинъ высокій, ражій, но уже значительно сѣдоватый мужикъ. — Ребята! Подбери нашихъ-то! Свой вѣдь! указалъ онъ окружающимъ на убитыхъ: — да бабы-то пущай бы прочь, а то зашибуть неравно... Пошли-те вы...

И затѣмъ, выступивъ нѣсколько шаговъ впередъ, снова обратился къ группѣ помѣщавшейся на крылечкѣ:

— Ну, а ты, ваше благородіе, теперича стрѣлай!

Раздался второй боевой залпъ — и нѣсколько мужиковъ опять повалились...

Крестьяне, наконецъ, не выдержали, шархнулись, смѣшались и бросились куда кому попало. Въ гулъ и стонъ можно было слышать иногда крики: „воля!... воля!“ съ которыми все это бѣжало вонъ изъ села.

Но тамъ ожидали казаки.

Ш. Расправа.

Возстаніе было укрощено.

Мужики, не пущенные на выходахъ казаками, разбѣжались кое-какъ по избамъ, а крестьяне сосѣднихъ деревень, окруженные конвоемъ, были согнаны на господскій дворъ, и тамъ — кто лежа, кто сидя на землѣ — ожидали рѣшенія своей участи. Казачьи патрули разбѣзжали вокругъ села, за околицами, и не выпускали изъ Снѣжковъ ни единой души.

— Завечерѣло, и съ сумерками стало подмораживать къ ночи. На площади зажглись яркіе костры: баталіонъ расположился тамъ бивуакомъ. Людей поостереглись до времени ставить постоемъ къ бунтовщикамъ, пока не была произведена окончательная расправа. Окна помещичьяго дома — нѣмныя и темныя Богъ вѣсть съ коихъ поръ — тоже освѣтились точно какъ въ тѣ умершіе старые годы, когда тамъ ликовала широкая барская жизнь. И нынѣ, какъ въ оны дни, на дворѣ стояли разнокалиберные экипажи, и бѣгала дворовая прислуга, военные деньщики, вѣстовые, ординарцы, и стучали ножи на кухнѣ. Въ этомъ опустѣломъ домѣ нашли

себѣ временный пріютъ офицеры баталіона и всѣ наѣхавшія сюда власти, господствія и силы. Въ одномъ изъ особыхъ флигелей помѣстился полковникъ Пшецыньскій и, вмѣстѣ съ генеральскимъ адъютантомъ, запершись во временномъ своемъ кабинетѣ, озабоченно строчилъ офиціальное донесеніе. Это донесеніе должно было завтра же летѣть въ Петербургъ.

Поручикъ чувствовалъ себя не совсѣмъ-то въ духѣ. Теперь, когда прошло уже нѣсколько часовъ съ той минуты какъ на площади раздавались залпы, пролитая кровь наводила на него нѣкоторое уныніе. Пока еще не раздались эти выстрѣлы, адъютантъ почему-то воображалъ себѣ что все это будетъ какъ-то не такъ, а иначе, и какъ будто легче, какъ будто красивѣе, а на дѣлѣ оно вдругъ оказалось совсѣмъ по-другому — именно такъ, какъ онъ менѣе всего могъ думать и воображать. Дѣло было слишкомъ свѣжо для того чтобы въ памяти поручика стерлись нѣкоторые эпизоды и сцены мужицкаго бунта. Особенно какъ-то странно и вмѣстѣ съ тѣмъ смутно-зловѣще для него самого звучали ему недавнія слова: „не въ насъ стрѣлишь — въ Царя стрѣлять будешь; мы-царскіе, стало и кровь наша царская“. Какое странное слово въ устахъ бун-

товщика! Какая странная мысль въ головѣ революціонера!... Чѣмъ больше думалъ поручикъ, тѣмъ больше становилось ему все какъ-то не по себѣ, было какъ-то не ловко...

За то Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій не беспокоился ни мало. Онъ бойко и живо строчилъ свой особый рапортъ, и энергическое краснорѣчіе его лилось каскадомъ. Онъ особенно поставлялъ на видъ какъ были истощены все-возможныя мѣры кротости, какъ подлежащія власти христіанскимъ словомъ и вразумленіемъ стремились вселить благоразуміе въ непокорныхъ, — но ни голосъ совѣсти, ни авторитетъ власти, ни кроткое слово святой религіи не возымѣли силы надъ зачерствѣлыми сердцами анархистовъ-мятежниковъ, изъ коихъ весьма многіе были вооружены въ толпѣ топорами, кольями и вилами...

Когда, прочитывая свой рапортъ адъютанту, онъ дошелъ до этого послѣдняго мѣста, поручикъ остановилъ его легонькимъ возраженіемъ что кольевъ онъ, сколько ему помнится, не замѣтилъ.

— Нѣтъ-съ, были, были! навѣрное были! съ живостью поспѣшилъ завѣрить Пшецыньскій: — но, видите ли, очень легко могло случиться

что вы съ его превосходительствомъ и не обратили на это вниманія... собственно по недостатку времени, пояснялъ онъ съ іезуитски-краткою, простодушною улыбкой: — а я сидѣлъ здѣсь до вашего прибытія двое сутокъ и, повѣрьте мнѣ, видѣлъ! Своими собственными глазами видѣлъ! Иначе, зачѣмъ же мнѣ было ходить съ заряженнымъ револьверомъ! Наша жизнь подвергалась большой опасности, и этимъ-то... — Пшецыньскій пріостановился, и не спуская пристальныхъ глазъ съ поручика, постарался особенно подчеркнуть смыслъ своихъ послѣдующихъ словъ: — этимъ-то я и объясняю наши крайнія мѣры.

Костры на площади стали гаснуть, оставляя послѣ себя широкія пепелища съ красными, пылающими угольями. Баталіонъ утомился и засыпалъ на своемъ холодномъ бивуакѣ. Все село казалось въ темнотѣ какимъ-то мертвымъ: нигдѣ ни голоса людскаго, ни огонька въ оконцѣ. Вдалекѣ только слышался топотъ казачьихъ патрулей, да собаки заливались порою.

Въ господскомъ домѣ тоже мало-по-малу потухли огни.

Рыженькій Нѣмецъ спокойно удалился въ

свой флигелекъ, пропустилъ на сонъ грядущій рюмочку шнабсу, закусилъ его доводѣльнойю ветчиной, которую запилъ куфелемъ домашняго пива, и закуривъ рижскую сигарку, сталъ размышлять... вѣроятно все о дикости русскаго народа.

Въ одномъ только покоѣ адъютанта долго еще свѣтился огонь, потому что долго ходилъ адъютантъ по комнатѣ и ломалъ голову надъ композиціей донесенія. Впрочемъ, на случай какого-либо чрезвычайнаго затрудненія, обязательный Пшецыньскій былъ подъ рукой.

Не спалъ еще и Хвалынцевъ. Всѣ ощущенія и впечатлѣнія дня навели на него какую-то темную тоску и лихорадочную нервность. Онъ не зналъ зачѣмъ его арестовали и потомъ словно позабыли про него, не зналъ что дѣлать завтра или, лучше сказать, что съ нимъ намѣрены дѣлать, а между тѣмъ дѣла требовали его въ Славнобубенскѣ. Это глупое, фальшивое положеніе и эта неизвѣстность нагоняли на него досаду и хандру. Онъ, лежа на оттоманкѣ, по другую сторону которой безмятежно храпѣлъ monsieur Корытниковъ, жегъ въ темнотѣ папиросу за папиросой. Тоскливая досада и неулегшіяся впечатлѣнія давешнихъ сценъ далеко отгоняли сонъ.

А между тѣмъ, въ глубокой темнотѣ, около солдатскаго бивуака, но тайно, незамѣтно и съ чрезвычайною осторожностію шныряла какая-то невѣдомая личность, которую трудно было разглядѣть въ густомъ и мгlistомъ мракѣ, но за то часовые и дежурные легко могли принять за какого-нибудь своего же проснувшагося солдата, тѣмъ болѣе что невѣдомая личность эта была одѣта во что-то, не то въ родѣ крестьянской, не то въ родѣ солдатской сермяги. Въ теченіе почти получаса этотъ шныряющій чловѣкъ то тамъ, то здѣсь, въ разныхъ концахъ бивуака, осторожно подбрасывалъ какія-то свернутыя бумаги, изъ которыхъ инныя были даже запечатаны въ особые пакеты.

На утро началась расправа съ мятежниками. Время не терпѣло проволочекъ; надо было позаботиться объ окончательномъ укрощеніи и умиротвореніи взволнованной мѣстности, а потому надлежало произвести немедленный судъ и при этомъ явить примѣры внушительной строгости. Крестьяне опять были собраны на площади, но на этотъ разъ уже не добровольно... Солдатъ, въ награду за неудобно проведенную ночь приказано было, по совѣту Пшецыньскаго, расста-

вить по крестьянскимъ избамъ, въ видѣ экзекуціи, съ полнымъ правомъ для каждаго воина требовать отъ своихъ хозяевъ всего чего захочетъ, относительно пищи и прочихъ удобствъ житейскихъ.

Между тѣмъ раненымъ надо было подать хоть какую-нибудь первую помощь. Начальство, отправляясь сюда, не предполагало что придется стрѣлять и потому не позаботилось о докторѣ, за которымъ Пшецыньскій, догадался послать только раннимъ утромъ, когда трое изъ раненыхъ уже отдали Богу душу. Разговоръ объ этомъ происходилъ въ присутствіи Хвалынцева. Занимаясь естественными науками, онъ неоднократно дилеттантомъ посѣщалъ клинику, видѣлъ многія перевязки и вообще имѣлъ объ этомъ дѣлѣ нѣкоторое маленькое понятіе. Поэтому, на время до прибытія медика, онъ предложилъ исправнику свои посильныя услуги. Этотъ послѣдній, имѣя въ виду трехъ уже умершихъ и нѣсколькихъ человѣкъ умирающихъ, посоветовался съ полковникомъ, а тотъ доложилъ выше — и предложеніе Хвалынцева было принято, только съ условіемъ чтобы все это осталось подъ секретомъ. Вмѣстѣ съ деревенскимъ священни-

комъ, принялся онъ кое-какъ ухаживать за ранеными.

А наутро наѣхало въ Снѣжки нѣсколько окружныхъ помѣщиковъ, бурмистровъ, управляющихъ, все за тѣмъ чтобы поразвѣдать о вчерашнихъ происшествіяхъ. Пріѣхала между прочимъ и пожилая вдова помѣщица, которая во всемъ околоткѣ извѣстна была подъ именемъ Перепетуи Максимовны. Фамиліи ей какъ-то не полагалось, а мужики, сами по себѣ, издавна уже окрестили ее „Драчихой,“ по причинѣ сорокалѣтней слабости ея къ ручной расправѣ. Становой сообщилъ ей что въ числѣ раненыхъ есть одинъ изъ ея, Драчихиной, деревни. Драчиха непременно пожелала видѣть „мятежника“.

— А, хамова душа твоя! съ какимъ-то самодовольно торжественнымъ видомъ обратилась она къ больному: — такъ и ты тоже бунтовать! Я тебѣ лѣсу на избу дала, а ты бунтовать! Я тебѣ корову купила, а ты бунтовать, безчувственное, неблагодарное ты дерево эдакое! Ну, да ладно! Вотъ погоди, погоди! выздоравливай-ка ты у меня, выздоравливай!... А какъ теперь, батюшка, душевой-то надѣлъ тѣхъ что убиты, въ чью пользу пойдетъ? обратилась Драчиха къ становому.

— Въ точности неизвѣстенъ, а надо такъ думать что въ пользу помѣщика, ежели полного тягла не окажется, пояснилъ становой.

— А моихъ мужичковъ-то много ли убито? съ живостью поинтересовалась Драчиха.

Но не всѣ помѣщики оказались одного толка съ Драчихой. Изъ пріѣхавшихъ ради любопытства многіе приняли раненыхъ изъ своихъ деревень на свое собственное попеченіе, и доставили имъ всевозможныя удобства.

На площади между тѣмъ раздавались крики, стоны и бабій плачъ съ причитаньями. Однихъ наказывали и отпускали домой, другихъ сажали на подводы и объявляли сибирскую ссылку. Тутъ было широкое мѣсто для раздирающихъ душу сценъ разставанья съ отцами, съ братьями, съ сыновьями... Многія жены съ грудными ребятами добровольно шли въ ссылку за своими мужиками. Почти каждый изъ ссыльныхъ, прихватавъ въ заплечный мѣшокъ кое-что изъ одежды да изъ домашней рухляди, завертывалъ въ особую тряпицу горсть своей исконной, родной земли, съ которою отнынѣ разставался навѣки, и благоговѣйно уносилъ съ собой этотъ прахъ въ невѣдомую, далекую сторону.

Наконецъ, начальство уѣхало обратно въ

Славнобубенскъ, распорядясь оставить въ Снѣ-
жкахъ цѣлый баталіонъ, на неопредѣленное
время, въ видѣ экзекуціи, и предоставя окон-
чательное умиротвореніе исправнику да стано-
вому.

Пшецыньскій вмѣстѣ съ Коротниковымъ
вскорѣ тоже отправились. Впрочемъ, предъ отъѣ-
здомъ штабъ-офицеръ благосклонно разрѣшилъ
Хвалынцеву ѣхать куда ему угодно и даже, съ
видомъ скорбяще-благодарной гуманности, раз-
сыпался предъ своимъ вчерашнимъ плѣнникомъ
въ извиненіяхъ по части ареста и въ благодар-
ностяхъ по части ухаживанья за ранеными.

— Такое печальное событіе... такъ мнѣ
это больно! наединѣ и притомъ оглядываясь,
говорилъ онъ, съ грустными ужимками и вздо-
хами: — я никакъ не могъ предполагать что
дѣло дойдетъ до этого... но... но... мы люди
подчиненные! (Глубокій вздохъ.) Во всякомъ
случаѣ, за человѣчество благодарю васъ отъ
лица человѣколюбія!... Только, пожалуйста, не
разглашайте этого никому, а то могутъ быть
къ намъ придирки, зачѣмъ допустили къ дѣлу
посторонняго человѣка... Вѣдь вы знаете, какіе
у насъ на матушкѣ-Руси порядки!... Формали-
стика, батюшка! Чтò дѣлать!...

И говоря это, Болеславъ Казиміровичъ обѣими руками, крѣпко, долго и горячо потрясалъ руку Хвалынцева, который съ своей стороны былъ весьма доволенъ своимъ отпускомъ изъ плѣна, и въ виду всего совершившагося не почелъ особенно удобнымъ добиваться у полковника объясненія причинъ своего непонятнаго ареста. Съ величайшимъ трудомъ, при помощи священника, наконецъ-то удалось ему за учетверенную плату порядить себѣ лошадей и отправиться вслѣдъ за отбывшими властями.

IV. Пошла писать губернія!

По всему граду Славнобубенску ходили темныя и дикія вѣсти о снѣжковскихъ происшествіяхъ, и можно сказать, что съ каждымъ часомъ, съ каждою минутой, слухи и вѣсти эти росли, ширились и становились все темнѣе, все нелѣпѣе. Одни слухи повѣствовали, будто власти сожгли деревню до тла, и мужиковъ, которыхъ не успѣли пристрѣлить, живьемъ закапывали въ землю. Другіе поясняли, что между адъютантомъ и Пшецыньскимъ какая-то японская дуэль происходила; что Корытникова крестьяне розгами высѣкли; что помѣщица Драчиха, вмѣстѣ съ

дворовымъ человѣкомъ Кирюшкой, который при ней состоитъ въ Пугачевыхъ, приняла депутацію отъ какихъ-то французскихъ эmissаровъ и вмѣстѣ со снѣжковскими мужиками идетъ теперь на городъ Славнобубенскъ, и все, на пути живущее, сдается и покоряется храброй Драчихѣ, а духовенство встрѣчаетъ ее со крестомъ и святою водой.

Такихъ-то необычайныхъ и фантастическихъ вѣстей и слуховъ былъ полонъ Славнобубенскъ, когда прикатили туда герои снѣжковского укрощенія.

Губернаторъ тотчасъ же полетѣлъ къ генералу; вице-губернаторъ туда же; первые вѣстовщики „порядочнаго общества“, прокуроръ де-Водо у губернаторскій чиновникъ Шписсъ бросились къ губернатору, и не заставъ его дома, махнули къ Пшецыньскому. Корытниковъ прискакалъ къ губернскому предводителю князю Кейкулатову; князь Кейкулатовъ опять же таки къ генералу; полицеймейстеръ и предсѣдатель казенной палаты къ Корытникову, градскій голова къ полицеймейстеру; графиня Курси къ губернаторшѣ; madame Чапыжниковъ, madame Ярыжниковъ и madame Пруцко къ графинѣ Курси; Фелисата Егоровна и Нина Францовна

къ madame Ярыжниковъ и къ madame Чапыжниковъ; госпожи Иванова, Петрова, Сидорова къ Фелисатъ Егоровнѣ и къ Нинѣ Францовнѣ; разные товарищи предсѣдателей, члены палатъ, секретари и прочее бросились кто куда, но болѣе къ Шписсу и де-Водо, а де-Водо со Шписсомъ ко всѣмъ вообще и въ клубъ въ особенности.

Лихой полицеймейстеръ Гнутъ (изъ отчаянныхъ гусаровъ) на обычной парѣ въ пристяжку (извѣстно что порядочные полицеймейстеры иначе никогда не ѣздятъ какъ только на парѣ въ пристяжку), словно угорѣлый, скакалъ сломя голову съ Большой улицы на Московскую, съ Московской на Дворянскую, съ Дворянской на Покровскую, на Воскресенскую, на Знаменскую, такъ что на сей день не успѣлъ даже завернуть и въ Кривой переулокъ гдѣ обитала его Дульцинея.

Словомъ сказать — „пошла писать губернія!“ — трескъ и грохотъ, ѣзда и движеніе поднялись по городу такіе, что могло бы показаться будто всѣ эти господа Новый Годъ справляютъ вмѣсто января да въ апрѣлѣ.

Какое широкое, блестящее поле открылось monsieur Корытникову и Болеславу Храброму

для самыхъ героическихъ разсказовъ! Каждый изъ нихъ, наперерывъ другъ предъ другомъ, старался вездѣ и повсюду втиснуть прежде всего свое собственное *я, я и я*. Зудъ любопытства, съ какимъ ихъ слушали, доходилъ до своего рода чесотки. Болеславъ Храбрый, впрочемъ, прохаживался болѣе все насчетъ истощенія всѣхъ мѣръ кротости и вселенія благоразумія, причемъ ни голосъ совѣсти, ни слово религіи, и прочее, и прочее, что уже давно извѣстно читателю. Зато monsieur Корытниковъ, въ своемъ пестромъ галстукѣ и щегольскомъ шармеровскомъ пиджакѣ, являлъ изъ себя истиннаго героя. Онъ повѣствовалъ (преимущественно нѣжному полу) о томъ какъ, одинъ и ничѣмъ не вооруженный, смѣло входилъ въ разъяренную и жаждущую огня и крови толпу мятежниковъ, какъ одинъ, своею безстрашною грудью, боролся противу нѣсколькихъ тысячъ звѣрей, которые не испугались даже и двухъ боевыхъ залповъ баталіона, а онъ — однимъ своимъ взглядомъ и словомъ, однимъ присутствіемъ духа сдѣлалъ то, что толпа не осмѣлилась его и пальцемъ тронуть.

— Конечно, прибавлялъ Корытниковъ: — я зналъ что иду почти на вѣрную смерть, я понималъ всю страшную опасность своего поло-

женія; но я шелъ... я шелъ, noblesse oblige... Это былъ мой долгъ.

— Ну, и что жъ? чуть не задыхаясь вопрошали его.

— Ну, и ничего, comme vous voyez. Но, знаете ли, какъ бы ни была раздражена толпа, на нее всегда дѣйствуетъ, и эдакъ магически дѣйствуетъ, если противъ нея и даже, такъ сказать въ сердцѣ ея появляется человѣкъ съ неустрашимымъ присутствіемъ духа... Это покоряетъ.

Короче сказать, выходило что monsieur Корытниковъ чуть ли не одинъ, своею собственною персоной, усмирить все возстаніе. Нѣжный полъ и безъ того уже питалъ элегантную слабость къ его шармеровскимъ пиджакамъ а теперь сталъ питать ее еще больше, по поводу неустрашимости. Monsieur Корытниковъ, въ глазахъ нѣжнаго пола, сдѣлался героемъ. Нельзя сказать, однако, чтобъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ не былъ тѣмъ же. И только одинъ разъ смѣшался и сконфузился онъ, когда кто-то сообщилъ ему, что въ его отсутствіе по Славнобубенску пошли было слухи, будто крестьяне снѣжковскіе его немножко того... розгами посѣкли. Но покраснѣвъ, онъ съ негодованіемъ

отвергъ такое невѣроятное предположеніе, и даже самъ потомъ, при встрѣчахъ и разговорахъ, всѣмъ и каждому, въ видѣ предупрежденія, торопился высказать:

— Представьте себѣ! On dit qu'on m'a rossé!... Qu'on m'a rossé!... Слыхали вы объ этомъ?

Къ вечеру весь городъ уже зналъ, приблизительно въ чертахъ болѣе или менѣе вѣрныхъ, всю исторію печальныхъ снѣжковскихъ событій, которыхъ безотносительно правдивый смыслъ затемняли нѣсколько лишь рассказы Пшецынскаго да Корытникова, гдѣ одинъ все продолжалъ истощать мѣры кротости, а другой плѣнялъ сердца героизмомъ своей неустрашимости.

— Общество Славнобубенска раздѣлилось на двѣ партіи. Одна, къ которой принадлежалъ весь beau monde Славнобубенска, поздравляла водворителей порядка и готовила нѣсколько овацій. Другую партію составляли: два-три молодые, средней руки, помѣщика кое-кто изъ учителей гимназій, кое-кто изъ офицеровъ да чиновниковъ, и эта партія овацій не готовила, но чутко выжидала когда первая партія начнетъ ихъ чтобы заявить свой противовѣсъ, какъ вдругъ генералъ съ его адъютантомъ неожиданно были вызваны въ Петербургъ, и по Славнобубенску

пошли слухи что на мѣсто его ѣдетъ кто-то новый. Обѣ партіи остановились въ нерѣшительности ожиданія.

V. En petit comité.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, славно-бубенскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, Непомукъ Анастасіевичъ Гржибъ-Загржимбайло, что называется en petit comité, кормилъ обѣдомъ новоприбывшаго важнаго гостя. Этимъ гостемъ была именно та самая особа которая, по заранѣе еще ходившимъ славнебубенскимъ слухамъ, весьма спѣшно прибыла въ городъ для разслѣдованія снѣжковского дѣла и для наблюденія за общественнымъ настроеніемъ умовъ.

Баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ казался особой вполне блистательною и являлъ изъ себя перетянутую въ рюмочку смѣсь петербургскаго дендизма de la haute volée и государственной мудрости. Онъ старался казаться человѣкомъ которому наиблизайшимъ образомъ извѣстны всѣ высшіе планы, предначертанія, намѣренія и рѣшенія, который „все знаетъ“, потому что посвященъ во всѣ государственныя тайны первѣй-

шей важности, но знаетъ ихъ про себя, и только порою, какъ бы вскользь и ненарокомъ, даетъ чувствовать *что* ему извѣстно и *что* онъ можетъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ такъ милъ, такъ любезенъ, такъ галантенъ, такъ изященъ, баронъ въ дамскомъ обществѣ осторожно и съ такимъ тактомъ даетъ чувствовать что онъ тоже большой руки *faulichon*, предъ которымъ таютъ и покоряются сердца женскія...

Очаровательная и обольстительная *madame* Гржибъ (она по всей губерніи такъ ужъ и извѣстна была за очаровательную и обольстительную) казалась въ этотъ день предъ петербургскимъ свѣтиломъ, еще очаровательнѣй и еще обольстительнѣй, если только это было возможно. Эмилія Александровна все скучала по Петербургу; провинціальная жизнь и губернская скука разстраивали ей нервы и причиняли страданіе, которое она называла „тикомъ“. Ей только и оставалось одно развлеченіе, это — музыка и „ея бѣдныя“: и бѣдныхъ, и музыку она очень любила; но теперь *madame* Гржибъ такъ рада, въ такомъ восторгѣ, въ такомъ восхищеніи что пріѣхалъ изъ Петербурга блистательный баронъ Иксъ-фонъ-Скасенъ, съ которымъ можно сказать „человѣческое слово“.

Самъ monsieur Гржибъ всещательнѣйше старался показаться наилюбезнѣйшимъ хозяиномъ, опытнѣйшимъ и твердымъ администраторомъ и найдобрѣйшимъ человѣкомъ, у котораго душа и сердце все превозмогаютъ кромѣ долга. Притомъ же поваръ у него былъ отличный, а купецъ Сомовъ поставлялъ ему самыя тонкія вина и превосходные сыры и сигары.

Остальными членами этого *petit comité* были губернаторскій чиновникъ по особымъ порученіямъ, маленькій, черненькій Шписсъ (вѣроятно все, изъ могилевскихъ жидковъ) и губернский прокуроръ Анатоль де-Водо — прелестный молодой правовѣдъ, славнобубенскій левъ и денди, который плѣнялъ сердца своимъ высокимъ теноромъ и ежедневно свѣжими перчатками. Всегда усердно-преданный Шписсъ и плѣнительный Анатоль составляли высшій цвѣтъ славнобубенской молодежи административно — аристократическаго міра и состояли неизмѣнными членами и адъютантами гостиной *madame* Гржибъ-Загржимбайло.

Итакъ, если взвѣсить всѣ эти ингредіенты въ видѣ Шписса, Анатоля, сыровъ, сигаръ винъ, повара, любезности хозяина и очаровательности самой хозяйки, входившіе въ составъ совокуп-

наго угощенія, то нѣтъ ничего мудренаго что блистательный гость, баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ, чувствовалъ себя въ самомъ благодушномъ настроеніи и расположенъ былъ питать и къ Шписсу съ Анатолемъ, и къ Непомуку Анастасіевичу, и тѣмъ паче къ прекраснѣйшей Эмилиі Александровнѣ самыя нѣжныя, благоуханныя чувствованія.

Обѣдъ былъ конченъ, и общество перешло въ гостиную, меблированную какъ и всѣ губернаторскія гостиныя, или, что одно и то же, какъ всѣ губернаторскіе дома, гдѣ мебель и вся принадлежность, заведенныя на казенный счетъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, всецѣло переходятъ по наслѣдству отъ одного губернатора къ другому. Но въ этой меблировкѣ, само собою разумѣется, все явно было на извѣстнаго рода представительность. Гостиная даже была не безъ комфорта. Все общество усѣлось вокругъ камина, куда были принесены и поставлены на маленькихъ столикахъ кофе и различные ли-керы.

Madame Гржибъ, полнокровно-огненная и роскошная брюнетка, постоянно желала изображать изъ себя созданіе въ высшей степени нервное, идеально-тонкое, эфирное и потому за

столомъ кушала очень мало. Это, между прочимъ, она дѣлала для того чтобы не портить своего голоса, который и Анатоль со Шписсомъ, и весь эlegantный міръ Славнобубенска находили безусловно прекраснымъ, а въ данную минуту Эмилія Александровна намѣревалась еще произвести своимъ пѣніемъ рѣшительный эффектъ предъ блистательнымъ гостемъ.

Между Шписсомъ, Анатолемъ и самою генеральшей уже успѣло образоваться нѣчто въ родѣ маленькаго заговора. Ея превосходительство желала чтобы дорогой и блистательный гость унесъ съ собой самое пріятное впечатлѣніе о своемъ пребываніи въ Славнобубенскѣ, и потому они сразу проектировали въ будущемъ загородный пикникъ на картинномъ берегу рѣки, два вечера, одинъ балъ и „благотворительный“ спектакль съ живыми картинами въ пользу „нашихъ бѣдныхъ“, въ которомъ должны были принять участіе исключительно только „благородные любители“. Сама Эмилія Александровна предназначала для себя двѣ главныя роли: одну въ Тургеневской *Провинціалкѣ*, гдѣ прелестный Анатоль долженъ былъ изображать графа, другую — роль Татьяны въ опереткѣ *Москаль-чарышникъ*, ибо тутъ madame Гржибъ могла пока-

затъ всю силу и гибкость своего очаровательнаго голоса. Черненькій Шписсъ поспѣшно вызвался при этомъ сыграть подъячаго Финтика. Что касается до живыхъ картинъ, то тутъ madame Гржибъ должна была появиться, вопервыхъ, въ видѣ „молодаго Грека съ ружьемъ“, потомъ „царицей ночи“ и, наконецъ, полупрозрачною „Вакханкой у ручья“. Словомъ сказать, блистательный баронъ долженъ бы былъ уѣхать изъ Славнобубенска не иначе какъ въ конецъ очарованнымъ.

Послѣобѣденнымъ разговоромъ почти безраздѣльно владѣлъ дорогой гость. Губернаторша только задавала вопросы, прилично ахала, вставляла сожалѣнія о своей славнобубенской жизни и оживленно восхищалась разсказами барона, когда тотъ, въ нѣсколько небрежномъ тонѣ, повѣствовалъ о послѣдней великосвѣтской сплетнѣ, о придворныхъ новостяхъ, о Кальцоляри и Деверіа, да о послѣднемъ фарсѣ на Михайловской сценѣ.

Среди этой идилліи вдругъ раздался громъ. Вдругъ вошелъ дежурный жандармъ, неизмѣнно пребывающій въ губернаторской прихожей, и подалъ губернатору пакетъ:

— Стахета вашему превосходительству.

Непомукъ, для показанія возможной быстроты въ дѣлахъ службы, не терпящихъ вообще ни малѣйшаго отлагательства, очень спѣшно сорвалъ печать, и многозначительно нахмутивъ брови, принялся за чтеніе. Едва добѣжавъ глазами до половины бумаги, онъ засопѣлъ и всполошился:

— Боже мой! Опять!... Опять бунтъ!... Мятежъ... возстаніе!... И это у меня!... У меня!... въ моей губерніи! Второй бунтъ у насъ въ губерніи!... Вотъ до чего уже дошло! Вотъ они плоды... говорилъ онъ съ видомъ встревоженнаго Зевса, но дошелъ до „плодовъ“ и запнулся, ибо спохватился что новоприбывшій гость взираетъ на эти „плоды“ со стороны самой либеральной.

Между тѣмъ баронъ, не подвигаясь даже съ креселъ, лѣниво протянулъ къ нему руку за бумагой, и не выпуская изъ зубовъ сигары, сталъ читать самымъ спокойнымъ образомъ.

Это была эстафета отъ полковника Пшецыньскаго, который объяснялъ что вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній и волненій между крестьянами деревни Пчелихи и села Коршаны, не взирая на недавній примѣръ энергическаго укрощенія въ селѣ Высокіе Снѣжки, онъ, Пшецынь-

скій, немедленно по полученіи совмѣстнаго съ губернаторомъ донесенія мѣстной власти о семъ происшествіи, самолично отправился на мѣсто и убѣдился въ довольно широкихъ размѣрахъ новыхъ безпорядковъ, причемъ съ его стороны истощены уже всѣ мѣры кротости, приложены всѣ старанія вселить благоразуміе, но ни голосъ совѣсти, ни внушенія власти, ни слово святой религіи на мятежныхъ пчелихинскихъ и коршанскихъ крестьянъ не оказываютъ достодолжнаго дѣйствія, „а посему, писалъ онъ, ощущается необходимая и настоятельнѣйшая надобность въ немедленной присылкѣ военной силы; иначе невозможно будетъ черезъ день поручиться за спокойствіе и безопасность цѣлаго края“.

Баронъ умѣренно разсмѣялся, въ томъ родѣ какъ смѣются взрослые надъ дѣтскими страхами.

— Ха-ха-ха! изящно смѣялся онъ, немножко въ носъ и немножко сквозь зубы, какъ только умѣютъ смѣяться послѣ обѣда одни высокоблаговоспитанные люди: — бунтъ! возстаніе! Ха-ха-ха!... Этотъ полковникъ, должно-быть, большой руки трусъ... Зачѣмъ онъ тамъ?... Да и вообще, скажите мнѣ, что это? Я давеча не успѣлъ хорошенько спросить у васъ.

— Да помилуйте, баронъ, горячо началъ

Непомукъ какъ бы слегка оправдываясь въ чемъ-то, — третьяго дня мы получили отъ тамошняго исправника донесеніе, что по дошедшимъ до него слухамъ, крестьяне этихъ деревень толкуютъ между собой о подложной волѣ; ну, полковникъ тотчасъ же и поѣхалъ туда... дали знать предводителю... исправникъ тоже отправился на мѣсто... а теперь вдругъ опять бунтъ, опять возстаніе!...

— Ха-ха-ха! въ томъ же тонѣ продолжалъ гость; — и сейчасъ уже войско!... И къ чему тутъ войско?... Будто нельзя и безъ войска дѣлать эти вещи! Я увѣренъ что все это пустяки: просто-на-просто мужички не поняли дѣла; ну, пошумѣли, покричали, изъ за это наказать, конечно, слѣдуетъ... внушить на будущее время; но зачѣмъ же войско?

— Ахъ, баронъ, но вѣдь вы не знаете! съ фашонабельнымъ прискорбіемъ вмѣшалась генеральша: — вы не знаете что это за народъ! Эта прислуга, напрімѣръ! Ну, на что ужъ я, губернаторша, и я даже нѣсколько терплю отъ моей прислуги, и я не могу узнать ее за послѣдніе годы... Конечно, со мной они еще не очень ужъ забываются, но... вообще эта эмансипація ихъ совсѣмъ разбаловала... Нѣтъ, на

первыхъ же порахъ надо, непременно надо показать имъ мѣры строгости, иначе мы всѣ не безопасны!

Баронъ только улыбнулся и рыцарски поклонился ей въ отвѣтъ на эту тираду: дескать, сударыня, пока я здѣсь, можете поживать покойно.

Губернаторша поняла смыслъ этого поклона, и гость былъ награжденъ за него улыбкой самаго обворожительнаго свойства.

— Вообще я увѣренъ что все это пустяки, авторитетно продолжалъ баронъ. — Эти господа не умѣютъ говорить съ народомъ. Я поѣду туда... я покажу имъ... Помилуйте, какъ съ какими-нибудь мужиками не управиться?... Ха-ха-ха!

— Какъ, и вы тоже хотите ѣхать туда? не безъ страшливаго участія расширила на него свои глаза генеральша.

— Непременно... и даже сегодня... Мой долгъ быть тамъ! немножко рисуясь отвѣтилъ баронъ, внутренно весьма довольный собою по двумъ причинамъ: вопервыхъ, что успѣлъ отчасти заявить свою будущую неустрашимость, а вовторыхъ, тѣмъ что возбудилъ участіе и даже опасеніе за свою личность такой прелестной

особы. Въ эту минуту онъ почувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ героемъ.

— Такъ, стало-быть, вы, баронъ, полагаете что войска посылать не слѣдуетъ? совѣщательно обратился къ нему Непомукъ, заранѣе изображая выраженіемъ своего лица полнѣйшее и безпрекословное согласіе съ мнѣніемъ блистательнаго гостя.

Блистательный гость немножко призадумался.

„А ну какъ тамъ и въ самомъ дѣлѣ чортъ знаетъ какая кутерьма?“ мелькнуло у него въ умѣ въ этотъ мигъ.

— Мм... нѣтъ, ужъ надобно послать, отвѣтилъ онъ совершенно равнодушнымъ тономъ, — потому, видите ли, этотъ полковникъ, вѣроятно, успѣлъ уже тамъ и мужикамъ погрозиться войскомъ... такъ собственно, я полагаю, на всякій случай надо послать... для того единственно чтобы въ ихъ глазахъ авторитетъ власти не падалъ.

Непомукъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

„А такъ-то оно все какъ будто понадежнѣе,“ подумалъ про себя баронъ, и чрезъ нѣсколько времени откланялся губернаторшѣ, пожелавшей

ему всякихъ успѣховъ, и удалился сдѣлать нѣкоторыя распоряженія къ предстоящему отъѣзду, какъ нельзя болѣе довольный собою и даже полный мечтами о предстоящихъ гражданскихъ подвигахъ.

Въ этотъ вечеръ онъ рѣшительно казался самому себѣ героемъ.

Губернаторша втайнѣ была о немъ того же мнѣнія.

Самъ Непомукъ никакого мнѣнія не выразилъ, но Шписсъ вмѣстѣ съ прелестнымъ Анатолемъ помчались по всему городу и потомъ въ клубъ рассказывать интересныя новости о томъ какъ они обѣдали нынче у губернатора вмѣстѣ съ барономъ Иксъ - фонъ - Саксенъ, и что при этомъ говорилъ баронъ, и что *они* ему говорили, и какъ онъ отправился въ Пчелиху самолично укрощать крестьянское возстаніе, и что вообще баронъ, это — *un charmant homme*, и что они отъ него въ восторгѣ.

Весь городъ Славнобубенскъ необыкновенно интересовался новопріѣзжимъ блистательнымъ гостемъ. Про него уже кое гдѣ начинали даже ходить своеобразно-фантастическія легенды. Однакоже, увы! барону не удалось ни въ Пчелихѣ, ни въ сосѣднихъ съ нею Коршанахъ проявить

свое гражданское мужество. Прискакавъ на мѣсто, онъ, вопреки своимъ ожиданіямъ, не нашелъ ни площади залитой массами народа, ни яростныхъ воплей мятежа, ни кольевъ, ни дубинъ съ топорами: мужики самымъ обыденнымъ порядкомъ справлялись себѣ по своимъ дворамъ, около домашняго обихода, и ничто ни малѣйшимъ образомъ не подавало намека на то о чемъ столь краснорѣчиво извѣщало донесеніе. Барона это весьма озадачило. Онъ засталъ еще на мѣстѣ исправника и полковника Пшецыньскаго, который съ кислотою фізіономіей собирався по добру, по здорову уѣзжать восвояси. Дѣло было такимъ образомъ: между крестьянами Пчелихи и Коршанъ, дѣйствительно, ходили темные слухи о подложной волѣ, о грамотѣ „за золотою строчкой“. Бдительное начальство не упустило, конечно, тотчасъ же донести объ этомъ. Приѣхалъ Пшецыньскій и велѣлъ собирать на площадь всю деревню. Когда деревня была собрана, онъ энергически сталъ укрощать бунтовщиковъ, но бунтовщики, по обыкновенію, за бунтовщиковъ себя не признали, и потому полковникъ прибѣгнулъ къ укрощенію еще болѣе энергическому, съ помощію десятка казаковъ, которые, какъ извѣстно, имѣютъ обыкновеніе

носить при себѣ нагайки. Мужики при этомъ самовольно разбѣжались по избамъ, вслѣдствіе чего полковникъ и послалъ эстафету съ требованіемъ военной силы. Мужики, провѣдавъ объ этомъ и вспомня кстати Высокіе Снѣжки, что называется, воемъ взвыли и послали къ полковнику выборныхъ со слезнымъ прошеніемъ не губить ихъ животышекъ. Полковникъ потребовалъ выдачи „зачинщиковъ“. Мужики опять взвыли, потому что зачинщиковъ указать не могли, по той довольно простой причинѣ что таковыхъ и не было между ними.

— Кто же пустилъ слухи о золотой строчкѣ?

— А Христось его вѣдаетъ кто! Сказывали, будто въ кабакѣ какой-то прохожій, не то парень, не то дворовый человѣкъ по виду.

— А кто сказывалъ?

— Сказывалъ Гаврила Косой да Степанъ Бурлаковъ.

— Подать сюда Гаврилу Косого и Степана Бурлакова! Они-то, значить, и есть первые распространители смутительныхъ слуховъ!

Подали Гаврилу со Степаномъ.

— Вы распространяли?

— Виноваты, батюшка!

— Въ кандалы ихъ, да въ острогъ на слѣдствіе!

Забили въ кандалы и отправили подъ конвоемъ, а въ деревнѣ все тихо и спокойно. Полковникъ не довѣряетъ и ждетъ волненія, но о такомъ и въ поминѣ нѣтъ. Полковникъ все ждетъ, волненіе не приходитъ. Онъ начинаетъ сердиться, потомъ приходитъ въ нѣкоторое уныніе, фізіономія его окисляется недовольствомъ, и Болеславъ Казиміровичъ приказываетъ закладывать себѣ лошадей, какъ вдругъ въ эту минуту, нежданно-негаданно, пріѣзжаетъ блистательный баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ въ своемъ выразительномъ военномъ мундирѣ. Полковникъ пораженъ, полковникъ озадаченъ, но все это длится не болѣе минуты: вдохновеніе свыше осянило его голову, и съ сіяющимъ лицомъ, онъ почтительнѣйше докладываетъ его превосходительству, что сколь ни трудно было ему, Пшецыньскому, при усердномъ содѣйствіи мѣстной власти, водворить порядокъ, тишину и спокойствіе, но наконецъ мѣры кротости, совокупно съ увѣщаніемъ святой религіи, воздѣйствовали, и авторитетъ власти, стараніями ихъ, возстановленъ вполнѣ. Баронъ остается очень доволенъ усердіемъ и дѣйствіями мѣстныхъ вла-

стей и въ особенности столь почтительнаго къ его особѣ полковника, и уѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ исходатайствовать этому усердію достодолжную награду, въ сладостной надеждѣ на которую уѣзжаетъ вслѣдъ за нимъ и Пшечинскій.

VI. Наканунѣ тризны.

— Monsieur Хвалынцевъ! Monsieur Хвалынцевъ! закричалъ и замахалъ съ дрожекъ monsieur Корытниковъ, встрѣтясь со студентомъ подь вечеръ на Дворянской улицѣ.

Тотъ остановился.

Корытниковъ спрыгнулъ къ нему на тротуаръ.

— Не хотите ли участвовать? Подпишитесь-ка!

— Въ чемъ участвовать? На что подписаться прикажете?

— На обѣдъ. Мы отъ всего нашего общества, ну, и администрація тоже, устраиваемъ обѣдъ въ клубѣ, по подпискѣ — пятнадцать рублей съ персоны.

— Да ради чего жь это?

— Mais comment, „ради чего“! Обѣдъ въ честь барона фонъ-Саксена, понятное дѣло!

— Извините, *monsieur* Коротниковъ, немножко не понимаю, недоумѣло возразилъ Хвалынцевъ, — зачѣмъ же это именно въ честь барона?

— Ну-у! *Voilà la question!* Надо же выразить ему наше... э-э... наше сочувствіе... нашу признательность. Вѣдь цѣлый край въ опасности. Ваши собственные интересы, да и наконецъ вы сами, *comme un membre de la noblesse*, можете, пострадать, еслибы не баронъ. Вѣдь почему знать, все еще можетъ случиться.

— Да; но покажѣсть-то онъ еще ровно ничего не сдѣлалъ такого, за что мы могли бы изъявлять нашу признательность: человѣкъ только-что пріѣхать успѣлъ.

— Ну, вотъ какъ вы все понимаете! чуть-чуть подфыркнулъ предводитель: — „не сдѣлалъ“; ну, все равно, сдѣлаетъ! Это все равно. Такъ какъ же? Подпишетесь?

— Нѣтъ, ужъ увольте! суховато поклонился Хвалынцевъ.

— *Mais pourquoi pas?* удивлялся Коротниковъ.

— Да такъ. Я вѣдь не изъ крупныхъ собственниковъ и, коли вы ужъ такъ хотите знать причину, для меня и пятнадцать рублей — деньги.

Предводитель не могъ скрыть легкой пренебрежительной и какъ бы сожалѣющей усмѣшки.

— А жаль! процѣдилъ онъ сквозь зубы: — обѣдъ проектированъ прекрасный, чтобъ ужъ лицомъ въ грязь не ударить, и музыка, и спичи будутъ, и все такое...

— Ну, желаю вамъ пріятнаго аппетита, поклонился Хвалынцевъ, и повернувшись, пошелъ себѣ далѣе.

„Эге! такъ вотъ ты изъ какихъ гусей!“ съ нѣкоторою злобой оскорбленія подумалъ ему вслѣдъ Корытниковъ, въ маленькомъ замѣшательствѣ прыгая на свою щегольскую эгоистку.

„И это предводитель!... Этотъ пробковый манекенъ для шармеровскихъ костюмовъ!“ не безъ горечи подумалъ въ свою очередь Хвалынцевъ.

— Ба!... Пріятель!... Дружище!... Какими судьбами? растопыривъ объятія, загородилъ ему вдругъ дорогу маленькій плотный человѣчекъ, плотно выстриженный подъ гребенку.

— Господи помилуй!... Устиновъ!... Да ты ли это? радостно изумился Хвалынцевъ.

— Какъ видишь! Самолично, своею собственною персоной!... Вотъ встрѣча-то!... Ну, облобызаемся!

И пріятели обнялись, и мягкія, немного влажные губы Устинова влѣпили три звонкіе поцѣлуя въ розовыя щеки Хвалынцева.

— Ты никуда теперь особенно не торопишься? спросилъ Устиновъ.

— Ровнехонько никуда. Просто, вышелъ себѣ пошататься.

— Ну, такъ правое плечо впередъ, и маршъ ко мнѣ въ мое лóгово! Испіемъ сначала пива, по-старому, а потомъ потолкуемъ. Повѣствуй ты мнѣ какъ, что, почему и зачѣмъ, и давно ли ты здѣсь?

— Можно! согласился Хвалынцевъ: — да скажи, пожалуйста, какими ты-то судьбами?

— Э! ангелъ мой! Я уже тутъ около года, прямо съ университетской скамейки. Учителствую, славнобубенское юношество математикой просвѣщаю. Славные, чортъ возьми, ребята! Да, кстати! ударилъ онъ себя по лбу: — ты вѣдь, конечно, съ нами завтра?

— То-есть гдѣ это съ вами? Когда?

— Да развѣ не слышалъ? Завтра, въ четыре часа, послѣ вечерни, у Покрова панихида служится по убитымъ въ Снѣжкахъ. Будешь?

— Съ охотой, отвѣтилъ Хвалынцевъ: — а ты слышалъ? Завтра обѣдъ въ клубѣ.

Устиновъ кивнулъ головой.

— А вѣдь въ Питерѣ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ подумаютъ что здѣсь и нивѣсть какія красныя страсти были, особенно какъ распишутъ-то! чрезъ минуту промолвилъ онъ въ грустномъ раздумьи.

VII. П а н н и х и д а.

На другой день, въ четвертомъ часу пополудни, въ городѣ было значительное движеніе, особенно по Большой и Покровской улицамъ. И тамъ, и здѣсь катались экипажи, сновали извозицы пролетки, и безобразныя дроги, на которыхъ вмѣщалось по три и по четыре человека сѣдоковъ. Дамы, не имѣющія счастья принадлежать къ сливкамъ славнобубенскаго общества, но тѣмъ не менѣе старающія желаніемъ узрѣть интереснаго барона Иксъ-фонъ-Саксена, несмотря на весеннюю слякоть, прогуливались по большой улицѣ, вмѣстѣ съ своими кавалерами, роль которыхъ исполняли по преимуществу господа офицеры Новоземельскаго пехотнаго полка, вконецъ затершіе господа офицеровъ баталіона внутренней стражи.

День былъ солнечный, весенне-яркій. Воробы, на голыхъ прутьяхъ да по заборамъ, вер-

тѣлись и трещали самымъ зазорнымъ образомъ. Мутные ручьи бѣжали по улицамъ. Капель звонко падала съ крышъ на шапки да на носы прохожему люду. Извозничьи пролетки и „собственные“ экипажи, представителью гремя по камнямъ мостовой, обнажающимся изъ-подъ ледяной коры, останавливались предъ дверьми разныхъ магазиновъ, по преимуществу у перваго въ города парикмахера Француза да у единственнаго перчаточника, и потомъ иногда на минуту подкатывали къ клубному подъѣзду. Простыя же, несуразыя дроги направлялись болѣе все на Покровскую улицу. Туда же торопились и пѣшеходы, между которыми мелькали красные околыши гимназическихъ фуражекъ и шинели семинаристовъ.

Двери Покровской церкви были открыты. Кучка народу, изъ разряда „публики“, стояла на паперти. Частный приставъ уже раза четыре успѣлъ какъ-то озабоченно прокатиться мимо церкви на своихъ кругленькихъ, сытыхъ вяточкахъ. Вотъ взошли на паперть и затерялись въ „публикѣ“ три-четыре личности, какъ будто переодѣтыя не въ свои костюмы. Вотъ на щегольской пролеткѣ подкатилъ маленькій черненькій Шписъ, а чрезъ нѣсколько времени показался въ церкви и прелестный Анатолий де-Водо.

Кучка „публики“, ожидавшая на паперти, понемногу прибавлялась. Въ срединѣ стоялъ высокаго роста господинъ въ синихъ очкахъ и войлочной, нарочно смятой шляпѣ, изъ-подъ которой въ безпорядкѣ падали ему на плечи длинные, густые, курчавые и вдобавокъ нечесанные волосы. Клинообразная, темнорусая борода какъ нельзя болѣе гармонировала съ прической, и весь костюмъ его являлъ собою нѣсколько странное смѣшеніе: поверхъ красной кумачовой рубахи-косоворотки на немъ было надѣто драповое пальто, сшитое нѣкогда съ очевидною претензіей на моду; широкія триковья панталоны, покроемъ *à la zouave*, небрежно засунуты въ голенища смазныхъ сапоговъ; въ рукахъ его красовалась толстая суковатая дубинка, изъ породы тѣхъ что выдѣлываются въ городѣ Козьмодемьянскѣ.

Подлѣ него, какъ моська предъ слономъ, вертѣлся, юлилъ, хлопоталъ и суетился крошечный, подслѣповатый блондинчикъ съ жидкими, слабыми волосенками и мизерною щепотью какой-то скудной растительности на подбородкѣ. Эта маленькая, щедущая юла была то что называется золотышный пискунокъ, и принадлежала къ породѣ дохленькихъ. Пискунокъ состоялъ чѣмъ-то въ родѣ добровольнаго адъютанта или

ординарца при особѣ своего плечистаго сосѣда въ кумачовой рубахы, и въ разговорахъ относился къ нему съ пріятельскимъ почтеніемъ. Остальные члены этой кучки составляли народъ болѣе или менѣе знакомый и между собою, и съ двумя изображенными господами.

— Что жъ это плохо собираются, суетливо пищаль дохленькій блондинчикъ, то обращаясь къ окружающимъ, то на цыпочкахъ устремляя взглядъ вдаль по улицѣ: — ай-ай, господа, какъ же это такъ!... Наши еще не всѣ на лицо... Пожалуста же, господа, смотрите чтобы все такъ какъ условлено! Господа!... господа! послѣ панихиды чуръ не расходиться!... Пожалуста, каждый изъ васъ пустите въ публикѣ слухъ чтобы по окончаніи всѣ сюда, на паперть: Ардаліонъ Михайловичъ слово будетъ говорить.

При этомъ блондинчикъ самодовольно, однако не безъ почтительности, искоса бросилъ взглядъ на кумачовую рубашку.

— А какое слово-то! на ухо обратился онъ къ одному изъ кучки: — то-есть, я тебѣ скажу, огонь!... огонь!... Экая голова-то!...

— Анцыфровъ! окликнулъ Ардаліонъ Михайловичъ своего адъютантика, который тотчасъ же подбѣжалъ къ нему съ такимъ видомъ, что

необыкновенно живо напомнилъ собою кобелька виляющаго закорюченнымъ хвостикомъ: — ты что это, болванъ, болтаешь то тамъ! Не можешь на полчаса подержать за зубами...

— Я... я, Ардалиюша... вѣдь свои же, надобно чтобы знали... да я, впрочемъ, что же... я, въ сущности, ничего, оправдывался дохленькій.

— Ну, то-то!... Ты гляди у меня!... А вотъ что скверно, значительно понизилъ онъ тонъ: — сѣраго-то народу почти совсѣмъ нѣтъ, чуекъ-то этихъ мало.

— Мало, Ардалиюша, мало! пожавъ плечами, вздохнулъ Анцыфровъ: — а для виду-то для представительности, на мѣшало бы...

— Такъ ты чего же спалъ-то! Вѣдь говорилъ вчера чтобы по кабакамъ да по харчевнямъ...

— Да я, Ардалиюша... упрекнуть ты меня, кажись, не можешь! Я не то что по харчевнямъ, я и по базарамъ пошатался.

— Пошатался! передразнилъ его собесѣдникъ: слизнякъ ты, братецъ, вотъ что! добавилъ онъ ему съ весьма откровеннымъ и презрительнымъ пренебреженіемъ.

Анцыфровъ какъ-то неловко помялся да

искательно ухмыльнулся въ отвѣтъ на эту выходку, но не возразилъ ни слова.

Въ эту минуту мимо церкви проходили два какіе-то зипуна.

Ординарчикъ, словно пущенный волчокъ, мигомъ сбѣжалъ къ нимъ со ступеней и остановилъ ихъ обоихъ.

— Братцы! обратился онъ къ нимъ: — зайдите въ церковь!... Помолитесь вмѣстѣ!

Тѣ удивленно оглядѣли его съ головы до ногъ.

— Помолитесь!... За своихъ... за нашихъ, за родныхъ братьевъ! продолжалъ межъ тѣмъ дохленькій.

— За какихъ-те братьевъ? спросилъ его зипунъ.

— Слыхали про Высокіе Снѣжки? какъ въ Снѣжкахъ генералы въ мужиковъ стрѣляли? Такъ вотъ по убитымъ теперь паннихиду правимъ... Зайдите, братцы!

— Панафиду?... Нашто же это панафиду?

— Какъ на что! Вѣдь Христовы мученики, братцы! Помолитесь за упокой!... Вѣдь это братья ваши!

— Да мы не снѣжковскіе, мы съ Чурилова погоста, возразилъ другой зипунъ: — намъ-то что!

— Все равно, братцы!... Всѣ мы христіане,

всѣ въ Бога вѣруемъ... всѣ по Христу-то вѣдь братья! приставадь межъ тѣмъ блондинчикъ: — сегодня генералы въ снѣжковскихъ стрѣляли, завтра въ васъ стрѣлять будутъ: это все равно!

— Въ на-ась? не домѣло ухмыльнулся мужикъ и снова оглядѣлъ съ головы до ногъ Анцыфрова: — что ты, шалый, что ли!... Пойдемъ, Митряй; что толковать-то! кивнулъ онъ своему спутнику. — Пусти, баринъ! недосугъ намъ.

И мужики прошли мимо Ардалионовскаго ординарчика, который стоялъ словно несолоно похлебавши и наконецъ медленно сталъ подыматься на паперть.

— Вотъ, самъ видишь! какъ бы оправдываясь, тихо обратился онъ къ Ардалиону: — нейдутъ, а отчего — чортъ ихъ знаетъ!

— Оттого что ты дуракъ! съ неудовольствіемъ перекосивъ брови, буркнулъ тотъ ему подъ носъ.

— Ну вотъ, и всегда такъ... обиженно пробормоталъ всторону ординарчикъ, разведя руками.

Подошло еще нѣсколько публики и между прочимъ двѣ-три молодыя дамы, да три-четыре дѣвицы, изъ которыхъ половина была съ остриженными волосами, прическа начинавшая въ то

время сильно входитъ въ употребленіе въ кружкахъ извѣстнаго рода.

— Здравствуйте, Анцыфровъ!... Полояровъ, здравствуйте! обратилась одна изъ нихъ къ ординарцу и его патрону, протягивая обоимъ руку.

Полояровъ оглядѣлъ ее, но не поклонился и руки не подалъ.

— Полояровъ! я вамъ кланяюсь, я вамъ руки протягиваю: — не видите, что ли? или не узнали? широко улыбаясь, замѣтила ему дѣвица

— Нѣтъ, вижу-съ и узналъ-съ, возразилъ Ардаліонъ: — а руки не подаю, потому терпѣть не могу этихъ барскихъ замашекъ! На кой вы чортъ перчатки-то напялили? аристократизмомъ, что ли, поразить насъ вздумали? ась?

Дѣвушка немножко сконфузилась и торопливо сдернула свои свѣженькія перчатки.

— Ну, вотъ теперь статья иная! Давайте сюда вашу лапу! менторски одобрительнымъ тономъ похвалилъ Ардаліонъ и крѣпко потрясъ руку дѣвушки. — Да что жъ это богомокрицы эти нейдутъ паннихиду козлогласовать-то намъ! обратился онъ къ окружающимъ, видимо желая порисоваться и щегольнуть пикантностью своей послѣдней фразы, впрочемъ цѣликомъ почерпнутой изъ *Колокола*: — Анцыфровъ! слетай за

ними, пригласи, что пора, молъ! публика собралась и ждетъ спектакля.

Анцыфровъ полетѣлъ за священниками.

— Послушайте, Полояровъ, я сейчасъ заглянула въ церковь, обратилась къ Ардалиону та самая дѣвица которой онъ сдѣлалъ выговоръ по поводу перчатокъ: — вы говорили вчера что въ этомъ приметъ участіе народъ, тамъ почти никого нѣтъ изъ мужиковъ?

— Ну, такъ что же-съ? хмуро повелъ бровями Полояровъ.

— Да вѣдь это.. какъ хотите, совсѣмъ не то выходить.

— А по-вашему что же?... Вы-то собственно чего же хотѣли бы?

— Да я... я было думала... я увѣрена была что все это дѣло народное.

— Вы, Лубянская, все глупости думаете!... Когда я васъ отучу отъ этого!... Народъ! Да развѣ мы съ вами не народъ?

— Но я думала, что мужики...

— „Мужики! Мужики!“ Что такое „мужики“?... Мужики — это вздоръ! Никакихъ тутъ мужиковъ намъ и не надобно. Главная штука въ томъ, значительно понизилъ онъ голосъ, наклоняясь къ лицу дѣвушки: — чтобы демон-

страцію сдѣлать... демонстрацію правительству, поймите вы это, сахарная голова!

— Но... еслибы съ нами и мужики...

— Еслибы да ежели бы, такъ и люди-то не жили бы! перебилъ ее Полояровъ: — слыхали вы про это, аль нѣтъ? Однако пойдѣмте въ церковь, вонъ ужъ и козлы спѣшать, рубли себѣ чуютъ, прибавилъ онъ, кивнувъ на приближавшагося священника съ дьякономъ, вслѣдъ за которыми, перепрыгивая по-грязи съ камушка на камушекъ, поспѣшала и маленькая фигурка Анцыфрова.

И вотъ, минутъ черезъ пять послѣ этого, священникъ съ дьякономъ вышли изъ алтаря, въ черныхъ ризахъ и начали паннихиду. На двухъ клиросахъ помѣщались хоры, составившіеся тутъ же изъ публики. Между присутствующими виднѣлось нѣсколько чукъ, сермягъ и полушубковъ, но очень и очень немного, да и то въ число ихъ же приходилось включить и тѣхъ трехъ-четырехъ господъ которые явились сюда переодѣтыми въ чужіе костюмы.

— Эхъ, чортъ возьми! досадно! бурчалъ себѣ сквозь зубы Ардаліонъ, поглядывая на это скудное количество субъектовъ долженствовавшихъ изображать собой простой „народъ“: — ослы! илоты!... Ничѣмъ не прошибешь ихъ!

Разспя-матушка! Но... ничего! благо и эти-то есть! успокоительно подумалъ онъ, все-таки отпишемъ что церковь-де была полна народомъ, а тамъ — поди, повѣрай насъ! Штука-то все-таки сдѣлана, и штука хорошая!“

Мерцаніе восковыхъ свѣчъ, въ рукахъ присутствующихъ, какъ-то странно мѣшалось съ яркими лучами солнца, которые врывались за рѣшетки церковныхъ оконъ и радужно позлащали ароматныя струи ладана.

Хвалынцевъ съ Устиновымъ стояли, приклонясь къ стѣнѣ, а рядомъ съ ними стала почтенная старушка и молоденькая дѣвушка, при появленіи которыхъ учитель молча отвѣсилъ почтительный поклонъ. Обѣ были одѣты въ черное. Лицо этой дѣвушки невольно остановило на себѣ вниманіе Хвалынцева. Нельзя сказать чтобъ оно кидалось въ глаза своею красотой. Далеко нѣтъ: но въ немъ было нѣчто такое что всегда заставило бы человѣка мыслящаго, психолога, поэта, художника, изъ тысячи женскихъ лицъ остановить вниманіе именно на этомъ. Живая душа въ немъ сказывалась, честная мысль сквозила, хорошій человѣкъ чуялся, человѣкъ который не продастъ, не выдастъ, который если полюбить, такъ ужъ хорошо полюбить, всею во-

лей, всею мыслью, всѣмъ желаніемъ своимъ; человекъ, который смотритъ прямо въ глаза людямъ, не задумается отрѣзать имъ напрямикъ горькую правду и самъ способенъ столь же твердо выслушать отъ людей истину еще горьчайшую. Знакомы ли вамъ тонкія, нѣжныя черты бѣлокурыхъ женскихъ лицъ, въ которыхъ, несмотря на эту тонкость и женственную нѣжность, чувствуется здоровая мысль, характеръ твердый, настойчивый и сила воли энергическая? Таково именно было лицо этой молодой дѣвушки. На видъ ей казалось лѣтъ семнадцать, но она была старше: ей пошелъ ужъ двадцатый годъ. При небольшомъ ростѣ, маленькая, изящная фигурка ея отличалась гибкою стройностью. Лицо было блѣдно, съ легкимъ, чуть-чуть сквозящимъ румянцемъ; на вискахъ тонкія жилки голубѣли; но что придавало этому лицу особенную прелесть, это бархатногустыя, темныя, длинныя рѣсницы надъ выразительно-большими голубыми глазами. Когда она задумчиво опускала вѣки, рѣсницы ея, кидая тѣнь, придавали какую-то таинственную глубину взору.

Стояла эта дѣвушка, облитая веселымъ солнцемъ которое удивительно золотило ея свѣтлорусые волосы, стояла тихо, благоговѣйно, и

на лицѣ у нея чуть замѣтно мелькалъ оттѣнокъ мысли и чувства горькаго, грустнаго: она хорошо знала по комъ правится эта паннихида... Лицо ея спутницы-старушки тоже было честное и доброе.

Хвалынцевъ, во время службы, нѣсколько разъ останавливалъ глаза на обѣихъ, но лицо дѣвушки тянуло къ себѣ его взоры болѣе и чаще. Раза два ихъ взгляды скрестились и встрѣтились, и чувствовалъ онъ что выходитъ это невольно, какъ-то само собою.

Дѣвица Лубянская и съ нею двѣ ея стриженныя подруги стояли рядомъ съ Полояровымъ и о чемъ-то все хихикали да перешептывались между собой. Не мало утѣшалъ ихъ дохленькій Анцыфровъ, который все время старался корчить умильныя гримасы, такъ чтобъ это выходило посмѣшнѣе, и представлялся усердно молящимся человѣкомъ: онъ то ахалъ и вздыхалъ, то потрясалъ головой, то билъ себя кулаками въ грудь, то простирался ницъ и вообще желалъ щегольнуть предъ сосѣдными гимназистами и барышнями своимъ независимымъ отношеніемъ къ дѣлу религіи и церковной службѣ. Поэтому, продѣлывая всѣ свои штуки, онъ послѣ cadaго пассажира искалъ себѣ глазами по сторонамъ

одобрительныхъ, поощряющихъ взглядовъ, и въ таковыхъ недостатка не было.

Полояровъ тоже ощутилъ въ себѣ нѣкоторое присутствіе веселаго настроенія и все задувалъ свѣчку сосѣдки своей Лубянской, а та поминутно ее зажигала и наконецъ, въ отместку, стала задувать и его свѣчу. Вообще, въ этой группѣ то и дѣло раздавалось смѣшливое фырканье и довольно громкіе безцеремонные разговоры. Нѣсколько впереди ихъ стоялъ частный приставъ, катавшійся все время мимо, церкви на своихъ вяточкахъ и теперь нашедшій нужнымъ появиться въ храмѣ „на случай могущихъ произойти безпорядковъ“. У дверей торчали три-четыре полицейскіе солдата и помощникъ пристава, которые вошли сюда вмѣстѣ со своимъ принцепаломъ.

Частный уже неоднократно оборачивалъ взоры на хихикавшую группу съ выраженіемъ внушительной строгости, но его юпитеровскіе взгляды возбуждали еще болѣе веселость компаніи. А эта веселость поддерживалась не мало также и тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣсколько школьниковъ сбрызгивали капли талаго воска на спину недогадывавшагося объ этомъ блюстителя порядка.

— Эхъ, господа гимназисты стоятъ-то позади его, сказалъ Полояровъ тихо, но такъ что близъ стоявшіе мальчики очень хорошо могли его слышать: — что бы догадаться кому стать бы эдакъ на колѣнки, да словно бы невзначай и поджечь ему пальтишко, вотъ бы комедія вышла!

Такая богатая мысль не могла не придтись по вкусу гимназистамъ, и потому исполненіе ея ни мало не замедлилось. Одинъ шустрый мальчуганъ пробрался какъ разъ къ частному, сталъ совсѣмъ близко позади его, и точь-въ-точь по рецепту Полоярова, опустьясь съ земнымъ поклономъ на колѣни, приблизилъ свѣчу свою къ краю форменнаго пальто пристава. Толстый драпъ тотчасъ же задымился и распространилъ вокругъ себя запахъ смрадной гари.

Частный озабоченно и недоумѣло поднялъ голову и, внюхиваясь, поводитъ впереди себя носомъ. Гимназисты фыркали въ кулакъ, а компанія Полоярова корчила серіозныя мины и кусала губы чтобы въ конецъ не расхохотаться.

Вдругъ подожженный частный обернулся и поймалъ школьника на мѣстѣ. Тотчасъ же сцапалъ онъ его за руку и кивнулъ своему помощнику. Но такъ какъ помощникъ не замѣчалъ

начальничьяго кивка, то частный самолично повелъ мальчугана изъ церкви.

Перетрусившій гимназистъ поблѣднѣлъ и, упираячись, забормоталъ какія-то извиненія.

Двое изъ учителей, вмѣстѣ съ товарищами мальчугана да кое съ кѣмъ изъ публики, засуетились.

— Господа!... господа!... захлопоталъ и забѣгалъ маленькій Анцыфровъ: — полиція... полиція дѣлаетъ безпорядки... полиція первая нарушаетъ... Это, наконецъ, чортъ знаетъ что!... Этого нельзя позволить... это самоуправство... это возмутительно!...

Въ церкви поднялось замѣтное движеніе. Священникъ нѣсколько разъ обернулся на публику, но тѣмъ не менѣе продолжалъ службу. Начинался уже нѣкоторый скандалъ. Полояровъ стоялъ въ сторонѣ и съ миной которая краснорѣчиво выражала все его великое, душевное негодованіе на полицейское самоуправство, молча и не двигаясь съ мѣста наблюдалъ всю эту сцену, только рука его энергичнѣе сжимала суковатую палицу.

— Полояровъ!... Полояровъ! шептала Лубянская, дергая за рукавъ своего сосѣда: —

послушайте, вѣдь ему, пожалуй, плохо будетъ; надо заступиться.

— Заступятся, равнодушно, но съ увѣренностью отвѣтилъ Ардаліонъ Михайловичъ.

— Пойдемте вмѣстѣ... всѣ пойдемте... отнимемте его!

— Отнимутъ и безъ насъ.

— Но поглядите: его уже взяли полицейскіе... его уводятъ!

Дѣйствительно, двое городскихъ, поспѣшившіе наконецъ на призывъ частнаго, подхватили мальчугана за руки и всѣмъ своимъ наличнымъ полицейскимъ составомъ повели его вонъ изъ церкви, несмотря на осаждавшую ихъ публику. Значительная кучка этой публики пошла вмѣстѣ съ ними считаться на воздухъ съ частнымъ приставомъ и выручать пойманнаго школьника.

— Полояровъ, подите и вы! Надо чтобы вы заступились, приставала межъ тѣмъ Лубянская.

— Я-то? отозвался Ардаліонъ съ тою снисходительною усмѣшкой, какою взрослые улыбаются иногда маленькимъ дѣтямъ: — вы, Лубянская, говорю я вамъ, вѣчно однѣ только глупости болтаете! Ну чорта ли я заступлюсь за него, коли тамъ и безъ меня довольно. Мой

голосъ пригодится еще сегодня же для болѣе серьезнаго и полезнаго дѣла, сами знаете; такъ чорта ли мнѣ въ пустяки-то путаться.

— Но что же теперь будетъ съ нимъ, съ бѣдненькимъ?

Что?... А ничего больше что выпорютъ маленько, да и вся недолга.

— Но вѣдь это ужасно!

— Чего-съ ужасно? Порка-то? Ничего! Это ихнему брату даже полезно иногда бываетъ. Насъ вѣдь тоже посѣкали, бывало; это ничего!... Оно, знаете ли, эдакое спартанское воспитаніе, пожалуй, и не вредить: для будущаго годится, потому, мальчишка послѣ этого, гляди, озлобится больше, а это хорошо, злоба-то!

— Но, вѣдь, можетъ быть и хуже: его могутъ исключить изъ гимназіи.

— Ну, и исключать, такъ что же? Эко горе!... Коли есть башка на плечахъ, то и безъ гимназіи пробьетъ себѣ путь, а нѣтъ башки, туда и дорога!

Между тѣмъ двое учителей да кое-кто изъ публики частію угрозами, частію просьбами и убѣжденіями успѣли-таки отратовать мальчугана у полиціи и съ торжествомъ привели его обратно въ церковь.

Движеніе возбужденное всѣмъ этимъ происшествіемъ затихло, угомонилось, и присутствующіе довольно благообразно достояли до конца паннихиды. Многіе явились въ эту церковь съ чистымъ, сердечнымъ желаніемъ помянуть убіенныхъ, и между ними были Устиновъ съ Хвалынцевымъ да та молодая дѣвушка со старушкой которыя стояли рядомъ съ ними. Многіе пришли такъ-себѣ, ни для чего, лишь бы поболтаться гдѣ-нибудь отъ бездѣлья, подобно тому какъ идутъ они въ маскарадъ или останавливаются поглазѣть предъ любою уличною сценой; многіе прискакали для заявленія своего либерализма; но чуть ли не бóльшая часть пожаловали сюда съ цѣлями совсѣмъ посторонними, ради одной демонстраціи, которую Полояровъ съ Анцыфровымъ считали въ настоящихъ обстоятельствахъ дѣломъ первѣйшей необходимости.

Вниманіе молодой сосѣдки Хвалынцева было слишкомъ исключительно и серіозно приковано къ церковной службѣ, такъ что она мало обратила его на скандальчикъ происшедшій по поводу подожженного пальто частного пристава.

Между тѣмъ пропѣли вѣчную память. Священникъ удалился въ алтарь разоблачаться, а къ сосѣдкѣ Хвалынцева, самымъ галантнымъ

образомъ, вдругъ подлетѣлъ прелестный Анато́ль де-Водо и развязно раскланялся.

— Какъ!... И вы тоже здѣсь? подняла на него дѣвушка свои непритворно-изумленные взоры.

— А почему же бы нѣтъ? отчасти самодовольно порисовался Анато́ль.

— Да что́ вамъ здѣсь дѣлать, *monsieur* де-Водо?

— *Mais, mademoiselle... mes sympathies... mes convictions*, замялся чуточку правовѣдъ.

— *Monsieur a donc des convictions?* слегка улыбнулась дѣвушка.

— Я человѣкъ своего поколѣнія, пожалъ плечами Анато́ль, нѣсколько сконфузясь отъ столь откровеннаго вопроса.

— А *monsieur* Шписсъ?... вѣдь вы съ нимъ, что́ называется, *les inséparables!*... Его тоже привлекли сюда симпатіи и убѣжденія? продолжала она, все съ тою же легкою улыбкой, замѣчая что ея вопросы начинаютъ коробить прелестнаго правовѣда.

— Шписсъ самъ по себѣ, процѣдилъ тотъ сквозь зубы.

— По своей особой части, значить.

— То-есть, какъ это по особой?... Я знаю

Шписса за порядочнаго человѣка, вступился де-Водо за своего пріятеля.

— О, да!! совсѣмъ *comme il faut!* Я въ этомъ никогда не сомнѣвалась, подтвердила дѣвушка. — Ну, а на обѣдѣ вы будете сегодня?

— Человѣку сродно питать себя, заботиться о стомахѣ, такъ - сказать, попытался Анатоль вильнуть въ сторону.

— Нѣтъ, я спрашиваю про клубъ, на обѣдѣ въ клубѣ?

— Буду... нехотя отвѣтилъ онъ, свернувъ глаза куда-то въ пространство.

— И тоже *par conviction?* прищурясь, улыбнулась дѣвушка.

— Н-нѣтъ, далеко не такъ... но... по обязанности... *ma position...* Это, какъ хотите, обязываетъ... Не могу же я! неловко оправдывался въ конецъ сконфуженный Анатоль, явно ища случая какъ бы поскорѣе удрать отсюда и проклиная себя внутренно за то что дернула же его нелегкая подойти „къ этой півкѣ“ — *Mais... il est temps... Bonjour, mademoiselle! Je vous salue, madame!* торопливо откланялся онъ дѣвукѣ и старукѣ, и спѣшными шажками поскорѣй удралъ вонъ изъ церкви, кивнувъ за собой по пути и черненькому Шписсу.

— Однако, отдѣлали же вы его! обратился къ дѣвушкамъ Устиновъ.

— Ничего, тѣмъ вкуснѣе пообѣдаетъ, отвѣтила она, и протянувъ учителю свою маленькую изящную ручку, направилась къ выходу.

— Кто это? почтительнымъ полусшепотомъ спросилъ во слѣдъ ей Хвалынцевъ.

Татьяна Николаевна Горева, а старушка тетка ея, пояснилъ Устиновъ.

— Какое у нея славное лицо! какъ бы про себя замѣтилъ студентъ, не отрывая глазъ отъ стройной фигурки удалявшейся дѣвушки.

— Одно слово, хорошій человекъ она: вотъ что я скажу тебѣ! заключилъ Устиновъ, и пріятели тоже удалились.

На паперти, волнуясь до извѣстной степени, стояла довольно значительная кучка публики, посреди которой, опершись на суковатую палицу, возвышалась фигура Полоярова. Пальто его было распахнуто и широко раскрывало на груди красную рубашку, шляпа надвинута на глаза, и вся фizioномія, вся поза Ардаліона выражала грозную рѣшимость гражданскаго мужества.

Плюгавенькій Анцыфровъ шнырилъ туда и сюда, протискиваясь между локтями и боками

собравшейся публики и все убѣждалъ не расходиться.

Частнаго пристава уже не было. Онъ еще раньше поскакалъ къ полицеймейстеру.

Полояровъ выждалъ минуту когда и помощникъ отвернулся куда-то въ сторону, оставя церковную паперть въ вѣдѣніи только трехъ городскихъ.

— Зачѣмъ здѣсь полиція?... Долой полицію! возвысилъ голосъ Ардаліонъ, грозно стукнувъ палицей о каменный помостъ паперти: — долой сбировъ! къ чорту алгвазиловъ!

— Долой!... долой полицію! Къ чорту! Вонъ! довольно дружно подхватили въ кучкѣ, но городовые продолжали себѣ стоять какъ ни въ чемъ не бывало, словно бы и не понимая что эти возгласы въ нѣкоторомъ родѣ до нихъ касаются, и только время отъ времени флегматично замѣчали близъ стоявшимъ чтобы тѣ расходились, „потому, нэ можно! началство нэ велить!“

— Господа! снова возвысилъ голосъ Полояровъ: — господа! Я обращаюсь ко всѣмъ вамъ, ко всѣмъ честнымъ людямъ, у которыхъ наше рабство не вышибло еще совѣсти! Выслушайте меня, господа!... Нѣмецко-татарскій деспотизмъ

петербургскаго царизма дошелъ до maximum своего давленія. Дальше уже терпѣть нельзя... невозможно, или надо задохнуться!

— Молодецъ! Не труситъ!... Вотъ это такъ! По-нашему! Открыто, гласно! одобрительно отзывались ему въ толпѣ слушателей.

Полояровъ съ самодовольною гордостью обвелъ всѣхъ глазами и подбодрился еще болѣе.

— Я говорю, господа, о фактѣ... о тысячѣ вопіющихъ фактовъ, началъ было онъ снова, какъ вдругъ, въ эту самую минуту, лихо подкатила къ паперти полицеймейстерская пара въ пристяжку, и съ пролѣтки прыгнулъ экс-гусаръ Гнутъ вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ. Гремя по ступенькамъ своими саблями, спѣшно взбѣжали они на паперть и... краснорѣчіе Полоярова вдругъ куда-то испарилось. Самъ Полояровъ даже какъ будто сталъ немножко поменѣе ростомъ, и пальто его тоже какъ-то вдругъ само застегнулось, сокрывъ подъ собою красный кумачъ рубашки.

— Господа! покорнѣйше прошу расходиться! Этого нельзя-съ!... Это безпорядокъ! рѣзко, авторитетнымъ тономъ закричалъ полицеймейстеръ, направляясь прямо въ толпу.

Въ кучкѣ загалдили, задвигались, загомо-

нили... Кто-то закричалъ по-пѣтушиному, нѣсколько человѣкъ свистнули и зашикали, многіе разсмѣялись, но въ этомъ хохотѣ слышна была натяжка, нѣчто неискреннее и весьма принужденное.

Полицеймейстеръ еще рѣзче и строже повторилъ свой внушительный возгласъ. Значительная часть публики нерѣшительно и медленно стала расходиться.

— Господа!... Не подавайтесь!... Не подавайтесь! то тамъ, то здѣсь, позади другихъ, подшептывалъ да подталкивалъ Анцыфровъ, стараясь однакоже не быть замѣченнымъ.

Въ это время, совершенно случайно, проходилъ по улицѣ взводъ Новоземельскаго пѣхотнаго полка. Но стоявшей кучкѣ не была известна эта случайность. Кто-то крикнулъ: „войско идетъ!“ и это слово какъ-то жутко подѣйствовало на многихъ: вскинули глаза вдоль улицы и, дѣйствительно, увидѣли нѣсколько штыковъ. Анцыфровъ внимательно сталъ отыскивать глазами своего патрона и друга, но другъ его Полояровъ успѣлъ уже исчезнуть неизвестно куда.

Черезъ нѣсколько минутъ церковная паперть, безъ всякихъ особыхъ понужденій, уже очистилась, и полицеймейстеръ съ жандармскимъ офицеромъ укатили.

VIII. Генеральное кормленіе съ музыкой и пр.

Когда публика шла изъ церкви, къ подъѣзду клуба подкатывали первые экипажи. Съѣздъ только-что начинался. Костюмированный швейцаръ, въ чулкахъ и треуголкѣ, надѣтой по-генеральски, отдавалъ входящимъ честь булавой, лѣстница была покрыта параднымъ краснымъ сукномъ и уставлена цвѣтами. Прислуга оканчивала послѣднія приготовленія. Метръ д'отель Кирила, гладко выбритый и пузатый, сіялъ самодовольною гордостью и чувствомъ сознанія собственной важности и достоинства. Онъ индѣйскимъ пѣтухомъ прохаживался по всѣмъ комнатамъ, въ своемъ бѣломъ жилетѣ, „при цѣпочкѣ,“ въ бѣломъ галстукѣ и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ а два лакея слѣдовали за нимъ сзади и на раскаленную плитку поливали амбре, дабы распространить повсюду подобающее благоуханіе. Дежурный старшина и распорядители обѣда были всѣ уже налицо и важно совѣщались около стола съ закусками. Музыканты на одной сторонѣ хоровъ настраивали свои инструменты, а въ га-

зетной, совѣтникъ губернскаго правленія г. Богоявленскій громко читалъ по бумажкѣ свой будущій спичъ, который черезъ часъ онъ долженъ будетъ произнести наизусть, по внезапному, такъ сказать, вдохновенію и отъ полноты чистаго сердца. Теперь же, наединѣ, совѣтникъ дѣлалъ „послѣднюю репетичку“. Хоры, противоположные той сторонѣ гдѣ помѣстились музыканты, начали понемногу наполняться дамами, между которыми были исключительно сливки да сметана славнобубенскаго monde'a. Всѣ взоры, надежды и ожиданія славнобубенскихъ матронъ, сильфидъ и фей, и Діанъ, и весталокъ стремились къ нему, къ ожидаемому гостю, къ интересному и блистательному герою этого празднества. Но пока матроны и весталки созерцали только большіе столы составленные покоемъ, на которыхъ сверкалъ граненый хрусталь, зеленѣли вѣтки цвѣтущихъ камелій, и возвышались серебряныя вазы, пирамидки да корзинки съ конфетами и фруктами, въ ожиданіи коихъ иныя лакомыя матроны нарочно понадѣвали платья съ карманами болѣе глубокими.

Но вотъ зала все болѣе и болѣе наполняется гостями. Съ вышины хоръ движущіеся фраки кажутся чѣмъ-то въ родѣ ползающихъ мухъ.

Тамъ и сямъ сверкаетъ золото или серебро на густыхъ и негустыхъ эполетахъ, эффектно мелькаютъ декорации отъ смѣющагося станиславчика въ петличкѣ и медальки „да непостыдимся“ до какой-нибудь красавицызвѣзды, цѣломудренно прячущейся за бортъ чернаго фрака. То и дѣло идутъ поклоны, рукожатія, причемъ дамы на хорахъ очень удобно могутъ наблюдать сквозь свои лорнеты прически и спины мужей и знакомыхъ. Вотъ прическа съ украшеніемъ, вотъ гладкая безъ украшеній, вотъ благонамѣренная, а тамъ либерально-взъерошенная; вотъ показалась и элегантно-парикмахерская куафюра прелестнаго Анатоля; и курчавенькій Шписсъ мотаетъ головкой; а вотъ блестятъ и лоснятся гладко-вымытыя лысины и плѣшины: одна сверкаетъ какъ бильярдный шаръ, другая молодой рѣпѣ, а третья ноздреватому гречишному блину уподобляется. По залѣ идетъ сдержанное жужжанье разговоровъ, и по этому жужжанью видно что всѣ чего-то ожидаютъ и всѣ очень голодны.

Вотъ по гостямъ пробѣжалъ нѣкій гуль и движеніе: его превосходительство Непомукъ Анастасьевичъ прибыть изволилъ. Всѣ бросаются къ его превосходительству. Спины сгибаются, прически и лысины преклоняются, улыбки укра-

шають уста, и нѣкая свѣтящаяся влага теплится во взорахъ. Его превосходительство любезно протягиваетъ руку толстому откупщику, препрославленному по всей губерніи своимъ либерализмомъ и патріотизмомъ, затѣмъ тучному градскому головѣ и вице-губернатору, затѣмъ совѣтникамъ, предсѣдателямъ, разнымъ товарищамъ и господамъ дворянамъ, и однакоже не всѣмъ безъ исключенія. Остальной міръ онъ обводитъ глазами и кланяется общимъ поклономъ.

Новое движеніе между присутствующими: губернскій предводитель князь Кейкулатовъ появился въ залѣ. Непомукъ „наилюбезнѣйше и наиполитичнѣйше привѣтствуетъ князя; въ свою очередь князь точно тѣмъ же платитъ Непомуку, — и оба довольны другъ другомъ, и оба въ душѣ нѣсколько поругиваютъ другъ друга; тѣмъ не менѣе взаимное удовольствіе написано на ихъ лицахъ.

Утробы все болѣе и болѣе ощущаютъ своего рода желудочную *Sehnsucht* по вкуснымъ яствамъ и питіямъ, которыя подлежатъ имъ вскорѣ. Непомукъ взглядываетъ на часы. Кажись, всѣ уже въ сборѣ? Дѣло стало за однимъ только дорогимъ гостемъ. „Скоро ли же пріѣдетъ! Хоть

червячка заморить бы пока!“ начинают уже роптать почтенные гости, но... неловко, неприлично и даже непочтительно морить червяка до появления свѣтила. Однако нѣкоторые не выдержали и сбѣгали въ буфетъ, гдѣ по секрету добыли-таки себѣ по рюмочкѣ.

Но вотъ сугубо зашевелились и прибодрились гости: иные крякнули въ руку, иные бакенбарды пригладили, иные жилетку подергали къ низу. Желанная минута наступила. Свѣтило еще только подкатывало къ клубу какъ особый вѣстовой, роль котораго, ради пущаго параду, возложена была на квартальнаго надзирателя, оповѣстивъ объ этомъ событіи. Дежурный старшина махнулъ на хоры бѣлымъ платкомъ, отъ котораго распространился крѣпкій запахъ пачули, и оркестръ торжественно грянулъ величественный полонезъ.

Блистательный баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ вошелъ въ залу подъ акомпаниментъ этой музыки. Онъ опоздалъ ровно на сколько требовало этого приличіе и вмѣстѣ съ тѣмъ выдержка собственного достоинства. Толпа гостей, съ Непомукомъ и Кейкулатовымъ во главѣ, встрѣтила его почти что у самыхъ дверей. Спины, лысины и прически тотчасъ же изобразили самое

почтительное согбеніе, лики освѣтились сугубо-радостными улыбками, Шписсъ и де-Водо протискались впередъ и держались поближе къ кучкѣ самыхъ крупныхъ губернскихъ тузовъ, которымъ баронъ протягивалъ полную руку, и старались все время держаться на виду. Но, увы! баронъ все какъ-то не замѣчалъ ихъ. Физіономіи двухъ достойныхъ друзей начало уже кисло коробить и передергивать отъ опасенія: а ну какъ онъ вдругъ, при всѣхъ-то, намъ и не подастъ руки. Самая сладостная улыбка неоднократно уже паявлялась на ихъ лицахъ, спины и головы неоднократно уже пытались сотворить почтительное согбеніе, и сами обладатели этихъ головъ изъ силъ выбивались улучшить подходящую минутку чтобы подвернуться подъ баронскіе взоры. Но взглядъ барона совершенно равнодушно и мимолетно скользилъ по ихъ физіономіямъ, словно по незнакомымъ, — и физіономіи пріятелей снова начинало передергивать: самолюбіе ихъ уязвлялось, они вѣдь всему городу успѣли протрубить уши что баронъ съ ними знакомъ чуть не пріятельски. Но наконецъ подвернулись таки подъ глаза: баронъ замѣтилъ ихъ четвертый поклонъ и удостоилъ обоихъ

легкаго полупожатія. Лики инсепараблей просіяли, самолюбіе было спасено.

Не станемъ изображать читателю какъ гости истребляли закуски, какъ приналегли они на желудочныя, тминныя, листовки и померанцовки, какъ задвигались и загремѣли стулья, съ какими плотоядными улыбками разсѣлись всѣ на подобающее каждому мѣсто, какъ величественно священнодѣйствовалъ у особаго стола клубный метръ-д'-отель Кирила, направляя во всѣ концы столовъ ряды лакеевъ со многоразличными яствами, за коими въ порядкѣ слѣдовали многоразличныя питія; скажемъ только одно, что баронъ сидѣлъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, между Непомукомъ и княземъ Кейкулатовымъ, и что самъ Кирила никому не пожелалъ уступить честь прислуживать этимъ тремъ лицамъ, рѣдкій и высшій знакъ почтенія со стороны амбиціознаго Кирилы. Гости кушали и пили, пили и кушали, и снова кушали, и снова пили, все сіе свершалось въ достодолжномъ порядкѣ, благочинно и вполне добросовѣстно, какъ и подобаетъ благонамѣреннымъ гражданамъ, которые еще съ утра спеціально воспитывали желудки къ воспріятію подобнаго обѣда.

— Былъ уже пиръ во полуиірѣ и хмѣль

во полухмѣлѣ, какъ говорится въ старыхъ сказкахъ. Губернаторъ и предводитель успѣли уже провозгласить всѣ официальные тосты. И вотъ поднялся съ мѣста совѣтникъ губернскаго правленія, г. Богоявленскій, обвелъ все общество масляно-заискивающими взорами, какъ бы прося себѣ снисходительнаго вниманія, и наконецъ остановилъ эти взоры на блистательномъ гостѣ съ какою-то сладостно-восторженною почтительностью. Онъ помѣщался какъ разъ напротивъ барона. Все общество встало, замолкло и на-вострило уши.

— Милостивые государи! началъ совѣтникъ слегка дрогнувшимъ голосомъ: — въ настоящее время, когда...

— И такъ далѣе! подшепнулъ, на дальнемъ концѣ стола, одному изъ своихъ сосѣдей, привилегированный губернскій острякъ и философъ, тучно упитанный и праздно проживающій Подхалютинъ. Извѣстно вѣдь еще по традиціямъ былого времени, что каждый губернскій городъ необходимо долженъ имѣть своего собственнаго, мѣстнаго остряка и философа, который ужъ такъ полагается тутъ, словно по штату.

— Въ настоящее время, продолжалъ межъ тѣмъ ораторъ-совѣтникъ, — когда Россія въ

виду изумленной Европы, столь быстро стремится по пути прогресса, общественнаго развитія, и гражданственнаго преуспѣянiя, по пути равенства личныхъ правъ и какъ индивидуальной, такъ и соціальной свободы, когда каждый изъ насъ, милостивые государи, чувствуетъ себя живымъ атомомъ этого громаднаго тѣла, этой великой машины прогресса и цивилизаціи, — что необходимо... я хочу сказать: неизбѣжно должно соединять насъ здѣсь, за этою дружественною трапезой, въ одну братскую, любящуюся семью? Какое чувство, какая мысль должны руководить нами?

— Бр-р-р-рава! вдругъ одиноко рывкнулъ откуда-то подгулявшій недоросль изъ богатыхъ дворянъ.

Полицеймейстеръ Гнутъ, изобразивъ на лицѣ своемъ суровую строгость смѣшанную съ ужасомъ и тихонько отставивъ стулъ, на осторожныхъ цыпочкахъ предупредительно направился въ ту сторону откуда раздалась эта неумѣстная „брава“.

— Одно чувство, одна мысль, милостивые государи! витѣйствовалъ между тѣмъ ораторъ: — любовь и польза, польза и трудъ, трудъ и надежда на радостное созерцаніе будущихъ пло-

довъ его. Любовь къ ближнимъ и къ общественному благу, трудъ на пользу общую — это и есть совокупляющее насъ чувство и единящая насъ мысль.

— Такъ! такъ!... Браво!... Превосходно!...
Слушайте, слушайте! одобрительно пробѣжало изъ устъ въ уста по толпѣ состояльниковъ, и нѣсколько смущенная доселѣ фizioномія оратора облегчительно прояснилась.

— Мы знаемъ другъ друга, милостивый государи! снова полился потокъ обѣденнаго спича: — Да! Мы знаемъ себя; мы всѣ воодушевлены лучшими стремленіями нашего прогрессивнаго времени. Мы пробудились отъ сна и бодро шествуемъ нынѣ впередъ и впередъ!

— Браво!... бр-р-р-рава!... Тсс!... слушайте, слушайте!

— Будемъ же стремиться къ тому чтобы поддерживать другъ друга, каждый индивидуально и всѣ вообще, на пути служенія нашего пользѣ общественной и интересамъ гражданственнымъ! Будемъ стремиться ко всестороннему развитію, будемъ цѣнить и по достоинству награждать труды и усердіе cadaго, и да присоединятся къ ликованію нашему наши меньшіе

братія, нашъ добрый, русскій православный мужичокъ !

Глаза оратора, при сихъ послѣднихъ словахъ, умаслились нѣкою сентиментальною, сахаристою влагой, а въ томъ концѣ стола гдѣ присутствовалъ Подхалютинъ какъ будто послышалось одно многозначительно крякнувшее : „гм!“

— Но, милостивые государи ! выпрямился и отъ преизбытка чувствъ глубоко вздохнулъ ораторъ : — для того чтобы мы могли бодро и стройно, подобно музыкальному чуду нашего вѣка называемому „органомъ“, шествовать по пути развитія, цивилизаціи и прогресса, что прежде всего необходимо намъ, вопрошу я васъ ? Необходимъ намъ неуклонный и бдительный надзоръ просвѣщеннаго начальства, необходимъ намъ строгій и твердый порядокъ, дабы каждый изъ насъ могъ, такъ сказать, мирно сидѣть подъ своею смоковницей, въ вертоградѣ той дѣятельности къ коей призванъ, и въ лонѣ семейства своего вкушать скромные, но сладкіе плоды своей гражданской дѣятельности. Безъ порядка органонъ лишится своей стройности. Нарушители мирнаго теченія рѣки прогресса могутъ вредоносно воздѣйствовать на всѣ наши жизненные отправленія, лишить насъ дружества и брат-

ства, ввергнуть насъ во всѣ ужасы Франціи конца XVIII столѣтія, подвергнуть опасности не только лоно семействъ и домашнихъ очаговъ нашихъ, но и всю машину общественнаго строя, но и самую жизнь нашу, столь необходимую нынѣ для пользы всеобщаго преуспѣянiя, и чрезъ то — страшно вымолвить! — рушить внезапно величественное зданіе цивилизаціи!... Итакъ, милостивые государи! торжественно поднявъ бокаль и обтеревъ на лбу обильный и крупный потъ, заключилъ ораторъ: — скажемъ наше доброе русское спасибо тому доблестному мужу, который мощною рукою сумѣетъ водворить порядокъ, тишину и спокойствіе въ нашей взволнованной мѣстности, коей почти еще только вчера угрожала столь страшная опасность! Я торжественно поднимаю мой признательный бокаль и провозглашаю задушевный тостъ во здравіе его превосходительства, барона Адольфа Христіановича!

— Бр-р-раво!... ур-ра-а!... ура-а! Тушъ! тушъ! загремѣло по залѣ. Двиганіе стульевъ, крики учащенные, звяканіе ножей и вилокъ о края тарелокъ и чоканье бокаловъ смѣшались съ громогласнымъ трескомъ трубъ и литавровъ. Нѣкоторые чувствительные гости источали слезы

умиленія. Отъ усерднаго чоканья шампанское выплескивалось за края бокаловъ, и многіе фраки и жилеты были уже обильно облиты нектаромъ вдовы Клико. Упорный недоросль, не внимая увѣщаніямъ лихаго Гнута, билъ кулакомъ по столу и бѣлугой ревѣлъ свое энергическое „бр-р-рава! удружилъ!“ И къ этимъ двумъ восклицаніямъ пьяненько прибавлялъ еще: „балдар-рю, балдарю, совѣтникъ!... балдарю!“ Толпа состояльниковъ наперерывъ стремилась удостоиться чести и удовольствія чокнуться съ блистательнымъ барономъ, который горячо потрясалъ черезъ столъ руку краснорѣчиваго спикера, не упустившаго, при видѣ протянутой къ нему баронской длани, предварительно обтереть салфеткой свою собственную черезчуръ уже запотѣлую (отъ усердія) руку. Непомукъ отъ полноты душевныхъ чувствъ ничего не вымолвилъ, но чокнувшись и тоже пожавъ руку барона, только просопѣлъ очень выразительно. Князь Кейкулатовъ началъ было въ эдакомъ родѣ: „Позвольте, молъ, баронъ, и мнѣ, какъ представителю, отъ лица благороднаго дворянства,“ но запнулся, смѣшался, улыбнулся и завершилъ неожиданнымъ словомъ: „чокнемтесь!“ Откупщикъ-патріотъ Верхохлѣбовъ неистово „біялъ“ себя въ грудь

и восклицалъ. „Отчизна!... Сыны! братцы! благодѣтели!... Я вашъ и вы мои!... П-цѣлуемтесь!“ Градской глава начиналъ уже придумывать какое съ него теперь „пожертвованіе“ слупить и какую медаль за это пожалуютъ. „А что слупить, такъ ужъ это безотмѣнно!“ Много благодарностей, рукожатій, чоканьевъ и лобызаній досталось и на долю оратора. Однимъ изъ первыхъ подлетѣлъ къ нему умиленный Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій.

— Благодарю!... благодарю! напиралъ онъ на совѣтника, съ своимъ польскимъ акцентомъ: — особенно за то что не забыли замолвить словечко о награжденіи за труды службы и усердія. Это, знаете, и генералу должно понравиться. Прекрасная рѣчь! высокая рѣчь!... И чувство, и стиль, и мысль, и все эдакое... Вы, пожалуста, дайте мнѣ ее списать для себя: въ назиданіе будущимъ дѣтямъ, потомкамъ моимъ оставлю!... Благодарю! благодарю васъ!

И полковникъ съ чувствомъ обнялъ спикера и облобызалъ его дважды, причемъ мокрые отъ вина полковничьи усы оставили свой влажный слѣдъ на гладко выбритыхъ, лоснящихся щекахъ совѣтника.

За симъ поднялся нѣкоторый, впрочемъ еще

довольно скромный и приличный, кавардакъ. Бокалы то и дѣло наливались и дополнялись. Губернаторъ снова предложилъ тостъ за дорогаго гостя, а дорогой гость отвѣтилъ тостомъ за здоровье почтеннаго, многоуважаемаго, достойнаго и всѣми любимаго начальника губерніи; начальникъ губерніи — за здоровье князя Кейкулатова, князь Кейкулатовъ — за здоровье начальника губерніи и опять-таки дорогаго гостя; дорогой гость за князя Кейкулатова; Пшецыньскій за Корытникова, Корытниковъ за Пшецыньскаго; откупщикъ за голову, голова за откупщика; вице-губернаторъ за совѣтниковъ, совѣтники за вице-губернатора; Шписсъ выпилъ за Анатоля, Анатоля за Шписса, и потомъ каждый самъ за себя. На концѣ стола какая-то кучка пріятелей испивала за здоровье недоросля. Пили и многія другія здоровья: и за присутствующихъ, и за отсутствующихъ, и за прекрасный полъ славнобубенскій, и за того кто любитъ кого, и за гражданственное преуспѣяніе, и за развитіе кого-то и чего-то, и за прогрессъ нашего времени, и за цивилизацію, и наконецъ даже за здоровье клубнаго метръ-д'отеля Кирилы. Словомъ, тутъ было широкое и раздольное поле для всяческихъ изліяній и прочаго благодуше-

ства, — душа выходила нараспашку. Въ одномъ концѣ стола кто-то предложилъ ужъ было составить и послать телеграмму. Мысль одобрена, но въ исполненіи своемъ остановилась за тѣмъ лишь что рѣшительно никто не могъ придумать кому бы, въ самомъ дѣлѣ, и зачѣмъ, и о чемъ именно послать телеграмму? Другіе предлагали изобразить все это торжество достойнымъ образомъ во всѣхъ столичныхъ газетахъ, а начать съ губернскихъ вѣдомостей, — и эта мысль тоже понравилась. Взоры многихъ уже начали съ заискивающею надеждой ласково обращаться на краснорѣчиваго оратора. Третьи заявили, что хорошо бы было адресъ благодарственный, или хоть признательный представить барону и основать въ честь его какую-нибудь стипендію. Насчетъ стипендіи дѣло пошло зажимисто и разыгралось болѣе какъ-то въ молчанку, потому что идетъ оно скорѣе по части именитаго купечества да на счетъ откупщика и головы градскаго; а вотъ мысль объ адресѣ признана весьма недурною, и тѣмъ паче что адресъ дѣло вполне современное и для кармана отнюдь не убыточное. Анатолий де-Водо соблазнительно подбивалъ уже добрую компанію отправиться съ нимъ къ какой-то Альбертинкѣ, которая,

по его увѣреніямъ, была просто „смакъ-женщина“.

Наконецъ всѣ власти, важности и почтенности встали изъ-за стола, и дѣло пошло въ гостиныя, по части кофе, чаю, сигаръ и ликеровъ. Но многіе изъ публики остались еще за столомъ допивать шампанское, причемъ кучка около недоросля все увеличивалась. На хоры понесли корзинки и горки фруктовъ съ конфетами да мороженаго, угощать матронъ и весталокъ славнобубенскихъ. Туда же направился своею лѣнливою, перевалистою походкой и губернской острословъ Подхалютинъ. Онъ любилъ „поврать съ бабами“, и это было цѣлью его экспедиціи на хоры.

— Палагея Ивановна, обратился онъ съ ѳника къ одной отмѣнно скупой, преклонныхъ лѣтъ матронѣ, которая торопливо, но усердно старалась нахватать себѣ возможно болѣе дароваго угощенія: — а, Палагея Ивановна! если у васъ, сохрани Господи, карманы малы окажутся, такъ вы сдѣлайте одолженіе, безъ церемоніи, все что не влѣзетъ, мнѣ препоручите: у меня просторно; а я доставлю вамъ всецѣло!

Матрона побагровѣла отъ злости и прошипѣла что-то невнятное, а острословъ и философъ

остался весьма доволенъ тѣмъ что успѣлъ взбѣсить матрону.

— Скажите, пожалуйста, обратилась однако къ нему матрона, успѣвшая уже чрезъ минуту оправиться и одуматься, — какими это судьбами вы-то — вѣдь вы у насъ такой либераль, демократъ, прогрессистъ — и вдругъ на этомъ обѣдѣ!... Вѣдь вы за мужиковъ всегда, на словахъ-то?

— А что жъ? Я, сударыня, тризну, сирѣчь поминки справляю, поклонился Подхалютинъ: — вѣдь я, сами изволите знать, по философской части отчисленъ, — а это у насъ все равно что по запаснымъ войскамъ, — ну, такъ, значить, и взираю на это дѣло съ моей философской точки зрѣнія.

— Какая-жъ это точка? захихикали нѣкоторыя дамы, ожидая что острословъ, вѣроятно, отрѣжетъ имъ что-нибудь скабрёзно-пикантное, — а славнобубенскія дамы, надо замѣтить, воодше питаютъ нѣкоторую слабость къ скабрёзно-пикантному.

— Философская точка, милостивыя государины, началъ пояснять присяжный острякъ: — это самая простая и естественная, а потому самая вѣрная, настоящая точка. Вы думаете, что мы

и взаправду чувствуемъ этого благороднаго барона изъ остзейской стороны? Вы полагаете, что всѣ эти спичи и прочее суть заявленія нашей симпатіи и признательности? Если вы мыслите такъ, то плохо же вы, сударыни, знаете вашихъ мужей и братьевъ, скажу я вамъ! Всѣ эти спичи и симпатіи — дѣло совсѣмъ постороннее: такъ себѣ, съ боку припека. Ничего этого у насъ, въ сущности, нѣтъ и не было а вся штука въ томъ что мы всѣ, во первыхъ, добрые, очень добрые, и сердце у насъ какое-то мягкое, слезоточивое; а второе дѣло, что всѣ мы больно ужъ на брюхо горазды.

— Фи! какія мерзости! съ притворнымъ жеманствомъ запищали нѣкоторыя матроны и сильфиды; но острословъ, ни мало не смутясь, продолжалъ въ томъ же родѣ. Онъ хорошо зналъ свою аудиторію.

— Да! именно на брюхо больно горазды. Всѣ эти спичи по части прогресса, развитія тамъ, симпатій, заявленій и прочаго — все это то же самое что бешемель при телятинѣ, то-есть нѣчто къ самой сути дѣла, пожалуй, вовсе и не идущее. Это мы только, что называется чорту кочергу ставимъ, мимоходомъ отдаемъ дань Ваалу нашего времени, а главная-то суть у насъ всегда

была, и есть, и будетъ неизмѣнно все одна и та же: это — жратва! да, жратва, милостивыя государыни! Мы, благочестивые Россіяне, при всякомъ удобномъ случаѣ жремъ: на родинахъ — жремъ, на поминкахъ — жремъ, на крестинахъ чавкаемъ, на именинахъ лопаемъ, на свадьбахъ трескаемъ, и рады-радехоньки каждому случаю, коли онъ подаетъ намъ самый маленькій поводъ собраться вкупѣ и пожрать. Такъ точно и нынче: остзейскій баронъ и чувства признательности за будущіе его подвиги — это только случайный предлогъ къ жратвѣ, то-есть, та же бешемель. Мы и чувства наши, и самого-то барона, пожалуй, завтра же забудемъ, а вотъ стерлядей аршинныхъ, да олонецкихъ рябчиковъ долго вспоминать станемъ, до первой новой... ну, хоть экзекуціи, или еще какой-нибудь тамъ эмансипаціи, каторыя обѣ безразлично тоже будутъ удобнымъ предлогомъ. Потому-то вотъ я и присутствую на этомъ обѣдѣ, коли вы знать хотите: да и всѣ-то мы здѣсь только поэтому ей-Богу.

Изложивъ такимъ образомъ свое объясненіе, острословъ тѣмъ болѣе охотно перешелъ въ область скабресно-пикантнаго, а то дамы начали ужъ находить его черезчуръ скучнымъ, — и чрезъ минуту на хорахъ раздавалось уже веселое хихиканье.

IX. *Cegła wielkiego budowania.*

Къ девяти часамъ вечера большинство почтеннѣйшей публики уже разѣхалось изъ клуба, кто въ театръ, кто на боковую, кто къ разнымъ своимъ подругамъ съ лѣвой стороны. Остались только тѣ что давно уже выступили бойцами на зеленомъ полѣ.

Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій вышелъ вмѣстѣ съ лихимъ полицеймейстеромъ Гнутомъ.

— Махнемъ-ка, полковникъ, въ теартъ! предложилъ отчаянный экс-гусаръ: — нынче Шмитгофъ въ водевильчикѣ, то-есть, я вамъ скажу, прелесть что такое!... Ножки, ножки эти-канальство!

— Н-нѣтъ, знаете... голова что-то болитъ, поморщась, солиднымъ тономъ отклонился полковникъ; — лучше прокатиться немножко поѣду.

И они разстались.

Полковникъ вскочилъ въ свои крытыя дрожки и приказалъ кучеру ѣхать совсѣмъ не въ ту сторону куда, въ сущности, самъ намѣревался отправиться. Околесивъ двѣ-три улицы, онъ указалъ, наконецъ, возницѣ своему настоящій

путь и вскорѣ подѣхалъ къ высокому забору, за которымъ, въ глубинѣ двора, ютился въ палисадникѣ каменный одноэтажный домикъ, рядомъ съ небольшимъ католическимъ костеломъ, построеннымъ во вкусѣ quasi-греческихъ зданій которыми была столь богато начало нашего столѣтія. Дворникъ растоворилъ ворота, и полковничьи дрожки подкатили къ крылечку небольшого домика. Ставни были плотно закрыты, но Болеславъ Казиміровичъ смѣло, привычною рукою, дернулъ за ручку звонка. Отворить ему дверь вышла, со свѣчой въ рукѣ, молодая смазливая женщина, изъ породы тѣхъ которыхъ очень характерно называютъ „вкусными“ и „сдобными“.

— Панъ ксендзъ дома? спросилъ Пшецыньскій игриво и ласково кивнувъ ей головой.

— Дома, дома! ужъ давно ждетъ пана полковника, радушно отвѣтила сдобная женщина, съ удовольствіемъ встрѣтивъ гостя привѣтливою улыбкой.

Полковникъ сбросилъ шинель и вступилъ въ покои священника.

Пріемная комната ксендза-пробоща болѣе чѣмъ скромно была меблирована простою дубовою мебелью, безъ мягкихъ сидѣньевъ, безъ малѣйшаго намека на какой бы то ни было ком-

фортъ. Единственнымъ украшеніемъ ея было простое, даже бѣдное распятіе надъ окошкомъ.

Навстрѣчу Пшецыньскому вышелъ неслышною, дробною походкою, потупивъ въ землю глаза, плотно-кругленькій мужчина, лѣтъ сорока, въ длинной, черной сутанѣ. Широкое лицо его свѣтилось безмятежно-довольною улыбкой. Видно было что человѣкъ этотъ живетъ покойно, ѣстъ вкусно, пьетъ умеренно, но хорошо, спитъ сладко и всѣ житейскія отправленія свои совершаетъ въ надлежащемъ порядкѣ. „Всегда доволенъ самъ собой, своимъ обѣдомъ и... женой,“ сказали бы мы, еслибы католическіе ксендзы не были обречены на безбрачіе.

— Пану Болеславу! поклонился онъ кротко, но вполне пріятельски, и гость вмѣстѣ съ хозяиномъ, взявъ другъ друга обѣими руками подъ локти, облобызались дважды. — Ну, пойдемъ до кабинету: тамъ теплѣй и покойнѣе... потолкуемъ... Я давно ужъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пана, радушно говорилъ ксендзъ, предупредительно пропуская Пшецыньскаго въ смежную комнату. — Сядай, мой коханный, сядай на ту фотелю... ближе къ камину!... Чѣмъ же мнѣ потчивать пана?

— Ну, ужъ ничего не могу! Прямо съ обѣда! отказался Пшецыньскій.

— Э, нѣтъ! у насъ такъ не водится! разставилъ ксендзъ свои руки: — не пій съ блазнемъ, не пій съ Французомъ, не пій съ родзонымъ ойцемъ, съ коханкой не пій, а съ ксѣндземъ выпій — таковъ мой законъ? Я дамъ пану добрую цыгару, а Зося подастъ намъ клубничнаго варенья и бутылочку доброй венгржины, у меня вѣдь, самъ знаешь коханку, завѣтныя! Отъ Фукера изъ Варшавы выписываю, отказаться не можно.

Взглядъ у пана ксендза былъ мягонькій, тихенькій, но немного какъ будто кошачій и въ душу заползающій, и голосъ тоже былъ тихій, мягкій, немножко тягучій и отчасти сладкій. Говорилъ онъ, словно гладилъ васъ по шерсткѣ бархатною кошачьею лапкой, такъ что даже пріятное щекотанье на душѣ отъ его словъ ощущалось. И вотъ, пошелъ онъ распорядиться насчетъ дружескаго угощенья, а полковникъ снялъ и поставилъ въ уголъ свою саблю, съ подергиваньемъ поправился насчетъ шароваръ, въ силу старой кавалерійской привычки, растегнулъ сюртукъ и въ самой покойной позѣ погрузился въ глубокое, мягкое кресло предъ пылающимъ каминомъ.

— Этот уютный кабинетъ, или такъ-называемый у ксендзовъ „лабораторіумъ“ былъ любимой комнатою ксендза-пробоща Игнатія Кунцевича. Мягкій коверъ застилалъ крашеный полъ, а зеленныя репсовыя гардины, наводя на все колорить мягкаго полусвѣта, прикрывали большія окна, на которыхъ помѣщались розы, олеандры, левкой и магноліи. Широкій письменный столъ, освѣщаемый висячею лампой подъ молочнымъ колпакомъ, былъ покрытъ бумагами, книгами и множествомъ такихъ бездѣлушекъ, которыя можно встрѣтить развѣ на столѣ очень красивой женщины или записнаго великосвѣтскаго денди; но въ этихъ бездѣлушкахъ ничто не оскорбляло вкуса и благопристойности, ничего не нарушало строгаго порядка и своеобразной симметріи. Предъ широкою оттоманкой разстилась на полу роскошно выдѣланная медвѣжья шкура. По одной стѣнѣ были протянуты полки съ рядами книгъ, между которыми виднѣлись сочиненія Севуа, извѣстныя высшею строгостію религіозныхъ требованій, нѣсколько почтенныхъ фоліантовъ и толстыхъ томиковъ, переплетенныхъ въ желтовато-бѣлую телячью шкуру, отъ которыхъ вѣяло почтенною древностью. По другой стѣнѣ висѣло большое распятіе изъ чернаго де-

рева, съ фігурой Христа, очень изящно выто-
 ченною изъ слоновой кости, и нѣсколько гра-
 вюръ: тамъ были портреты Св. Казимира, по-
 кровителя Литвы, знаменитой доудцы графини
 Эмилиі Плятеръ, графа Понятовскаго, въ улан-
 ской шапкѣ, геройски тонущаго въ Эльстерѣ,
 Яна Собѣскаго, освободителя Вѣны, молодцо-
 вато опершагося на свою „карабелю“, недавно
 канонизованнаго Іосафата Кунцевича, софамиль-
 ника пана Игнатія, который почиталъ себя даже
 происходящимъ изъ одного съ нимъ рода, и на-
 конецъ прекрасный портретъ Адама Мицкевича.
 На каминѣ, между фарфоровыми, вазочками, сто-
 яли двѣ гипсовыя фігурки, изъ коихъ одна
 изображала Джузеппе Гарибальди, а другая Та-
 деуша Костюшку въ чамаркѣ и конфедераткѣ.
 Во глубинѣ комнаты возвышался молитвенный
 аналой съ высокимъ мягкимъ подколѣнникомъ,
 для того чтобы не обременительно было стоять
 на колѣняхъ во время молитвы.. На аналоѣ
 помѣщались: бревіарій, двѣ вазочки съ букетами
 искусственныхъ цвѣтовъ, изящное мраморное
 изображеніе Мадонны и надъ нею металлическое
 маленькое распятіе. Нѣсколько другихъ кар-
 тинокъ изображали все аллегорическія да истори-
 ческія сценки изъ исторіи Литвы и Польши, въ

родѣ любовныхъ объятій Нѣмана съ Виліей, страданія какихъ-то католическихъ святыхъ. Но замѣчательнѣе всего, по художественной части, въ этой комнатѣ являлись два портрета, вдѣланные, подъ стекломъ, въ золоченныя рамки и висѣвшіе прямо предъ рабочимъ столомъ хозяина. На одномъ портретѣ очень рельефно вырисовывались энергическія черты покойнаго императора Николая; на другомъ — нынѣ царствующаго Государя Императора.

Вкусная Зося, все съ тою же игриво-привѣтливою улыбкой, принесла на подносѣ хрустальную вазочку съ вареньемъ и темную бутылку, на поверхности которой являлись почтенные слѣды стародавняго пребыванія въ Фукеровыхъ подвалахъ.

— Добрымъ людямъ добрую венгржину не подобаетъ пить изъ простыхъ стакановъ, докторально замѣтилъ панъ ксендзъ, — а потому мы достанемъ двѣ фамильныя дѣдушки: еще Ржечь Посполиту помнятъ!

И онъ не безъ самодовольной гордости добылъ изъ маленькаго шкапчика двѣ серебряныя стопки изящной старопольской работы.

— То еще моему дѣду, пану Богушу Кунцевичу, самъ ясновельможный панъ ксѣнже Адамъ-

Казимержъ Чарторыйскій, на охотѣ въ Пувалахъ, презентовалъ на память, ибо дядя мой, тогда еще молодой человѣкъ, наповалъ убилъ медвѣдя, съ особеннымъ уваженіемъ пояснилъ панъ ксендзъ, поднося къ пану Болеславу свои стопки, чтобы тотъ любовался на ихъ отмѣнную чеканку.

Панъ ксендзъ, съ пріемами истаго знатока и любителя, серіозно освидѣтельствовалъ поданную бутылку; неторопливо и аккуратно откупорилъ ее; обтеръ и прочистилъ салфоткой горлышко; съ улыбкой истиннаго наслажденія, тихо прижмурилъ глаза, глубоко потянулъ въ себя носомъ ея ароматный букетъ; затѣмъ сталъ тихо лить вино, любуясь на его чистую, золотистую струю и словно прислушиваясь къ музыкальному шелесту и бульканью льющейся влаги, отхлебнулъ отъ края и подалъ стопку своему гостю. Потомъ, съ точно такимъ же наслажденіемъ, онъ наполнилъ другую для самого себя, и придвинувъ возможно ближе свое кресло, уѣлся какъ-разъ противъ Пшецыньскаго, затѣмъ, тихо дотронувшись обѣими ладонями до его колѣней и пытливо засматривая въ его глаза, спросилъ какимъ-то нѣжно-ласковымъ, какъ бы разслабленнымъ и въ то же время таинственно-серіознымъ тономъ :

— Ну, и цо жь, муй коханы?

— Ну, и ниць! пожаль плечами полковникъ.

— Якъ то ниць?!... вѣдь стрѣляли?

— Въ Снѣжкахъ стрѣляли, а въ Пчелихѣ нѣтъ, и въ Коршанахъ нѣтъ. Да это что! Этихъ глупыхъ барановъ даже и пулей не озлобишь! Крѣпки они очень, ксѣнже канонику!...

И Пшецыньскій подробно и обстоятельно, часть за часомъ, шагъ за шагомъ, передалъ своему собесѣднику всю исторію Пчелихинскихъ и Снѣжковскихъ возстаній, укрощеній и расправъ. Ксендзъ слушалъ серіозно и очень внимательно, время отъ времени отхлебывая маленькими глотками изъ своей стопки. По временамъ выраженіе лица его принимало многозначительно довольный видъ, и онъ одобрительно поддакивалъ Пшецыньскому кивками. Когда же полковникъ окончилъ свой отчетъ, ксендзъ вздохнулъ какъ-то особенно легко, выразительно-крѣпко пожалъ руку гостя и съ многодовольною улыбкой сказалъ ему:

— Терпѣніе, терпѣніе, брадишку!... Ты, добродѣю, дѣйствовалъ хорошо! Ойчизна неподлѣгая, вольная, не забудетъ твоей послуги!... Каждое такое дѣйствіе какъ бунтъ въ Снѣж-

кахъ, это новый кирпичъ въ фундаментъ великаго будованія!

И ксендзъ, воодушевленный завѣтною мыслию, всталъ съ мѣста и зашагалъ по комнатѣ, отчасти взволнованною, но вѣчно неслышимую, беззвучною походкой.

— Терпѣніе, говорю я! продолжалъ онъ, потирая руки: — терпѣніе, терпѣніе!... Это ничего что быдло это кричало: „мы царскіе и кровь наша царская!“ — важно то что въ нихъ стрѣляли, что они видѣли убитыхъ, братьевъ, что они крови понюхали, вотъ что важно! Такіе моменты не должны проходить даромъ, человѣческая память не должна ихъ забывать! Они встрѣтили всѣхъ этихъ посланцевъ съ вѣрой и надеждой, съ хлѣбомъ и солью, тѣмъ лучше что посланцы вздумали стрѣлять! И ты, мой добродѣю, придержался тутъ доброй политики: дѣло сдѣлалъ, совѣтъ подалъ, а самъ въ сторонѣ. Этихъ псовъ вѣдь только науськать надо, а ужъ грызть они пойдутъ сами! Кто такой въ ихъ глазахъ этотъ посланецъ? Правительство! Сегодня они кричатъ! „мы царскіе!“ — завтра перестанутъ! Нужды нѣтъ что это быдло не будетъ съ нами: намъ его и не нужно; оно будетъ само по себѣ и само за себя; лишь бы

поднялось одновременно съ нами — и тогда дѣло наше выиграно! Мы разомъ дадимъ шахъ и матъ! Они для насъ дрова, которыя мы жжемъ. Но... будемъ казаться пока братьями... Это нужно! Вотъ я покажу пану одну штуку! продолжалъ ксендзъ, отперевъ свое бюро, въ которомъ подавилъ незамѣтную пружину, раскрывшую потайной ящикъ: — вотъ я не далѣе какъ на дняхъ еще, въ полнѣйшее подтвержденіе нашихъ собственныхъ мыслей и плановъ, получилъ отъ бискупа съ забранэго края маленькую цидулу... (я вѣдь писалъ туда.) Тутъ и маппа* приложена. Эту маппу составилъ одинъ изъ наивысшихъ філяровъ *велькего будованя*. . Вотъ что пишетъ бискупъ:

„Недоразумѣнія между хлопами, вслѣдствіе царства тьмы и дьявола, должны усложняться, и уже сильно усложнились по всему забраному краю. Паны, какъ добрые обыватели, остаются въ сторонѣ, а дѣло идетъ чрезъ поссессоровъ, экономовъ арендаторовъ и въ особенности чрезъ пакцяжей.** При первыхъ недоразумѣніяхъ и намъ, и имъ (разумѣю добрыхъ пановъ) надлежитъ умывать руки и (политично для хлопскихъ глазъ) стараться ввести въ дѣло войско и власть наѣзда. Эмиссары дѣ-

* Планъ, ландкарта.

** Раксіарз — Еврей, арендующій панскихъ коровъ.

даютъ свое дѣло и по корчмамъ пускаютъ слухи и распространяютъ вирши на хлопскомъ языкѣ о томъ что московскій царь, чрезъ своихъ катовъ и гицелей-жолнержей, душитъ и пановъ, и хлоповъ вмѣстѣ; что паны рады бы дать хлопамъ и волю, и землю, да Москва мѣшаетъ: москали не хотятъ воли. Озлобленіе на ржондъ московскій, по свѣдѣніямъ нашимъ, сильно растетъ между хлопами: Богъ и свентый Казимержъ помогаютъ свентей справѣ. Панъ грабя систематично намѣтилъ на маппѣ, отъ пункта до пункта, гдѣ, какъ и когда должны происходить воинскія экзекуціи. Онъ строго и обдуманно разчелъ что если въ пунктѣ *A* произошло столкновеніе между хлопами и быдломъ наяздовымъ, то до какихъ географическихъ предѣловъ можетъ и долженъ распространиться въ народѣ слухъ и молва объ этомъ столкновеніи. Тогда послѣдовательно избирается новый пунктъ *B*, и такъ далѣе. Такіе округи помѣчены на маппѣ особыми кружками, а направленіе молвы и слуховъ приблизительно опредѣлено въ видѣ радіусовъ, расходящихся отъ извѣстнаго центра особыми красными лучами и линіями. Эту маппу я преимущественно рекомендую вамъ для зависящихъ соображеній, а если можно, то и для распоряженій. Для успѣха нашего дѣла было бы весьма желательно чтобы подобныя явленія повторялись чаще и систематичнѣе во всей коренной Россіи, а особенно на Волгѣ, гдѣ край, по нашимъ свѣдѣніямъ, особенно склоненъ къ волненіямъ.

Первою задачей, при совершившемся разрѣшеніи крестьянскаго, или хлопскаго вопроса, которое разрѣшеніе въ принципѣ является для насъ все-таки фактомъ весьма печальнымъ, должно быть съ нашей стороны стараніе поселить въ народѣ недо-вѣріе къ правительству и затѣмъ возбудить нена-висть и вражду къ нему. Остальное сдѣлаютъ Богъ, время и неусыпные труды добрыхъ патріо-товъ нашихъ, по преимуществу же труды и уси-лія костела. Надобно и изъ самаго зла извлекать для себя возможную пользу: потщимся и силу дьявольскую эксплуатировать въ пользу святой sprawy! Минута благопріятствуетъ, и посему не теряйте времени, да не застанетъ васъ всѣхъ во тьмѣ слѣпыми и спящими великій Судія и Рѣши-тель судебъ, яко тать въ ночи приходящій, но да предстанете предъ Него бодрствующими, съ горя-щими свѣтильниками вѣры въ рукахъ и опоясан-ные поясомъ любви къ отчизнѣ. Борьба наша есть борьба царствія свѣта съ царствомъ тьмы дьявола. Ergo, побѣда за нами! Шлю вамъ мое пастырское благословеніе и, любя васъ во Христѣ, пребываю смиреннѣйшій рабъ рабовъ Божіихъ къ вамъ всегда благосклонный. Benedicat vos Pater, Filius et Spiritus Sanctus. Amen.“

Подписи не было.

По прочтеніи письма, и гость, и хозяинъ сосредоточенно погрузились въ нѣкоторую за-думчивость.

Вдругъ за печкой сверчокъ цвирикнулъ.

Пшецыньскій въ тотъ же мигъ насторожилъ уши, и сдѣлавъ ксендзу рукою жестъ который въ точности выражалъ предупредительное междоуміе „тсс!“ прислушиваясь осторожно и чутокъ, закусилъ себѣ нижнюю губу, внимательно осмотрѣлся вокругъ и особенно покосился на окна и двери. Но сверчокъ цвирикнулъ вторично, и полковникъ успокоился.

— Черезъ кого получено? поднялъ наконецъ онъ голову, съ облегчительнымъ вздохомъ, когда Кунцевичъ подлилъ изъ бутылки въ обѣ стопы.

— Конечно частнымъ путемъ. Новый эмиссаръ пріѣхалъ предъ вашимъ отъѣздомъ въ Снѣжки, тайнственно сообщилъ хозяинъ, — онъ и привезъ мнѣ это.

— Кто такой? столь же тайнственно полюбопытствовалъ Пшецыньскій.

— Нѣкто Францишекъ пожондковскій, молодой, но надежный человѣкъ, изъ Казанскаго университета... Былъ на Литвѣ, оттуда прямо и пріѣхалъ... Посланъ къ намъ, въ нашу сторону.

— По-русски хорошо говорить?

— Якъ самъ москаль! Человѣкъ годящій.

— Ну, то добрже! А еще не началъ?

— Южъ! махнувъ рукою, тихо засмѣялся ксендзъ-пробошъ: — и теперь вотъ, я думаю, гдѣ-нибудь по кабакамъ шатается! На другой же день, какъ пріѣхалъ, такъ и отправился въ веси. Лондонскихъ прокламацій понавезъ съ собою; ловкій человѣкъ, ловкій!

— А вѣдь я къ пану за совѣтомъ! послѣ небольшого молчанія началъ Пшецыньскій закуливъ новую сигару: — ксендзъ каноникъ знаетъ, что сегодня у Покрова служилась паннихида по убитымъ въ Снѣжкахъ?

Кунцевичъ въ отвѣтъ кивнулъ головой какъ о дѣлѣ досконально ему извѣстномъ.

— Я послылалъ туда адъютанта, да и кромѣ того мнѣ донесли о всѣхъ почти кто тамъ находился, продолжалъ Пшецыньскій, — только не знаю какъ лучше сдѣлать теперь: донести ли сейчасъ, или какъ-нибудь полегче стушевать это происшествіе.

Ксендзъ отхлебнулъ изъ стопки, и многозначительно уставивъ глаза въ землю, съ раздумчивымъ видомъ пошевелилъ и поцмокалъ губами.

— Мм... Донести! Я такъ полагаю что непременно надо донести, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, порѣшилъ онъ. — Не забывай, мой ко-

ханы прііяцелю, назидательно примолвилъ онъ, — что мы люди легальные, а потому намъ всегда слѣдуетъ прятаться подъ легальность.

— Но вѣдь потомъ, вѣроятно, арестовать придется? возразилъ Болеславъ Казиміровичъ.

— Ну, и что жь! Ну, и арестовать!... Надо только донести съ разборомъ и арестовать съ разборомъ. Людей одинокихъ, безродныхъ, изъ тѣхъ что покраснѣй да позадористѣй, мы не тронемъ, развивалъ ксендзъ свою теорію: — тѣ намъ и самимъ еще впредь пригодятся. А тѣхъ у которыхъ есть родня, знакомства, семейства, и, главное, которые менѣе энергичны въ дѣлѣ, тѣхъ позабираемъ и отправимъ до казематовъ. Такимъ способомъ мы двухъ зайцевъ разомъ убьемъ! Хе, хе, хе! тихо посмѣивался избоченившійся ксендзъ-пробошъ, ласково хлопнувъ полковника по колѣну и плутовато подмигивая ему глазомъ: — такъ-таки двухъ зайцевъ разомъ! продолжалъ онъ: все что пригодно, то останется, а о тѣхъ которые будутъ забраны, и въ семьяхъ, и въ обществѣ пойдутъ толки, сожалѣнія, сѣтованія да ропоть... Недовольство станетъ разростаться, все-таки лишняя капля горечи въ чашу, а Панургово стадо не ослабѣетъ, ести нѣсколько барановъ будутъ зарѣзаны!...

Надо только чтобы бараны были такъ себѣ, не важные, изъ не особенно тонкорунныхъ. Это намъ, душечка, все на добро да на пользу! Не надо нигдѣ упускать своихъ нитей!

Полковникъ благодарно обнялъ и звучнымъ поцѣлуемъ отъ души облобызалъ своего глубоко-тонкаго и политично-умнаго совѣтника. Не даромъ оба они называли себя *цеглей велького будованя*.*

Пріятели роспили завѣтную бутылку; ксендзъ вдосталь полакомился вареньемъ, и Пшецыньскій сталъ прощаться. Опять они взялись подъ локти и взаимно облобызались дважды.

— Ахъ, да!... Чуть было не забылъ! остановилъ Кунцевичъ своего гостя, провожая его въ прихожую: — если панъ увидитъ завтра утромъ пани Эмилию, то пусть скажетъ что я заѣду къ нимъ часовъ около трехъ: надо внушить ей, пускай-ко постарается хоть слегка завербовать въ стадо этого барона... Онъ, слышно, податливъ на женскія рѣчи... можетъ, дастъ Богъ, и изъ этого барона выйдетъ слав-

* *Cegla* — кирпичъ. *Wielkie budowanie* — великое строеніе, — стародавній, спеціальный терминъ для обозначенія конспиративной дѣятельности польской sprawy. Возникъ онъ первоначально въ средѣ „бѣлыхъ.“

ный баранъ! съ обычнымъ своимъ тихимъ и мягкимъ смѣхомъ завершилъ Кунцевичъ, въ послѣдній разъ откланиваясь Пшецыньскому.

Они разстались, но оба въ этотъ вечеръ не закончили еще свою дѣятельность на пріятельскомъ разговорѣ. И тотъ и другой долго еще сидѣли за рабочими столами въ своихъ кабинетахъ. Одинъ писалъ донесеніе по своему особому начальству, другой къ превелебному пану бискупу.

Х. Сходка.

Дня два спустя послѣ паннихиды въ номеръ къ Хвалынцеву заглянулъ Устиновъ.

— А я къ тебѣ на минутку, началъ онъ, снимая калоши и разматывая гарусный шарфъ: — съ тобой желаетъ познакомиться одна милая дѣвица... Лубянская. Можетъ, ты замѣтилъ? стриженная, стояла около этого... Полоярова, что въ кумачѣ-то ходить.

— Что же этой милой дѣвицѣ нужно отъ меня? лѣниво проговорилъ Хвалынцевъ лѣниво подымаясь съ дивана.

— Ну какъ „что“! Ты вѣдь, въ нѣкоторомъ родѣ, интересная личность, новый человѣкъ

здѣсь, да еще и въ Снѣжкахъ былъ... Нѣтъ, она въ самомъ дѣлѣ добрая! Если хочешь, отправимся нынче вечеромъ, я забѣгу за тобой.

— Да вѣдь скука? поморщился было Хвалынцевъ.

— Нѣтъ, ничего! Увидишь разныхъ народовъ... Между прочимъ, Татьяна Николавна Горева будетъ, какъ бы въ скобкахъ замѣтилъ учитель.

— Ахъ, это *та-то*! воскликнулъ студентъ, не сумѣвъ воздержаться отъ хорошей, открытой улыбки.

— Она самая.

— Ну, пожалуй, поѣдемъ!... Я не прочь.

— А кстати, слышалъ ты самую новую новость? серьезно спросилъ Устиновъ, собравшись уже уходить отъ пріятеля: — говорятъ что нынче ночью арестовали нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ на паннихидѣ.

Хвалынцева слегка покорбило: онъ словно почувствовалъ возможность быть арестованнымъ.

— Чтò жъ, мудренаго ничего нѣтъ, пожалъ онъ плечами.

— Штука скверная... и довольно грустная. Вечеромъ, вѣроятно, услышимъ кой-какія подробности, заключилъ Устиновъ, подавая руку на прощанье.

На весьма скромной и порядкомъ-таки пустынной улицѣ, называемой Перекопкой, стоялъ довольно ветхій деревянный домикъ о пяти окнахъ. Жестянка на воротахъ гласила что домъ сей принадлежитъ отставному маіору Петру Петровичу Лубянскому. Въ калитку этого самаго дома, часовъ около восьми вечера, прошли двое нашихъ пріятелей.

Почти въ самыхъ дверяхъ изъ прихожей Хвалынцева встрѣтила миловидная брюнеточка, въ простомъ люстриновомъ платьѣ темнаго цвѣта, съ пухленькимъ личикомъ, въ томъ характерѣ который наиболѣе присущъ брюнеткамъ чисто русской породы.

— Хвалынцевъ? вскинула она на него улыбающіеся глазки, не прибавя къ его имени обычнаго господинъ“.

— Хвалынцевъ, подтвердилъ ей студентъ съ поклономъ.

— Ну, здравствуйте! Я хотѣла познакомиться съ вами. Пожалуйста, безъ церемоній... можете дѣлать что захочется: хотите — садитесь, хотите — курите, молчите, или разговаривайте, какъ найдете для себя удобнѣе, хотя мнѣ собственно хотѣлось бы болѣе чтобы вы разго-

варивали, но . . . это, впрочемъ, для васъ нисколько не обязательно.

Прощебетавъ все это довольно быстро, дѣвушка отошла къ большому креслу предъ рабочимъ столикомъ и усѣлась за какое-то шитье.

— Папахенъ, закричала она въ другую комнату: — ступай сюда, познакомься! Къ намъ новый гость пришелъ.

Изъ смежной комнаты послышалось шлепанье туфель, и въ дверяхъ появился, въ чистомъ стеганомъ хлатикѣ, сивенькій старичокъ съ очень добродушнымъ лицомъ которое носило на себѣ почтенную печать многихъ походовъ и долгой боевой жизни.

— Очень пріятно! . . . очень пріятно! привѣтливо заговорилъ онъ, съ видимымъ радушіемъ сжимая и трясая обѣими руками руку Хвалынцева: — извините старика . . . что я къ вамъ эдакъ . . . по-домашнему.

— Ну, папахенъ! ты это оставь! . . . Хвалынцевъ, конечно, знаетъ пословицу что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Студентъ немножко сконфузился, почувствовавъ при этихъ словахъ маленькую неловкость: показалось оно ему больно ужъ оригинально; но онъ тотчасъ же и притомъ очень поспѣшно по-

старался самъ себя успокоить тѣмъ что это, молъ, и лучше, по крайней мѣрѣ безъ всякихъ церемоній, и что оно, по-настоящему, такъ и слѣдуетъ.

— Я гостей своихъ не рекомендую другъ другу, обратилась Лубянская къ Хвалынцеву изъ-за своей работы: — это однѣ только скучныя офиціальности, а коли угодно, каждый можетъ самъ знакомиться.

Студентъ молча поклонился, и снова ощутивъ нѣкоторую неловкость, разсѣяннo перевелъ глаза на обстановку комнаты.

Маленькая гостиная была убрана весьма просто: кое-какая сборная мебель, кисейныя занавѣски, старыя клавикорды, а по стѣнамъ портреты Ермолова, Паскевича, Воронцова и двѣ литографіи изображающія подвиги простыхъ русскихъ солдатиковъ: умирающаго рядоваго который передаетъ товарищу спасенное имъ полковое знамя, да другаго такого же точно солдата съ дымящимся фителемъ предъ пороховымъ погребомъ, въ то время когда малочисленные защитники укрѣпленія почти всѣ уже перебиты да перерѣзаны огромными полчищами горцевъ. Въ этихъ портретахъ, да въ этихъ литографіяхъ, быть-можетъ, заключались лучшія, самыя за-

вѣтныя и самыя теплыя воспоминанія стараго маіора.

Пріятели наши застали уже здѣсь кое-кого изъ гостей. Въ углу дивана помѣщался въ развалисто-небрежной позѣ и въ неизмѣнной красной рубахѣ Ардаліонъ Полояровъ, а рядомъ съ нимъ сидѣла дама лѣтъ двадцати семи, весьма худошавая, однако не безъ остатковъ прежней миловидности. Волосы ея точно также были острижены; но то что довольно еще шло къ молодому личику хозяйки, вовсе ужъ было не къ лицу ея гостьѣ, придавая всей фizioноміи ея не то какой-то птичій, не то деревянно-кукольный и даже непріятный характеръ. Дама эта, по имени Лиденька Затцъ, жгла вмѣстѣ съ Полояровымъ папиросу за папиросой и время отъ времени кидала на него изподтишка довольно нѣжные взоры.

Маленькій Анцыфровъ, заложа въ карманы руки и на ходу постукивая каблукомъ, о кабдукъ, безъ всякой видимой надобности, скучно слонялся изъ угла въ уголь по комнатѣ.

Маіоръ, усадивъ Хвалынцева, какъ-то застѣнчиво удалился въ свою комнату, запахивая халатикъ, а Полояровъ при этомъ довольно безцеремонно оглядѣлъ усѣвшагося студента при-

стальнымъ взглядомъ ; но изъ-подъ синихъ очковъ характеръ этого взгляда не могъ быть хорошо замѣченъ, такъ что Хвалынцевъ скорѣе почувствовалъ его на себѣ нежели увидѣлъ.

— Вы студентъ? началъ наконецъ Ардаліонъ, повернувъ къ нему голову и продолжая свое разсматриваніе.

— Это видно по моему синему воротнику, слегка улыбнулся Хвалынцевъ.

— Синій воротникъ, батюшка, ничего не доказываетъ. Вонъ и у жандармовъ тоже синій воротникъ. Синій воротникъ, это одна только форма, а я спрашиваю: по духу студентъ ли вы?

Хвалынцеву показалось это достаточно наглымъ.

— А что васъ такъ интересуешь? впадая въ тонъ Ардаліона, въ упоръ спросилъ онъ его.

— То-есть меня-то собственно оно нисколько не интересуешь, уставя глаза въ землю, и туго, медленно потирая между колѣнъ свои руки, сталъ какъ-то выжимать изъ себя слова Полояровъ: — а я собственно потому только спрашиваю что люблю все на чистоту: всегда, знаете, какъ-то пріятнѣй сразу знать съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Но вѣдь пріятель мой доселѣ, кажется, не имѣетъ съ вами никакого дѣла? довольно мягко вступился Устиновъ.

Этотъ неожиданный отпоръ слегка озадачилъ Полоярова.

— Все равно! поправился онъ въ ту же минуту: — мы вотъ вмѣстѣ въ гостяхъ теперь у Лубянской, стало-быть, вотъ ужъ вамъ и есть въ данный моментъ общее дѣло.

— Ну, коли это такъ интересно знать, я пожалуй успокою васъ, помирилъ учитель все съ тою же деликатно-снисходительною улыбкой: — я вполнѣ уважаю моего пріятеля. Довольно съ васъ этого?

Полояровъ изподлобья бросилъ косой взглядъ на Хвалынцева, и въ знакъ удовлетворенія, съ какою-то медвѣжьею угрюмостью слегка кивнулъ головой.

— Стало-быть, вы нашъ. Это хорошо! пробурчалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Вы вѣдь, кажется, помѣщикъ здѣшній? Я такъ слыхала что-то, прищурясь на Хвалынцева, спросила Лиденька Затцъ, все время не перестававшая уничтожать папироски.

— Помѣщикъ, сударыня.

— Гм... Стало-быть собственникъ. Это не хорошо, ввернулъ свое слово Полояровъ.

Студента начинало покорабливать отъ всѣхъ этихъ распросовъ и замѣчаній, такъ что онъ уже сталъ недоумѣло и вопросительно поглядывать на Устинова: что, молъ, все это значить? куда и къ кому завелъ ты меня?

— Анна Петровна! обратился учитель къ хозяйкѣ, намѣреваясь сразу повернуть разговоръ въ другую сторону: — слыхали вы, нынче ночью аресты сдѣланы!

— Да, да! Представьте, какая подлость! вдругъ разгорячась и круто повернувшись на каблукахъ, запищаль и замахаль руками плюгавенькій Анцыфровъ: — это... это чортъ знаетъ что! Дѣйствительно, арестовано множество, и я не понимаю, какими это судьбами уцѣлѣли мы съ Ардалиономъ Михайловичемъ... Впрочемъ, пожалуй, гляди — не сегодня, завтра — и насъ арестуютъ.

Анцыфровъ видимо желалъ порисоваться, показать что и онъ тоже такого рода важная птица которую есть за что арестовать. Полояровъ, напротивъ, какъ-то злобно отмалчивался. По свѣдѣніямъ хозяйки оказалось, однако, что забрано въ ночь вовсе не множество, на чемъ

такъ упорно продолжалъ настаивать Анцыфровъ, а всего только четыре человѣка: одинъ молодой, но семейный чиновникъ, одинъ офицеръ Новоземельскаго полка, племянникъ соборнаго протопопа да гимназистъ седьмаго класса, сынъ инспектора врачебной управы.

Устиновъ и стриженная дама весьма удивились: всѣ четверо хотя и присутствовали на паннихидѣ, но были люди далеко не бойкіе и едва ли въ чемъ особенно замѣшанные.

— Это все Пшецыньскій! все онъ!... Но я вамъ, напротивъ, говорю что взято множество! вы еще не знаете! продолжалъ межъ тѣмъ Анцыфровъ. — Этотъ Пшецыньскій, это такая продувная бестія...

— А еще Полякъ! съ горькимъ упрекомъ замѣтила г-жа Затцъ: — безчестить польское имя!

— Ну, ужъ я вамъ доложу-сь, по моему крайнему убѣжденію вотъ какъ выходить, заговорилъ Полояровъ: — я Поляковъ люблю и уважаю; но коли Полякъ разъ пошелъ на эдакую службу, такъ ужъ это такой кремень который не то что насъ съ вами, а отца роднаго не пощадить! Это ужъ проданный и отпѣтый человѣкъ! Въ немъ Поляка ни на эстолько не осталось! заключилъ Ардаліонъ указывая на

кончикъ своего мизинца, и всѣ безусловно согласились съ его компетентнымъ мнѣніемъ,

Къ воротамъ подкатила крытая колясочка въ одну лошадь, и чрезъ минуту въ комнату вошла Татьяна Николаевна Горева.

Лицо Хвалынцева замѣтно прояснилось и даже заиграло яркимъ румянцемъ. Онъ вообще очень плохо умѣлъ скрывать свои ощущенія. И самъ не вѣдалъ какъ и почему онъ неоднократно въ теченіи этихъ двухъ сутокъ вспоминалъ ея разговоръ въ церкви съ Анатодемъ и всю ея изящную, стройную фигурку, и эти воспоминанія безотчетно были ему пріятны.

Вотъ и теперь вошла она такъ просто, такъ хорошо и спокойно, въ простомъ, но очень изящномъ нарядѣ, съ своими честными, умными глазами, съ своею безмятежною улыбкой, и Хвалынцеву стало хорошо и весело при ея появленіи.

Весело, но немножко принужденно встрѣтила ее Лубянская. Старый маіоръ нарочно вышелъ къ ней въ залу, и здороваясь, душевно поцѣловалъ ея русую головку, причемъ Полояровъ никакъ не удержался чтобы не буркнуть про себя: „скажите, пожалуйста, какія нѣжности!“ Устиновъ который, повидимому, былъ съ нею

въ очень хорошихъ отношеніяхъ, представилъ ей Хвалынцева, и Хвалынцевъ, при этомъ, покраснѣлъ еще болѣе, за что, конечно, остался на себя въ нѣкоторой досадѣ.

— А вы, никакъ, въ своемъ экинажѣ пріѣхали? адресовался къ ней Ардаліонъ, подойдя къ окну и заложивъ большіе пальцы рукъ за поясъ.

— Въ тетушкиномъ, удовлетворила его любопытству Татьяна Николаевна.

— Такъ-съ!... Аристократничаете, значитъ.

Горева оглядѣла его спокойно, но холодно.

— Желаете папироску? продолжалъ Ардаліонъ, подавая ей вынутую изъ кармана пачку.

— Вы, кажется, знаете что я не курю.

— Я, кажется, знаю это, подтвердилъ онъ: — но терпѣть не могу когда люди вообще сидятъ ничего не дѣлая! Папироску сосать все-таки какое-нибудь занятіе. Вотъ я Лубянскую пріучаю, да плохо что-то. Все это, доложу я вамъ, жантильничанье!... Женственность, изволите видѣть, страдаетъ. А по-нашему: первымъ дѣломъ, каждая порядочная женщина, то-есть *женщина дѣла*, должна прежде всего всякую эту женственность къ чорту!

Ардаліонъ попалъ на одну изъ любимѣйшихъ

своихъ темъ и потому пошелъ расписывать. Анцыфровъ то и дѣло поддакивалъ, мотая бѣлобысенскою головенкой.

— Намъ нужна женщина-работникъ, женщина-товарищъ, женщина-человѣкъ, а вѣрнѣе сказать — женщина самка, продолжалъ Полояровъ: — а эта гнилая женственность, это одинъ только изящный развратъ который изъ вашего брата дѣлаетъ куколъ. Это все эстетика! (Последнее слово было произнесено съ особеннымъ презрѣніемъ.) Лубянская, хотите, что ли, папирску? Бафра, что называется, Сампсонъ крѣпкій.

Лубянская не посмѣла отказаться отъ предложеннаго курева и, морщась, стала втягивать въ себя струю крѣпкаго дыма. Полояровъ глядѣлъ на нее, забавляючись, и самодовольно улыбался.

Вскорѣ пришли еще двое новыхъ гостей: докторъ Адамъ Яроць и учитель Подвилянскій. Подали чай. Подвилянскій отозвалъ въ сторону Полоярова и таинственно показалъ ему изъ боковаго кармана сложенный печатный листъ.

— Новый нумеръ, вчера только что полученъ, преинтересная статья есть, сообщилъ онъ тихо.

Ардаліонъ кивнулъ доктору.

— Послушайте, Яроць, началъ онъ тише чѣмъ вполголоса: — уведите-ка глупаго старца да засядьте съ нимъ въ шашки чтобы не мѣшалъ, а мы тутъ почитаемъ пока.

Яроць отвѣтно мигнулъ на это: дескать, смекаемъ, пріятель! и политично направился къ маіору.

Но оказалось что маіора теперь, пожалуй, не скоро сдвинешь съ точки его разговора. Петръ Петровичъ тоже попалъ на любимую свою тему и завербовалъ въ разговоръ Татьяну Николаевну, да Устинова съ Хвалынцевымъ. Онъ толковалъ своему новому знакомому о воскресной школѣ которую, наконецъ-то, удалось ему, послѣ многихъ хлопотъ и усилій, завести въ городѣ Славнобубенскѣ. Эта школа была его созданіе и одна изъ сердечныхъ его слабостей.

— Вотъ, спасибо Татьянѣ Николаевнѣ да Андрею Павлычу (старикъ указалъ на Устинова), помогаютъ доброму дѣлу! Самъ я кое-какъ грамотѣ обучаю; законъ Божій — пречистенскій дьяконъ, отецъ Сидоръ, ходитъ преподавать; Андрей Павлычъ по ариѳметикѣ, а Татьяна Николаевна съ Анютой мнѣ, старику, насчетъ гра-

моты помогаютъ, да вотъ тоже которыя дѣвочки есть у насъ, такъ тѣхъ рукодѣлію разному обучаютъ. И пока, надо благодарить Бога, отлично шло дѣло; восемнадцать мальчиковъ да одиннадцать дѣвочекъ обучаются, итого двадцать девять человѣкъ-съ! Ужъ сколько благодарностей отъ родителей получили! Бѣдные люди-съ, за ученіе платить не изъ чего, ну, и благодарятъ... И теперь вотъ много желающихъ есгь, да помѣститься-то негдѣ: помѣщеніе у насъ тѣсновато, вотъ и все тутъ, какъ видите! (Старикъ указалъ на комнату и обвелъ ее по стѣнамъ глазами.) Ужъ мы тутъ что себѣ надумали: хорошо бы эдакъ концертикъ какой съ литературнымъ чтеніемъ въ пользу школы устроить! Еслибы только рублишекъ полтора ста собрать, такъ можно бы и пособій кое-какихъ купить: грифельныхъ досокъ, букварей, катехизисовъ, да вотъ по сосѣдству тутъ за сто рублей въ годъ просторную квартиру уступаютъ, вотъ бы и нанять ее подъ школу-то: человѣкъ до ста могло бы обучаться! Ужъ я рѣшилъ отправиться къ губернаторшѣ. Она, говорятъ, добрая, буду просить ея покровительства да содѣйствія насчетъ концертика-то. Какъ вы полагаете? Авось, Богъ поможетъ, а?

— А я вамъ доложу-съ что вы это насчетъ

школы не того! вмѣшался въ разговоръ подошедшій въ это время Полояровъ: — у васъ совсѣмъ не раціонально-съ ведется дѣло.

— Какъ это, то-есть, не раціонально? уставился на него недоумѣлыми глазами Петръ Петровичъ.

— А такъ-съ! Нѣтъ настоящаго принципа, здороваго направленія нѣтъ въ преподаваніи. Кабы я повелъ это дѣло, я бы сей часъ, съ самаго же начала, по боку этого вашего отца Сидора.

— Это почему? изумились разомъ и старикъ, и Устиновъ съ Горовой.

— А потому что глупый человѣкъ. Что онъ ихъ эти молитвы въ долбляжку заставляетъ учить да побасенки рассказываетъ? Тутъ нужно не того: нужно имъ разъяснять это дѣло въ настоящую! въ корень! Нужно здоровую почву приготовить, закваску хорошую, чтеніе здоровое дать.

— А что это вы понимаете подъ здоровымъ? слегка нахмурясь, спросилъ старикъ.

— Ну, ужъ это мы про себя разумѣемъ, отклонился Полояровъ: — разное есть.

— Нѣтъ, батюшка, извините меня, старика, а скажу я вамъ по-солдатски! рѣшительнымъ

тономъ завершилъ Петръ Петровичъ: — дѣло это я почитаю, ровно царскую службу мою, святымъ дѣломъ, и взялся я за него, на старости лѣтъ, съ молитвой да съ Божьимъ благословеніемъ, такъ ужъ дьявола-то тѣшить этимъ дѣломъ мнѣ не приходится. Я, сударь мой, хочу обучать ребятъ чтобъ они были добрыми христіанами да честными русскими людьми. Мнѣ за нихъ отчетъ Богу давать придется; такъ ужъ не смущайте вы нашего дѣла!

— Да нѣтъ, это такъ невозможно оставить: въ вашу школу необходимо ввести освѣжающій элементъ, а безъ того все это ни къ чорту! Эдакъ-то вы намъ только ребятъ перепортите!

Петръ Петровичъ лишь рукой махнулъ съ затаенною досадою и ушелъ въ свою комнату.

Докторъ Яроць улучилъ подходящую минуту и предложилъ ему партію въ шашки. Старикъ не отказался.

А тѣмъ часомъ, осторожно притворивъ дверь его комнаты, Подвилянскій съ таинственно-многозначительнымъ видомъ вынулъ изъ кармана свернутый печатный листъ, и торжественно держа его надъ головой, показалъ всему обществу.

— *Колоколъ!* проговорилъ онъ нѣжно-почти-

тельнымъ и даже священно-благоговѣйнымъ шепотомъ.

Все общество необыкновенно живо подвинулось къ столу за который усѣлся Подвилянскій, и жадно, нетерпѣливо приготовилось слушать, съ тѣмъ чувствомъ живѣйшаго интереса который уже переходилъ въ лихорадочный зудъ любопытства.

Подвилянскій началъ чтеніе своимъ нѣжно-мякенькимъ, тихимъ голосомъ. Полояровъ въ пныхъ мѣстахъ выражалъ одобреніе довольно сдержаннымъ мычаньемъ, а неодобреніе поцмокиваньемъ да хмурыми гримасами; за то Анцыфровъ каждый разъ просто взвизгивалъ и подпрыгивалъ отъ преизбытка наслажденія.

— Нѣтъ, чортъ возьми, это все не то! не выдержалъ, наконецъ, Ардаліонъ Полояровъ: — этого Александра Иваныча пора ужъ и въ архивъ бы сдать: выдыхаться начинаетъ, сердечный! Да и глупъ сталъ! Ну что онъ тутъ дуракомъ-то привѣтствуетъ эти реформы!... Какія тутъ, у чорта, реформы!... Тутъ реформа одна только, во! (И онъ выразительно выдвинулъ при этомъ на показъ свой кулакъ.) Тутъ реформа — топоръ!... Кровопусканьице маленькое учинить нужно господамъ дворянамъ да собствен-

никамъ, тогда и реформы сами собой явятся, а безъ того — все комедь да сапоги въ смятку!

Хвалынцевъ наблюдалъ какое впечатлѣніе производятъ на присутствующихъ вѣщанія Ардаліона. Все общество, за исключеніемъ Горева да Устинова, слушало его съ весьма странною вѣрой и раболѣпнымъ благоговѣніемъ. Самоувѣренность съ какою обыкновенно изрекалъ свои приговоры Ардаліонъ Полояровъ показывала что онъ давно уже привыкъ почитать себя какимъ-то избранникомъ и оракуломъ, чьи вѣщанія рѣшительны и непогрѣшимы; онъ до такой степени былъ уже избалованъ безусловнымъ вниманіемъ, уваженіемъ и вѣрой въ его слова что требовалъ отъ всѣхъ и каждаго почтительнаго благоговѣнія къ своей особѣ, принимая его въ смыслѣ достойной дани.

Горева слушала, слушала и наконецъ не выдержала: довольно явная ироническая усмѣшка заиграла на ея хорошенькихъ губкахъ, а глаза глядѣли на вѣщателя съ безпощаднымъ пониманіемъ всей его внутренней сути.

Тотъ это замѣтилъ. Его покорило и передернуло подъ ея спокойнымъ взглядомъ; брови насупились, и на лицо выступила багровая краска.

— Вы! Горева! послушайте! началъ онъ

тѣмъ нахальнымъ тономъ который уже прямо сбивался на явную и предумышленную дерзость.

— Вопервыхъ, господинъ Полояровъ, прежде чѣмъ я васъ послушаю, перебила она его совершенно спокойно и не измѣняя характера своей прежней улыбки: — я охотно желалабы напомнить вамъ что у меня есть имя. Зовутъ меня Татьяной Николаевной.

— Да кто тамъ еще будетъ помнить всѣ ваши имена!... Моей головѣ нѣтъ лишняго времени заниматься такими пустяками!

Полояровъ все болѣе и болѣе терялъ необходимое хладнокровіе.

— Въ такомъ случаѣ, чтобы не утруждать себя продолжала дѣвушка: — вы бы могли очень просто прибавить къ моей фамиліи словцо „госпожа“. Это вѣдь не трудно, и вѣжливо.

— Ну, я насчетъ галантерейностей не мастеръ! Это все рутина-сь!... Я, извините, все забываю что въ васъ эта барская закваска сидитъ.

Я хотѣлъ только спросить чего это вы такъ ухмыляетесь на меня гляючи? Изволили вы найти въ моихъ словахъ что-нибудь смѣшное и несообразное? Лыбопытно было бы знать что именно?

— О, если это вамъ такъ любопытно, — да; изволила!

— Потрудитесь объяснить.

Полояровъ избоченился и приготовился слушат и съ тѣмъ высокомернымъ достоинствомъ которое почиталъ убійственнымъ для каждого дерзновеннаго смертнаго осмѣлившася такимъ образомъ подойти къ его особѣ. А между тѣмъ въ немъ кипѣла и багровыми пятнами выступала на лицо вся его злоба, вся боль уязвленнаго самолюбія. Въ ту минуту у него просто руки чесались взять да прибить эту Гореvu.

Татьяна Николаевна очень хорошо видѣла и понимала его внутреннее состояніе: онъ не прощалъ ей этого упорнаго отсутствія всякаго поклоненіе его особѣ, и въ тотъ моментъ ей сильно захотѣлось, что называется, порядкомъ проучить Ардаліона Полоярова.

— „Ухмыляюсь“ я, какъ вы выразились, тому, начала она еще съ бѣльшимъ спокойствіемъ, — что мнѣ жалко васъ стало. Ну, что вы насъ, дѣвчонокъ, удивляете вашимъ радикализмомъ, это не трудно. А жалко мнѣ васъ потому что вы сами вѣдь ни на горчишное зерно не вѣруете въ то что проповѣдуете.

— Мое дѣло не расходится съ моимъ сло-

вомъ! съ гордымъ презрѣніемъ и будто неуязвимымъ достоинствомъ перебилъ Полояровъ: — за меня факты-съ!... Я, милостивая государыня, не далѣе какъ два дня назадъ съ паперти говорилъ народу!

Анцыфровъ, который было смирененько съежился при словахъ Горевой, теперь вдругъ просіялъ, и потирая руки, даже слегка подпрыгнулъ на своемъ стулѣ. „Что, молъ, взяла!“ Онъ торжествовалъ побѣду своего друга.

— Эхъ, Ардаліонъ Михайловичъ, полноте! покачала головой дѣвушка: — сышала я и видѣла что вы говорили и что дѣлали! Улучили минуту когда квартальный куда-то отвернулся; а подѣхала полицеймейстерская пара въ пристяжку... Извините, но я бы очень хотѣла знать что случилось съ вами и съ вашимъ краснорѣчіемъ въ ту самую минуту?

Устиновъ не выдержалъ и разсмѣялся. Легкая улыбка покосила и губы Хвалынцева; Анцыфровъ же снова примолкъ и съежился. Остальные сидѣли молча, пригнетенные, словно ожидая что вотъ-вотъ сейчасъ разразится гроза и буря. Одна только Горева была совершенно спокойна и улыбалась своею ясною, безмятежною улыбкой.

Пунцовый Ардаліонъ вдругъ поблѣднѣлъ и

поднялся съ мѣста. Это уже было слишкомъ. Этого онъ даже и отъ Горовой не ожидалъ. Кулаки его судорожно были сжаты; губы нервно-чески подергивало злобною усмѣшкой. Онъ видимо боролся съ собой, страясь сдержать и подавить въ себѣ какое-то нехорошее чувство, и потому угрюмо зашагалъ по комнатѣ.

Всѣ молчали, и всѣмъ это молчаніе было особенно тягостно; но никто не чувствовалъ ни возможности, ни желанія заговорить о чемъ бы то ни было первымъ.

— Такъ, по вашему убѣжденію, я струсилъ? съ проницескою гримасой, но уже гораздо мягче и на нѣсколько тоновъ ниже заговорилъ наконецъ Полояровъ, остановясь предъ Горовою. — Нѣтъ-съ, Татьяна Николавна, ошибаться изволите!... Не трусость, а благоразуміе во мнѣ говорило! Эта самая голова-съ (и онъ не безъ поползновенія на эффектъ указалъ на свою кудластую шевелюру), да! эта вотъ самая-съ башка пригодится еще и впредь на что-нибудь болѣе серьезное... Въ наше время каждый честный дѣятель обязанъ поберечь себя до рѣшительной минуты. Поживете такъ увидите, а не увидите такъ услышите! выско и многозначительно закончилъ онъ съ легкимъ полупоклономъ, и фи-

гурка Анцыфрова снова просіяла, да и всѣ присутствующіе почувствовали словно камень какой съ плечъ у нихъ скатился.

Ардаліонъ съ удовольствіемъ замѣтилъ что авторитетъ его возстановленъ, и ему теперь захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь поскорѣе сгладить послѣдніе слѣды недавняго настроенія своихъ поклонниковъ чтобъ окончательно закрѣпить въ ихъ глазахъ полную незыблемость своего авторитета. По-этому онъ подошелъ къ Подвилянскому, и хлопнувъ его слегка по плечу, сказалъ съ улыбкой:

— Ну, пане-брате, воспроизведи-ко что-нибудь на фортопласѣ!

Подвилянскій не заставилъ долго просить себя, и на разбитомъ флигелѣ сталъ брать какіе-то аккорды.

— Чтò это такое вы играете? спросилъ его кто-то.

— Польское, отвѣчалъ онъ тихо, но гордо: — это нашъ гимнъ: „z dymem rożarów.

Всѣ удвоили вниманіе и прослушали гимнъ съ видимымъ удовольствіемъ и большою симпатіей. Анцыфровъ захопалъ въ ладоши и присталъ повторить.

— Нѣтъ, постойте! перебилъ Полояровъ:

— я вамъ спою штуку! Играй-ко, пане-брате, помнишь, я училъ тебя онамедни, на голосъ: „Я посѣю ль молода младенька“. Слыхали вы, господа, русскую марсельезу?

— Bravo! bravo! восторженно завизжалъ Анцыфровъ.

Подвилянскій взялъ нѣсколько новыхъ аккордовъ, а Полояровъ, видимо рисуясь, сталъ въ размашисто-ухарскую позу, откинулъ назадъ свои волосы, обдергалъ книзу кумачовую рубаху и запѣлъ звучнымъ басомъ:

„Долго насъ помѣщики душили,

Становые били,

И привыкли всякому злодѣю

Подставлять мы шею.

Въ страхѣ насъ квартальные держали...“

Но въ эту самую минуту изъ кабинета показался маіоръ въ своемъ халатикѣ.

— Ну нѣтъ, батюшка, у меня въ домѣ такихъ пѣсень не пойте! остановилъ онъ Ардалиона прямо и рѣшительно. — И какъ это вамъ не стыдно: взяли хорошую солдатскую пѣсню, да на-ко тебѣ какую мерзость на нее сочинили! Перестаньте, пожалуйста!

— Ха-ха-ха! расхохотался Полояровъ: — что это вы, батенька, никакъ Пшецыньскаго испужались?

— Чтò-сь? Пшецыньскаго? слегка прищурился на него старикъ: — и, сударь мой, Турка не пугался, Черкеса не пугался, да и Англичанина съ Французомъ не испугался, такъ ужъ вашего-то Пшецыньскаго мнѣ и Богъ да и совесть бояться не велѣли! А пѣсню-то вы все-таки не пойте!

— Стало-быть, принципы, убѣжденія не позволяютъ? ась? аляповато подтрунилъ Полояровъ.

— Да ужъ тамъ какія ни есть убѣжденія, а свои, не купленыя! отрѣзалъ ему Петръ Петровичъ: — я, сударь мой, старый солдатъ!... Я, сударь мой, на своемъ вѣку одиннадцать ранъ за эти свои убѣжденія принялъ, такъ ужъ на старости-то лѣтъ не стать мнѣ мѣняться!

— Ну, папахень! чтò это такое! съ неудовольствіемъ фыркнула Лубянская.

— Чтò, моя милушка? Чтò, голубчикъ?

— Ужъ и пѣсню наконецъ нельзя пѣть!... Это чистыя глупости! Это деспотизмъ!

— Пѣсню, дружокъ, пой сколько хочешь, а мерзостей пѣть да слушать не слѣдуетъ.

— Ну, хорошо, хорошо!... съ многозначительною сухостью подхватила дѣвушка: — я съ тобой *потомъ* поговорю! Теперь не время.

Это походило на какую-то угрозу. Взвол-

нованный старикъ, въ замѣшательствѣ, съ невыразимою тоской, бросилъ тихій взглядъ на свое дѣтище. По всему было видно что онъ любить свою дочку безпредѣльно, до безумія, до всякой слабости.

— Ну, ну, полно, полно! забормоталъ онъ, словно извиняясь. — Ну, Господь съ тобой, Нюточка!... Развѣ я тебя стѣсняю въ чемъ!... Пой себѣ, коли охота такая, только дай мнѣ уйти прежде, я ужъ этихъ пѣсень слушать не стану.

И съ тихимъ, подавленнымъ вздохомъ онъ ушелъ изъ комнаты.

Полояровъ снова было запѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало, но Татьяна Николаевна тотчасъ же поднялась съ мѣста, мигнула Устинову и громко стала прощаться со своею подругой. Вслѣдъ за ней поднялись и Устиновъ съ Хвалынцевымъ. Подвилянскій, обладавшій бѣлымъ тактомъ чѣмъ его пріятель Полояровъ, пересталъ акомпанировать и тоже взялся за шляпу.

Лиденька Затцъ подошла къ Ардаліону и попросила проводить себя.

— Ну нѣтъ! ужъ увольте! отклонился онъ, значительно поморщась, и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ тише чѣмъ вполголоса: — я хотѣлъ бы лучше ужъ здѣсь какъ-нибудь остаться на ночь.

Лиденька бросила на него взглядъ вопросительнаго и нѣсколько ревниваго свойства.

— Это для чего-съ? Скажите пожалуйста? тихо прошипѣла она очень нервнымъ голосомъ.

— Да такъ... не хотѣлось бы дома, замаялся Ардаліонъ: — неравно и въ самомъ дѣлѣ полиція... жандармы... Ужъ лучше эти дни кое-гдѣ по чужимъ мѣстамъ переждать бы... Спокойнѣе!

— Ступайте къ намъ ночевать! охотно и поспѣшно предложила Затцъ.

— Да вѣдь вашъ благовѣрный...

— Это ровно ничего не значитъ... Онъ теперь въ клубѣ... Мы, кажется, всегда вамъ рады.

— Ну, инъ быть по-вашему! Куда ни шло! махнулъ наконецъ рукой Ардаліонъ послѣ нѣкотораго колебанія, и сталъ прощаться.

Лубянская крѣпко сжала его руку, и Устиновъ замѣтилъ что она съ какимъ-то опасеніемъ, съ полустрахомъ и полу-надеждой, проводила его за порогъ тревожными и влюбленными глазами.

На душѣ у Хвалынцева, особенно послѣ маленькой исторіи съ пѣсней, было какъ-то смутно и неловко, словно онъ попалъ въ какое мѣсто не вовремя и совсѣмъ некстати, такъ что толь-

ко очутившись на свѣжемъ ночномъ воздухѣ, грудь его вздохнула легко, широко и спокойно.

Вышли на улицу почти всѣ разомъ. Под-
вилянскій съ докторомъ кликнули извозчика и
укатили. Полояровъ закутался, поднялъ ворот-
никъ пальто, упряталъ въ него носъ и бороду
и низко надвинулъ на глаза свою шляпу. Оче-
видно, послѣ сегодняшнихъ арестовъ, онъ даже
и ночью боялся быть узаннымъ. Стриженная
дама повисла на его рукѣ.

— Анцыфровъ! обернулся онъ на своего
адъютанта: — я нынче не ночую дома, можешь
располагаться свободно.

— Какъ же такъ?... Вѣдь хотѣли же вмѣ-
стѣ?... Это собственно какъ же? загозилъ ото-
ропѣвшій пискунокъ, который совсѣмъ не ожи-
далъ такого пассажа.

— Какъ знаешь... Мнѣ-то что!

— Но... какъ же это такъ, ей Богу!...
одному-то?... Ужъ лучше бы какъ-нибудь вмѣ-
стѣ... Я тоже не хочу домой къ себѣ... У меня
тоже вѣдь не безопасно... Ужъ, право, лучше
бы вмѣстѣ...

— Ну, ладно! Проваливай къ чорту! порѣ-
шилъ Полояровъ, и безъ дальнѣйшихъ церемо-
ній, пошелъ себѣ со своею дамою, не обращая

на злосчастнаго пискунка ни малѣйшаго вниманія.

Тотъ постоялъ съ минуту въ самой затруднительной нерѣшительности и, нечего дѣлать, скрѣпя сердце, потрусилъ кое-какъ восвояси.

Ночь стояла ясная, тихая, и сухая, съ легкимъ морозцемъ.

— А хорошо бы пройтись, у меня, ей Богу, даже голова заболѣла, сказала Горева, и Хвалынцевъ предложилъ ей руку, а Устиновъ пошелъ рядомъ съ ней сбоку. Крытыя дрожки шагомъ ѣхали сзади.

— А, кажется, недолюбливаетъ васъ этотъ Полояровъ, началъ Хвалынцевъ.

— Обоихъ недолюбливаетъ, улыбнулась дѣвушка: — и меня, и Андрея Павлыча; но меня болѣе.

— За что же это такая немилость?

— А такъ. Мнѣ, видите ли, немножко извѣстно его прошлое.

— Но развѣ это прошлое такого свойства что за него можно не любить тѣхъ кто знаетъ его?

— Отчасти, да. Мнѣ, конечно, Богъ съ нимъ! какое мнѣ до него дѣло! Но Анюту жаль. Она добрая и хорошая дѣвушка, а этотъ

баринъ ее съ толку сбиваетъ. Вѣдь онъ у всѣхъ у нихъ въ рангѣ какого-то идола, полубога. Вѣдь ему здѣсь поклоняются.

— Но... странное дѣло! замѣтилъ студентъ: — сколько могу судить, онъ, кажется, и не особенно уменъ.

— Э, помилуйте! А наглость-то на что? Вѣдь у него что ни имя, то дуракъ, что ни человѣкъ не его покроя, то подлецъ, продажный человѣкъ. Голосъ къ тому же у него очень громкій, вотъ и кричитъ; а съ этимъ куда какъ легко сдѣлать себя умникомъ. Вся хитрость въ томъ чтобы другихъ всѣхъ ругать дураками. Вѣдь тутъ кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капраль.

— Ну, а прошлое-то его какое? полюбопытствовалъ Хвалынцевъ.

— По питейной части служилъ когда Верховлебовъ въ Сольгородской губерніи откупъ держалъ, а потомъ очень не долгое время становымъ былъ, но... что называется, „съ начальствомъ не поладилъ“. Впрочемъ, Ардалионъ Михайловичъ о своемъ прошломъ не любитъ распространяться.

— А теперь-то онъ что же? продолжалъ

Хвалынцевъ, котораго послѣ всего этого заинтересовала нѣсколько личность Полоярова.

— Теперь? ... А вотъ, великимъ дѣятелемъ сталъ, статьи разныя пишетъ, въ журналы посылаетъ.

— Ну, и печатаютъ?

— Отчего жъ не печатать! Поди-ка, сперва раскуси человѣка! Вѣдь тамъ не знаютъ его. Но это бы все Богъ съ нимъ! А мнѣ Анюту жаль, и старика-то жаль. Хорошій старикъ!

— Да неужели же она не видитъ и не знаетъ?

— Какое! И слушать ничего не хочетъ, и не вѣритъ. Вѣдь онъ, говорю вамъ, Богъ для нихъ. Совсѣмъ забралъ въ руки дѣвочку, такъ что въ послѣднее время со мною даже гораздо холоднѣе стала, а ужъ на что были друзьями.

Вскорѣ наши путники дошли до дому, гдѣ жила Горева со своею теткой. На прощанье, она совсѣмъ просто пригласила Хвалынцева зайти какъ-нибудь къ нимъ, буде есть охота. Тотъ былъ радъ и съ живѣйшею благодарностью принялъ ея приглашеніе. Послѣ этого онъ вернулся домой въ свою гостиницу, чувствуя легко и свѣтло на душѣ, довольный и нынѣшнимъ вечеромъ, и собою, и своимъ пріятелемъ, и ею, этою хорошею Татьяной Николаевной...

XI. Кто предполагаетъ, и кто располагаетъ.

На другое утро Петръ Петровичъ составилъ и чистенько переписалъ коротенькую докладную записку о разрѣшеніи литературно-музыкальнаго вечера въ пользу его школы; затѣмъ напялилъ свой отставной мундиръ, со всѣми регаліями, и отправился, помолясь, къ губернаторшѣ.

Эмилія Александровна дѣловые пріемы свои назначала обыкновенно во второмъ часу. Гораздо ранѣе этого времени Петръ Петровичъ сидѣлъ уже на стулѣ въ ея пріемной. Онъ попросилъ доложить о себѣ. Лакей угрюмо покосилъ на него и хотѣлъ было пройти мимо; но маіоръ тоже зналъ достодолжную въ этихъ случаяхъ сноровку и потому, подмигнувъ лакею, сунулъ ему въ руку двугривенничекъ. Ея превосходительство выслала сказать маіору чтобъ онъ обождалъ и Петръ Петровичъ ждалъ, испытывая томительное состояніе просительской скуки.

Нѣсколько разъ мимо его промелькнула горничная, дежурный чиновникъ промчался куда-то, гувернантка повела на прогулку пару дѣтей

madame Гржибъ, а маіоръ все ждетъ себѣ, оправляясь да побрякивая съ приходомъ каждаго лица, и все съ надеждой устремляетъ взоры на дверь ведущую въ покои губернаторши.

Вотъ смиренно-мягкою, неслышною походочкой прошелъ за эту завѣтную дверь славнобубенскій ксендзъ Кунцевичъ, и о его приходѣ, повидимому, никто не докладывалъ. Послѣ него маіору пришлось еще сидѣть по крайней мѣрѣ около часу. Просительская скука начинала въ немъ переходить уже въ просительскую тоску, какъ вдругъ лакей съ какою-то особенною офіціальностью распахнулъ двери, и изъ смежной комнаты слышался шорохъ тяжелаго шелкового платья.

Маіоръ молитвенно вздохнулъ, перекрестился мелкимъ крестикомъ, помахавъ сложенными пальцами между третьею и четвертою пуговицами своего мундира и, въ нѣкоторомъ волненіи, поднялся съ мѣста.

Губернаторша вошла довольно величественно, распространивъ вокругъ себя легкій запахъ лондонскихъ духовъ, и съ офіціально-благоклонною снисходительностью остановилась предъ маіоромъ. Отъ всей позы, отъ всей фигуры ея такъ и вѣяло губернаторшей, то-есть въ нѣ-

которомъ родѣ правительницей, властью предержащею.

— Отставной маіоръ Лубянской, отрекомендовался Петръ Петровичъ, и протянулъ руку съ докладною запиской.

Эмилія Александровна отвѣтила величественнымъ кивкомъ и устроила на лицѣ такую мину которая ясно говорила что она готова благосклонно выслушать.

— Къ вашему превосходительству... зная ваше доброе сердце... во имя просвѣщенія и человеколюбія... неловко заговорилъ Петръ Петровичъ, сбиваясь на фразы заранѣе обдуманной рѣчи.

Старикъ умѣлъ служить и точно исполнять приказанія, когда-то стойко драться съ непріателемъ и стоять подъ огнемъ, но никогда, во всю свою жизнь, и ни о чемъ не умѣлъ просить какое бы то ни было „начальство“, или какую бы то ни было „знатность“. Поэтому и въ данную минуту онъ почти совсѣмъ переконфузился, особенно встрѣчая на себѣ этотъ неотводный, вопросительный взглядъ губернаторши.

— Мы учредили воскресную школу, продолжалъ онъ кое-какъ свои объясненія: — бѣдныя дѣти... кое-какъ обучаются, но скудость сред-

ствъ, помѣщенія... Тутъ, впрочемъ, все это обстоятельно изложено, дабавилъ онъ, указывая на докладную записку.

Губернаторша опять кивнула головой и продолжала вопросительно глядѣть на него.

— Для поддержки дѣла осмѣливаюсь просить ваше превосходительство принять его, въ нѣкоторомъ родѣ, подъ свое покровительство... Мы предположили литературно-музыкальный вечеръ... надобно разрѣшеніе... и потомъ еслибы ваше превосходительство пожелали помочь намъ своимъ сочувствіемъ и участіемъ... и вотъ тоже по части раздачи или рекомендаціи билетовъ, то наша школа процвѣля бы, благодаря вашему превосходительству.

Склеивъ кое-какъ эти фразы и развернувъ ихъ наконецъ предъ губернаторшей, маіоръ вздохнулъ свободно, словно грузъ какой сбросилъ съ своей шеи.

— Вы хотите чтобъ я пропѣла что-нибудь въ концертѣ? спросила г-жа Гржибъ которая, будучи очарована собственнымъ голосомъ, никогда и нигдѣ почти не упускала приличнаго случая похвастаться имъ предъ публикой.

— О, ваше превосходительство!... я даже и не смѣлъ бы подумать... но если вы столь

добры и великодушны, то это все чего мы только могли бы желать!... вѣдь бѣлныя дѣти, ваше превосходительство... вѣдь это для нихъ тотъ же хлѣбъ насущный.

— Хорошо. Я подумаю... Все что могу, сдѣлаю для васъ непременно... Я постараюсь: будьте увѣрены, проговорила губернаторша самымъ благосклоннымъ тономъ и отпустила маіора, наградивъ его новымъ кивкомъ величественнаго свойства.

Маіоръ ушелъ необыкновенно довольный собою и вполне счастливый такимъ результатомъ своей просьбы, послѣ котораго онъ, въ простотѣ душевной, считалъ существованіе школы въ конецъ обезпеченнымъ.

— Возвратившись отъ духовной своей дщери имѣвшей обыкновеніе во всѣхъ почти дѣлахъ своихъ прибѣгать къ пастырскому совѣту, ксендзъ Игнатій тотчасъ же написалъ маленькую записочку къ учителю Подвилянскому, въ которой убѣдительноше просилъ его пожаловать къ себѣ въ возможно скорѣйшемъ времени. Записка эта была отправлена съ однимъ изъ костельныхъ прислужниковъ.

Полвилянскій не замедлилъ явиться и былъ

принять въ скромной пріемной комнатѣ, потому что комфортабельный „лабораторіумъ“ предназначался у ксендза только для самыхъ короткихъ пріятелей. Впрочемъ, и на этотъ разъ дверь въ прихожую была тщательно приперта самимъ хозяиномъ.

— Припомнилъ я, началъ Кунцевичъ, усѣвшись поближе къ своему духовному сыну: — панъ повѣдалъ мнѣ разъ что имѣетъ знакомство съ маіоромъ Лубянскимъ. Что это за человѣкъ маіоръ Лубянскій?

— Москаль... И самый заядлый Москаль, отрекомендовалъ учитель своего знакомца.

Кунцевичъ, въ какомъ-то соображающемъ размышленіи, многозначительно поднялъ брови надъ опущенными въ землю глазами.

— Гм... такъ и думалъ!... Такъ и думалъ!... раздумчиво прошепталъ онъ, какъ бы самъ съ собою. — Гм... А какъ онъ вообще до дѣла... безвредный?

— Н... не думаю, усомнился Подвилянскій: — дочка его, та годится, а самъ — не думаю.

— Что же онъ?

— Старый солдатъ... усердный схизматикъ... на царя своего Богу молится... Нѣтъ, человѣкъ не годящій!

— А на школу имѣетъ вліяніе?

— О! и пребольшое! самъ учитъ, самъ надъ всѣмъ надзираетъ... Учитъ, конечно, въ своемъ, въ московскомъ духѣ.

— Гм... вотъ какъ!... Это неудобно... неудобно. Ну, а еслибъ отъ него перенять какъ-нибудь школу въ другія руки, понадежнѣе?

— Для дѣла вообще это было бы хорошо. И люди нашлись бы. Я такъ думаю.

Ксендзъ внимательно поднялъ глаза на своего собесѣдника.

— А есть на примѣтѣ? спросилъ онъ.

Учитель въ знакъ утвержденія склонилъ голову.

— Изъ нашихъ? продолжалъ Кунцевичъ съ легкою улыбкой.

— То-есть, нѣтъ: изъ стада, пояснилъ Подвилянскій: — люди завзятые, повели бы дѣло бойко.

Ксендзъ опять опустилъ глаза въ землю и на нѣсколько времени задумался.

— А что, не отказался бы панъ, пытливо началъ онъ, — еслибы начальство вмѣшалось въ дѣло и передало бы пану администрацію этой школы?

Подвилянскій немножко изумился и, въ свою очередь, задумчиво сталъ глядѣть въ полъ.

— Хоть бы на первое время, продолжалъ каноникъ: — лишь бы только дѣло поставить какъ слѣдуетъ, а тамъ можно будетъ передать съ рукъ на руки другому надежному лицу изъ нашихъ: самъ въ сторонѣ останешься, и опасаться, значить, нечего!

Учитель, въ нерѣшительности, раздумчиво пожалъ плечами.

— Это дѣло совѣсти, спокойнымъ и строгимъ голосомъ проговорилъ каноникъ, не сводя пристальныхъ глазъ съ своего духовнаго сына: — это дѣло Бога и... отечества, прибавилъ онъ тихо, но выразительно: — не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ; надо глядѣть въ будущее...

Подвилянскій подумалъ и согласился.

— Только какъ же мы устроимъ это? спросилъ онъ.

Ксендзъ загадочно улыбнулся и слегка развелъ руками.

— Подумаемъ и придумаемъ, съ Божьею помощью! сказалъ онъ, покорно склоняя голову, какъ бы предъ высшею волей Провидѣнія: — сказано: толцые и отверзятся, ищите и обря-

жете, ну, стало быть, и поищемъ! А если что нужно будетъ, я опять увѣдомлю пана.

Подвилянскій смиренно подошелъ къ нему подъ благословеніе, и они разстались.

ХІІ. Иллюзіи и разочарованія стараго маіора.

Въ самомъ счастливомъ настроеніи духа, ретиво принялся маіоръ за свои хлопоты. Съѣздивъ къ старшинамъ клуба и выпросилъ залу, околесилъ полгорода, приглашая участвовать разныхъ любителей по части музыки и чтенія, заказалъ билеты, справился что будутъ стоять афишки съ бумагой, печатаніемъ и разноской по городу и, наконецъ, общими усиліями съ Устиновымъ и Горовой, составилъ программу литературно-музыкальнаго вечера. Оставалось только губернатору разрѣшить, цензору пропустить, полицеймейстеру подписать и затѣмъ — печатать и выпускать афишу.

Но судьба готовила маіору нѣсколько разочарованій, и первое изъ нихъ наступило для него въ ту минуту когда пріѣхалъ онъ къ полицеймейстеру получить отъ него разрѣшенную и подписанную программу.

— Ея превосходительство поручила мнѣ передать вамъ, сообщилъ ему подполковникъ Гнутъ, — что она по особымъ и непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не можетъ участвовать у васъ въ концертѣ, поэтому я уже самолично распорядился вычеркнуть ея имя.

— Эхъ!... Какъ же это такъ! съ раздумчивымъ сожалѣніемъ прицмокнулъ да покачалъ головой опѣшенный Петръ Петровичъ: — ну, жаль, очень жаль!... Ея превосходительство была такъ милостива, сама даже предложила... Мы такъ надѣялись... Очень, очень жаль... А участіе ея много помогло бы добродѣлу... Много помогло бы.

Онъ говорилъ это, какъ-то разсѣянно и равнодушно глядя въ переносицу Гнуту, но словно и не видя его.

— Н-да! Но... что же дѣлать! пожалъ тотъ плечами: — ея превосходительство весьма сожалѣетъ и... даже извиняется; но... она тѣмъ не менѣе готова всячески помочь вамъ, и потому поручила мнѣ взять отъ васъ нѣсколько билетовъ для раздачи.

— Ея превосходительство сама раздать желаетъ? освѣдомился старикъ.

— Н-да... то-есть, нѣтъ! Она поручила мнѣ

распорядится этимъ дѣломъ... Да вы не безпокойтесь, ужъ я какъ-нибудь постараюсь.

Со скрипучимъ чувствомъ на душѣ вышелъ маіоръ отъ полицеймейстера.

„Вотъ те, бабушка, и Юрьевъ день!... вотъ те и сочувствіе! съ горечью помыслилъ онъ: эдакъ-то и безъ вашего превосходительства обошлись бы... Выходить что и просить не стоило!“

Маіоръ однакоже не унывалъ. Тридцать билетовъ онъ отправилъ къ полицеймейстеру, да нѣсколько штукъ вручилъ для раздачи Устинову съ Татьяной Николаевной, да самолично завезъ еще кое къ кому и весьма многимъ разослалъ въ конвертахъ вмѣстѣ съ афишами. И тутъ-то вотъ начались для него новыя разочарованія. Иные отказывались отъ билетовъ, говоря что возьмутъ потомъ, или что уже взяли, другіе присылали ихъ обратно, кто при вѣжливо-извинительныхъ записочкахъ, выставляя какое-нибудь благовидное препятствіе къ посѣщенію вечера, а кто, то-есть бóльшая часть, безъ всякихъ записокъ и поясненій, просто возвращали въ тѣхъ же самыхъ, только уже распечатанныхъ конвертахъ, чрезъ своего кучера или съ горничною, приказавъ сказать маіору „что для нашихъ, молъ, господъ не надо, потому — не

требуется“. И маіоръ очень сердился на то что почти всѣ кучера, возвращая билеты, переминаясь, просили еще у него же „на чаекъ-съ“.

— Ну, ужъ это и въ самъ-дѣлѣ, чортъ знаетъ что! разводилъ онъ руками: — словно ты у нихъ для самого себя на бѣдность выпрашиваешь! Эдакое англійское равнодушіе! (Маіоръ полагалъ что вообще всѣ Англичане очень равнодушны.) Вѣдь общественный же интересъ! Вѣдь свое же родное, русское дѣло!... Тьфу, ты! Что за народъ нынче пошелъ!

— Да-съ, вотъ тотъ-то оно и есть! въ отвѣтъ на это поддразнивалъ его Полояровъ, который почти дня не пропускалъ безъ того чтобы не побывать у Анны Петровны и заодно ужъ позавтракать тамъ, либо пообѣдать, либо чаю напиться. — А кабы вотъ мы-то дѣлали, такъ у насъ не то бы было!

— Вы!... Да что такое вы?! досадливо горячился Лубянской.

— Мы-то?... А мы сила живая, вотъ мы что! А вы сила мертвая, ваша пѣсенка спѣта, оттого и общественнаго сочувствія вамъ нѣтъ.

— Ну, батенька, пошли! поѣхали!

Петръ Петровичъ только рукой махалъ на это.

Сутокъ за двое до назначеннаго дня вдругъ

стало извѣстно по городу что графиня Курси большой „рауть“ у себя дѣлаетъ, на которомъ будетъ весь эlegantный Славнобубенскъ и, какъ нарочно, дернула же ее нелегкая назначить этотъ „рауть“ на то самое число на которое и маіоръ назначилъ свой вечеръ. Вольною или невольною причиною этому явилась все та же очаровательная Эмилія Александровна, которая давно уже собиралась къ графинѣ и теперь, — совсѣмъ изъ ума ей вонъ про маіорскій концертъ! — по забывчивости, сама назначила ей день этого „раута“.

Маіоръ просто въ отчаяніе пришелъ. Что тутъ дѣлать! Отложить вечеръ? Но афиши уже напечатаны, да и клубъ уступилъ ему залу только на это именно число. Хоть совсѣмъ отказывайся отъ завѣтной идеи! Но... и отказываться было уже поздно: всѣ необходимые предварительные расходы уже сдѣланы, деньги затрачены, а Лубянскій вообще былъ далеко не изъ числа обладателей излишнихъ капиталовъ. Оставалось положиться на авось да на волю Божію; такъ онъ и сдѣлалъ. А тутъ еще — новый сюрпризъ! — въ самый день концерта, часа за два до начала, полицеймейстеръ возвратилъ ему, изъ числа тридцати, девятнадцать билетовъ нерас-

проданными, извиняясь при этомъ что несмотря на всѣ свои старанія никакъ не успѣлъ разсовать почтеннѣйшей публикѣ болѣе одиннадцати билетовъ. За то въ это время, среди всяческихъ горечей, довелось маіору познать и сладость маленькаго утѣшенія: Пшецыньскій не только не отказался отъ посланнаго ему билета, но еще прислалъ за него, сверхъ платы, три рубля, при очень милой запискѣ, въ которой благодарилъ Петра Петровича за оказанное ему вниманіе и присовокуплялъ что почитаетъ себя весьма счастливымъ имѣя столь прекрасный случай оказать свое сочувствіе такому истинно благому и благородному дѣлу какъ просвѣщеніе русскаго народа.

— Вотъ, и судите тутъ послѣ этого! Ругаютъ человѣка за то только что жандармскій мундиръ носить! горячо увлекался Петръ Петровичъ, показывая всѣмъ и каждому изъ своихъ друзей письмо полковника: — а онъ хоть и Полякъ, а посмотрите-ка, получше многихъ Русскихъ оказывается!... А вы ругаете!

И дѣйствительно, друзья Петра Петровича находили поступокъ жандарма прекраснымъ и вполне достойнымъ каждаго порядочнаго человѣка. Особенно цѣнили въ немъ, въ жандармѣ,

это никѣмъ нежданное сочувствіе „такому принципу“. Одинъ только всеотрицающій Поляровъ умалялъ значеніе штабъ-офицерскаго великодушія.

— Эка штука три рубля! говорилъ онъ, фыркая и задирая голову; — оттого и сочувствуетъ что у Петра Петровича у самого преподаваніе-то идетъ почитай что на тѣхъ же самыхъ жандармственныхъ принципахъ; а небось, кабы мы вели эту школу, такъ намъ бы кукишъ съ масломъ прислалъ! Эта присылка только еще больше все дѣло компрометируетъ.

— Ну, батенька! Опять пошли-поѣхали! На васъ не угодишь! отмахивался Петръ Петровичъ.

ХІІІ. Въ пользу славнобубенской воскресной школы литературно-музыкальный вечеръ, съ участіемъ гг. такихъ-то и такихъ-то.

Въ ярко-освѣщенной залѣ довольно много пустыхъ мѣстъ, особенно въ первыхъ рядахъ, но все-таки нельзя сказать чтобъ было совсѣмъ уже пусто. Публика мало-по-малу набиралась. Пріѣхали даже на короткое время многіе изъ

приглашенныхъ на „раутъ“ графини Курси, куда явиться было слишкомъ еще рано. Поэтому нѣсколько дамъ блистали своими черезчуръ открытыми плечами (славнобубенскія жены и дщери вообще очень любятъ декольтироваться), а мужчины черными фраками и бѣлыми галстуками, — обстоятельство, придававшее маіорскому вечеру нѣсколько офиціально-парадный характеръ. Задніе ряды въ залѣ были даже полны: поддерживали господа офицеры Новоземельскаго полка, да чиновничество второй и третьей руки, которые преимущественно разбирали билеты при входѣ, а ужъ о хорахъ нечего и говорить: тамъ было биткомъ набито, и душно, и говорно, словно въ пчелиномъ ульѣ, ибо верхами почти безраздѣльно владѣли гимназисты съ семинаристами. Цѣны, кромѣ первыхъ рядовъ, маіоръ назначилъ весьма дешевыя, и потому теперь съ живѣйшимъ удовольствіемъ сталъ замѣчать что въ убыткѣ никакъ не останется, а кажись, еще и желаемую сумму соберетъ. То были блаженные времена когда всякіе литературные вечера не успѣли еще утратить своей свѣжести, своей отчасти „прогрессивно-либеральной“ моды. Вышелъ Устиновъ и прочелъ что-то изъ Гоголя. Ему умѣренно похлопали.

Вышла какая-то дебелая барышня и громко отбарабанила нѣчто изъ Менделсона-Бартольди. И ей тоже похлопали.

Хвалынцевъ прочиталъ *Развеселое житье* изъ Щедринскихъ рассказовъ, а за нимъ появилась другая барышня и подъ акомпаниментъ Лиденьки Затцъ пропѣла довольно сносно арію изъ *Карла Смѣлаго* и романсъ *Я очи зналъ, о! эти очи*, составлявшій тогда модную слабость града Славнобубенска. И барышнѣ, и Хвалынцеву похлопали дружиѣе чѣмъ прочимъ.

Затѣмъ на эстрадѣ появился высокій гимназистъ седьмаго класса, Иванъ Шишкинъ, который очень хорошо читалъ стихи. Гимназистъ былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій на хорахъ и бойко наизустъ продекламировалъ Некрасовскаго *Филантропа*, по окончаніи котораго, чтеца вызывали раза три или четыре, причемъ онъ форсисто, но неловко раскланивался.

Затѣмъ играли, читали и пѣли разные любители, и публика всѣхъ ихъ награждала благодушнымъ хлопаньемъ. Маіоръ хлопалъ благодушнѣе всѣхъ остальныхъ и, сидя въ уголкѣ, на особомъ стулѣ, просто сіялъ отъ восторга: тутъ во очію сбывалась завѣтная мечта о расширеніи и преуспѣяніи его роднаго дѣтища, его

воскресной школы. Онъ все время находился въ тревогѣ: то порывисто срывался съ мѣста и убѣгалъ въ смежную „артистическую“ комнату, предназначенную для участвующихъ, то озабоченно приказывалъ человѣку поправить какую-нибудь свѣчу или лампу, то снова торопился сѣсть на свое мѣсто чтобы не пропустить начала какого-нибудь нумера и успѣть похлопать при встрѣчѣ исполнителю. А въ „артистической комнатѣ“, смежной къ клубнымъ буфетомъ, кипѣлъ самоваръ и стоялъ лимонадъ съ оржадомъ. Сюда специально прикомандировались Полояровъ съ Анцыфровымъ и Подвилянскій, которые совсѣмъ почти не показывались въ залѣ. Полоярова всѣ эти дни куда какъ сильно подмывало съ эффектомъ показать свою особу на публичной эстрадѣ; но... хотя боязнь ареста и поуспокоилась въ немъ, однакоже не на столько еще чтобы рискнуть появленіемъ предъ публикой; и Полояровъ къ тому же полагалъ что ужъ если онъ заявитъ себя, то долженъ заявить не иначе какъ только чѣмъ-нибудь сильно „въ носъшибательнымъ“. А это находилъ онъ не совсѣмъ-то удобнымъ въ разсужденіи полковника Пшечинскаго.

Подвилянскій потребовалъ изъ буфета бу-

тылку шампанскаго и предложилъ Полоярову съ Анцыфровымъ распить ее по - пріятельски. Въ это время подвернулся ему на глаза гимназистъ Шишкинъ.

— Господинъ Шишкинъ, пожалуйста-ка сюда! кликнулъ его учитель: — вы что еще будете читать?

— *Клермонтскій соборъ*, Майкова, словно на экзаменѣ, отчетисто отчеканилъ юноша, въ силу давно ужъ усвоенной ученической привычки.

— И тоже наизусть будете?

— Наизусть... Я всегда наизусть.

— А не хотите ли для храбрости?

— Чего это-съ?

— А вотъ, стаканчикъ сладенькаго?

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю, смутился юноша.

— Э, полноте! Вѣдь мы не въ классѣ! Не бойтесь, я не скажу инспектору! пріятельски улыбнулся Подвилянскій, подавая ему полный и довольно уемистый стаканъ: — пейтека, пейте! Это вѣдь легонькое винцо, слабое, совсѣмъ дамское... Ну, хватите-ка!

— Да я... извините... признаться сказать, принимая стаканъ, замялся немножко гимназистъ, ободренный внутренно такою пріятельскою ф а-

миллярностью своего учителя, — признаться сказать, я ужъ тутъ... по секрету... два стакана пуншику хватилъ... Не много ли-съ будетъ ужъ?

— Ну, что за вздоръ!... Не маленькій вѣдь, не свалитесь!... Сами, батюшка, бывали когда-то въ вашей шкурѣ, знаемъ какъ пьютъ гимназисты! Ну-ну! для храбрости! безъ разговоровъ!

Въ конецъ уже ободренный и подзадоренный юноша, которому сказали столь лестную, хотя и косвенную похвалу, насчетъ того какъ умѣютъ пить гимназисты, слегка поклонился и залпомъ вылилъ въ себя стаканъ шампанскаго. Ему хотѣлось показать предъ учителемъ и предъ барышнями, и предъ этими двумя господами, что онъ совсѣмъ молодецъ.

— Вотъ такъ! по-нашему! по-ученому! похвалилъ Подвилянскій: — берите-ка стулъ да присядьте.

Гимназистъ развязно двинулъ стулъ и опустился на него совсѣмъ уже бойко, что называется, по-гимназически, „съ форсомъ“.

— Славно читаетъ стихи! кивнулъ на него Подвилянскій, обращаясь къ Анцыфрову и Подоярову: — вы знакомы, господа?

— Еще бы! Ивана Шишкина да не знать! подхватилъ пискунокъ: — вѣдь на серебряную медаль кончаетъ!... А?... Каковъ?

— Можетъ и на золотую дернемъ! не безъ самодовольно-гордой заносчивости похвалился юнаша, покосясь на барышень. Онъ уже начиналъ понемногу хмѣлѣть и все болѣе чувствовалъ себя молодцомъ.

— А славно, ей же Богу, славно декламируетъ! воскликнулъ Подвилянскій и даже прижмурилъ глазки, будто при воспоминаніи о томъ наслажденіи какое доставляетъ ему декламація Шишкина. — Онъ... вѣдь вы съ нимъ не шутите! Онъ помнитъ чортъ знаетъ сколько запрещенныхъ стиховъ. Кажется, всю *Полярную звезду* наизусть выучилъ. Память-то богатая какая!... А?... Каковъ?!... Изъ *Полярной*-то! изъ *Полярной*!... Послушайте, душечка, Шишкинъ, интимно и ласково промолвилъ онъ, хлопнувъ гимназиста по колѣну, — скажите-ка намъ *Орла*! А? Не бойтесь! ничего! Вѣдь между своими... никто не услышитъ... шпионовъ нѣтъ, кажись. Прелесть, господа, что за стихи, послушайте!... Ну, Шишкинъ, валяйте!

— Да я... не помню... слегка озираясь, отклонился юноша.

— Ну, вотъ вздоръ какой, „не помню“!... На прошлой недѣлѣ читалъ же у меня въ классѣ, а тутъ вдругъ, не помню“!... Э, батюшка, я не зналъ что вы такой трусъ!

Послѣднее слово окончательно уже подожгло гимназиста. Онъ предварительно крикнулъ и прочелъ *Орла*.

— Браво! браво!... молодецъ! пискнулъ было Анцыфровъ, и тихонько хлопнулъ въ ладоши.

Полояровъ, въ сосредоточенномъ молчаніи, взялъ руку гимназиста и выразительно потрясъ ее.

Подвилянскій, успѣвшій уже мигнуть чтобы подали вторую бутылку, налилъ еще стаканъ юному декламатору, который и не замедлилъ порядочно изъ него отвѣдать.

— А вотъ бы штука-то была, съ оживленіемъ началъ учитель, словно подъ наитіемъ внезапно блеснувшей мысли: — еслибъ этого самаго *Орла* да дернуть сегодня на публичномъ чтеніи.

— Браво! браво!... Отлично! великолепно! запищалъ и заерзалъ на стулѣ Анцыфровъ, подслѣповато отыскивая свой налитый стаканъ.

— А что жь? Я бы прочелъ, да... выдерутъ пожалуй? сомнѣвающимся тономъ тихо спро-

силъ гимназистъ, уже полурѣшившись на эту выходку.

— Выдерутъ? угрожливо насупился Полояровъ: — а вò! этого не хотятъ ли? Пущай попробуютъ вкусно ли пахнетъ!

— Ну-у, гдѣ выдрать! солидно возразилъ учитель: — теперь и вообще-то не дерутъ, а тутъ еще ученикъ на выпускѣ. Развѣ такъ что-нибудь... въ карцеръ посадятъ на недѣльку, и только.

— Такъ я хвачу!... Ей-Богу, хвачу! съ живостью подхватилъ Шишкинъ, срываясь съ мѣста.

— Ну вотъ, вздоръ какой! Я вѣдь только такъ... пошутилъ, отклонялся учитель, все въ томъ же солидномъ тонѣ.

— Отлично бы хватить, да не хватите! вздохнулъ Анцыфровъ.

— Не хвачу!... А почему... позвольте узнать... почему вы думаете что не хвачу?

— Да такъ; смѣлости не хватить.

— Смѣлости?... У меня-то? У Ивана-то Шишкина смѣлости не хватить? Ха-ха!... Мы въ прошломъ году, батюшка, Французу бенефисъ цѣлымъ классомъ задавали, такъ я въ него, во-первыхъ жвачкой пустилъ прямо въ рожу, а потомъ парикъ сдернулъ... Цѣлыя полторы не-

дѣли въ карцерѣ сидѣлъ, на хлѣбѣ и на водѣ-
сѣ, а никого изъ товарищей не выдалъ. Вотъ
Феликсъ Мартыновичъ знаетъ! сослался онъ на
Подвилянскаго: — а вы говорите, смѣлости не
хватить!... А вотъ хотите докажу что хватить?
Мнѣ что? мнѣ все равно.

— Нѣтъ-сѣ, тутъ батюшка, не парикъ и не
жвачка, возражалъ пискунъ: — тутъ нѣчто по-
больше да посерьознѣе, да и подоблестнѣе-сѣ!
Тутъ гражданское мужество нужно-сѣ!

— А вотъ увидимъ, коли такъ! Увидимъ!
хорохорился гимназистъ, у котораго голова хо-
денемъ пошла съ двухъ стакановъ шампанскаго.

— Ну, нѣтъ, не дѣлайте глупостей! сталъ
было солидно урезонивать Подвилянскій, и эта
солидность оказалась у него очень искусно сдѣ-
ланною, такъ что даже на посторонніе глаза ее
смѣло можно было бы принять за солидность
настоящую и вполне искреннюю.

— Чего тамъ не дѣлайте! обернулся на
него Шишкинъ: — они меня за труса считаютъ
такъ нѣтъ же, чортъ возьми! Я имъ докажу!

— Господинъ Шишкинъ! Господинъ Шиш-
кинъ! хлопотливо вбѣжалъ въ комнату Петръ
Петровичъ. — Пожалуйста поскорѣе, вашъ чередъ!

Шишкинъ бойко и самоувѣренно взошелъ

на эстраду. Полояровъ, Анцыфровъ и Подвилянскій съ любопытствомъ ожиданія подошли къ дверямъ и приготовились слушать.

— *Орелъ!* раздался звучный голосъ декламатора.

Анцыфворъ пискнулъ, хихикнулъ и даже присѣлъ отъ удовольствія.

— Молодецъ!... Ей-Богу, молодецъ!... Я никакъ не думалъ, прошепталъ онъ.

По залѣ понеслись звучныя строфы:

„Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безтолковый
Нашихъ бѣдъ и нашихъ золъ!
Виноватъ во всемъ гербовый,
Двуязычный, двухголовый
Всероссійскій нашъ орелъ!“

И пошелъ, и пошелъ все дальше, да дальше... Недоумѣніе, удивленіе, волненіе, шепотъ понеслись по залѣ, слушатели оглядывались другъ на друга и вокругъ себя, иные опасались за смѣлаго чтеца, иные искали глазами не слушаетъ ли гдѣ-нибудь полиція...

Эффектъ вышелъ полный и неожиданный. Лубянскій поблѣднѣлъ и стоялъ словно на него столбнякъ нашелъ.

Взволнованный и перетревоженный, въ страхъ за чтеца, онъ искалъ глазами Пшечыньскаго,

но того не было въ залѣ. Полковникъ ограничился только присылкой денегъ, а самъ не почтилъ вечера своимъ присутствіемъ.

Но въ сущности легче ли было отъ этого? Измѣняло ли его отсутствіе хоть сколько-нибудь участь пьянаго Шишкина? И едва кончилъ онъ, какъ раздался взрывъ неистовыхъ криковъ и топанья. Особенно отличались хоры, шумѣвшіе по двумъ причинамъ: первая та что читалъ своей братъ гимназистъ, котораго поэтому „нужно поддержать“; а вторая — читалось *запрещенное* слово, вѣчно заключающее въ себѣ что-то влекущее, обаятельное.

Большинство вопило „браво!“ и требовало „bis!“ Только немногіе сохраняли необходимую сдержанность и приличіе, и въ числѣ этихъ немногихъ, между прочимъ, были докторъ Адамъ Яроць и самъ Подвилянскій, незамѣтно проскользнувшій въ залу. Теперь онъ старался держаться на глазахъ всѣхъ и съ видомъ серьезнаго равнодушія оглядывалъ бѣсновавшуюся часть публики.

Одурманенный виномъ и успѣхомъ, Шишкинъ шелъ уже на эстраду чтобы повторить *Орла*, какъ вдругъ изъ одного конца залы смѣло раздалось рѣзкое шиканье.

Всѣ обернулись въ ту сторону. Тамъ, приложивъ щиткомъ руки къ губамъ, что есть мочи шикалъ одинъ только человѣкъ. И этотъ одинъ, къ удивленію многихъ, былъ Устиновъ.

— Молчать!... Не шикать!... Кому не нравится, тотъ вонъ!... Не мѣшайте слушать!... Долой шикальщика! съ разныхъ концовъ залы раздалось нѣсколько, ретивыхъ, задорныхъ голосовъ.

Устиновъ, не обращая вниманія, продолжалъ свое дѣло.

Къ счастью, Шишкинъ не былъ допущенъ на эстраду. Маіоръ удержалъ его за руку и почти насильно увелъ въ „артистическую комнату“.

— Чтò вы надѣлали!... Господи! Чтò вы надѣлали! въ ужасѣ качалъ онъ головой, заслоняя собой гимназисту проходъ въ шумѣвшую залу.

— Вы думаете выдерутъ? Небойсь, не посмѣютъ!... Въ карцеръ развѣ, а это — нѣтъ! Пустите меня, публика требуетъ! порывался тотъ, стараясь выскользнуть изъ рукъ Лубянского.

А публика все еще шумѣла, стучала, хлопала... Скандалъ былъ полный и всесовершенный.

Частный приставъ возвысилъ было голосъ, нѣсколько человѣкъ вытѣснили его изъ залы и наглухо захлопнули входную дверь.

Маіоръ былъ въ отчаяніи и поспѣшилъ выслать на эстраду двухъ барышень, поющую и воющую, которыя громогласнымъ дуэтомъ хотѣли заглушить стукъ и крики. Нѣкоторое время длилась борьба между пѣніемъ и шумомъ, но храбрыя и стойкія барышни преодолѣли, публику, и она наконецъ снисходительно замолкла.

Вечеръ кончился какъ-то странно. Одни выходили изъ залы въ недоумѣніи, другіе, то есть большинство, весьма шумно. Тамъ и сямъ, какъ послѣдніе выстрѣлы отступающихъ солдатъ, раздавались еще выкрики: „Шишкина!... Орла!... bis!... браво! Шишкина!“

— Это съ какой стати вы зашикать изволили? дерзко вызывающимъ тономъ обратился къ Устинову Полояровъ.

— Съ такой, что если разъ уже сдѣлана глупость, то не слѣдуетъ повторять ее! рѣшительно отчеканилъ Устиновъ, не смутясь отъ взгляда Полоярова.

— А въ чемъ эта глупость, по-вашему, и почему это не повторять ея? позвольте полюбопытствовать!

— Глупость въ томъ что она вредитъ хорошему и почтенному дѣлу, а повтореніе ея могло бы отозваться еще болѣе горькими послѣдствіями для Шишкина.

— Все это вздоръ! Никакихъ послѣдствій не будетъ и быть не можетъ! Тутъ голосъ общественнаго мнѣнія-съ!

— Въ такомъ разѣ напрасно сами вы не вышли вмѣсто гимназиста и не прочли *Орла*. Скажите, пожалуйста, отчего это вы пропустили такой прекрасный случай?

Послѣдній вопросъ былъ предложенъ съ весьма чувствительною ѣдкостью и попалъ прямо по назначенію. Полоярову нечего было отвѣтить и потому, промывавъ иронически „гм!“ онъ отвернулся отъ Устинова.

XIV. Кому досталось расхлебывать кашу.

На другое утро къ воротамъ маіорскаго дома прискакалъ казакъ и привезъ Петру Петровичу повѣстку изъ губернаторской канцеляріи.

Эта повѣстка вызывала его прибыть къ его превосходительству въ одиннадцать часовъ утра. Лаконизмъ извѣщенія показался маіору довольно

зловѣщимъ. Онъ зналъ, онъ предчувствовалъ по поводу чего будутъ съ нимъ объясненія. И хуже всего для старика было то что не видѣлъ онъ ни малѣйшихъ резоновъ и оправданій всему этому дѣлу.

Когда маіоръ вступилъ въ губернаторскую залу, тамъ уже толкались кое-какія силы офіціальнаго міра. Правитель канцеляріи и нѣскольکو чиновниковъ ожидали со своими докладами; лихой полицеймейстеръ Гнутъ расхаживалъ съ рапортомъ; дежурные канцеляристъ и квартальный суетились около какихъ-то шнуровыхъ разграфленныхъ книгъ и сортировали только что полученные пакеты. Лихой Гнутъ попытался было мимоходомъ окинуть маіора внушительно строгимъ соколинымъ взглядомъ; но того этотъ взглядъ не смутилъ ни мало. Въ своемъ тщательно вычищенномъ и щеткой, и метелкой мундирѣ, при всѣхъ регаліяхъ, стоялъ маіоръ у окна и съ тайною смутой на сердцѣ ожидалъ что-то будетъ.

Пробило одиннадцать, губернаторъ не показывается.

Пришелъ черненькій Шписсъ, небрежно мотнувъ головой на поклоны нѣкоторыхъ чиновниковъ, фамиллярно подалъ руку правителю

канцеляріи и пріятельски заболталъ съ подполковникомъ Гнутомъ о вчерашнемъ „раутѣ“ графини. Пришли и еще двое чиновниковъ по особымъ порученіямъ, изъ коихъ одинъ обладалъ весьма либеральною бородой, либеральными усами, либеральною прической и либеральными панталонами. Онъ небрежно поигрывалъ стальною цѣпочкой отъ часовъ, которая изображала собой въ нѣкоемъ родѣ кандалы, съ ядромъ и „мертвою головой“. Либеральный чиновникъ, видимо, желалъ обратить вниманіе присутствовавшихъ на свою цѣпочку, и дѣйствительно, лихой Гнутъ вскорѣ замѣтилъ ее:

— Посмотрите, господа, какая оригинальная цѣпочка!

И всѣ кинулись разсматривать цѣпочку либеральнаго чиновника. Одинъ только ни чему непричастный маіоръ попрежнему оставался у окна.

— Это цѣпь каторжныхъ галерниковъ, самодовольно пояснялъ чиновникъ: совсѣмъ новая новинка! Только что получены.

— Гдѣ? гдѣ? скажите пожалуйста! у кого это? хоромъ насѣли на него заинтересованные чиновники.

— Въ Парижскомъ магазинѣ... цѣлая партія прислана.

— А! надо купить! непременно надо! Отличная штука!

И чиновники долго еще любовались цѣпочкой своего либеральнаго собрата.

Пробило половину двѣнадцатаго: нейдетъ губернаторъ.

Чиновники по особымъ порученіямъ либерально расхаживаютъ по залѣ вмѣстѣ съ „правителемъ“ и Гнутомъ, тогда какъ всѣ остальные почтительно дожидаются, не двигаясь съ мѣста.

— Вотъ на минуту растворилась дверь, и вышелъ изъ нея, вполне серіозный, полковникъ Пшецыньскій, представительна бряцая шпорами и поддѣтою на крючокъ саблей, причемъ кисточки его серебряныхъ эполетъ болтались весьма эффектно. Онъ на ходу отвѣтилъ любезнымъ склоненіемъ головы на общій поклонъ чиновниковъ и, съ озабоченнымъ видомъ, прошелъ въ прихожую, мимо маіора, котораго хотя и видѣлъ, но будто и не замѣтилъ.

Пробило двѣнадцать. Опять на минуту растворилась дверь, и губернаторскій лакей пронесъ на подносѣ корзинку съ хлѣбомъ, да два пустые стакана послѣ кофею.

Либеральные чиновники продолжаютъ расхаживать, болтая о „раутѣ“, о madame Пруцко,

о Лудовикѣ Наполеонѣ, объ актрисѣ Шмитгофѣ, о какой-то статьѣ въ *Современникѣ*, о внезапномъ повышеніи по службѣ какого-то Кузьмы Демьяныча, о новомъ рысакѣ Верхохлебова... и о многихъ иныхъ подобныхъ предметахъ, о которыхъ вообще и всегда, отъ нечего дѣлать, болтаютъ губернаторскіе чиновники въ ожиданіи своего патрона.

Но вотъ раздался кабинетный звонокъ, и дежурный канцеляристъ, застегивая послѣднюю пуговицу вицмундура, со всѣхъ ногъ бросился на призывъ его превосходительства. По прошествіи нѣкотораго времени онъ опять появился въ залѣ, и собственноручно отворилъ самымъ торжественнымъ образомъ половинку двери. Послышались вѣскіе шаги, съ легкимъ скрипомъ, и въ дверяхъ появился Непомукъ Анастасьевичъ Гржибъ-Загржимбайло.

— Гдѣ? лаконично произнесъ онъ, обративъ вопросительный взглядъ на дежурнаго.

Тотъ указалъ рукой на маіора.

Губернаторъ, отдавъ всѣмъ общій поклонъ, вышелъ на середину залы и остановился. Онъ не позвалъ маіора въ кабинетъ, но нарочно хотѣлъ „распушить“ его въ залѣ при всѣхъ, да-

бы всѣ видѣли Непомуковскую строгость и высшую благонамѣренность.

— Пожалуйте-ка сюда, господинъ Лубянской! издали обратился онъ къ Петру Петровичу тѣмъ офиціально-деревяннымъ тономъ, который не предвѣщалъ ничего добраго. Старикъ и чувствовалъ, и понималъ что во всякомъ случаѣ — ему рѣшительно нечего говорить, нечего привести въ свою защиту и оправданіе, и потому онъ только произнесъ себѣ мысленно: „помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его!“ и, по возможности, твердо и спокойно подошелъ къ губернатору.

— Чтò это у васъ такое произошло! грозно загнулъ и засопѣлъ его превосходительство: — воззваніе къ бунту!... демонстраціи!... порицаніе правительственнаго принципа! И вы думаете что я это потерплю? Вы думаете что со мной можно безнаказанно такія шутки шутить... Да знаете ли, милостивый государь, что я васъ, административнымъ порядкомъ, въ двадцать четыре часа изъ города вонъ! въ Тобольскую упрячу!... Вы у меня народъ агитировать, молодежь развращать!... Я вырву съ корнемъ это гнусное сѣмя!... Стыдитесь: вы — старикъ, штабъ-офи-

церъ; на васъ эти кресты, эти медали — и вы...
вы...

Послѣдній незаслуженный упрекъ былъ слишкомъ горекъ и обиденъ старому солдату. Онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ отъ волненія.

— Ваше превосходительство... ваше превосходительство! возвысилъ онъ голосъ: — въ вашемъ положеніи оскорбить человѣка легко-съ. Но... я за двухъ моихъ государей двадцать пять лѣтъ мой лобъ и мою грудь подставлялъ... я одиннадцать ранъ имѣю-съ, такъ не мнѣ, на старости лѣтъ, подъ-уськивать на бунты!

И повернувшись, онъ твердыми шагами пошелъ изъ комнаты.

— Стойте! закричалъ ему вслѣдъ губернаторъ.

Маіоръ словно и не слышалъ.

— Стойте же, говорю я вамъ!... Я еще не кончилъ... Остановите его!

Дежурный квартальный преградилъ ему выходъ.

Потухшіе глаза маіора вдругъ сверкнули нестарческимъ огнемъ. Еслибы полицейскій офицеръ только дотронулся до него... было бы не хорошо. Петръ Петровичъ на мгновеніе замедлился предъ нимъ, словно соображая на что ему

рѣшиться. Улыбающееся личико дочери вдругъ мелькнуло въ его воображеніи, и этотъ спасительный образъ, къ счастью, удержалъ его отъ многого...

— Потрудитесь вернуться... и выслушать! кричалъ межъ тѣмъ Гржибъ-Загржимбайло.

Лубянской подошелъ къ нему твердымъ шагомъ.

— Изъ уваженія къ вашимъ сѣдинамъ, я не хочу лишать васъ покоя и потому оставляю въ городѣ, продолжалъ Непомукъ уже гораздо сдержаннѣе: — но за подобныя вещи отдають, по крайней мѣрѣ, подѣ строгій надзоръ полиціи... Послѣ этого я не могу, не имѣю права дозволить вамъ учить дѣтей и оставить школу въ вашихъ рукахъ. Но я не хочу также чтобы бѣдныя дѣти которыя ни въ чемъ не виноваты лишились, благодаря вамъ, того образованія которое они получали; поэтому я учреждаю надъ школой административный надзоръ, и вы потрудитесь передать завѣдываніе ею тому благонадежному лицу которое будетъ мною назначено!... Ему же передадите вы отчетъ и сумму отъ вчерашняго вечера. Теперь можете идти!

И онъ вѣжливымъ, но очень выразительнымъ жестомъ указалъ на дверь маіору.

Старикъ, почти не помня себя, вышелъ на улицу убитый, оскорбленный, уничтоженный и разомъ лишенный лучшаго и завѣтнѣйшаго дѣла своей тихой и честной старости.

XV. Конференція совѣта гимназіи.

Объявленіе положенное на столѣ сборной учительской комнаты извѣщало господъ учителей объ экстренномъ засѣданіи совѣта гимназіи которое имѣетъ быть сегодня, въ два съ половиной часа пополудни. Учителя болѣе или менѣе знали уже о чемъ пойдетъ рѣчь на этомъ засѣданіи.

Въ половинѣ третьяго, по окончаніи классовъ, когда гурьба гимназистовъ съ гамомъ и шумомъ высыпала на улицу, учителя собрались въ совѣтскую залу, по стѣнамъ которой стояли высокіе шкафы съ чучелами птицъ и моделями звѣрей; на шкафахъ — глобусы и семь мудрецовъ греческихъ; на столахъ и въ витринахъ около оконъ — электрическая и пневматическая машины, Вольтовъ столбъ, Архимедовъ винтъ, лейденскія банки, минералогическая коллекція. По срединѣ залы стоялъ длинный столъ покрытый краснымъ сукномъ, и вокругъ него рядъ

креселъ. На площадкѣ предъ этою комнатою дожидалась чего-то маленькая, бѣдно одѣтая старушка, и молча, но съ невыразимо тоскливою мольбой во взорѣ, провожала каждаго входившаго въ дверь конференцъ-залы. Пока еще директоръ не занялъ предсѣдательскаго мѣста, члены совѣта въ группахъ разговаривали между собой. Устиновъ отозвалъ Подвилянскаго въ сторону и сказалъ ему тихо:

— Я надѣюсь, Феликсъ Мартыновичъ, вы употребите всѣ усилія, все стараніе чтобъ облегчить участь Шишкина... Это долгъ вашей совѣсти, Феликсъ Мартыновичъ! прибавилъ онъ съ удобопонятною для Подвилянскаго выразительностью.

— Конечно... все что могу... процѣдилъ тотъ сквозь зубы.

Раздался призывный колокольчикъ, и учителя заняли свои мѣста.

— Предварительно обсужденія главнаго вопроса нынѣшней конференціи, началъ директоръ, видимо стремившійся усвоить себѣ парламентскія формы, — я долженъ сообщить вамъ, милостивые государи, вотъ что: сегодня приглашалъ меня къ себѣ его превосходительство Непомукъ Анастасьевичъ для совмѣстнаго обсужденія весь-

ма важнаго вопроса о воскресной школѣ. Послѣ всего происшедшаго на литературномъ вечерѣ, его превосходительство полагаетъ совершенно невозможнымъ ни оставить завѣдываніе школой въ рукахъ маіора Лубянского, ни дозволить ему дальнѣйшее преподаваніе. Это его крайнее и послѣднее рѣшеніе. Его превосходительство намѣренъ предложить администрацію и наблюденіе за ходомъ преподаванія въ школѣ господину Подвилянскому и спрашивалъ меня о благонадежности Феликса Мартыныча въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. Я, съ своей стороны, конечно, могъ дать только самый лестный отзывъ.

Подвилянскій при этомъ слегка поклонился, со скромною улыбкой благодарности.

— Что касается меня, продолжалъ директоръ, — я не нашелъ ничего противъ предложенія его превосходительства и въ принципѣ совершенно соглашаюсь съ нимъ. Остается только узнать на этотъ счетъ рѣшеніе самого Феликса Мартыныча, и если Феликсъ Мартыновичъ согласенъ, то...

— Я соглашаюсь, подхватилъ Подвилянскій. — Конечно... у меня есть много занятій, но... для пользы такого дѣла... просвѣщеніе народа...

вы сами, конечно, понимаете... я не считаю себя въ правѣ отказать.

— Въ такомъ случаѣ я извѣщу объ этомъ Непомука Анастасьевича, а вы потрудитесь завтра утромъ отправиться къ его превосходительству, и онъ сообщитъ вамъ нѣкоторыя инструкции.

Феликсъ Мартыновичъ поклонился вторично въ знакъ полного и покорнаго своего согласія.

— Какъ!... Позвольте-съ! поднялся съ мѣста озадаченный и даже ошеломленный Устиновъ: — но вѣдь эта школу дѣло совершенно частное, какое же тутъ вмѣшательство...

— Разрѣшеніе на школу дано все-таки администраціей, рѣшительно перебилъ директоръ, — и если направленіе преподаванія, или духъ школы идетъ въ разрѣзъ съ правительственными видами, администрація всегда имѣетъ полное право...

— Но вѣдь надо же сперва знать, надо изслѣдовать, по крайней мѣрѣ, все дѣло! Вѣдь такъ нельзя же! вѣдь это что жь такое, наконецъ!... Вредный духъ школы... да Господи Боже мой! взгляните прежде...

— Я ничего не знаю; это касается администраціи, можете къ ней адресоваться, настой-

чиво прервалъ директоръ Устинова: — администрація во вчерашнемъ происшествіи имѣетъ налицо достаточно краснорѣчивый фактъ, противъ котораго я не нахожу возможности спорить, и если заговорилъ объ этомъ, то для того только чтобы передать Феликсу Мартынычу рѣшеніе лично до него касающееся. За симъ дебаты объ этомъ предметѣ я считаю оконченными и предлагаю перейти къ главному нашему вопросу.

Будто почувствовавъ важность этой минуты, всѣ как-то подбодрились, оправились, подвинули ближе къ столу свои кресла и приготовились слушать.

— Вамъ, милостивые государи, началъ директоръ, вздохнувъ съ печально-важнымъ видомъ, — извѣстно уже грустное происшествіе на литературномъ вечерѣ, поэтому я избавляю себя отъ прискорбнаго труда повторять вамъ сущность его. Всѣ вы и безъ того хорошо знаете дѣло. Антонъ Антонычъ, обратился онъ къ инспектору, — какъ распорядились вы съ Шишкинымъ?

— Съ утра еще посаженъ въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду.

— Это хорошо-съ. Теперь, господа, вашему обсужденію предлежитъ вопросъ: что сдѣлать

съ нимъ? Господинъ Шёпфенгаузенъ, вы, какъ младшій, потрудитесь изложить намъ ваше мнѣніе, отнесся предсѣдатель къ учителю чистописанія, черченія и рисованія.

— Съ большинства загла-асенъ, сгибая коленки и оскала глупою улыбкой свою лошадиную челюсть, приподнялся скромный и немногословный господинъ Шёпфенгаузенъ.

— Очень хорошо-съ. Господинъ Краузе?

— Висѣкать и вигонять, рѣшилъ учитель нѣмецкаго языка.

— Очень хорошо-съ. Monsieur Фуше! *votre opinion?*

— Oh, oui! et розгъ, et cachôt et вигану... et tout ce que vous voulez! O, c'est un grand gaillard ce Chichkin là... Эти сквернѣ мальшишкѣ! Tout ce que voulez, monsieur le directeur! et вигану, et cachôt, et розгъ! жестикулировалъ учитель французскаго языка, который точилъ противъ Шишкина старый зубъ еще за прошлогодній бенефисъ со жвачкой и сдернутымъ парикомъ.

— Очень хорошо-съ. Не угодно ли вамъ, господинъ Подвилянскій?

— Съ большинствомъ согласенъ, уклончиво отвѣтилъ онъ на вопросъ.

— То есть, позвольте-съ! какъ же это съ большинствомъ? сказалъ Устиновъ, въ упоръ и строго глядя въ глаза ему: — до сихъ поръ большинство за розги и исключеніе? И вы тоже на сторонѣ большинства?

— Господинъ Фуше имѣетъ свои основанія подать мнѣніе этого рода, опять таки уклонился Подвилянскій, обращаясь не къ Устинову, но ко всѣмъ вообще: — Я прошу позволенія напомнить совѣту что прошлаго года этотъ самый Шишкинъ высидѣлъ полторы недѣли въ карцерѣ за грубыя дерзости которыя онъ позволилъ себѣ относительно господина Фуше.

— Я нахожу что напоминаніе ваше едва ли умѣстно, покраснѣвъ отъ негодованія, сдержанно проговорилъ Устиновъ: — были другіе которые были виноваты гораздо болѣе Шишкина, но Шишкинъ не захотѣлъ выдать товарищей и на самомъ себѣ понесъ все наказаніе. Я нахожу что это черта весьма благородная.

— Итакъ, Феликсъ Мартыновичъ, ваше мнѣніе? обратился предсѣдатель къ Подвилянскому.

— Остаюсь при прежнемъ, коротко поклонился тотъ.

Устиновъ поглядѣлъ на него честными изумленными глазами.

— Вы что скажете, Андрей Павлович? повернулся директоръ къ Устинову.

— Я скажу одно, поднялся маленькій математикъ: — пощадите, господа, молодого человѣка!... Если у васъ есть въ сердцѣ хоть капелька человѣческой крови, пощадите его. Онъ виноватъ, не спорю. Ну, выдержите его въ карцерѣ, сколько вамъ будетъ угодно; ну, лишите его домашнихъ отпусковъ до конца курса; ну, постарайтесь представить предъ собраніемъ товарищей весь позоръ, всю глупость его проступка; но... только, Бога ради, не выгоняйте его!

— Это будетъ весьма недостаточное наказаніе; поступокъ его заражаетъ большинство весьма дурнымъ примѣромъ замѣтилъ инспекторъ.

— Эхъ, Антонъ Антоновичъ! возразилъ Устиновъ: — видно что своихъ дѣтей у васъ нѣтъ и никогда не было!... Какъ это все легко говорится!... Вѣдь Шишкинъ способнѣйшая, даровитая голова! Вѣдь онъ у насъ который годъ первымъ ученикомъ идетъ! Ну, натура у него немножко широкая, увлекающаяся натура, но вѣдь онъ честный юноша; вѣдь ему чрезъ два мѣсяца курсъ кончатъ, изъ гимназіи выходить, а вы вдругъ хотите лишить его всего, всего, за одну глупость которую, вдобавокъ, и

сдѣлалъ-то онъ, какъ я не безъ основанія подозреваю, по чужому внушенію.

Подвилянскій, при этихъ словахъ, отчасти измѣнился въ лицѣ и сталъ сосредоточенно обмахивать обшлагъ своего вицъ-мундира, словно на немъ засѣла какая-то упрямая пылинка.

— Господа? продолжалъ Устиновъ: здѣсь, за дверью, какъ жизни или смерти, ожидаетъ вашего рѣшенія несчастная старуха, бабушка, этого Шишкина. Вѣдь онъ вся ея радость, единственная надежда, единственный кусокъ хлѣба на старости лѣтъ... Пощадите же, Христа ради!

— Для чего же вы сами шикали вчера? ехидственно спросилъ Подвилянскій.

Устиновъ, прежде чѣмъ отвѣтить, посмотрѣлъ на него холодно презрительными и строгими глазами.

— А я васъ спрошу, началъ онъ вѣско и размѣренно: — для чего вы подуськивали его?

— Какъ!... Позвольте, милостивый государь! гдѣ? когда я подуськивалъ его! горячо сорвался съ мѣста Феликсъ Мартыновичъ: — я?... я, напротивъ, удерживалъ, отговаривалъ его, у меня есть свидѣтели, очевидцы... Я представлю доказательства!... Я не позволю никому

оскорблять меня такимъ образомъ! Я не могу допустить чтобы такъ нагло клеветали на меня!... Это уже называется подкопами...

— Обвиненіе столь важно, перебилъ председатель, — чѣмъ я полагаю лучше допросить объ этомъ первоначально самого Шишкина... Пусть онъ намъ скажетъ внушалъ ли ему кто, или нѣтъ. Антонъ Антоновичъ, распорядитесь, пожалуйста, чтобы привели его сюда изъ карцера.

Черезъ нѣсколько минутъ подсудимый уже стоялъ предъ ареопагомъ своихъ наставниковъ и воспитателей. Едва успѣлъ онъ войти, какъ Подвилянскій, упреждая возможность перваго вопроса со стороны директора, къ которому арестантъ, естественно, не могъ быть подготовленъ, стремительно поднялся вдругъ съ кресла и съ особенною торопливостью обратился къ гимназисту:

— Господинъ Шишкинъ! Какъ честный человекъ, скажите откровенно, останавливалъ ли я васъ вчера отъ этого поступка? Не говорилъ ли я вамъ чтобы вы не дѣлали этой глупости? Скажите по совѣсти!

Шишкинъ поглядѣлъ на него пристально и твердо отвѣтилъ:

— Да; говорили... Останавливали.

Подвилянскій съ гордымъ презрѣніемъ вымѣрялъ торжествующимъ взглядомъ Устинова.

— Повремените немного, сказалъ ему послѣдній, очень хорошо понявъ значеніе этого безмолвнаго торжества: — Господинъ Шишкинъ! А не хочу допустить мысли чтобы вы сдѣлали вашъ проступокъ безъ чьего-нибудь посторонняго побужденія. Скажите откровенно, кто подуськалъ васъ на это? Или какъ, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе чего пришла вамъ эта несчастная мысль прочесть *Орла*?

Подвилянскій опять почувствовалъ маленькую неловкость и опять было прибѣгнулъ къ старательному обтиранію обшлага; но изъ этого безпокойнаго положенія, къ счастью, вывелъ его преподаватель географіи Бенедиктъ Кулькевичъ.

Шишкинъ еще не собрался отвѣтить, какъ уже раздался голосъ этого Бенедикта.

— Я полагаю, началъ онъ, — вопросъ господина Устинова не совсѣмъ умѣстнымъ; мы здѣсь, во первыхъ, не слѣдственная по политическимъ дѣламъ коммиссія...

Послѣдняя фраза была сказана съ тою ѣдкою ироніей которая прямо была на то чтобы подѣйствовать на щекотливую струнку самолюбія членовъ.

— Да, но мы здѣсь тѣмъ не менѣе рѣшаемъ судьбу молодаго человѣка! горячо перебилъ его Устиновъ.

— Вовторыхъ, продолжалъ Кулькевичъ, не обративъ вниманія на это возраженіе, — мнѣ кажется что такой вопросъ даже оскорбителенъ для самого господина Шишкина. По крайней мѣрѣ, еслибъ я былъ на его мѣстѣ, я бы оскорбился за мое самолюбіе: господинъ Устиновъ какъ будто предполагаетъ въ господинѣ Шишкинѣ совсѣмъ глупенькаго, неразумнаго ребенка, мальчишку, дурачка, котораго такъ вотъ вдругъ можно взять да и подуськать на что-либо; какъ будто господинъ Шишкинъ недочастатно взрослый и сомостоятельный юноша чтобы дѣйствовать по собственной инициативѣ? Впрочемъ, это только мое личное мнѣніе; можетъ, кто и „подуськивалъ“ его, я не знаю. Объ этомъ онъ самъ, конечно, лучше знаетъ.

Сказано все это было какъ нельзя болѣе кстати, и расчетъ оказался вѣренъ. Шишкинъ, какъ одинъ изъ лучшихъ и при томъ бойкихъ учениковъ, естественно былъ весьма самолюбивъ. Кулькевичъ зналъ за нимъ это качество, и его-то именно рѣшился задѣтъ въ нужную минуту. Восемнадцатилѣтній юноша переживалъ то время

когда школьническій гимназическій мундуръ становится уже тѣсенъ, малъ и узокъ на человѣкѣ, когда самолюбіе тянетъ человѣка на каждомъ шагу заявить себя взрослымъ, когда онъ, такъ сказать, борьбой добываетъ себѣ эту привилегію на взрослость въ глазахъ тѣхъ которые продолжаютъ еще считать его мальчишкой и школьникомъ.

— Меня никто не уськалъ... Я самъ читалъ, по своему побужденію, съ достоинствомъ проговорилъ юноша. Честный малый, онъ даже былъ убѣжденъ въ эту минуту что свершаетъ нѣкій подвигъ гражданскаго мужества.

— Хорошо-съ, можете отправляться обратно въ карцеръ, сухо отвѣтилъ ему на это директоръ.

Когда арестантъ удалился, Подвилянскій, весь пылая чувствомъ гордаго и удовлетвореннаго достоинства, смѣло и твердо поднялся съ мѣста.

— Господа! возвысилъ онъ голосъ: — послѣ того что сказано здѣсь самимъ Шишкинымъ, я не считаю нужнымъ отвѣчать на обвиненіе господина Устинова: пускай онъ самъ назоветъ его достойнымъ именемъ.

— Я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, стойко и не смутясь отвѣтилъ Устиновъ, — и

только прибавлю къ нему одно, что *легально* вы остались правы. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Такъ послѣ же этого!! запальчиво вско-чилъ было Феликсъ Марытновичъ, но председа-тель прекратилъ ихъ проу наистойчивымъ при-зывомъ къ порядку и предложилъ отбирать мнѣ-нія членовъ совѣта.

Большинство трехъ голосовъ оказалось на сторонѣ исключенія. Два изъ нихъ принадле-жали самому председателю, который нѣкоторое время колебался было, отдать ли эти два голоса въ пользу Устиновскаго предложенія, или въ пользу его противниковъ, но изъ столь затруд-нительнаго колебанія вывелъ его опять-таки все тотъ же находчивый и предусмотрительный Фе-ликсъ Марытновичъ Подвилянскій.

— Господа! сказалъ онъ съ видомъ вели-чайшей искренности, положивъ руку на сердце: — вѣрьте моей совѣсти, я отъ души радъ бы былъ сдѣлать все возможное, лишь бы только облегчить участь молодаго человѣка; я вполнѣ сочувствую господину Устинову и прочимъ ко-торые подали голоса противъ исключенія, но, господа!... все это вполнѣ бесполезно! Просту-покъ Шишкина не такого рода чтобъ админи-страція оставила его безъ вриманія: доказы-

ство — сегодняшнее рѣшеніе господина губернатора. Они уже знаютъ объ этомъ! Если мы и не исключимъ Шишкина, его все-таки заберетъ въ свои лапы жандармерія, и стало-быть все-таки, *volens nolens* онъ будетъ исключенъ, а мы между тѣмъ можемъ подвергнуться со стороны министерства серіозному замѣчанію въ потворствѣ... заподозрять благонамѣренность нашего направленія, и что жъ изъ того выйдетъ? Какая польза, я васъ спрашиваю? Ни себѣ, ни ему! Лучше же умыть руки, сдѣлать достодолжное и — дальнѣйшее предоставить администраціи: какъ тамъ себѣ хотятъ, такъ пусть и дѣлаютъ, а мы бы въ сторонѣ были!

Подумавъ, председатель отдалъ свои оба голоса въ пользу исключенія.

Конференція окончилась. Члены совѣта оставляли залу и выходили на ту площадку, гдѣ ждала скромно одѣтая старушка.

Едва показался инспекторъ, какъ она, въ величайшемъ напряженіи ожиданія, въ борьбѣ между страхомъ и надеждой, молча, но съ выразительнымъ вопросомъ въ глазахъ и во всемъ лицѣ своемъ, подступила къ Антону Антоновичу.

— Къ сожалѣнію, ничѣмъ не могу утѣшить васъ, сударыня, грустно пожалъ онъ плечами:

— большинствомъ голосовъ вашъ внукъ присужденъ къ исключенію изъ гимназіи. Завтра утромъ можете явиться за его бумагами.

Старушка страшно поблѣднѣла, нижняя челюсть ея вдругъ какъ-то безсильно отвалилась отъ верхней, подбородокъ замѣтно запрыгалъ, задрожалъ, сама она вся затряслась, и какъ стояла, такъ и хлопнулась на мѣстѣ о каменные плиты помоста.

— Господинъ Подвилянскій! съ силой схватилъ вдругъ Феликса за руку взволнованный Устиновъ.

Онъ говорилъ съ трудомъ, почти задыхаясь. Въ его зрачкахъ сверкало вдохновеніе бѣшенства.

Феликсъ оробѣлъ и попятился.

— Господинъ Подвилянскій, повторилъ онъ, все крѣпче сжимая его руку между локтемъ и кистью: — вы... вы подлецъ!

Это страшное слово было громко и смѣло брошено ему въ лицо въ присутствіи всѣхъ товарищей по службѣ, и послѣ этого слова Устиновъ съ презрѣніемъ, даже болѣе, съ омерзѣніемъ словно отъ какой-нибудь холодной и склизкой гадины, отдернулъ отъ него свою руку.

— Господа!... господа!... вы слышали? взволнованно забормоталъ потерявшійся учитель:

— я этого не могу такъ оставить... Мое имя... моя честь... я требую сатисфакціи!... сатисфакціи!

— Къ вашимъ услугамъ! сходя со ступенекъ и, повидимому, уже спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ, обернувшись къ Феликсу, поклонился Устиновъ.

XVI. Вызовъ.

Скромно пообѣдавъ, обычнымъ образомъ, за четвертакъ въ кухмистерской, на Московской улицѣ, но невольно найдя всѣ три блюда какими-то прѣсными, безвкусными, Андрей Павловичъ Устиновъ отправился восвояси напиться чаю да отдохнуть пока часокъ-другой до вечера. Послѣ давишей крутой сцены онъ чувствовалъ какую-то усталость, какой-то упадокъ въ груди; весь онъ какъ-то былъ утомленъ, разбитъ, словно послѣ длиннаго перехода или послѣ долгой непомѣрной верховой ѣзды, но только это была усталость и разбитость не совсѣмъ физическая, а болѣе моральная, душевная, ощущенія которыя, впрочемъ, почти всегда сопровождаютъ и сильную усталость физическую. Организмъ просилъ сна, покоя, отдыха, потому что экстазъ бѣшенства непременно обезсиливаетъ человѣка.

Послѣобѣденное время было обыкновенною порой когда Хвалынцевъ заходилъ поболтать къ Устинову. Такъ уже дѣлалъ онъ раза три или четыре. Подходя къ дому, учитель и сегодня почти у самыхъ воротъ столкнулся со старымъ своимъ пріятелемъ. Нынче онъ обрадовался ему болѣе чѣмъ когда-либо: для человѣка очень часто есть томительная потребность подѣлиться съ другою сочувствующею душой своими черезчуръ уже сильными ощущеніями и мыслями которыя переполняютъ вмѣстилище его внутренняго міра. Тѣмъ отраднѣе потомъ, послѣ этого изліянія, будетъ отдохновеніе несущее съ собой миръ и покой душевный.

Но не успѣли пріятели распить по стакану чаю и не успѣлъ еще Устиновъ окончить свой рассказъ какъ въ дверь его постучались.

— Войдите, пригласилъ учитель съ недовольною миной.

Вошелъ Полояровъ вмѣстѣ съ Анцыфровымъ, и оба, не снимая ни пальто, ни калошъ, подошли къ Андрею Павловичу.

— Мы къ вамъ отъ Подвилянскаго, тотчасъ же началъ Ардаліонъ, не сядя по приглашенію, но опираясь на свою дубину: — и предваряю, по весьма нелѣпому порученію, которому

я, по моимъ принципамъ, нисколько не сочувствую, но не отказался единственно изъ дружбы. Онъ васъ вызываетъ на дуэль, а мы вотъ секунданты его.

И проговоривъ это, Полояровъ засмѣялся, словно сказалъ или услышалъ самую наивную глупость.

Устиновъ тоже слегка улыбнулся, и въ ожиданіи что изъ этого послѣдуетъ далѣе, слегка поклонился.

— Ну-съ? проговорилъ онъ, видя что Полояровъ, какъ-то переминаясь, комкаетъ свою сѣрую шляпу.

— Да что „ну-съ“?... „Нусъ“ по-нѣмецки значить орѣхъ! А я нахожу что все это глупость! Какая тутъ дуэль? Помоему просто: коли повздорили другъ съ другомъ, ну возьми другъ друга да и потузи сколько душѣ твоей угодно!... Кто поколотилъ, тотъ, значить, и правъ!... А то что такое дуэль? Ну, что такое дуэль, я васъ спрашиваю? Средневѣковой, феодально-аристократическій обычай! Ну и къ чорту бы его!... Но въ этомъ въ Подвилянскомъ все-таки этотъ гоноръ еще шляхетскій сидитъ, традиціи, знаете, и прочее... Такъ вотъ угодно что ли вамъ драться?

Устиновъ пожалъ плечами.

Можетъ-быть, оно и очень глупо, отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой: — и спорить объ этомъ мы съ вами, конечно, не станемъ, но... если меня вызываютъ, я не считаю себя въ правѣ отказаться, чтобы не подать поводъ, хотя бы даже и господину Подвилянскому, обозвать меня малодушнымъ трусомъ. Передайте ему, господа, что я согласенъ.

Это неожиданное согласіе видимо озадачило обоихъ секундантовъ: они словно совсѣмъ и не ожидали получить его.

— Подвилянскій, впрочемъ, требуетъ, торопливо вмѣшался пискунокъ Анцыфровъ: — чтобы вы при всѣхъ учителяхъ извинились предъ нимъ и взяли назадъ свои слова. Онъ только въ крайности, еслибы вы не согласились на это, предлагаетъ вамъ дуэль... Въ противномъ случаѣ, онъ поручилъ передать вамъ что онъ найдетъ свою собственную расправу.

Учитель вспыхнулъ отъ негодованія.

— Ну, я хоть и малъ да крѣпокъ, возразилъ онъ весьма внушительнымъ тономъ: — и меня застрашивать да запугивать нечего! Расправа, о которой вы говорите, будетъ для господина Подвилянскаго пожалуй что поубыточнѣе

чѣмъ для меня! Но... я, во всякомъ случаѣ, извиняться не стану, и сколь ни находить это глупымъ господинъ Полояровъ, предпочитою дуэль и принимаю вашъ вызовъ.

Оба пріятеля опять на нѣкоторое время остались вполне озадачены такимъ рѣшительнымъ поворотомъ дѣла, и не то недоумѣло, не то совѣщательно переглянулись между собой.

— Когда же вы намѣрены драться? спросилъ Ардаліонъ послѣ минутнаго раздумья.

— Это совершенно все равно. Когда ему будетъ угодно.

— Онъ хотѣлъ бы завтра утромъ, такъ, часовъ въ восемь.

— Ну въ восемь такъ въ восемь, я ничего не имѣю противъ.

— А на чемъ вы воевать желаете?

— И это точно также совершенно все равно для меня: я ни на чемъ не умѣю.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-а! Эхъ вы воители!... Какъ же это такъ-то?... Ну не лучше ли же по-моему, на кулачьяхъ? Ха-ха-ха!...

— Впрочемъ, Подвилянскій желалъ бы лучше на пистолетахъ, опять вмѣшался пискунокъ не безъ нѣкоторой многозначительности въ тонѣ:

— вы какъ на этотъ счетъ думаете, господинъ Устиновъ?

— Ну, на пистолетахъ такъ на пистолетахъ.

— И будете стрѣлять? недовѣрчиво, но шутливо спросилъ Полояровъ.

— Васъ, конечно, не попрошу за себя.

— Ха - ха - ха!... Да я и не пошелъ бы. Нашли дурака!... И то ужъ и въ секунданты-то такъ только по дружбѣ. Ну, а кто же у васъ секундантомъ-то будетъ?

— Я буду, отозвался Хвалынцевъ.

— Вы?... Ну, очень пріятно!... очень пріятно!... Значить, по крайности, выпивку послѣ того хорошую устроимъ; ась?

— Нѣтъ, ужъ пить вмѣстѣ съ господиномъ Подвилянскимъ мы не станемъ, сухо и рѣзко возразилъ Устиновъ, — довольно съ него и этой чести что я не отказываюсь отъ его вызова.

— Ну, ладно! была бы честь предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ! Такъ такъ-то съ! Значить, воюемъ! Ну-съ, а вы, господинъ секундантъ, заѣзжайте ко мнѣ, либо я къ вамъ зайду, прощаясь, обратился Полояровъ къ Хвалынцеву: надо вѣдь еще насчетъ мѣста условиться.

Студентъ обѣщалъ захватить въ девять часовъ вечера, и секунданты Феликса Мартыновича удалились.

— Какъ тебѣ нравится еще эта милая выходка? обратился, по уходѣ ихъ, учитель къ своему пріятелю.

— Ничего изъ этого не выйдетъ! съ полною увѣренностью отвѣчалъ тотъ: — просто-на-просто запугать хотѣлъ.

— Ну, не на таковского напалъ, дружокъ!... Я, признаться, съ перваго же слова почувствовалъ это. Однако, что жъ теперь дѣлать, въ недоумѣніи пожалъ плечами учитель: — вѣдь вся эта штука очень сильно глупостью пахнетъ.

— Такъ-то оно такъ, согласился Хвалынцевъ, — и потому-то вотъ до времени ровно ничего не слѣдуетъ дѣлать. погоди, вотъ въ девять часовъ я поѣду къ нему, тогда поглядимъ, а теперь ложись-ка спать: тебѣ успокоиться надо.

Устиновъ охотно послѣдовалъ совѣту стараго товарища, и проводивъ его отъ себя, завалялся на свою кушетку. Не прошло и пяти минутъ какъ онъ уже храпѣлъ глубокимъ и темнымъ сномъ сильно усталого человѣка.

XVII. Въ ожиданіи роковой минуты.

— Ну, братъ Андрюша, вставай! просыпайся! разбудилъ учителя Хвалынцевъ, вернувшись къ нему въ половинѣ десятаго: — дѣло въ серіозъ пошло: Какъ ни глупо, а драться, кажись, и взаправду придется.

— Былъ у Полоярова? протирая глаза, потянулся и зѣвнулъ Устиновъ.

— Сейчасъ только оттуда. Деретесь завтра, какъ назначено, въ восемь часовъ, въ оврагѣ... знаешь, тамъ, въ этой рощѣ за Духовымъ монастыремъ.

— Ну что жь, въ оврагѣ! такъ въ оврагѣ! И прекрасное дѣло, съ напускнымъ равнодушіемъ сказалъ учитель! подымаясь съ постели. Въ сущности же въ эту минуту нѣчто жуткое слегка стало похватывать его за душу. — Стало-быть, не отказывается? вопросительно остановился онъ предъ Хвалынцевымъ.

— Куда тебѣ!... махнулъ тотъ рукой: — говорятъ, теперь и слышать не хочетъ! У нихъ уже тамъ и пистолеты приготовлены: достали откуда-то. Анцыфровъ такъ и старается около нихъ!

Легкая усмѣшка, выражавшая не то полупрезрѣніе не то полуравнодушіе, покривила чуть-чуть губы учителя.

— Ну, и пускай!... Ну, и чортъ съ ними! пробурчалъ онъ, принимаясь шагать по комнатѣ.

Около четверти часа прошло въ совершенномъ молчаніи. Хвалынцевъ сидѣлъ и барабанилъ ногтями по столу, а Устиновъ все еще продолжалъ расхаживать, и только время отъ времени та же самая полупрезрительная, полуравнодушная усмѣшка появлялась на его губахъ. Порою самому ему казалось будто онъ совершенно равнодушенъ ко всему что бы ни случилось, и дѣйствительно, въ эти мгновенія на него вдругъ наплывало какое-то полнѣйшее, абсолютное равнодушіе; а порою это жуткое *нѣчто*, этотъ невольный инстинктъ молодости, жизни и самохраненія опять-таки хваталъ и щемилъ его сердце. Въ эти-то послѣднія минуты на губахъ его и появлялась та принужденная усмѣшка, посредствомъ которой силился онъ если не прогнать и разсѣять, то хоть не выдать своихъ ощущеній.

— Послушай! прервалъ наконецъ Хвалынцевъ это молчаніе, и отъ внезапнаго звука его

голоса Устиновъ какъ-то чутко вздрогнулъ: ты совсѣмъ-таки не умѣешь стрѣлять?

— Всесовершеннѣйше не умѣю.

— Гм! Это неудобно!... Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты не отказался? Вѣдь выборъ оружія на твоей сторонѣ.

— Э, Боже мой! Да не все ли равно? Вѣдь я жь говорю тебѣ что я ни на чемъ не умѣю... Развѣ только „на кулачьяхъ“, какъ говорилъ Полояровъ, да и на тѣхъ не пробовалъ.

Опять на нѣкоторое время сосредоточенное молчаніе смѣнило короткій разговоръ ихъ.

— А вотъ что было бы не дурно! придумалъ студентъ по прошествіи нѣкотораго времени: — у меня тамъ, въ номерѣ, есть съ собою револьверъ, такъ мы вотъ что; завтра утромъ встанемъ-ка пораньше да отправимся хоть въ ту же рощу... Я тебѣ покажу какъ стрѣлять, какъ цѣлить... все же-таки лучше; хоть нѣсколько выстрѣловъ предварительно сдѣлаешь, все же наука!

Устиновъ махнулъ рукой.

— Чего ты махаешь?

— Не стоить, мой ангелъ, ей-Богу не стоить! промолвилъ онъ съ равнодушною гримасой: — вѣдь ужъ коли всю жизнь не бралъ пистолета

въ руки, такъ съ одного урока, все равно, не научишься... Да и притомъ же... мнѣ такъ сдается... что въ человѣка цѣлить совсѣмъ не то что въ мишень, хотъ бы этотъ человѣкъ былъ даже и Феликсъ Подвилянскій, а все-таки...

Хвалынцевъ молча согласился съ этимъ мнѣніемъ.

— А ты вотъ что, предложилъ ему учитель: — коли хочешь, такъ оставайся ночевать у меня, я тебѣ въ той комнатѣ свою постель уступлю, а самъ на кушеткѣ... А завтра встанемъ пораньше и отправимся. Идетъ что ли?

Студентъ согласился, и кое-какъ скоротили они остатокъ вечера. Устиновъ взялся за книгу, Хвалынцеву тоже попался истрепанный номеръ какого-то журнала, и они принялись за чтеніе, изрѣдка перекидываясь между собою кой-какими незначащими фразами и замѣчаніями. Разговоръ въ этотъ вечеръ, вообще, какъ-то не клеился между ними. Наконецъ студентъ пожелалъ учителю спокойной ночи и удалился въ его спальню, а тотъ межъ тѣмъ долго и долго еще сидѣлъ надъ своею книгой; только читалось ему нынче что-то тихо и больно ужъ разсѣянно, хотя онъ и всѣми силами напрягалъ себя чтобы по-

стороннею книгой отвлечь отъ завтрашняго дня свои не совсѣмъ-то веселыя мысли.

По утру онъ проснулся первымъ, умылся, одѣлся и совсѣмъ бодро и даже довольно весело пошелъ будить Хвалынцева, объявляя ему что ужъ половина седьмаго и самоваръ уже поданъ.

Хвалынцевъ быстро, на босую ногу, вскочилъ съ постели, взялъ за плечи учителя, и повернувъ его къ свѣту, сталъ вглядываться ему въ лицо.

— Чего ты сморишь? удивился тотъ.

— Ничего, молодецъ! Какъ и быть надлежитъ, однимъ словомъ, свѣжъ и душистъ! и духъ бодръ, и плоть не немощна, такъ и слѣдуетъ! *Са іга! са іга!* весело подпѣлъ онъ въ заключеніе, предполагая что его веселость поддержитъ въ товарищѣ достодолжную твердость и необходимое спокойствіе духа. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ уже одѣтъ, и пріятели усѣлись за чай.

— Однако, распорядился ли ты? озабоченно спросилъ студентъ.

— То-есть, что̀ это? насчетъ извозчика? Найдемъ!

— Какой тамъ „извозчикъ“!... Я спраши-

ваю... вѣдь всяко можетъ случиться... почему знать!...

— То-есть, коли подстрѣлятъ?

— Ну, хоть и такъ!

— Такъ что жъ такое?

— Ну, все жъ-таки... письмо къ кому какое... завѣщаніе тамъ, что ли... родные, можетъ...

Устиновъ искренно разсмѣялся.

— Эка о чемъ заботится!... А мнѣ и не въ домекъ! Нѣтъ, ангелъ мой, вздохнулъ онъ: — писать мнѣ не къ кому, завѣщать нечего... вѣдь я, что называется, „бѣдна, красна сирота — веселаго живота“; плакать, стало-быть, некому будетъ... А есть кое-какіе долгишки пустячные, рублей на сорокъ; тамъ въ бумажникѣ записано... счетъ есть. Ну, такъ ежели что, продай вотъ вещи да книги, да жалованья тамъ еще есть за полмѣсяца, и буду я, значить, квитъ!

— А больше ничего? пытливо взглянулъ на него Хвалынцевъ.

— Больше?... Да что больше-то? Больше ничего. Кланяйся хорошимъ людямъ... Татьянѣ Николаевнѣ кланяйся, прибавилъ учитель какъ-то застѣнчиво и словно нѣ-хотя.

Хвалынцевъ бросилъ на него быстрый и скользящій взглядъ. еще пытливѣе прежняго: ему почуялось что въ голосѣ пріятеля дрогнула, при этихъ послѣднихъ словахъ, какая-то нотка, болѣе нервная и теплая чѣмъ та которую могло бы вызвать чувство одной только простой дружбы.

— Да, впрочемъ, признаться сказать, примолвилъ Устиновъ: — я и самъ не знаю почему, только совсѣмъ не рассчитываю нынче быть убитымъ. Вчера, казалось, будто и да, а выспался — какъ рукой сняло!

— А что и въ свомомъ дѣлѣ? схватился съ мѣста студентъ: — какъ вдругъ этотъ Подвилянскій возьметъ да и не придетъ на дуэль-то? Вотъ будетъ штука-то!

— Ну ужъ это было бы глупѣе всего. Мы-то тогда ужъ совсѣмъ дураковъ изъ себя разыграемъ, добрымъ людямъ на потѣху. Впрочемъ, нѣтъ, увѣренно прибавилъ Устиновъ, — не думаю, онъ хоть и мерзавецъ, а этого не сдѣлаетъ.

Въ это время кто-то постучался въ двери. Пріятели изумленно переглянулись: „кто бы могъ быть въ такую пору столь раннимъ посетителемъ?“ Вдругъ, къ удивленію ихъ, вошли вчерашніе секунданты.

— Что же, господа, вы за нами что ли? пошелъ къ нимъ навстрѣчу Хвалынцевъ: — а мы думали встрѣтиться съ вами тамъ?

— Нѣтъ-съ, мы тамъ не встрѣтимся, сухо и вскользь поклонился Полояровъ, не подавая руки.

— Господинъ Устиновъ! самымъ официальнымъ образомъ обратился онъ къ Андрею Павловичу: — нашъ другъ, Подвилянскій, поручилъ передать вамъ что послѣ всего того что мы узнали о васъ вчера самымъ положительнымъ образомъ, онъ съ вами не дерется: порядочный и честный человѣкъ не можетъ драться со шпиономъ тайной полиціи. И оскорбленіе ваше, значить, само себя херить!

Ошеломленный Устиновъ не успѣлъ еще опомниться и придти въ себя какъ Полояровъ со своимъ спутникомъ уже удалились самымъ поспѣшнымъ образомъ. Въ этой поспѣшности, конечно, не малую роль играло серіозное опасеніе за несокрушимость своихъ шей, боковъ и физіономій.

Хвалынцевъ раньше его собрался съ мыслями послѣ столь неожиданнаго пораженія, и какъ сидѣлъ на кушеткѣ, такъ и покатился со смѣху.

Устиновъ вопросительно обернулся на него.

— Чему ты заливаешься?

— Ха, ха, ха, ха, ха!... Вотъ тебѣ и шляхетскій гоноръ!... Вотъ тебѣ и бретеръ!... Ха, ха, ха!... Однако, выкинулъ же, бестія, штуку!... Увернулся!... Находчиво, нечего сказать, весьма находчиво! Ахъ, какой же это мерзавецъ однако!...

— Да! съ раздумчивою усмѣшкой проговорилъ Устиновъ. — Однако... что жъ это въ самомъ дѣлѣ!... Ужъ и шпиономъ... Тьфу ты! Какая гнусная мерзость! съ презрительнымъ отвращеніемъ сплюнулъ онъ въ сторону.

XVIII. *Au profit de nos raucres*, спектакль благородныхъ любителей съ живыми картинами.

Ея превосходительство *madame* Гржибъ-Загржимбайло, все время пока длились рассказанныя нами происшествія, была въ большихъ хлопотахъ и заботахъ. Пикникъ на картинномъ берегу рѣки, балъ и спектакль благородныхъ любителей, вотъ сколько важныхъ и многообразныхъ вещей надлежало устроить ея превосходительству, создать ихъ силою своего ума, вдохно-

вить своею фантазіей, освятить своимъ участіемъ, и сочувствіемъ, провести въ общество, и ходко двинуть все дѣло своимъ желаніемъ, своимъ „я такъ хочу“. Madame Гржибъ разочла что лучше всего начать благороднымъ спектаклемъ, продолжить пикникомъ и завершить баломъ.

Весь Славнобубенскъ вострепенулся и оживился при вѣсти о благородномъ спектаклѣ, а въ Славнобубенскѣ вѣсти разлетаются съ неимовѣрною быстротой. Всѣ эти mesdames Чапыжниковъ, Ярыжниковъ, и Фелисата Егоровна, и Нина Францовна, и Петровы, и Ершovy, и Сидоровы переполошились и засуетились и забѣгали другъ къ дружкѣ словно посыпанные бурой тараканы. Но болѣе всѣхъ растревожился шестерикъ княженъ Чухломинскихъ, которыхъ острословъ и философъ Подхалютинъ довольно мѣтко прозвалъ княжнами Тугоуховскими. Извѣстно что ни одинъ губернской городъ, не обходящійся безъ своего мѣстнаго острослова, не можетъ обойтись и безъ своихъ княженъ Тугоуховскихъ. Княжны Тугоуховскія необходимо должны быть въ каждомъ добропорядочномъ губернскомъ городѣ Россійской Имперіи, и притомъ въ количествѣ не менѣе шести. У княженъ необходимо есть князь-папа и княгиня-таман;

былъ у нихъ и князь-дѣдушка, котораго они знаютъ только по закоптѣлому фамильному портрету и который былъ очень богатъ и очень знатенъ, но жизнь велъ черезчуръ уже широкую, и потому оставилъ князю-папа очень маленькое наслѣдство, а князь-папа служившій нѣкогда въ гусарахъ постарался наслѣдство это сдѣлать еще менѣе, такъ что шестерикъ княженъ въ сущности причитается къ лику бѣдныхъ невѣстъ, и двѣ старшія княжны навѣрное уже на всю свою жизнь останутся невѣстами ненеѣстными. Но въ силу своего княжескаго титула, онѣ всегда стараются держаться около высшихъ властей губернскихъ и составляютъ „высшее общество“; и каждый губернаторъ, каждый предводитель считаетъ какъ бы своею обязанностью доставлять княжнамъ скромныя развлеченія, приглашать ихъ въ свою ложу и на свои вечера, причемъ княженъ привозятъ и отвозятъ въ каретѣ того кто пригласилъ ихъ, потому что у князя-папа нѣтъ своей кареты. По скромности состоянія княжны Тугоуховскія не могутъ жить въ Моеквѣ (о Петербургѣ нечего ужъ и говорить) и принуждены прозябать и увядать въ противномъ Славнобубенскѣ, гдѣ у нихъ находятся еще покуда, какъ остатокъ прежняго величія, ста-

рый деревянный домъ, во вкусъ старинныхъ барскихъ затѣй, съ большимъ, но запущеннымъ садомъ.

Итакъ шестерикъ княженъ Чухломинскихъ переполошился чуть ли не болѣе всѣхъ остальныхъ дамъ и дѣвицъ славобубенскихъ. Бóльшая часть дамъ и дѣвицъ втайнѣ тревожились неизвѣстностью получаютъ ли онѣ *отъ самой madame* Гржибъ приглашеніе на любительскій спектакль или не получаютъ, что конечно будетъ для нихъ величайшимъ афронтомъ. Инымъ хотѣлось самолично участвовать въ спектаклѣ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, дабы публично обнаружить свои таланты и прелести, причемъ особенно имѣлся въ виду блистательный гость: каждая мечтала такъ или иначе затронуть его сердце, и поэтому каждая наперерывъ другъ предъ дружкой изошряла всѣ силы остроумія и фантазіи насчетъ туалета. Положеніе княженъ Тугоуховскихъ было печальнѣе чѣмъ можно себѣ вообразить. Всѣмъ шестерымъ непременно хотѣлось участвовать и въ спектаклѣ, и въ живыхъ картинахъ, и онѣ знали что неизбежно будутъ участвовать и въ томъ и въ другомъ, а особенно въ живыхъ картинахъ, потому что и *madame* Гржибъ, и графиня де-Курси всегда къ нимъ

очень благосклонны, княжны такъ наивно и такъ котячьи-нѣжно умѣютъ къ нимъ ласкаться. Дѣло, конечно, не обойдется безъ участія княженъ Чухломинскихъ, хотя бы ради одной представительности, заключающейся въ ихъ княжескомъ имени, — ну, да и *madame* Гржибъ, съ высоты своего губернаторскаго величія, никогда не забывала протектировать бѣдныхъ, но титулованныхъ невѣстъ и потому при всякомъ подходящемъ случаѣ выдвигала ихъ на выставку. Но вотъ въ чемъ главная бѣда и величайшее горе: къ спектаклю и особенно къ живымъ картинамъ придется дѣлать новые костюмы, свѣжіе туалеты, а тамъ еще балъ въ виду имѣется, значитъ, опять нужны свѣжія платья, а тутъ на прошлой недѣлѣ князь-папа изволилъ въ клубѣ проигратъ, и денегъ въ виду никакихъ и ни откуда! Ни модистка Уазò, ни портниха Боришина, ни купецъ Ласточкинъ, того и гляди, не отпустятъ въ кредитъ матеріалу; придется просить, выпрашивать, увѣрять, кланяться и, можетъ-быть, все это панапрасну. Поэтому весь княжескій домъ былъ преисполненъ вздоховъ, оховъ, истерическихъ всхлипываній и бранчивыхъ возгласовъ. Княгиня-таман нервно корила князя-папа въ томъ что онъ не отецъ

дѣтямъ, а прямой расточитель, что онъ не хочетъ счастья своихъ дочерей, губить ихъ молодость, ихъ судьбу, ихъ карьеру. Князь-папа пыхтѣлъ изъ своего длиннаго черешневаго чубука и громко желалъ себѣ провалиться въ преисподнюю изъ этого каторжнаго дома. Двѣ старшія княжны поругались съ татан, поругались съ папа, поругались съ сестрицами, со своею злосчастною горничной, которая наконецъ просто очумѣла, оглупѣла и сбилась съ толку отъ бѣготни, хлопотъ, подшиванья, глаженья, брани и крику. Въ заключеніе обѣ старшія княжны переругались между собой и теперь обѣ лежали въ истерикахъ, а младшія княжны продолжали свое: кто вертѣлся предъ зеркаломъ въ залѣ, повторяя *па вальса*, кто продолжалъ еще доканчивать прежнюю брань и крики, и слезы. Словомъ сказать, князь-папа былъ совершенно правъ, когда назвалъ домъ свой каторжнымъ и всю эту чепуху и сумятицу сущимъ Содомомъ.

Анатолий со Шписсомъ изрыскали весь городъ, объявляя повсюду что одинъ играетъ въ Тургеневской *Провинціалкѣ* графа, а другой будетъ Финтокомъ въ *Москаль Чаривникѣ*. Анатолий цѣлыя утра проводилъ предъ зеркаломъ, громко разучивая свою роль по тетрадкѣ, превосходно

переписанной писцомъ губернаторской канцеляріи, и даже совершенно позабылъ про свои прокурорскія дѣла и обязанности, а у злосчастнаго Шписса, кромѣ роли, оказались теперь еще сугубо особыя порученія которыя ежечасно давали ему то *monsieur* Гржибъ, то *madame* Гржибъ, и черненькій Шписсъ сломя голову леталъ по городу, заказывая для генеральши различныя принадлежности къ спектаклю; то устраивалъ оркестръ и руководилъ капелмейстера, то толковалъ съ подрядчикомъ и плотникми, ставившими въ залѣ дворянскаго собранія временную сцену (играть на подмосткахъ городского театра *madame* Гржибъ нашла въ высшей степени неприличнымъ), то объяснялъ что-то декоратору, приказывалъ о чемъ-то костюмеру, глядѣлъ парики у парикмахера, порхалъ отъ одного участвующаго къ другому, отъ одной „благородной любительницы“ къ другой, и всѣмъ и каждому старался угодить, сдѣлать что-нибудь пріятное, сказать что-нибудь любезное, дабы всѣ потомъ говорили: „ахъ, какой милый этотъ Шписсъ!“ Что касается, впрочемъ, до „мелкоты“ въ родѣ подрядчика, декоратора, парикмахера и тому подобной „дряни“, то съ ними Шписсъ не церемонился и „приказывалъ“ самымъ началь-

ственнымъ тономъ: онъ вѣдь тоже зналъ себѣ цѣну.

Наконецъ роли кое-какъ были розданы, причемъ не обошлось безъ великихъ затрудненій. Что касается до *Провинціалки* и *Москаля*, то насчетъ этихъ піесъ не могло уже быть ни малѣйшихъ возраженій и разговоровъ, ибо сама прелестная *madame* Гржибъ взяла на себя главную роль какъ въ той, такъ и въ другой, и закрѣпила постановку ихъ своимъ непрекословнымъ „я такъ хочу“. Но бѣда произошла съ водевилемъ: всѣ дамы непременно хотѣли играть первую роль, но никто не желалъ играть старуху; еще менѣе того нашлось желающихъ взять на себя роль горничной которая была единогласно сочтена за предосудительную и унижительную. Супруга одного уѣзднаго предводителя не на шутку обидѣлась, когда Шписсъ предложилъ ея дочери взять на себя „эту рольку“. Молоденькой барышнѣ сильно хотѣлось заявить свой талантъ, хотя бы даже въ роли горничной, но маменька наотрѣзъ запретила ей и думать о спектаклѣ, сочтя все это дѣло за желаніе со стороны губернаторши пустить ей шпильку и усмотрѣла въ немъ даже оскорбленіе всему дворянскому сословію, почему и поспѣшила заявить

Шписсу что отнынѣ нога ея не будетъ не только что въ спектаклѣ, но и въ домѣ самой губернаторши. Напрасно клялся, увѣрялъ и распинался злосчастный Шписсъ, напрасно хныкала барышня, гордая матрона осталась непреклонною и очень сухо откланялась черненькому Шписсу. Шписсъ уѣхалъ въ отчаяніи, приходилось просто хотѣ самому играть и старуху, и горничную. Наконецъ-то подыскали для горничной какую-то бѣдную сироту, изъ чьихъ-то безгласныхъ племянницъ или воспитанницъ, а старуху почти-что приказали сыграть супругѣ какого-то частного пристава, и любительскій спектакль, слава Богу, былъ окончательно обставленъ. Маленькій Шписсъ впервые вздохнулъ свободно.

Начались репетиціи, которыя такъ любятъ артисты-„любители“ въ родѣ прелестнаго Анатоля, и такъ не жалуютъ ревнивые супруги иныхъ „любительныхъ“. Во всѣ дни пока продолжаются любительскія репетиціи, — блаженное время для влюбленныхъ заинтересованныхъ и уважающихъ, — городскіе сплетни начинаютъ разрастаться и идутъ все *crescendo* и *crescendo*, завершаясь въ концѣ концовъ обыкновенно нѣсколькими ссорами и даже скандалами.

Сама губернаторша имѣла обыкновеніе ча-

сомъ и даже двумя опаздывать на репетицію, при чемъ всѣ остальные должны были кротко и терпѣливо дожидаться прибытія ея превосходительства. Являлась она не иначе какъ въ черномъ платьѣ, въ черныхъ гипюрахъ, въ черныхъ перчаткахъ, съ черными четками на шеѣ, съ которыхъ спускался на грудь черный крестъ, сдѣланный такъ что имѣлъ видъ креста сломаннаго. Ни единой цвѣтной ленточки не было замѣтно въ строго-траурномъ нарядѣ генеральши, только изъ-подъ четокъ сквозило серебро небольшой брошки, которая изображала одноглаваго орла съ поднятыми крыльями. Тридцати-двухлѣтняя *madame* Гржибъ, — надо отдать ей полную справедливость, — въ своемъ одноцвѣтномъ и строго обдуманномъ нарядѣ казалась очень эффектною женщиной и была даже хороша. Славнобубенцы замѣтили что съ нѣкотораго времени это черное платье и эти украшенія сдѣлались неизмѣннымъ костюмомъ губернаторши. Графиня де-Курси, — единственная дама которая дерзала еще ставить себя почти на одну доску съ нею, — изъ подражанія ей, тоже облакала себя въ черное, воображая въ началѣ, до разъясненія дѣла, что это „англоманія“. И шестерикъ княженъ Чухломинскихъ, само собой,

не отставалъ отъ своихъ протектрисъ, благо черныя платья, сшитыя еще два года назадъ, когда померла ихъ тетка, нашлись подъ рукой. Теперь платья были только почищены да передѣланы на болѣе модный, современный фасонъ. И глядь, чрезъ нѣкоторое время, почти все что только имѣло претензію причислять себя къ славнобубенскому „порядочному обществу“, необыкновенно возлюбило черныя платья, найдя этотъ цвѣтъ самымъ изящнымъ выраженіемъ высшаго *somme il faut*. Особенно жены чиновниковъ стремились подражать губернаторшѣ. Мода вообще заразительна, а мода, инициатива которой исходитъ отъ власти, становится почти обязательною для каждой благонамѣренной чиновницы. Въ Славнобубенскѣ же мода эта особенно пошла въ ходъ послѣ одного маленькаго случая. Madame Пруцко явилась на одну изъ репетицій въ яркомъ, цвѣтномъ платьѣ, въ яркой сѣткѣ и въ яркихъ перчаткахъ. Губернаторша только молча покосилась на эту праздничную яркость и перекинулась взглядомъ съ графиней де-Курси которая изобразила на губахъ своихъ легкую пренебрежительную усмѣшку. Когда madame Пруцко подлетѣла къ нимъ съ

поклономъ, графиня, суховато протянувъ руку, спросила ее какъ-то сквозь зубы:

— Чтò это вы, *ma chère*, именины сегодня празднуете?

Madame Пруцко нашла себя очень „аффрипированною“ такимъ страннымъ вопросомъ, и весьма удивленная, съ живостью отвѣтствовала:

— Именины?!... Нѣтъ. А чтò?

— Ваше платье... вашъ костюмъ...

Графиня не договорила и только плечами пожала въ заключеніе.

— А чтò же? Это платье Уазò мнѣ шила по зимней картинкѣ, возразила Пруцко.

— О, я въ этомъ увѣрена! подхватила графиня: — но... эта яркость... *ma chère*, такое ли теперь время чтобы радоваться, носить цвѣтное!... Помилуйте! вспомните что на бѣломъ свѣтѣ творится!... Люди страдаютъ, мученики гибнуть вездѣ слезы, скорбь... Знаете ли, *ma chère*, скажу вамъ по-секрету, между нами, въ такихъ обстоятельствахъ, нѣчему намъ особенно радоваться... Черный цвѣтъ приличнѣе... и тѣмъ болѣе что это мода... Взгляните, напри-мѣръ, на Эмилию Александровну: не выходитъ изъ чернаго цвѣта

Madame Пруцко хотя и не совсѣмъ-то ясно

уразумѣла гдѣ это слезы и скорбь, и какіе именно мученики гибнуть, однако убѣжденная послѣднимъ аргументомъ касательно губернаторши, на другой же день облеклась въ черное и, по секрету, разблаговѣстила всѣмъ пріятельницамъ о своемъ разговорѣ съ графиней.

И вскорѣ послѣ этого, элегантный Славнобубенскъ щеголялъ уже въ туаурѣ, отыскивая по всѣмъ галантерейнымъ лавкамъ черныхъ крестовъ и четокъ, а Славнобубенскъ неэлегантный покамѣстъ все еще продолжалъ коснѣть въ своемъ цвѣтномъ невѣжествѣ.

За недѣлю до спектакля билеты почти уже всѣ были разобраны. Это показываетъ, во первыхъ, какъ Славнобубенскъ интересовался игрою „благородныхъ любителей“, а вовторыхъ объясняется оно тѣмъ что предварительную продажу билетовъ взяла на себя сама Эмилія Александровна, задніе же ряды поручены полицеймейстеру, а тотъ уже „принялъ свои мѣры“ чтобы всѣ билеты были пораспиханы, и въ этомъ случаѣ, — хочешь не хочешь, — отдувалось своими карманами преимущественно именитое купечество. Всякій благонамѣренный гдажданинъ, желая заявить свое усердіе, спѣшилъ воспользо-ваться случаемъ чтобы лично, изъ ручекъ ея

превосходительства, заполучить билетець. Ея превосходительство распорядилась назначить цѣну мѣстамъ вообще довольно высокую и при этомъ печатно заявила что всякое пожертвованіе будетъ принято ею съ благодарностью. Послѣ этого, понятное дѣло, ей только и оставалось изъяслять благодарности.

Пріѣзжаетъ къ ней, напримѣръ, какой-нибудь господинъ съ визитомъ. Первымъ дѣломъ, послѣ нѣсколькихъ словъ незначащаго разговора, она приступала къ гостю:

— Ахъ, да! *monsieur такой-то*, вы, конечно, будете въ нашемъ спектаклѣ?

Monsieur такой-то спѣшитъ любезнымъ склоненіемъ головы подтвердить ей полное и всенепремѣнное свое намѣреніе присутствовать на любительскомъ представленіи.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте предложить вамъ билетъ... Вѣдь вы не запаслись еще?

И генеральша, тутъ какъ тутъ, вытащила уже карточку изящно отпечатанную на гласированномъ пергаменѣ. *Monsieur такой-то* съ любезною застѣнчивостью освѣдомляется что это стоить.

— О, это вполнѣ зависитъ отъ вашего добраго желанія предупреждаетъ губернаторша:

— чѣмъ больше тѣмъ лучше! Вѣдь это въ пользу бѣдныхъ. Вы доброе дѣло сдѣлаете!

Прелестная женщина произноситъ эти слова съ такимъ прелестнымъ выраженіемъ просьбы, доброты и человѣколюбія, что *monsieur* такой-то тотчасъ же изображаетъ улыбкой свою полнѣйшую и вселюбезнѣйшую готовность заклатъ самого себя въ пользу милыхъ бѣдныхъ губерна-торши. И вотъ, въ шкатулку ея превосходитель-ства прячется синяя или красная депозитка, за мѣсто стоящее два или три рубля. Ея прево-сходительство благодаритъ такъ мило, и граці-озно протягивая для пожатія свою благоухающую руку, прибавляетъ съ такою очаровательною кокетливостью:

— Смотрите же, хлопайте, мнѣ, вѣдь я сама играю!

И господинъ уѣзжаетъ, обѣщая не жалѣть для нея ни перчатокъ, ни ладоней.

Съ другими же господами которые, что на-зывается, на карманъ туговаты, Эмилія Алексан-дровна принимала тактику иного рода, и эту тактику мы могли бы назвать милымъ нахаль-ствомъ. Получивъ билетъ, освѣдомляется, на-примѣръ, господинъ о выставленной на немъ цѣнѣ своему мѣсту и вытаскиваетъ изъ кармана

какія-нибудь двѣ желтенькія бумажки. Генеральша тотчасъ же встрѣчаетъ ихъ своимъ кокетливымъ удивленіемъ :

— Что это! Только-то? Это въ пользу моихъ-то бѣдныхъ? произноситъ она съ милою недовольною гримаской: — фѣ, какой вы не добрый! Какой вы скупой! Извольте жертвовать больше, чтобъ я могла поблагодарить васъ, а то, еслибы знала я это, такъ и билета не дала бы вамъ.

Господинъ конфузится, неловко улыбается и, нечего дѣлать, вытаскиваетъ добавочныя деньги.

А съ иными, кто желая жертвовать рубля два или три сверхъ номинальной цѣны, но не имѣя при себѣ мелкихъ бумажекъ, подавали губернаторшѣ для сдачи какую-нибудь красную, а не то и лиловую депозитку, она обращалась еще съ большею безцеремонностью :

— Что это, сдачу хотите? (При этомъ слѣдовалъ все тотъ же граціозно-удивленный взглядъ). Но у меня нѣтъ мелкихъ; я не имѣю сдачи; значитъ, ужъ надобно жертвовать все... Я васъ буду очень, очень благодарить за это, отъ лица моихъ милыхъ бѣдныхъ!

И генеральша съ невыразимою любезностью, съ невыразимо пріятнымъ взоромъ и улыбкой потрясаетъ руку невольно-щедрому жертвователю.

И такимъ образомъ, еще задолго до спектакля, въ ея изящной шкатулкѣ накопилась уже весьма и весьма порядочная сумма.

Наконецъ наступилъ и парадный часъ „благороднаго спектакля.“ Нечего рассказывать о томъ что зала была биткомъ набита публикой, среди которой собрался весь цвѣтъ славнобубенскаго общества, что madame Гржибъ въ роли madame Ступендьиной была встрѣчена громомъ рукоплесканій, причемъ ей былъ поданъ изъ оркестра прелестный букетъ, плодъ особенныхъ стараній находчиваго Шписса. Скажемъ только что Ступендьина блистала изяществомъ своихъ манеръ, прелестный Анатоль явился прелеснѣйшимъ графомъ, и всѣ прочіе артисты далеко уступали имъ въ изяществѣ; за то роли свои выдолбили превосходно. *Москаль Чаривникъ* прошелъ столь же блистательно. *Маіоръ Перевохинъ*, командиръ баталіона внутренней стражи, изображалъ солдата и явился предъ публикой истиннымъ бурбономъ, что было весьма характерно и все время сопровождалось аплодисментами. *Madame Гржибъ*, въ роли козачки Татьяны, плѣнила всѣхъ своимъ костюмомъ и своимъ пѣніемъ. Цѣль ея была почти достигнута: баронъ Иксъ фонъ-Саксенъ плавалъ въ маслѣ во-

сторга и все время шурился на нее сладостными взорами. Но когда усердно преданный Шписсъ, въ видѣ приказнаго Финтика, выползъ изъ-подъ печи, весь перепачканный сажей, и смиренно поползъ на колѣнкахъ, восторгамъ и хохоту публики не было конца. Предводитель князь Кейкулатовъ даже расчихался отъ смѣху, а Непо-мукъ хохоталъ всею утробой и всѣмъ сопѣньемъ своимъ, такъ что трудно было рѣшить чего издаетъ онъ болѣе: хохоту или сопѣнья? Непо-мукъ, въ тотъ же счастливый мигъ, рѣшилъ что Шписса необходимо нужно представить къ слѣдующей наградѣ. Водевилю аплодировали менѣе, потому что губернаторша въ немъ не участвовала, а игру частной приставши даже очень многіе весьма раскритиковали, хотя приставша отличалась ничуть не хуже прочихъ.

Наконецъ пошли живыя картины, главное поприще шестерыхъ княженъ Чухломинскихъ, *madame* Пруцко и *mesdames* Чапыжниковъ съ Ярыжниковой. Три старшія княжны изобразили собою трехъ Грацій. Весь шестерикъ кое-какъ уладилъ свои затрудненія относительно костюмовъ. Купецъ Ласточкинъ, дѣйствительно, не возжелалъ отпустить имъ матерій, а *madame* Oiseau не бралась шить и ставить прикладъ,

но княжны заявили о своемъ слезномъ горѣ Эмили Александровнѣ, и ея превосходительство въ ту жь минуту откомандировала Шписса къ непокорному невѣжѣ Ласточкину, съ приказаніемъ немедленно отпустить подобающее количество разныхъ матерій, по приложенному реестру княженъ, а модистку Oiseau велѣла позвать къ себѣ, переговорила съ нею о чемъ-то наединѣ, и *madame Oiseau* въ три дня пошила костюмы на весь шестерикъ. Такимъ образомъ княжны были и обуты, и одѣты, и на показъ публикѣ поставлены. *Mesdames* Ярыжниковъ и Пруцко аллегорически изобразили изъ себя три рѣки: Вислу, Оку и Волгу. Висла печально, но гордо стояла поодаль, а Волга принимала Оку въ свои объятія. Одна изъ среднихъ княженъ Чухломинскихъ предстала въ видѣ Свободы, одѣтой въ красную фригійскую шапку, и острословъ Подхалютинъ довольно громко замѣтилъ при этомъ что Свобода ничего бы себѣ, да жаль что больно тощая. Замѣчаніе его найдено иными неприличнымъ, а иными иносказательнымъ. Вслѣдъ за этимъ, *madame* Гржибъ показала себя полупрозрачною Вакханкой у ручья и никакъ не воздержалась чтобы не метнуть при этомъ на барона взоръ весьма выразительнаго свойства. Не-

помукъ, увидя супругу свою въ столь соблазнительномъ видѣ, опустилъ глаза долу и поскорѣе полѣзъ въ задній карманъ за золотою тобакеркой чтобы въ медленной понюшкѣ табаку найти себѣ приличное занятіе, пока длится эта краснорѣчивая картина. Добавить ли что появленіе супруги въ такомъ, видѣ показалась ему втайнѣ не совсѣмъ-то удобнымъ ощущеніемъ? За то баронъ чуть не подпрыгнулъ на креслѣ отъ избытка сладострастнаго восторга; за то публика разразилась восторженными рукоплесканіями; за то усердно преданный Шписсъ замиралъ отъ почтительнаго и въ то же время дерзостнаго (до извѣстной степени) наслажденія. Послѣ „Вакханки у ручья“ слѣдовала картина подъ названіемъ *Фонтанъ невинности*. На картинѣ стоялъ картонный барашекъ, а подлѣ барашка вторая средняя княжна Чухломинская съ опрокинутою урной въ рукахъ, изъ которой примѣрно истекала въ бассейнъ фольговая вода. Подхалютинъ пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе и спросилъ гдѣ же тутъ собственно невинность, въ княжнѣ или въ кувшинѣ, и если въ кувшинѣ, то напрасно княжна „Тугоуховская“ столь безразчетно тратитъ ее, и что напрасно не участвуетъ въ этой прекрасной картинѣ та-

demoiselle Сидорова. Сидѣвшая рядомъ съ нимъ подруга Сидоровой, ради которой собственно и была пущена острословомъ эта выходка, ничего ему не возразила, но за то весьма коварно и не безъ удовольствія улыбнулась. Было и еще двѣ или три картины, въ родѣ пляски съ тамбуриномъ, Ангела ночи, Амура и Психеи, которыя, всѣ до единой, приняты публикой съ полнымъ одобреніемъ. Одинъ только Подхалютинъ оставался не совсѣмъ доволенъ, но и то потому что на предварительномъ совѣщаніи относительно картинъ не было принято его предложеніе.

— Помилуйте, говорилъ онъ: — я предлагалъ имъ поставить двѣ русскія и очень поучительныя картины. Обѣ изъ басенъ Крылова. Одну *Лягушки просящія царя*, а другую *Квартетъ*. „Помилуйте, говорятъ мнѣ; какъ же это лягушекъ вдругъ изображать? кто же станетъ лягушками?“ Какъ, Боже мой, кто! А madame Пруцко? а Чапыжникова съ Ярыжниковой? а Фелисата? да и мало ли ихъ тутъ? И чѣмъ же не годятся? А что касается до *Квартета*, то тутъ даже и костюмовъ не надо: возьмите просто членовъ губернскаго правленія и поставьте

— цѣликомъ, какъ есть будетъ картина въ лицахъ! И притомъ очень поучительно!

Но блистательнѣе всего было заключеніе этого спектакля. Madame Гржибъ заранѣе еще задумала поразить почтеннѣйшую публику неожиданнымъ сюрпризомъ. Никто не ожидалъ ея появленія, какъ вдругъ, при громѣ удалой мазурки поднялась завѣса, и изумленнымъ очамъ зрителей предстала ея превосходительство въ польскомъ національномъ костюмѣ... Малиновая конфедератка съ бѣлымъ султаномъ лихо была взброшена на бекрень, рукава бѣлаго кунтуша еще лише откинута назадъ, красные сапожки со шпорами изящно облевали икры вкусныхъ ножекъ генеральши, въ рукахъ бельгійскій штуцеръ, сбоку блистающая сабля. Эмилія Александровна произвела рѣшительный фуроръ. Даже самъ Непомукъ, не смотря на всю свою солидную осторожность, не выдержалъ и усиленно хлопалъ въ ладоши, а баронъ просто ослабѣлъ отъ избытка наслажденія, и упоенно втягивая въ себя воздухъ, какъ-то шипяще вздыхалъ: „charmant! charmant!...“ Пшецыньскій не хлопалъ, но сладко улыбался и залихватски покручивалъ да пощипывалъ свой русый усъ: онъ былъ очень и очень доволенъ неожиданнымъ

сюрпризомъ. За то лихой полицеймейстеръ Гнутъ, вообще цѣнитель женской красоты, упоенный жгучими прелестями ея превосходительства, надсѣдался всею грудью, стучалъ каблуками, и саблей, — и производилъ все это безъ малѣйшей задней мысли, вполнѣ безкорыстно, восхищенный одною эстетическою стороною дѣла. Эта неожиданная картина пошла у генеральши замѣнъ „Молодаго Грека съ ружьемъ“.

Въ спектаклѣ благородныхъ любителей сказалась весьма замѣтная, но едва ли случайная особенность: очень много дамъ, которыя составляли чуть ли не большинство славнобубенскаго общества, явились на этотъ спектакль въ строго черныхъ нарядахъ. Между ними были даже и такія которыхъ никто никогда и не запомнилъ чтобы онѣ носили черное, а теперь и эти вдругъ блистаютъ мрачнымъ цвѣтомъ своего костюма.

— Астафій Егорычъ, обратился въ антрактѣ къ Подхалютину одинъ изъ его знакомыхъ: — что̀ это, батенька? замѣчаете вы, почти всѣ въ черномъ? Словно бы трауръ у нихъ!

— Да трауръ и есть, подтвердилъ славнобубенскій философъ.

— Господи помилуй! Но по комъ же однако?

— А здравый смыслъ погребаютъ. Это одно;

а второе, крѣпостное право только что схоронили: какъ же тутъ не плакать?

— Э, да вы все *свое* городите! Нѣтъ, я васъ спрашиваю серьезно: вѣдь это, взгляните сами, просто въ глаза бросается!

— А въ самомъ дѣлѣ любопытная штука! пробурчалъ себѣ подъ носъ философъ, окинувъ внимательнымъ взглядомъ всю залу: — мода это что ли завелась у нихъ такая? Пойду спрошу у Марьи Ивановны, благо и сама тоже въ черномъ: она вѣдь человѣкъ компетентный.

И острословъ направился своею лѣниво-перевалистою походкой къ одной полной пожилой дамѣ, которая, не взирая на двухъ взрослыхъ и рядомъ съ нею сидящихъ дочерей, все еще стремилась молодиться и нравиться, и разговаривая съ людьми глядѣла на нихъ не иначе какъ сквозь лорнетъ.

— Здравствуйте, маменька! подсѣлъ къ ней Подхалютинъ: — скажите мнѣ на милость, зачѣмъ это вы на такое блистательное позорище явились вдругъ чуть не въ траурѣ? И барышни тоже вотъ въ черномъ, примолвилъ онъ, кивнувъ на двухъ ея дочекъ.

— А вы инспектируете наряды?... Это

скорѣе бы дѣло полиціи! слегка колко, но очень мило отвѣтствовала маменька.

— Нѣтъ, я только любопытствую, оправдывался философъ: — и прошу просвѣтить меня въ темнотѣ ходящаго. Чтò это, мода у насъ нынче такая, или чтò?

— Не мода, а обязанность, долгъ нашъ! довольно гордо и не безъ самодовольной рисовки отвѣтила одна изъ барышень.

Не мало изумленный Подхалютинъ выпучилъ глаза.

— До - олгъ?... Обязанность? недоумѣло протянулъ онъ: — то-есть какъ же это?

А вы хотите чтобы мы радовались когда родина наша страдаетъ? съ задорливою искоркой застрекотала другая дочка.

— Э, барышня, чтò это вы такое говорите! снисходительно усмѣхнулся Подхалютинъ: — ну гдѣ тамъ страдаетъ! Наша родина вообще страдаетъ только тремя недугами: желудкомъ послѣ масленицы, тифомъ на святой, по веснѣ, да финансовымъ разстройствомъ, en general, которое, кажется, нынче перейдетъ въ хроническое. Вотъ и всѣ наши страданія.

— Да; это *ваша* родина, можетъ-быть; но *ваша* не *наша*, продолжала та же барышня.

— Такъ по-вашему Польша не страдаетъ? подхватила другая сестрица.

— Польша?... Да какое намъ съ вами дѣло до Польши? удивленно пожалъ плечами Подхалютинъ: — вы развѣ Польша?

— Польша! гордо отвѣтили, каждая за себя, обѣ барышни.

— Вотъ сюрпризъ-то! — Подхалютинъ даже съ мѣста вскочилъ при этомъ. — Марья Ивановна! Маменька! обратился онъ къ полной дамѣ: — да чтò это онѣ у васъ за вздоръ говорятъ?

— Ни чуть не вздоръ, возразила та! — мы, дѣйствительно, Поляки.

— Давно ли это? продолжалъ все болѣе изумляться Подхалютинъ.

— Вотъ вопросъ! всегда Полояками были!

— Ну, полноте, маменька!... Ужъ вы не шутите ли надо мной?

— Съ какой же стати! Да и чтò за шутки? Развѣ такими вещами можно шутить?

— Господи помилуй! пожималъ плечами философъ: — Поляки... Въ первый разъ слышу!... Такъ и папенька вашъ Матвѣй Осипычъ Яснопольскій тоже Полякъ?

— Разумѣтся! амбиціозно подфыркнули барышни.

Подхалютинъ перекрестился обѣими руками.

— Господи Боже мой! продолжалъ онъ: — двадцать лѣтъ знаю человека, встрѣчаюсь каждый день, и все считалъ его Русскимъ, а онъ вдругъ, нѣ тебѣ, Полякомъ оказывается! Вотъ ужъ не ожидалъ-то! Ха-ха-ха! Ну, сюрпризъ! Точно что сюрпризъ вы мнѣ сдѣлали! А вѣдь я какое угодно пари сталъ бы держать что славно-бубенскій стряпчій нашъ Матвѣй Осипычъ чистокровный Русакъ!... Вѣдь я даже думалъ что онъ изъ поповичей!

— Это намъ очень грустно, если вы насъ за Русскихъ считаете, сухо отвѣтствовали ему барышни.

Подхалютинъ внимательно посмотрѣлъ на нихъ полуиспытующимъ, полусоображающимъ взглядомъ, молча отвѣсилъ почтительный поклонъ и отретировался.

— Ольга Назаровна! пошелъ онъ вслѣдъ за тѣмъ къ одной старушкѣ, сидѣвшей на противоположномъ концѣ того же ряда: — ужъ вы, матушка, тоже не Польша ли?

— Чтò такое? не разслышавъ, или не понявъ, прищурилась на него старушка.

— Я спрашиваю, не Польша ли вы?

— Польша??... Да что ты, мой батюшка, очумѣлъ что ли? Какая я тебѣ Польша!

— А зачѣмъ же вы тоже въ черномъ? Вѣдь вы такъ любите и розы, и алая ленты, и цвѣтныя матеріи, а?

— Въ черномъ? Старушка оглядѣла самое себя и обдернула свое шелковое платье. — Да какъ тебѣ, сказать это, мой батюшка!... Всѣ, вишь, нынче носятъ черное, ну такъ и я заодно ужъ надѣла.

— По пословицѣ, значить: куда люди, туда и мы?

— По пословицѣ, родной, по пословицѣ. А ты, мой батюшка, все шалберничаешь, погрозила она ему пальцемъ: — а нѣтъ того чтобы зайти къ старухѣ посидѣть!... Приходи что ли; въ бостонъ, по старой памяти, поиграемъ. А мнѣ кстати изъ деревни медвѣжьи окорока прислали, ты вѣдь любишь пожрать-то!

— Это мы можемъ, потому на томъ живемъ! согласился Подхалютинъ, и въ знакъ благодарности поцѣловалъ ея ручку.

Черезъ день послѣ спектакля, въ неофициальномъ отдѣлѣ славобубенскихъ губернскихъ вѣдомостей, на первомъ мѣстѣ, красовалась ста-

тейка подъ названіемъ: „Благотворительный спектакль благородныхъ любителей съ живыми картинами“. Статейка эта умиленно отдавала дань признательности и восхищенія всѣмъ участвовавшимъ; но на первомъ планѣ, конечно, стояла ея превосходительство Эмилія Александровна Гржибъ-Загржимбайло.

„Въ настоящее время, когда вся Россія спѣшитъ обновиться и обогатиться плодами прогресса и европейской цивилизаціи“, вѣщала эта статейка, „и нашъ далекій городъ Славнобубенскъ тоже не отстаетъ отъ другихъ своихъ собратьевъ, раскинутыхъ на всемъ могуче-необъятномъ пространствѣ нашей родной широкой матушки-Руси. И мы, Славнобубенцы, въ нашемъ мирномъ далекомъ уголкѣ, тоже стремимся положить свою лепту въ общую сокровищницу, и мы тоже порой умѣемъ веселиться и поднимать свой нравственный и интеллектуальный уровень истинно-эстетическими удовольствіями. За симъ слѣдовало цвѣтистое описаніе самого спектакля, „который почтило своимъ присутвіемъ наше славнобубенское общество въ лицѣ всѣхъ лучшихъ его представителей“. Тутъ отдавалась вполне справедливая дань талантамъ Анатоля, Шписса и гарнизоннаго маіора Перевохина. „Наши

милая и достойно уважаемая дамы“, говорила далѣе статейка, „неожиданно и очень пріятно поразили насъ своимъ искусствомъ и дарованіями, коимъ могла бы истинно позавидовать не одна столичная артистка. Нельзя не поблагодарить также молодыхъ княженъ Чухломинскихъ, которыя украсили собой превосходно поставленныя живыя картины. Присутствовавшая избранная публика вполнѣ оцѣнила и отдала имъ должную дань справедливости, похвалъ и одобренія. Г-жи Ярыжникова, Чапыжникова и Пруцко съ граціей достойною ихъ наружности плѣнили зрителей картиннымъ сочетаніемъ въ эффектно поставленной аллегоріи трехъ рѣкъ славянскихъ.“ (Въ этомъ мѣстѣ, по опискѣ или по невѣжеству усердствовавшаго автора, было поставлено прежде „русскихъ“, но Непомукъ, къ которому для просмотра и одобренія была предварительно доставлена корректура, зачеркнулъ слово „русскихъ“, и собственноручно вмѣсто того изволилъ написать „славянскихъ“.) „Но болѣе всѣхъ оживила нашъ скромный спектакль“, продолжалъ авторъ статейки, „это, безъ сомнѣнія, ея превосходительство достойная супруга г-на начальника губерніи Эмилія Александровна Гржибъ-Загржимбайло. Исполненная ею роль Ступендьиной въ Турге-

невской *Провинціалкѣ* не оставляетъ желать ничего лучшаго. Звучный тембръ ея сильнаго, гибко-страстнаго, выразительнаго и отлично обработаннаго органа въ роли Татьяны изъ *Москаля Чаривника* приводилъ всѣхъ въ истинный и неподдѣльный восторгъ и, казалось, переносилъ мечтающую и упоенную душу зрителя въ какой-то иной, невѣдомый, дивно-фантастическій, волшебнo-сказочный міръ...

Воздавъ достодолжную дань поклоненія артистамъ-любителямъ, авторъ въ заключеніе перешелъ къ благотворительной цѣли спектакля. „Теперь“, восклицалъ онъ, „благодаря прекрасному сердцу истинно-добродѣтельной женщины, благодаря самоотверженно-неусыпнымъ трудамъ и заботамъ ея превосходительства, этой истинной матери и попечительницы нашихъ бѣдныхъ, не одну хижину бѣдняка посѣтитъ и озаритъ внезапная радость; не одна слеза неутѣшной вдовицы будетъ отерта; не одинъ убогій, дряхлый старецъ съ сердечною благодарностью помянетъ достойное имя своей благотворительницы; не одинъ отрокъ, призрѣваемый въ пріютѣ состоящемъ подъ покровительствомъ ея превосходительства супруги г-на начальника губерніи, вздохнетъ изъ глубины своей невинной души и воз-

несетъ къ небу кроткій взоръ съ молитвенно-благодарственнымъ гимномъ къ Творцу міровъ за ту которая замѣнила сирому отроку нѣжное лоно родной матери. И всѣ они, эта убогая вдовица, этотъ согбенный и сирый старецъ, этотъ отрокъ невинный, благословятъ отъ чистаго сердца своего ангела-утѣшителя!“

Словомъ сказать, статейка вышла очень трогательная.

Неусыпно-дѣятельный и трудолюбивый Шписъ составилъ отчетъ о спектаклѣ. Въ отчетѣ этомъ сборъ былъ показанъ по номинальнымъ цѣнамъ, и изъ сбора, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, въ число коихъ входили неоднократныя чаи, закуски, конфеты и лимонады съ оржадами для любителей, во время репетицій, осталось чистой выручки 127 рублей 23³/₄ коп. сер. Эти деньги, при форменномъ отношеніи, и были препровождены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

XIX. Do funduszu żelaznego.

А между тѣмъ въ шкатулкѣ ея превосходительства хранилось около тысячи рублей, собранныхъ ею изъ вольныхъ и невольныхъ пожертвованій сверхъ номинальной цѣны.

Въ кабинетѣ Эмилиі Александровны дверь была весьма предусмотрительно заперта на задвижку. Тяжелая портьера вплотную закрывала ее собой. Сторы на окнахъ тоже были опущены, такъ что ни чей нескромный глазъ не могъ бы подглядѣть и ни чье постороннее ухо не могло бы подслушать того что дѣлалось въ данную минуту въ комфортабельномъ кабинетѣ славно-бубенской губернаторши.

Прелестная женщина сидѣла на бархатномъ пате, предъ раздвижнымъ столикомъ, а противъ нея, за тѣмъ же столикомъ, помѣщался на мягкомъ табуретѣ ксендзъ Кунцевичъ. Предъ обоими стояло по чашкѣ кофе, а между чашками изящная шкатулка губернаторши, очень хорошо знакомая всѣмъ ея вольнымъ и невольнымъ жертвователямъ „въ пользу милыхъ бѣдныхъ“. Ксендзъ, изрѣдка прихлебывая кофе, очень внимательно выводилъ на бумагѣ какіе-то счета. Эмилиа Александровна съ неменьшимъ вниманіемъ слѣдила за его работой.

— Такъ. Теперь вѣрно, тихо сказалъ наконецъ каноникъ, кладя карандашъ: — негласной офяры переправлено мной 110 рублей; отъ лотереи въ пользу пріюта удѣлено 230; отъ публичныхъ лекцій Кулькевича и Подвилянскаго

50 рублей; костельнаго кружечнаго сбора 31 рубль 50 копѣекъ; старогорскій исправникъ Шипчиньскій съ пяти волостей, изъ сбора на погорѣлыхъ, удѣлилъ тогда 20 рублей; отъ Пшецыньскаго получено мной 15, да нынѣ 941 рубль: итого выходитъ 1.397 рублей 50 копѣекъ. Въ пять мѣсяцевъ съ одного только Славнобубенска, дали-Бугъ, не дурно:

И ксендзъ съ удовольствіемъ потеръ свои мягкія, бѣлыя ручки.

— Я хочу, поднялась съ мѣста губернаторша: — я хочу чтобы на нынѣшній разъ мы отправили ужъ такъ-таки полную тысячу... Пусть тамъ получаютъ они круглую сумму! По-этому я жертвую отъ себя пятьдесятъ девять рублей, да страховыхъ съ вѣсовыми двѣнадцать.

И она достала изъ своего бюро и подала ксендзу счетомъ семьдесятъ одинъ рубль.

Кунцевичъ благоговѣнно благословилъ ея подающую руку и съ видомъ теплой благодарности присоединилъ эти деньги къ полновѣсной начкѣ перевязанной тесемкою!

— Какъ же переправить ихъ? озабоченно спросила пани Эмилиа.

Ксендзъ поклонился на это такъ что по-

клонъ его явно выражалъ: „Ужъ мы-де знаемъ! Вполнѣ на насъ положитесь!“

— Прямо до бискупа? продолжала она.

— Ой, нѣтъ! Какъ же такъ-таки до бискупа! До бискупа дойдутъ своимъ чередомъ. Тамъ ужъ у насъ есть надежные люди, на нихъ и отправимъ. А тамъ ужъ передадутъ... Я думаю такъ что рублей четыреста самъ я пошлю, а объ остальныхъ попрошу пана Пшецыньскаго, либо Подвилянскій пусть поручить пану Яроцю, а то неловко одному переправлять такую большую сумму.

— Надо бы поскорѣе...

— Поскорѣй не можно... поскорѣй опять неловко будетъ: какъ же такъ-таки заразъ послѣ спектакля?... Мало ль что можетъ потомъ обернуться! А мы такъ, черезъ мѣсяцъ, сперва Яроць, а потомъ я. Надо напередъ отправить наши расписки, то-есть будто мы должны тамъ, а деньги прямо на имя полиціи; полиція вытребуетъ кредиторовъ и уплатитъ сполна, а намъ расписки перешлетъ обратно. Вотъ это такъ. Это дѣло будетъ, а то такъ по-татарски! Надобно всегда поступать благоразумно и легально.

Ксендзъ допилъ кофе, бережно положилъ въ боковой карманъ пачку денегъ, и благосло-

вивъ свою духовную дочь, удалился, имѣя на нынѣшній еще день много работы. Онъ опустилъ стору въ своемъ „лабораторіумѣ“, приказалъ Зосѣ сказывать всѣмъ, за исключеніемъ развѣ Пшецыньскаго или Подвилянскаго, что его нѣтъ дома, и усѣлся за письменный столъ. Писалъ онъ долго, съ видимымъ удовольствіемъ:

„... Не имѣю пока достаточныхъ свѣдѣній такъ ли идетъ въ другихъ городахъ и провинціяхъ Московіи, но у насъ — успѣхъ за успѣхомъ, и каждый успѣхъ малый вѣнчается успѣхомъ бѣльшимъ. Вамъ уже извѣстно происшествіе въ Высокихъ Снѣжкахъ, пока еще не оправдавшее надеждъ насчетъ здѣшняго варварски-тупаго народа, въ сравненіи съ которымъ волкъ, огрызающійся на разящую его руку, является существомъ болѣе свободолюбивымъ и болѣе разумнымъ. Впрочемъ, никакъ не слѣдуетъ отчаиваться. Здѣсь не теряютъ надежды: агитація по весямъ непремѣнно должна сдѣлать свое дѣло. Здѣшній *центръ*, какъ уже было доносимо, организовался давно и необыкновенно счастливо: имѣя по правую руку высокопоставленную вліятельную женщину, а по лѣвую добраго сына отечества, можно дѣйствовать, соображать, наставлять и направлять по тройственному усмотрѣнію. *Центръ* хорошо спрятанъ, отлично замаскированъ: его никто не знаетъ, никто не подозрѣваетъ. Въ недавнее время начи-

наетъ и здѣсь идти въ ходъ система *троекъ**. Ни съ правой, ни съ лѣвой руки, никто кромѣ главы, никакихъ сношеній не имѣетъ и о причастности ихъ къ центру не знаетъ. Въ послѣдніе дни, послѣ неспѣшной, но удачной подготовки, образовался центръ подцентральный, который репрезентуетъ себя въ одной только особѣ нѣкоего учителя, имѣющаго непосредственныя и исключительныя сношенія съ главою, но не знающаго о содѣйствіи рукъ. Этотъ-то подцентральный центръ служить для двухъ посвященныхъ низшей степени осязаемымъ центромъ, и эти двое (докторъ и другой учитель) почитаютъ его, въ убѣжденіи своемъ, за мѣстный и притомъ единственный центръ, облеченный самостоятельностью и независимостью. Эти послѣдніе двое успѣшно завербовали себѣ тройки, знающія что мѣстный центръ въ *чемъ-то* лицѣ существуетъ, но въ *чемъ*? — то пока остается для нихъ непроницаемою тай-

* Въ послѣднемъ польскомъ заговорѣ были приняты системы *троекъ* и *десятковъ*. Каждый членъ заговора избиралъ себѣ двухъ товарищей, составлялъ съ ними тройку. Избравшій составлялъ звено съ тѣмъ лицомъ которе самого его выбрало и т. д. Такимъ образомъ тройка (въ Россіи) и десятокъ (въ Польшѣ и Западномъ краѣ) являлись вполнѣ самостоятельными, изолированными и въ то же время непрерывно связанными звеньями заговорной цѣпи. Членъ принадлежащій къ тройкѣ зналъ только лицъ входящихъ въ ея составъ; лица же другихъ *троекъ* извѣстны ему не были. Приказанія и сообщенія передавались последовательно отъ избравшихъ къ избраннымъ и т. д.

ной, да надѣмся таковою и навсегда останется. По свѣдѣніямъ, лица составляющія эти тройки, каждое въ отдѣльности, съ успѣхомъ уже занялись вербованіемъ слѣдующихъ своихъ собственныхъ троекъ. Рѣшено было нарочито принять систему *троекъ*, а не *десятковъ*, въ томъ предпочтеніи что тройка, являющая собою единицу меньшую количествомъ чѣмъ десятокъ, наименѣе опасна для цѣлости и стройности остальной организаціи, ежели бы кто по малодушію не удержалъ языкъ своей предъ врагами.

„Слово *свентего костела* и тайна конфессіонала сдѣлали, съ помощію Бога, то что тѣ лица и даже цѣлыя семейства которыя, живя долгіе годы въ чуждой средѣ, оставили въ небреженіи свой языкъ и свою національность, нынѣ вновь къ нимъ вернулись, съ раскаяніемъ въ своемъ печальномъ заблужденіи и съ тѣмъ болѣе сильнымъ рвеніемъ на пользу отчизны.

„Общество враговъ растлѣнно и легкомысленно, и та часть онаго которая наиболѣе оказываетъ сочувствія дѣлу для нея чуждому, по истинѣ, наиболѣе достойна презрѣнія. Польская земля, гордая любовію и вѣрой сыновъ своихъ покраснѣла бы отъ сраму и занлакала бы кровавыми слезами въ тотъ день когда изъ нѣдръ ея могло бы народиться столько отщепенцевъ, столько Искаріотовъ! Но, къ счастью, Польша не Татарія. Это отребье земли своей, эти псы богохульные, глумясь въ гордынѣ безвѣрія своего надъ

Богомъ и надъ своею (хотя бы то и схизматическою) вѣрой, затѣяли отслужить паннихиду по убитымъ въ Снѣжкахъ. Сколько гнуснаго глумленія, сколько франтовства своимъ невѣріемъ, достойныхъ омерзительнаго презрѣнія! Тѣмъ не менѣе, они сдѣлали изъ своей паннихиды добрую демонстрацію, и весьма значительная часть здѣшняго общества этой демонстраціи сочувствуетъ. Въ этомъ, конечно, для насъ есть весьма много полезнаго. Ихъ можно презирать, но ими необходимо пользоваться, ибо нынѣ они — сила.

„Симпатіи къ *угнетаемой* все болѣе и болѣе высказываются въ здѣшнемъ обществѣ; работа нашихъ не пропадаетъ даромъ. Все высшее общество (правда, хотя и изъ глупаго подражанія) облеклося въ *жалобу*: черный цвѣтъ является преобладающимъ въ женскихъ нарядахъ; на языкѣ у многихъ слова сожалѣнія, сочувствія къ намъ и слова порицанія своего російскаго ржонда. Либераловъ и красныхъ распложается все болѣе. Вредные до извѣстной степени въ родной средѣ Поляковъ, красные въ Россіи являются намъ полезнымъ подспорьемъ.

„Къ числу положительныхъ пріобрѣтеній надо отнести также и воскресную школу находившуюся доселѣ въ рукахъ человека почтеннаго и честнаго, но, къ сожалѣнію, вреднаго своимъ противнымъ и фанатическимъ направленіемъ. Нынѣ, чрезъ вмѣшательство администраціи, школа эта ввѣрена благонадежному лицу изъ нашихъ,

которое само уже почти отстранилось отъ нея, а передало все дѣло въ руки Москалей изъ самыхъ завзятыхъ либераловъ. Работа съ этимъ переходомъ пошла весьма успѣшно. Прежній же руководитель школы находится подъ надзоромъ полиціи. Одинъ изъ преподавателей гимназіи, а равно и воскресной школы, оказался человѣкомъ направленія вреднаго; въ то же время вліяніе его на учениковъ было достаточно сильно. Для пресѣченія вреда могущаго постоянно происходить отъ этого человѣка, авторитетъ его и, къ сожалѣнію, даже самое доброе имя необходимо должны были быть подорваны. Мѣра крайняя, но вполне необходимая, въ виду зла имѣвшаго парализовать многія добрыя начинанія.

„Не малую силу (безъ сомнѣнія, подлежащую борьбѣ) являетъ въ лицѣ своемъ здѣшній епархіальный архіерей Іосифъ — оплотъ восточной схизмы, человѣкъ пользующійся большимъ вліяніемъ на паству. Есть нѣкоторые признаки, по которымъ заключаю что онъ можетъ быть вреденъ. Впрочемъ, это покажетъ будущее.

„Былъ спектакль любителей, на которомъ особенно ярко проявились симпатіи къ распятой на крестѣ ойчизнѣ нашей. Вскорѣ, на имя извѣстныхъ Вамъ особъ, будетъ прислана до funduszu żelaznego тысяча рублей. Напередъ вышлемъ на себя расписки. О дальнѣйшемъ донесу своевременно, а пока смиренно прошу благословенія на дѣло неустаннаго служенія своего.“

Подписи не было, но вмѣсто нея выставленъ шифрованный знакъ: „15—13“, что въ сущности означало: „J—K.“, начальные буквы имени и фамилии ксендза.

Не успѣлъ еще онъ, по окончаніи письма, выпить предобѣденную рюмку настойки да закусить свѣжею молодою редиской со сливочнымъ масломъ, какъ въ нижней комнатѣ раздалось знакомое бряцаніе сабли полковника Пшецыньскаго, для котораго ксендзъ „всегда былъ дома“.

— Вѣкъ нашъ крутки — выпіемы вудки!...
А ну-бо! по кѣлишку! весело подмигнулъ хозяинъ только-что вошедшему гостю.

Гость не отказался, и не выпилъ, но что называется „вонзилъ“ въ себя полную рюмку, послѣ чего вкусно поморщился, какъ обыкновенно морщится отъ добраго глотка хорошій гость, желая сдѣлать этимъ комплиментъ хозяйской водкѣ, и въ заключеніе очень выразительно крякнулъ.

Ксендзъ ухмыльнулся и подмигнулъ вторично.
— Вѣкъ нашъ не дługi, выпіемы по дру-
гей! пустилъ онъ свою обычную прибаутчку:
— а потомъ возляжемъ за скромную трапезу!

Отъ трапезы полковникъ отказался, но на-
счетъ недолгаго вѣка, по поводу котораго над-

лежало выпить по другой, сказалъ по-русски что умныя рѣчи пріятно и слышать. И пріатели хватили еще по кѣлишку.

— Панъ заѣхалъ кстати, пожалъ Кунцевичъ руку Пшецыньскому: — у меня тутъ только что цидула окончена. Если хочешь прочесть, вотъ она.

Полковникъ взялъ еще не сложенное письмо.

— Что жъ, надо отправить? спросилъ онъ, какъ о дѣлѣ давно привычномъ и самомъ обыкновенномъ.

— Съ надписомъ: „конфиденціально“, пояснилъ панъ Игнатій изображая сложенными пальцами одной руки на раскрытой ладони другой какъ бы предполагаемую подпись: — только будь такъ ласковъ, брацишку, отправь поскорѣе... въ казенномъ пакетѣ, за печатью... Чтобы все было въ порядкѣ.

— На бискупа, или на полицеймейстера? освѣдомился полковникъ.

— Какъ самъ знаешь, пожалъ плечами ксендзъ: — только думаю что на полицеймейстера натуральнѣе; а то что за корреспонденціи у жандармовъ съ бискупами! На полицеймейстера спокойнѣе будетъ: его превелебна мосць писалъ уже чтобы такъ поступать намъ, ужъ

они тамъ знаютъ!... Имъ это лучше извѣстно!

Полковникъ пріятельскимъ кивкомъ вполне одобрилъ соображенія своего предусмотрительнаго друга.

— А кстати! вспомнилъ Кунцевичъ: — Ну, что тамъ гимназистъ?

— Да вѣдь панъ каноникъ самъ же просилъ оставить пока, я и не трогалъ его.

— Ну, и лучше!... Онъ, сдастся мнѣ, пригодится еще къ дѣлу.

— Мм... молодъ! съ кислой гримасой замѣтилъ Пшецыньскій.

— Э! ничего что молодъ! Подвилянскій аттестовалъ его подходящимъ. Къ чему терять лишнія чужія руки? Пусть и это будетъ на добро да на пользу.

Полковникъ взглянулъ къ себѣ на часы и сталъ прощаться.

— Э, нѣ, нѣ! Почекай трошечку! остановилъ его ксендзъ, наливая рюмки: — такъ не водится! Слухай коханы: „Жебы быць намъ спульне на тымъ свѣцѣ, выпіемы, брацишку, по тршецей!“

— И подчмокнувъ другъ другу, они опрокинули и закусили по третьей, на прощанье.

XX. Изъ-за „шпіона“.

Андрей Павловичъ Устиновъ никакъ не ожидалъ тѣхъ послѣдствій которыя произошли изъ его мнимаго шпіонства, съ импровизованнаго Подвилянскимъ. Молва о тайной миссіи Устинова очень быстро разнеслась по всему Славнобубенску, что, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ она весьма ловко была пущена въ среду гимназистовъ, которымъ пояснено, будто Устиновъ потому-то и шикнулъ Шишкину что самъ онъ шпіонъ, и что онъ-то собственно и погубилъ Шишкина своимъ шиканьемъ. Гимназисты разнесли молву по своимъ семействамъ, а тѣ по своимъ знакомымъ и, глядь, сутокъ черезъ двое весь Славнобубенскъ былъ уже убѣжденъ что въ средѣ его ходитъ, подглядываетъ и подсматриваетъ весьма опасный агентъ тайной полиціи учитель Устиновъ. Очень многіе стали чуждаться Андрея Павловича. Входитъ онъ, на примѣръ, въ сборную учительскую комнату, нѣкоторые изъ сослуживцевъ многозначительно переглядываются между собою и прекращаютъ разговоры. Поклоны ихъ стали гораздо суше;

иные избѣгали протягивать ему руку. Проходя изъ класса по гимназическому корридору, онъ встрѣтилъ гурьбу учениковъ, которая, пропустивъ его мимо себя, вдругъ единодушно зашикала, и среди этого шума раздалось нѣсколько голосовъ: „шпіонъ! шпіонъ! Устиновъ шпіонъ!“ Тотъ обернулся, обвелъ гурьбу изумленнымъ взглядомъ, и улыбнувшись, прошелъ себѣ мимо.

Въ кухмистерской, на Московской улицѣ, точно также, при входѣ его, весьма многіе изъ присутствующихъ, знавшихъ его въ лицо, прерывали нѣкоторые изъ своихъ разговоровъ, переглядывались и перешептывались между собой и окидывали его иногда какимъ-то осторожнымъ, непріязненнымъ взоромъ. При встрѣчахъ на улицѣ, очень многіе изъ знакомыхъ дѣлали видъ будто не замѣчаютъ его, и на поклонъ отвѣчали словно нехотя, вскользь, торопливо, съ видимымъ смущеніемъ.

Вскорѣ и самъ онъ замѣтилъ что положеніе его становится какимъ-то глупымъ, неловкимъ, неестественно-натянутымъ, и это стало то бѣсить, то сильно огорчать его. Но всего обиднѣе была потеря довѣрія и привязанности учениковъ. Взаимныя отношенія ихъ, помимо его воли, какъ-то сами собою перемѣнились: въ нихъ явилась

холодность, неприязнь и даже школьнически-своеобразное презрѣніе къ нему, выражавшееся какимъ-нибудь безмолвнымъ взглядомъ, свистомъ или возгласомъ „шпіонъ!“ брошеннымъ ему за спиной, и положительнымъ отсутствіемъ веселодовѣрчивыхъ разговоровъ и разспросовъ, какъ бывало прежде.

Устиновъ сознавалъ что все это было слишкомъ мелко и черезчуръ уже глупо для того чтобъ обратить на подобныя проявленія серіозное вниманіе, а между тѣмъ новое положеніе втайнѣ начинало уже очень больно и горько хватать и грызть его за сердце.

Кажется, во всемъ городѣ Славнобубенскѣ только и осталось три-четыре человека, отношенія которыхъ къ Андрею Павловичу ни на іоту не измѣнились, и это были: Хвалынцевъ, маіоръ Лубянской да Татьяна Николаевна со своею старою теткой. Все остальное разомъ отшатнулось отъ учителя.

Разъ какъ-то зашелъ онъ къ маіору. Анна Петровна, встрѣтивъ его весьма сухимъ поклономъ, тотчасъ же удалилась изъ комнаты. Зато маіоръ обрадовался отъ чистаго сердца.

— Ну, голубчикъ мой! Наконецъ-то про-

тянулъ онъ ему обѣ руки: — пойдѣте въ мою келью, потолкуемъ-ка!.... Хоть душу отведешь съ человѣкомъ!....

Устиновъ глянулъ на старика и замѣтилъ что онъ видимо измѣнился за послѣднее время: сивая щетинка на бородѣ уже нѣсколько дней не брита, чего прежде никогда не случалось; лицо слегка осунулось и похирѣло, въ глазахъ на мгновеніе мелькало легкою тѣнью нѣчто похожее на глухую, затаенную кручину. При взглядѣ на Петра Петровича, Устинову стало еще грустнѣе.

— Ну, что, какъ живете-можете? началъ онъ, лишь бы отогнать немного свое тягостное чувство.

— Да что, голубчикъ, скверно старикамъ стало жить на свѣтѣ, скверно! съ глубокимъ, сокрушеннымъ вздохомъ покачалъ головой Лубянской: — прежде людьми пренебрегали за что-нибудь дурное, за порокъ какой тамъ что ли, а нынѣ за одну только старость ужъ пренебрегать начали. Или я ужъ и въ самъ-дѣлѣ изъ ума совсѣмъ выжилъ, или что, и самъ не понимаю; а только вдругъ, на шестомъ десяткѣ, подъ сюркупъ полицейскій попалъ! Чуть что ни каждый день вдругъ квартальный сталъ шата-

тѣся, да житѣе-бытѣе мое повѣрять!“ „Вы, говоритѣ, за неблагонамѣренность подѣ призорѣ отданы, и я долженѣ за поведеніемѣ вашимѣ наблюдать!“ Легко ли это, я васѣ спрашиваю?... Издѣваются они надо мной, что ли? Да кто же это далѣ имѣ нынѣ право такое надѣ честнымѣ солдатомѣ издѣваться?... До чего дожили, прости Господи! Ужѣ я этому квартальному, чтобы не часто шатался, грѣшный человѣкъ, далѣ по секрету трешницу. Школу отняли, самого оплевали... А слыхали вы, батенька, чтѣ со школой-то сталося? Слыхали? Вы не бываете тамѣ больше?

— Мнѣ Подвилянскій прислалѣ письмо съ извѣщеніемѣ что я могу прекратить мои дальнѣйшія занятія тамѣ, сказалѣ Устиновѣ.

— Я такѣ и зналѣ! Такѣ и зналѣ я это! махнулѣ старикѣ; — а съ отцомѣ-то Сидоромѣ чтѣ сдѣлали? Не слыхали-съ?

— Признаюсь, не слыхалѣ еще.

— Ну, ужѣ это чистое невѣжество! развелѣ маіорѣ руками: — приходитѣ онѣ это въ школу, а навстрѣчу ему господинѣ Полояровѣ: „вы, говоритѣ, зачѣмѣ сюда?“ — Какѣ зачѣмѣ! Я законѣ Божій читаю! — „Теперь, говоритѣ, я вмѣсто васѣ законѣ Божій читаю, а вы, гово-

рить, ступайте, прихожанъ своихъ эксплуатируйте (такъ и сказалъ! Это самое слово!); всѣ вы, говорить, за зловерное направленіе остюда уволены!“ Чтò жь это за наглость-то наконецъ, я васъ спрашиваю! До чего жь это дойдетъ у нихъ?!... Отецъ Сидоръ хочетъ владыкѣ жаловаться, — да и въ самъ-дѣлѣ, вѣдь ужъ тутъ просто житья нѣтъ никакого! Нагналъ это туда новый-то распорядитель-то учителей хорошихъ: всѣ эти Полояровы да Анцыфровы, да Лиденъки разныя, поди-ка, чай, хорошему научать!... Ужъ они мнѣ, батюшка, вотъ они всѣ гдѣ сидятъ-то мнѣ! указалъ старикъ на свое горло: — вѣдь ужъ я терпѣливъ терпѣливъ, ну, да и мое терпѣніе лопнетъ скоро!

— Полояровъ-то бываетъ у васъ спросилъ Устиновъ.

— Ужъ не говорите лучше! съ негодованіемъ отплюнулся Петръ Петровичъ: — не знаю какъ избавиться! И чтò это такое съ Нюточкой сдѣлалось, просто не понимаю! Не далѣе какъ годъ назадъ вѣдь это прелесть что за дѣвочка была — сами, чай, помните! — а нынѣ (старикъ съ боязливою осторожностью покосился на дверь и значительно понизилъ голосъ), нынѣ — Богъ ее знаетъ! какая-то нервная, раздражительная

тѣся, да житѣе-бытѣе мое повѣрять!“ „Вы, говоритѣ, за неблагонамѣренность подѣ призорѣ отданы, и я долженѣ за поведѣнѣемѣ вашимѣ наблюдать!“ Легко ли это, я васѣ спрашиваю?... Издѣваются они надо мной, что ли? Да кто же это далѣ имѣ нынѣ право такое надѣ честнымѣ солдатомѣ издѣваться?... До чего дожили, прости Господи! Ужѣ я этому квартальному, чтобы не часто шатался, грѣшный человѣкъ, далѣ по секрету трешницу. Школу отняли, самого оплевали... А слыхали вы, батенька, чтѣ со школой-то сталося? Слыхали? Вы не бываете тамѣ больше?

— Мнѣ Подвилянскій прислалѣ письмо съ извѣщенѣемѣ что я могу прекратить мои дальнѣйшія занятія тамѣ, сказалѣ Устиновѣ.

— Я такѣ и зналѣ! Такѣ и зналѣ я это! махнулѣ старикѣ; — а съ отцомѣ-то Сидоромѣ чтѣ сдѣлали? Не слыхали-съ?

— Признаюсь, не слыхалѣ еще.

— Ну, ужѣ это чистое невѣжество! развелѣ маіорѣ руками: — приходитѣ онѣ это въ школу, а навстрѣчу ему господинѣ Полояровѣ: „вы, говоритѣ, зачѣмѣ сюда?“ — Какѣ зачѣмѣ! Я законѣ Божій читаю! — „Теперь, говоритѣ, я вмѣсто васѣ законѣ Божій читаю, а вы, гово-

рить, ступайте, прихожанъ своихъ эксплуатируйте (такъ и сказалъ! Это самое слово!); всѣ вы, говорить, за зловерное напревленіе остюда уволены!“ Чтò жь это за наглость-то наконецъ, я васъ спрашиваю! До чего жь это дойдетъ у нихъ?!... Отецъ Сидоръ хочетъ владыкѣ жаловаться, — да и въ самъ-дѣлѣ, вѣдь ужъ тутъ просто житья нѣтъ никакого! Нагналъ это туда новый-то распорядитель-то учителей хорошихъ: всѣ эти Полояровы да Анцыфровы, да Лиденъки разныя, поди-ка, чай, хорошему научать!... Ужъ они мнѣ, батюшка, вотъ они всѣ гдѣ сидятъ-то мнѣ! указалъ старикъ на свое горло: — вѣдь ужъ я терпѣливъ терпѣливъ, ну, да и мое терпѣніе лопнетъ скоро!

— Полояровъ-то бываетъ у васъ спросилъ Устиновъ.

— Ужъ не говорите лучше! съ негодованіемъ отплюнулся Петръ Петровичъ: — не знаю какъ избавиться! И чтò это такое съ Нюточкой сдѣлалось, просто не понимаю! Не далѣе какъ годъ назадъ вѣдь это прелесть что за дѣвочка была — сами, чай, помните! — а нынѣ (старикъ съ боязливою осторожностью покосился на дверь и значительно понизилъ голосъ), нынѣ — Богъ ее знаетъ! какая-то нервная, раздражительная

тсья, да житье-бытье мое повѣрять!“ „Вы, говоритъ, за неблагонамѣренность подъ призоръ отданы, и я долженъ за поведеніемъ вашимъ наблюдать!“ Легко ли это, я васъ спрашиваю?... Издѣваются они надо мной, что ли? Да кто же это далъ имъ нынѣ право такое надъ честнымъ солдатомъ издѣваться?... До чего дожили, прости Господи! Ужъ я этому квартальному, чтобы не часто шатался, грѣшный человекъ, далъ по секрету трешницу. Школу отняли, самого оплевали... А слыхали вы, батенька, что со школой-то сталося? Слыхали? Вы не бываете тамъ больше?

— Мнѣ Подвилянскій прислалъ письмо съ извѣщеніемъ что я могу прекратить мои дальнѣйшія занятія тамъ, сказалъ Устиновъ.

— Я такъ и зналъ! Такъ и зналъ я это! махнулъ старикъ; — а съ отцомъ-то Сидоромъ что сдѣлали? Не слыхали-съ?

— Признаюсь, не слыхалъ еще.

— Ну, ужъ это чистое невѣжество! развелъ маіоръ руками: — приходитъ онъ это въ школу, а навстрѣчу ему господинъ Полояровъ: „вы, говоритъ, зачѣмъ сюда?“ — Какъ зачѣмъ! Я законъ Божій читаю! — „Теперь, говоритъ, я вмѣсто васъ законъ Божій читаю, а вы, гово-

рить, ступайте, прихожанъ своихъ эксплуатируйте (такъ и сказалъ! Это самое слово!); всѣ вы, говорить, за зловерное направленіе остюда уволены!“ Чтò жь это за наглость-то наконецъ, я васъ спрашиваю! До чего жь это дойдетъ у нихъ?!... Отецъ Сидоръ хочетъ владыкѣ жаловаться, — да и въ самъ-дѣлѣ, вѣдь ужъ тутъ просто житья нѣтъ никакого! Нагналъ это туда новый-то распорядитель-то учителей хорошихъ: всѣ эти Полояровы да Анцыфровы, да Лиденъки разныя, поди-ка, чай, хорошему научать!... Ужъ они мнѣ, батюшка, вотъ они всѣ гдѣ сидятъ-то мнѣ! указалъ старикъ на свое горло: — вѣдь ужъ я терпѣливъ терпѣливъ, ну, да и мое терпѣніе лопнетъ скоро!

— Полояровъ-то бываетъ у васъ спросилъ Устиновъ.

— Ужъ не говорите лучше! съ негодованіемъ отплюнулся Петръ Петровичъ: — не знаю какъ избавиться! И чтò это такое съ Нюточкой сдѣлалось, просто не понимаю! Не далѣе какъ годъ назадъ вѣдь это прелесть что за дѣвочка была — сами, чай, помните! — а нынѣ (старикъ съ боязливою осторожностью покосился на дверь и значительно понизилъ голосъ), нынѣ — Богъ ее знаетъ! какая-то нервная, раздражительная

тѣся, да житѣе-бытѣе мое повѣрять!“ „Вы, говоритѣ, за неблагонамѣренность подѣ призорѣ отданы, и я долженѣ за поведениѣмѣ вашимѣ наблюдать!“ Легко ли это, я васѣ спрашиваю?... Издѣваются они надо мной, что ли? Да кто же это далѣ имѣ нынѣ право такое надѣ честнымѣ солдатомѣ издѣваться?... До чего дожили, прости Господи! Ужѣ я этому квартальному, чтобы не часто шатался, грѣшный человѣкъ, далѣ по секрету трешницу. Школу отняли, самого оплевали... А слыхали вы, батенька, что со школой-то сталося? Слыхали? Вы не бываете тамѣ больше?

— Мнѣ Подвилянскій прислалѣ письмо съ извѣщеніѣмѣ что я могу прекратить мои дальнѣйшія занятія тамѣ, сказалѣ Устиновѣ.

— Я такѣ и зналѣ! Такѣ и зналѣ я это! махнулѣ старикѣ; — а съ отцомѣ-то Сидоромѣ что сдѣлали? Не слыхали-съ?

— Признаюсь, не слыхалѣ еще.

— Ну, ужѣ это чистое невѣжество! развелѣ маіорѣ руками: — приходитѣ онѣ это въ школу, а навстрѣчу ему господинѣ Полояровѣ: „вы, говоритѣ, зачѣмѣ сюда?“ — Какѣ зачѣмѣ! Я законѣ Божій читаю! — „Теперь, говоритѣ, я вмѣсто васѣ законѣ Божій читаю, а вы, гово-

рить, ступайте, прихожанъ своихъ эксплуатируйте (такъ и сказалъ! Это самое слово!); всѣ вы, говорить, за зловредное направленіе остюда уволены!“ Чтò жь это за наглость-то наконецъ, я васъ спрашиваю! До чего жь это дойдетъ у нихъ?!... Отецъ Сидоръ хочетъ владыкѣ жаловаться, — да и въ самъ-дѣлѣ, вѣдь ужъ тутъ просто житья нѣтъ никакого! Нагналъ это туда новый-то распорядитель-то учителей хорошихъ: всѣ эти Полояровы да Анцыфровы, да Лиденъки разныя, поди-ка, чай, хорошему научать!... Ужъ они мнѣ, батюшка, вотъ они всѣ гдѣ сидятъ-то мнѣ! указалъ старикъ на свое горло: — вѣдь ужъ я терпѣливъ терпѣливъ, ну, да и мое терпѣніе лопнетъ скоро!

— Полояровъ-то бываетъ у васъ спросилъ Устиновъ.

— Ужъ не говорите лучше! съ негодованіемъ отплюнулся Петръ Петровичъ: — не знаю какъ избавиться! И чтò это такое съ Нюточкой сдѣлалось, просто не понимаю! Не далѣе какъ годъ назадъ вѣдь это прелесть что за дѣвочка была — сами, чай, помните! — а нынѣ (старикъ съ боязливою осторожностью покосился на дверь и значительно понизилъ голосъ), нынѣ — Богъ ее знаетъ! какая-то нервная, раздражительная

стала. Строптивость у нея какая-то вдругъ... Что ни скажешь, что ни сдѣлаешь, все это не такъ, все это не по ней... одного только *этого*... *его*-то, только его и слушаетъ. Начнешь говорить ей, — сейчасъ въ раздраженіе: „вы, говорить, меня стѣсняете, лишаете меня свободы!“ Ты ей резоны представляешь, а она сейчасъ: „произволь! насиліе!... Это, говорить, деспотизмъ родительской власти...“ Господи Боже мой! Андрей Павлычъ! (Голосъ старика дрогнулъ отъ волненія.) Сами вы знаете, ну, стѣсняю ли я въ чемъ ее? Ну, могу ли я стѣснять? Я... я души въ ней не чаю, а она... деспотъ... деспотизмъ...

Старикъ примолкъ и огорченно поникъ головою.

— Теперь хоть это: хорошо ли это съ ея стороны? продолжалъ онъ черезъ минуту: — отца осрамили, отцу учить запретили, подъ надзоръ полиціи отдали, школу отняли, а она въ этой школѣ продолжаетъ учить какъ ни въ чемъ не бывало. Съ *этими*-то... съ *этими*-то вмѣстѣ учить, въ одной компаніи... съ врагами!... Вѣдь они враги-съ дѣлу-то! Ну, прилично ли это?... Отчего же Татьяна Николавна сразу перестала, сама перестала, чуть только провѣдала про всю

эту компанію?... я же еще стѣсняю еѣ! Я деспотствую!... Эхъ, голубчикъ мой, горько мнѣ все это! горько!... И откуда на насъ вся эта напасть? продолжалъ старикъ, ходя по комнатѣ и закуривъ свою коротенькую трубку: — отчего же прежде у насъ на Руси, ничего такого не было? Иль ужъ и въ самъ дѣлѣ всѣ мы прежде до такой степени были глупы и слѣпы, и подлы, что на насъ теперь и плюнуть не стоить порядочному человѣку, или что — я ужъ и не понимаю. Думаешь-думаешь такъ-то вотъ себѣ ночью (нынче ночами-то что-то плохо спится мнѣ). Только нѣтъ, думаешь себѣ: отчего же подлы? Отчего же глупы да пошлы? Вѣдь и между нами были же и умные, и честные, и образованные люди, и доблестные граждане; умѣли же и мы любить свое отечество, и жили честно; не все же глупцы, да воры, да взяточники! За что же теперь-то всѣ мы огуломъ охаяны да оплеваны? Вѣдь и сами *они* будутъ стариками, значить, и ихъ заплюютъ? Да отчего же мы-то на своихъ отцовъ не плевали? Отчего же мы любили и чтили заслуги ихъ?... Отчего жъ это такъ вдругъ все перевернулось у насъ? Откуда это, я васъ спрашиваю! И вотъ все это, голубчикъ мой, мучаютъ меня всѣ эти неотвязныя

мысли проклятыя, и никакого я себѣ отвѣта найти не могу!... Эхе-хе! тяжело стало старикамъ на свѣтѣ! грустно заключилъ онъ, выколавывая въ черепокъ золу изъ своей носогрѣйки.

Потолковалъ онъ и еще кое-что на ту же самую тему, и потомъ, чтобы разбить нѣсколько свои невеселыя мысли, предложилъ учителю партію въ шашки. Сыграли они одну и другую, и третью, а тамъ старая кухарка Максимовна принесла имъ на подносѣ два стакана чаю, да сливокъ молочникъ, да лотокъ съ ломтями бѣлаго хлѣба. Былъ седьмой часъ въ началѣ.

— А гдѣ же барышня-то? что ея не видать? спросилъ старикъ у кухарки.

— Барышни нѣту-ти. Оны еще давеча, какъ Андрей Павлычъ пришли только, такъ ушли изъ дому.

— Куда же это? не сказала?

— Ничего не сказывали а только вышли одѣвшись и пошли.

— Ну, хорошо... Ладно; ступай-себѣ!

— Вотъ, батюшка мой, обратился маіоръ къ Устинову когда кухарка вышла за дверь: — это вотъ тоже новости послѣдняго времени. Прежде бывало идетъ куда, такъ непременно хоть скажется, а нынче — вздумала-себѣ —

хватать! — одѣлась и — шмыгъ за ворота! Случись что въ домѣ, храни Богъ, такъ куда и послать-то за ней не знаешь. И я же вотъ еще свободы ее при этомъ лишаю!

Устиновъ посидѣлъ еще съ полчаса и простился.

Вскорѣ послѣ него вернулась домой Анна Петровна. На хмуромъ личикѣ ея написано было молодое нетерпѣніе поспѣшной рѣшимости. Снимая предъ зеркаломъ свою гарибальдійку и приглаживая короткіе волосы, она даже ножкой досадливо топала. Видно было что ей поскорѣе хочется рѣшить что-то на *да*, или *нѣтъ*, и что на этотъ послѣдній ладъ она кѣмъ-то настроена.

— Гдѣ была, Нюточка? ласково и тихо обратился къ ней Лубянской.

— Гдѣ была тамъ ужъ нѣту! отвѣчала она съ усмѣшкой: — а ты вотъ что, папахень... Мнѣ съ тобой надо поговорить серьезно и... рѣшительно. Угодно тебѣ меня выслушать?

— Говори, дружочекъ... еще тише промолвилъ старикъ, у котораго вдругъ упало сердце отъ этого тона рѣчи. Онъ смутно предчувствовалъ что-то недоброе.

— Извольте-съ. Я буду говорить, начала она съ какою-то особенною рѣшимостію ставши

предъ отцомъ и скрестивъ на груди руки: — скажи мнѣ, пожалуйста, папахенъ, для чего ты принимаешь къ себѣ въ домъ шпионовъ?

— Шпионовъ?... Какихъ это шпионовъ? поднялъ на нее глаза Лубянской.

Изъ этого вопроса онъ уже понялъ о чемъ пойдетъ дѣло.

— Какъ какихъ? Какъ будто Полояровъ не при тебѣ говорилъ?

— Э, дѣвочка! Мало ли что говоритъ Полояровъ!

— Но это всѣ говорятъ!... Весь городъ знаетъ!

— Ну, мало ли что!... Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ: слыхала, чай пословицу? У насъ вѣдь чего не болтаютъ?

— Но это не болтовня, это правда? Намедни у самого Пшецыньскаго спрашивали, такъ онъ только какъ-то странно улыбнулся на это и сталъ увѣрять что вздоръ и выдумки. Одно ужъ это увѣреніе достаточно подтверждаетъ фактъ.

— Ну, Нюта, полно пустяки болтать!... Ни въ жизнь я такимъ вздорамъ не повѣрю и даже слушать-то про нихъ не хочу.

— Ха, ха, ха!... Это мило! Это мнѣ нра-

вится! нервно потирая руки зашагала она по комнатѣ: — ну, такъ я же тебѣ говорю что я не желаю, не хочу — слышишь ли, папахенъ? — не-хо-чу чтобъ у насъ въ домѣ бывалъ этотъ шпионика! Послѣ этого къ намъ ни одинъ порядочный человѣкъ носу не покажетъ, Мнѣ ужъ и то говорятъ всѣ!...

— Кто говоритъ-то? какой-нибудь Полояровъ...

— Вопервыхъ, перебила дѣвушка съ ярко проступившею на щекахъ краской досады: — вопервыхъ, Полояровъ вовсе не „какой-нибудь“, а порядочный человѣкъ, котораго я уважаю, и потому покорнѣйше прошу о немъ такъ не говорить!

— Да ты сама-то, Нюта, какъ говоришь со мной, съ отцомъ-то своимъ? Что жъ тебѣ Полояровъ ближе отца сталъ, что ли?

— Это вопросъ совсѣмъ посторонній; и замѣчаній мнѣ тоже не надо; а я тебя спрашиваю въ послѣдній разъ: угодно тебѣ быть знакомымъ со шпионами?

— Я Андрея Павлыча за шпиона не считаю и считать не буду, рѣшительно и твердо отвѣтилъ онъ на это: — и знакомства съ нимъ отъ

какихъ-нибудь нелѣпыхъ спелетенъ не прерву. Вотъ тебѣ, Нюта, мое слово!

— Покорнѣйше благодарю! иронически поклонилась она: — я и не знала что тебѣ этотъ баринъ дороже дочери и собственнаго добраго имени!

— Матушка! покачалъ головой маіоръ: — не Анцыфровымъ какимъ-нибудь дарить меня добрымъ именемъ, я его самъ себѣ добылъ; и не имъ его вырывать отъ меня! А о себѣ ты и не говори... Нюта!... Нюточка! да неужто же ты не видишь, голубка моя, какъ люблю я тебя! съ глубокою нѣжностью протянулъ онъ къ ней руки.

— Скажите, пожалуйста! Да въ чемъ эта любовь-то ваша? съ перенебреженіемъ выдвинула она свои губки: — великая заслуга — любовь! Каждое животное, собака и та любитъ щенятъ своихъ: просто, животнo-эгоистическое чувство и больше ничего! Это очень естественно!

Старикъ въ какомъ-то ужасѣ поднялся съ мѣста.

— Нюта, Нюта! горько покачалъ онъ головой: — и это ты!... это *ты* говоришь такія вещи!... Да кто это вселилъ въ тебя мысли-то такія?!... Боже мой! Родительское чувство...

отца вдругъ къ собакѣ... ко псу приравняла!... Да что жь это, ей Богу!... Нюта, это не ты говоришь... это чудится мнѣ только!... Нюта! родная моя!... Поди ко мнѣ!

— Оставь, пожалуста, нѣжности, папахенъ! мимоходомъ махнула она рукой: — я тебѣ повторяю, если хочешь жить со мной въ мирѣ, то чтобы въ домѣ у насъ не было больше Устинова, а если онъ еще разъ придетъ, то я надѣлаю ему такихъ дерзостей, какихъ онъ еще ни отъ кого не кушалъ.

— Ну, ужъ нѣтъ! Этого не будетъ! опять-таки рѣшительнымъ тономъ возразилъ Петръ Петровичъ: — гостя, каковъ бы онъ ни былъ, я въ моемъ домѣ оскорблять не позволю, потому что онъ гость мой.

— Ха, ха, ха! Это у тебя все твои эти кавказскія, восточныя правила! насмѣшливо проговорила она: — да если этотъ гость шпионишка, подлець, мерзавецъ?

— Сударыня! да постыдись ты, Христа-ради! укорливо всплеснулъ старикъ руками: — вѣдь ты благородная дѣвушка! Ну что ты дѣвичьи уста свои оскверняешь такими гнусными словами! Откуда все это? И что это за тонъ-то

у тебя нынче? Гдѣ жъ твоя скромность, голу-
бушка ты моя?!...

— Мнѣ это наконецъ надоѣло! топнула
она ножкой, снова скрещивая руки и становясь
предъ отцомъ: — я хочу знать рѣшительно:
будутъ ли у насъ бывать шпіоны, или не будутъ?

— Шпіоновъ не бывало и бывать не бу-
детъ, категорически отвѣтилъ старикъ, подняв-
шись съ мѣста! — а Андреѣ Павлычъ будетъ!
И пока я живъ, я никому не позволю оскор-
бить его въ моемъ домѣ, и никто этого не ос-
мѣлится!

— А! когда такъ, такъ хорошо же! взвиз-
гнула Анна Петровна, заливаясь гнѣвными сле-
зами: — это деспотизмъ... это насиліе... это
самодурство наконецъ!... Этого я выносить не
стану!... я не въ силахъ больше!... Терпѣніе
мое лопнуло, такъ жить нельзя, и я не хочу,
не хочу, не хочу больше!... возвышала она го-
лосъ: — слышите ли, не хочу, говорю я вамъ!...
Послѣ этого, между нами все кончено! Прощайте,
Петръ Петровичъ!

И стремительно вырвавшись изъ комнаты,
она мимоходомъ захватила гарибальдійку да бе-
дуинъ, перекинутый черезъ спинку стула, и бро-
силась вонъ изъ дому.

— Нюта! Нюточка! голубчикъ!... Куда ты!... вернись! вернись, Христа-ради! вдругъ переполошившись, схватился старикъ въ догонку за дочерью. Словно ошалѣлый, выбѣжалъ онъ за калитку и, какъ былъ въ одномъ халатѣ и безъ шапки, побѣжалъ по улицѣ.

Нюточка спѣшно обернулась на его голосъ, и видя что онъ ее, пожалуй, догонитъ, сама торопливо пустилась бѣжать отъ него, махая встрѣчному извозчику, и поравнявшись съ его дрожками, съ разбѣгу прыгнула въ нихъ.

— Пошелъ!... Пошелъ живѣе! Поворачивай! чуть не задыхаясь толкала она своего возницу, и тотъ, въ надеждѣ на хорошую выручку, со всеусердіемъ сталъ хлестать свою лошадь.

Въ эту минуту молодая дѣвушка вся была въ какой-то изступленно-нервной экзальтаціи. Ее душилъ приливъ злостной досады избалованнаго, капризнаго ребенка: слезы ручьями катились по щекамъ; лихорадочная дрожь колотила все тѣло. Она сама не помнила и не понимала хорошенько что съ нею и что она дѣлаетъ.

Старикъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и поникъ головой. Изъ разныхъ оконъ на эту сцену уже глядѣли любопытныя головы. „Господи!“ чужіе люди видѣли!“ чѣмъ-то колючимъ отозвалось

въ сознаніи Петра Петровича, и онъ вдругъ какъ-то осѣлся, сконфузился, и стараясь ни на кого не глядѣть, побрелъ въ свою калитку.

XXI. Безъ дочери.

Не скоро пришелъ въ себя старый Лубянский, но все-таки мало-по-малу болѣе спокойное, сознательное горе тихо овладѣло имъ, и среди этого горя нашлось еще мѣсто надеждѣ. Надежда же явилась потому, что слишкомъ велика была любовь его.

„И куда это поскакала она, сумашедшая? думалъ себѣ маіоръ, слоняясь изъ угла въ уголъ по всѣмъ комнатамъ: — къ дурищѣ къ этой къ Лидіи Затцъ, что ли? или къ Татьянѣ Николаевнѣ?... Нѣтъ, та не того покроя, къ той не поскачетъ!... Неужели къ Полоярову? вдругъ мелькнула ему жуткая, страшная мысль, которую онъ всячески постарался тотчасъ же отогнать отъ себя: — нѣтъ, нѣтъ... нѣтъ, не можетъ этого быть!... Какія глупости бредутъ мнѣ въ голову!... Это я разстроенъ нынче, это оттого все... Моя Нюточка, нѣтъ, она этого не сдѣлаетъ... Вѣрно у Лидіи Затцъ... Она скоро вернется, утѣшалъ онъ себя баюкающею

надеждой: — образумится и вернется... Она благоразумная вѣдь... не можетъ не вернуться... Надо тогда поговорить съ ней... Надо покротче, поласковѣе... Вѣдь и я ужъ тоже! развѣ можно эдакъ-то круто?... Эдакъ нельзя... Надо уговорить, урезонить... Она пойметъ же вѣдь наконецъ.“

А между тѣмъ время шло да шло себѣ, и пробило уже десять часовъ.

Маіоръ снова начиналъ тревожиться и сердиться.

„Вѣдь эдакая, право, скверная, упрямая дѣвчонка! Характеръ-то какой настойчивый!... Это хочеть чтобъ я покорился, чтобъ я первымъ прощенія просилъ да по ея бы сдѣлалъ... Ну, ужъ нѣтъ-съ, извините! Этого не будетъ! Этого нельзя-съ!... Да-съ; этого нельзя-съ!... Изъ-за пустой поблажки да честныхъ хорошихъ людей обижать, это называется бабствомъ! А я не баба, и бабой не буду!... Да-съ; не буду бабой! вотъ что!“

Маіоръ, жестикулируя, размахивая руками и говоря самъ съ собой въ полшепота, все къ кому-то обращался, словно въ этой комнатѣ сидѣла воображаемая Нюточка.

„Нѣтъ, надо будетъ взять другія мѣры!...“

Непремѣнно другія мѣры!... совѣтовалъ онъ самому себѣ. Но какія именно будутъ эти предполагаемыя мѣры, — старикъ не опредѣлялъ, и даже будто избѣгалъ такого опредѣленія, онъ только какъ бы утѣшалъ и баюкалъ себя тѣмъ что мѣры непремѣнно должны быть другія. „Хорошо бы всѣхъ этихъ господъ того... въ шею! показалъ онъ выразительнымъ жестомъ: — чтобъ и духомъ ихъ тутъ не пахло! тогда будетъ отлично... тогда все какъ нельзя лучше пойдетъ!... Да-да; непремѣнно другія мѣры...“

„Но, Господи! Что же это Нютачка?!...“

Пробило одиннадцать, а ея все нѣтъ еще. Вотъ и половина двѣнадцатаго; вотъ и двѣнадцать, но Нюта на возвращается. Безпокойство все болѣе и болѣе овладѣвало имъ, и къ этому безпокойству примѣшивались и тоска, и страхъ безотчетный. Онъ рѣшился ожидать до часу, и все время, въ открытую форточку, напряженно и чутко прислушивался — не дребезжать ли на улицѣ дрожки, не слыхать ли легкихъ приближающихся шаговъ. Онъ бы по чутью угадалъ звукъ походки своей дочери. И вотъ, изрѣдка слышатся чьи-нибудь шаги, маіоръ встрепенется, сердце его станетъ биться порывистѣй напряженнѣе... но нѣтъ, не она!... все не

она это! все другіе, посторонніе, либо не доходя гдѣ-нибудь остановятся и затихнуть въ какой-нибудь чужой калиткѣ, либо все мимо да мимо проходятъ, а ея все нѣтъ какъ нѣтъ!... И когда же наконецъ она будетъ? И когда же затихнетъ и уляжется этотъ страхъ, эта тоска все болѣе и все мрачнѣе растущая въ сердцѣ стараго маіора? Но вотъ и *часъ* простоналъ гулкій колоколь на далекой соборной колокольнѣ.

Маіоръ съ лихорадочною поспѣшностью сталъ одѣваться и ушелъ изъ дому, къ несказанному, но безмолвному удивленію заспанной Максимовны.

Спѣшнымъ шагомъ, и почти что рысцой, направился онъ въ Кривой переулокъ, гдѣ жила Лиденька Затцъ. Но въ Кривомъ переулкѣ все было глухо и тихо, и у одного только подъѣзда полицеймейстерской Дульцинеи, обычнымъ образомъ, стояла лихая пара подполковника Гнута, да полицейскій хожалый, завернувшись въ тулупъ, калякалъ о чемъ-то съ кучеромъ. Маіоръ поспѣшно прошелъ мимо нихъ, стараясь спрятать въ воротникъ свое лицо чтобы не видали его, словно казалось ему, они могли и знать, и догадываться куда онъ идетъ и кого отыскиваетъ.

Лиденъка Затцъ не спала еще и, понятное дѣло, съ подобающимъ изумленіемъ встрѣтила посѣтителя, столь поздняго, столь рѣдкаго, и притомъ въ такую странную, необычную пору. Она еще болѣе удивилась, когда тотъ спросилъ о своей дочери. Лиденъка не знала гдѣ она и сегодня весь день даже не видала ея. Маіоръ ушелъ еще болѣе озадаченный и разстроенный.

— Не у Горевыхъ ли она? сказала Затцъ въ догонку ему на лѣстницѣ.

— Не знаю... Побѣгу сейчасъ.

— А можетъ-быть...

Хотѣла еще что-то сказать она, но не договорила и замолкла. Видно было, что самое ее одолѣло вдругъ какое-то сомнѣніе.

— Что „можетъ-быть“? жадно и тревожно обернулся на нее Лубянской.

— Нѣтъ... ничего, я такъ только...

— Что, „можетъ-быть“? Говорите, не бойтесь! настойчиво повторилъ онъ.

— М-м-можетъ-быть, она... у Полоярова, сомнительно высказалась Лиденъка, которую засосалъ червячокъ ревности.

Старика словно вѣтромъ шатнуло, такъ что онъ едва успѣлъ ухватиться за перила. Это было слово котораго онъ самъ себѣ не смѣлъ

выговорить, предположеніе котораго онъ страшился, вопросъ котораго даже не дерзалъ онъ задать себѣ. Нѣсколько секундъ простоялъ Петръ Петровичъ въ нѣмомъ раздумьи, и наконецъ снова повернулся къ Лиденькѣ.

— Нѣтъ; этого нѣтъ и быть не можетъ! твердо сказалъ онъ ей рѣшительнымъ и подѣльно увѣреннымъ тономъ: — это вздоръ!... нелѣпость!... Она... я знаю гдѣ она: она у Горевыхъ.

— Ну, ступайте, ищите! Помогай вамъ Господи! проговорила Затцъ, затворяя двери, и въ голосъ ея слышалась боль и насмѣшка уязвленной ревности и страдающаго самолюбія...

Петръ Петровичъ пошелъ въ другую часть города, гдѣ жили Горева. Но въ окнахъ у нихъ было темно, тамъ, очевидно, всѣ давно уже спали.

„Что жъ стучаться-то, тревожить понапрасну, подумалъ себѣ маіоръ: — стало-быть, ея тамъ нѣтъ... Только одинъ лишній скандалъ... Нечего и спрашивать!... А кабы ночевать осталась или заболѣла, такъ прислали бы сказать...“

„Куда жъ теперь?“ спросилъ онъ себя мысленно. И стало ему вдругъ страшно, жутко и холодно... Замерещилось будто онъ, онъ самъ жестоко обидѣлъ, оскорбилъ свое родное дитя,

и оно, блѣдное, безумное, съ горя пошло да въ воду кинулось... утопилось... умерло... плыветъ теперь гдѣ-нибудь... или къ берегу прибило волной его мертвое тѣло...

И полный этими черными мыслями, онъ, какъ къ единственной надеждѣ своей, бросился къ Устинову.

Учитель еще не спалъ и работалъ, обложенный книгами. Въ первую минуту онъ даже испуганно отшатнулся отъ своего неожиданнаго гостя, до того было болѣзненно-блѣдно и разстроено лицо Лубянского.

— Петръ Петровичъ! Чтò съ вами?

Тотъ кое-какъ, съ трудомъ, рассказалъ въ чемъ дѣло.

— Пойдемъ искать вмѣстѣ... помогите мнѣ... вмѣстѣ скорѣе, можетъ... какъ-нибудь... спасите ее! говорилъ онъ урывками какихъ-то смутныхъ мыслей, въ какой-то почти полупомѣшанной растерянности.

Учитель молча, но поспѣшно сталъ одѣваться, и въ двѣ-три минуты былъ уже готовъ.

— Куда же идти-то? спросилъ онъ, выйдя на улицу.

— На рѣку... на рѣку идти... Она тамъ

вѣрно... тамъ... Гдѣ же больше? бормоталъ майоръ, весь дрожа нервическимъ трепетомъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, этого быть не можетъ, самымъ увѣреннымъ тономъ сталъ успокоивать его Устиновъ. — Я головой готовъ ручаться что не можетъ! Просто такъ, подурила себѣ немножко, а это нѣтъ, это вы только напрасно себя беспокойте... Тутъ что-нибудь иное...

— Иное?... Да что жъ иное? Затцъ говорила... что у этого... у Полоярова... Но вѣдь Затцъ дура... она вретъ это... этого быть не можетъ, съ одышкой сказалъ наконецъ Лубянской.

Устинову мелькнула вдругъ новая мысль, новая догадка.

— А вы тамъ были? у Полоярова-то? осторожно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не былъ... Зачѣмъ же туда?... Тамъ вѣдь нѣту...

— Да все-таки... попытаемся, сходимъ... можетъ, онъ знаетъ...

Отправились къ Ардалиону. У воротъ того дома гдѣ обиталъ онъ, дремалъ дежурный дворникъ.

— Дома господинъ Полояровъ, не знаешь ты, спросилъ Устиновъ.

— Нѣтъ его дома; не бывалъ еще.

— А не была тутъ вечеромъ... молодая... дѣвушка? съ трудомъ проговорилъ Лубянскій.

— У Полоярова-то? переспросилъ дворникъ.

— Да, да, у Полоярова...

— Какая это?... Чернявенькая такая? стриженная?

— Ну, да, да!... Она самая... Не была?

— Вечеромъ? такъ часу, значитъ, въ девятомъ?

— Такъ, такъ; въ девятомъ, въ началѣ девятого.

— Была, пріѣзжала, подтвердилъ дворникъ:
— да она тутъ часто у его бываетъ.

— Гдѣ жъ она? здѣсь? перебилъ Устиновъ.

— Нѣтъ; таперя нѣтъ ея, уѣхавши...

— Какъ, уѣхавши!... Куда? почти вскрикнулъ Петръ Петровичъ.

— А не знаю доподлинно... Слышалъ, такъ часу въ одиннадцатомъ, рядили аны тутъ вдвоемъ извощика за-городъ, значитъ, какъ быдто въ Гулянкину рощу, самъ-то, кажись, маленько выпимши былъ, а въ точности не знаю, можетъ и не туда... потому, назадъ еще не бывали.

— Ну, спасибо, спасибо, голубчикъ, заговорилъ Лубянскій, торопливо порывшись въ карманъ и сунувъ въ руку дворника какую-то мо-

нетку: — на, на, возьми себѣ! Пойдемте, Андрей Павлычъ... Пойдемте отсюда... Что жь намъ здѣсь дѣлать?

И старикъ торопливымъ шагомъ побрелъ отъ воротъ. Устиновъ пошелъ слѣдомъ и сталъ замѣчать что Лубянскій усиленно старается придать себѣ бодрость. Но вотъ завернули они за уголъ, и здѣсь уже Петръ Петровичъ не выдержалъ: оперевши на руки голову, онъ прислонился локтями къ забору и какъ-то странно закашлялся; но это былъ не кашель, а глухія, старческія рыданія, которыя, сжимая горло, съ трудомъ вырывались изъ груди.

Учитель тихо отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону чтобы не мѣшать своимъ присутвіемъ этому порыву глубокаго горя, и въ то же время не спускалъ внимательныхъ глазъ со старика, будучи готовъ при первой надобности подать ему какую-либо помощь. Прошло нѣсколько минутъ пока нарыдался Лубянскій. Тихо отклонясь отъ забора, онъ, шатаясь, сдѣлалъ два шага и присѣлъ на тумбу.

Минуло и еще нѣсколько минутъ когда наконецъ учитель рѣшился подойти къ нему.

— Петръ Петровичъ!... а, Петръ Петровичъ?... Пойдемтека лучше домой... Я прово-

жу васъ осторожно и тихо сказалъ онъ, съ участіемъ дотронувшись до плеча Лубянскаго.

— А? ... что? ... какъ? ... пробормоталъ тотъ, словно бы очнувшись. — А, это вы, голубчикъ? ... Что вы говорите?

— Я говорю, пойдите домой ... дома лучше ... Что жъ сидѣть-то! ...

— А? ... Домой? ... Хорошо, пойдѣмъ домой ... Хорошо ... пойдѣмте ...

Устиновъ помогъ ему подняться съ тумбы и подъ руку повелъ по улицѣ. Старикъ видимо ослабѣлъ и даже слегка пошатывался.

Молча дошли они до самой калитки, и здѣсь Петръ Петровичъ какъ будто пріободрился немного.

— Спасибо вамъ, голубчикъ, спасибо! сказалъ онъ, сжимая руку учителя: теперь ужъ я самъ ... Извините что потревожилъ васъ ... Не беспокойтесь, я самъ ... я самъ какъ-нибудь.

Учитель понялъ что ему хочется остаться одному-одинешеньку со своею думой, со своимъ великимъ горемъ, и потому, не входя во дворъ, простился у калитки.

Столь же, повидимому, бодро вошелъ старикъ и въ комнату. Сонная кухарка зажгла ему свѣчу и поставила ее на столъ, гдѣ еще съ

десяти часовъ вечера былъ собранъ холодный ужинъ, за который майоръ никогда не садился безъ дочери. Два прибора и закуска до сихъ поръ оставались нетронутыми.

— Ступай, Максимовна, спи себѣ, ты не нужна мнѣ, обернулся онъ къ кухаркѣ которая зѣвая и почесываясь стояла у дверей.

Оставшись наконецъ совершенно одинъ, Петръ Петровичъ долго стоялъ по срединѣ комнаты, не то въ какомъ-то разсѣянномъ раздумьи, не то въ полномъ оцѣпенѣломъ безмысліи. Даже лицо его не выражало теперь никакого оттѣнка горя, тоски или думы, или другаго какого ощущенія, но не сказывалось въ немъ тоже и равнодушія, ни апатичной усталости, а было оно если можно такъ выразиться, вполне безлично, безвыразительно.

Съ тѣмъ же тупымъ, безличнымъ взглядомъ подошелъ онъ къ столу, разсѣяннo налилъ рюмку водки, разсѣяннo пропустилъ ее сквозь зубы и медленно отошелъ на прежнее мѣсто.

Странное раздумье все еще владѣло имъ, и чрезъ нѣсколько времени онъ опять повторилъ тотъ же маневръ съ рюмкой, словно и не помня что одна уже выпита, и тихо, на цыпочкахъ, прокрался въ комнату дочери.

Предъ благословленнымъ образомъ покойной жены его тихо мерцала тамъ лампадка которую никогда не забывала затеплить на ночь старая Максимовна, и свѣтъ этой лампы слабо озарялъ предпостельный столикъ со свѣчой и графиномъ воды, кисейную занавѣску, нѣсколько книгъ на окошкѣ и дѣвическую кровать застланную чистымъ, свѣжимъ бѣльемъ и тщательно, какъ всегда, приготовленную на ночь. Надъ кроватью висѣлъ небольшой портретъ покойной жены Петра Петровича, умершей назадъ тому четыре года. Фотографическій оттискъ давно уже сталъ выцвѣтать, но все еще довольно живо хранилъ добрыя, мягкія, спокойныя черты немного пожилой женщины.

Маіоръ остановился и надолго застылъ въ раздумьи предъ постелью своей дочери.

Эта чистая дѣвическая постель еще въ первый разъ въ жизни оставалась въ такую глухую, позднюю пору ночи пустою и несмятою.

„Гдѣ она? ... Что съ нею? ...“

Что-то колющее, какъ тонкая холодная игла, щекотно проникало старику въ самую заповѣдную глубь сокрушеннаго сердца.

„Ушла... Сама ушла... И нѣтъ ея... и не

будеть больше... Кабы жива была покойница, можетъ, *этого* не случилось бы."

Словно больной, надоѣдливый зубъ, сердце все ныло и ныло, такъ тихо, но непрестанно, и такъ долго, такъ однообразно...

Маіоръ присѣлъ на стулъ предъ кроватью, около столика, безотчѣтно поправилъ отвернувшійся край простыни, подперъ руками голову и — безъ думы, безъ мысли, съ одною только болью въ сердцѣ, — сталъ глядѣть все на тѣ же бѣлыя подушки, да на тотъ же портретъ, смотрѣвшій на него со стѣны добрыми, безмятежными глазами. Такъ застали его первые лучи солнца. Онъ спалъ теперь сномъ глухимъ и тяжелымъ.

XXII. Великодушный Ардаліонъ.

Въ девятомъ часу утра, отправляясь въ гимназію, Устиновъ нарочно далъ крюку и завернулъ къ маіору провѣдать что съ нимъ теперь дѣлается. Онъ очень опасался за его здоровье. Маіоръ уже проснулся, вымылся, оправился и, судя относительно, глядѣлъ довольно бодро.

— Что же мнѣ дѣлать теперь, Андрей Па-

влычъ? Научите, присовѣтуйте. Я вѣдь, просто, голову потерялъ! грустно говорилъ онъ Устинову: — не знаю, хорошо ли это, но думаю пойти туда... все-таки узнаю что-нибудь.

— А не подождать ли, можетъ, сама вернется...

— Ахъ! да вѣдь сердце-то все мое изныло!... Не могу я такъ! тоскливо перебилъ старикъ: — ужъ хоть бы знать что-нибудь положительное! Ну, умерла она — ну, такъ бы, по крайней мѣрѣ, и зналъ что умерла; а бросила — такъ бросила!... Господь съ нею!... А то эта неизвѣстность хуже всего! Вѣдь ужъ я изумчился!

Устиновъ не нашелъ возраженій противъ этого чувства, и старикъ вмѣстѣ вышелъ изъ дому. Одинъ пошелъ на службу, другой къ Ардалиону Полоярову.

Анна Петровна проснулась уже давно и притомъ очень рано. Ей спалось плохо; перерывистый сонъ былъ смутенъ и тревоженъ. Подобравъ подъ себя ноги и плотно закутавшись въ свой бедуйнъ, она прижалась въ уголокъ кожаного дивана, и раздумье о своемъ новомъ положеніи, о новой жизни, помимо ея собственной воли, неотступно брело въ ея голову. У другой

стѣны, примостившись кое-какъ на составленныхъ креслахъ и стульяхъ, спалъ Ардаліонъ Полояровъ. Въ комнатѣ было грязно и беспорядочно, и вся обстановка съ перваго взгляда показывала что здѣсь живетъ холостой бобыль бездомовникъ.

Ардаліонъ потянулся, почавкалъ губами, зѣвнулъ, и открывъ глаза, приподнялся на локтяхъ со своихъ стульевъ.

— А, матушка, уже проснулась? улыбнулся онъ Аннѣ Петровнѣ. — А что самоварчикъ? Побаловаться бы горяченькимъ, а то смерть какъ скверно!

Самоваръ давно уже стоялъ на столѣ, и давно парился на немъ чайникъ, но новая хозяйка даже и не дотронулась до налитой чашки. Она молча подошла теперь къ столу, налила стаканъ и подала Полоярову.

— Что это? Никакъ глазки на слезки? спросилъ онъ, взглянувъ на смутное, опечаленное лицо дѣвушки. — О чемъ это? Ужъ не о папенькѣ ли стосковались?

— Да, о немъ, отвѣтила она очень серіозно.

— Э, барышня! Это надо же было предвидѣть! Вѣдь рано ли, поздно ли, ты все-равно должна же была бы оставить его.

— Да, но такъ оставить какъ я оставила...

— Рѣшительно все одно и то же. Важна сущность факта, а сущность законна, потому что естественная, а обстановка — такъ ли или иначе совершился фактъ, это не суть бо важная; это пустяки!

— Но вѣдь дворникъ сказывалъ что насъ спрашивали... Это, вѣрно, онъ былъ, раздумчиво проговорила дѣвушка, отвѣчая не Полоярову, но какъ будто самой себѣ, на какую-то свою собственную, отдѣльную мысль.

— Всенепремѣнно онъ... и должно-быть съ Устиновымъ, подтвердилъ Ардаліонъ.

— Я боюсь что онъ придетъ и сегодня, сказала Нюточка.

— Ха-ха-ха! „Боюсь“!... Чего же тутъ бояться?... Ну, и пусть его приходитъ! Я бы даже желалъ чтобъ онъ пожаловалъ.

— Это зачѣмъ? подняла она удивленные взоры.

— А затѣмъ чтобы поглядѣть какъ вы встрѣтитесь. Это тебѣ, матушка, будетъ хорошій оселокъ... что называется — проба пера. До сихъ поръ все пустячки были, а теперь игра пойдетъ въ серіозную. Вотъ ты и испытай, на сколько ты боецъ жизни! Теперь и узнаешь, есть

ли у тебя настоящій характеръ или, просто, ты тряпица, кисейная барышня... Полно-ка, матушка, возьми лучше голову въ руки и будь заправскою женщиной, а сантиментальничанье къ чорту, если хочешь чтобъ я уважалъ тебя! Коли предъ всякимъ старикомъ киснуть, такъ что же ты станешь дѣлать предъ настоящимъ, предъ серіознымъ-то дѣломъ.

Въ дверь заглянула квартирная хозяйка и объявила Ардаліону что его какой-то старичокъ спрашиваетъ.

— Лубянская смутилась и принужденною улыбкой хотѣла скрыть это чувство предъ Поляровымъ, который въ свою очередь окинулъ ее пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Ну, Анютка!... Смотри, молодцомъ у меня!... Смѣлѣй! подмигнулъ онъ ей, и растворилъ маіору дверь своей комнаты.

Петръ Петровичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ тревожнымъ взглядомъ окинулъ всю обстановку и невольно попятился къ дверямъ, смущенный сконфуженный и какъ бы пришибенный какою-то внезапностію.

Онъ ожидалъ многого, но то что увидѣлъ онъ здѣсь было сверхъ его ожиданій.

Эта грязная, пропитанная табачнымъ ды-

момъ комната, эти составленные стулья, этотъ диванишко съ брошеною подушкой, этотъ разстегнутый воротъ кумачной рубахи, и среди всей этой обстановки вдругъ *она*, его чистая голубка, его родное, любимое дѣтище... Маіоръ смѣшался и сконфузился до того что не могъ ни глазъ поднять, ни выговорить хоть единое слово.

Полояровъ вызывающимъ взглядомъ глядѣлъ на дѣвушку.

Стараясь побороть въ себѣ чувство смущенной неловкости, она, съ улыбкой напускнаго равнодушія, словно ничего особеннаго не случилось съ ней, отправилась къ отцу стоявшему на порогѣ.

— А, это ты, папахень? Здравствуй!... Что же ты неходишь?

— Нюта!... Гдѣ ты?... Что съ тобой? глухо проговорилъ онъ наконецъ, не двигаясь съ мѣста.

— Какъ, Боже мой, гдѣ? У Ардаліона Михайлыча! отвѣтила она все съ тою же дѣланною улыбкой. — Да чего ты такой странный, папахень? Ровно ничего такого особеннаго не случилось чтобы въ священный ужасъ приходить! Повздорили мы съ тобой вчера немножко, ну, что же дѣлать, всяко бываетъ! Вчера повздорили, а сегодня помиримся.

Старикъ стоялъ и глядѣлъ на нее изумленно и недовѣрчиво, точно бы онъ и въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ что это дочь его.

— Да чего ты такъ глядишь на меня, продолжала она, ласково положивъ на плечо ему руку: своя, не чужая! Все та же что и прежде. Ну, хочешь, поцѣлуемся?

— Нюта! Голубушка! Что это ты надъ собой сдѣлала? не выдержавъ, наконецъ, зарыдалъ отецъ и припалъ на плечо дочери. — За что ты себя опозорила!... Нюта... Нюта моя!...

— О, какіе ты вздоры говоришь, папахень! ласково засмѣялась она. — Ну, чѣмъ же я себя такъ опозорила? Что жъ я подлость какую сдѣлала? украла? продала кого? Въ чемъ позоръ-то?

— У него... Нюта! у него на квартирѣ... ночью... одна!... Боже мой, Боже! до чего дожилъ я!

— Экая важность что у него! возразила дѣвушка, успѣвшая уже оправиться и даже нѣсколько успокоится и облегчить себя тѣмъ что отецъ такъ мягко встрѣтилъ ее. Что у него, что въ другомъ мѣстѣ, не все ли равно? А ты зачѣмъ притѣсняешь меня? Кабы ты больше уважалъ мои человѣческія права, я бы не ушла отъ тебя. А уйдя, куда же мнѣ было дѣваться?

Конечно къ Полоярову, потому мы друзья съ нимъ.

— Нюта моя! Пощади ты мою сѣдую голову! Не говори ты такихъ словъ ужасныхъ!

И онъ вдругъ упалъ предъ ней на колѣни.

— Умоляю тебя!... Господи! Кабы все это одинъ только сонъ былъ; кабы ничего этого не было!... Я не вѣрю... не могу вѣрить... Нюта! скажи ты мнѣ, вѣдь этого ничего нѣту?... Да?... да? Вѣдь нѣту?

— Да чего нѣту? О чемъ ты хлопчешь, папахенъ? Не понимаю тебя я!

— Ну... хоть обмани ты меня... но только... Да нѣтъ, неужели же все это правда?

И онъ мучительно, тоскливо схватилъ себя за голову.

Дѣвушка, не зная что дѣлать, что отвѣчать ему, недоумѣло пожала плечами и бросила взглядъ на Полоярова, какъ бы прося его помощи и совѣта. Но Ардаліонъ, закуря папиросу, спокойно разсѣлся на диванѣ, и заложивъ ногу на ногу, безучастно созерцалъ эту сцену.

— Ахъ, да встань же ты, папахенъ! досадливо принялась Анна Петровна подымать старика съ колѣнъ. — Ну, что это, право, за глупости!... Это, наконецъ, скучно!... Я разсер-

жусь, папахень, слышишь ли? И чего тебѣ отъ меня хочется, понять не могу я!

— Хочется мнѣ... хочется, Нюта... знать тебя чистой... не опозоренной... Вѣдь это все неправда? Ничего этого не было? да?

— Старикъ заговаривается, пробурчалъ Полояровъ.

— Я?... Я? поднялся вдругъ Петръ Петровичъ: — и ты еще осмѣлился!

И онъ въ изступленіи, порывисто кинулся на Ардаліона.

— Стопъ, машина! Стопъ! Не въ горяча па! Полегче! отстранилъ его Полояровъ. Вѣдь вамъ не сладить со мной: я маленько посильнѣе буду, да и горячиться-то не изъ чего. А вы присядьте-ка, да успокойтесь, мы вамъ чайку нальемъ, пожалуй, да тогда и потолкуемъ какъ слѣдуетъ.

— Папахень, милый мой! обняла Лубянского дѣвушка, удерживая его дрожащія руки: — ей-Богу, все это напрасно! Ну что за трагикомедія? И все изъ-за такихъ пустяковъ! Ну, можешь успокойся: я все та же и люблю тебя по-прежнему. Довольно съ тебя этого?

— Ахъ, Нюта, Нюта! Еслибъ у людей не было памяти, сокрушенно вздохнулъ онъ, по-

немногу приходя въ себя: — какъ вспомню, я съ ума схожу!... За что ты убила меня? Что я сдѣлалъ тебѣ?! А вы! съ укоризной обратился онъ къ Полоярову: — я принималъ васъ въ домъ къ себѣ какъ честнаго человѣка, а вы вотъ чѣмъ отплатили!... Спасибо вамъ, господинъ Полояровъ!... И тебѣ спасибо, дочка!

— Эхъ, почтеннѣйшій мой Петръ Петровичъ! махнулъ рукой Ардаліонъ: — какую вы, право, ерунду городите, такъ даже слушать смѣшно! Ну что же я такого безчестнаго сдѣлалъ противъ васъ? Что дочка-то ваша пришла ко мнѣ? Такъ не выгнать же мнѣ ее! Ну, все равно что пришелъ бы Анцыфровъ или Подвилянскій, то и она! Я вѣдь въ этомъ вашихъ пошлыхъ различій не дѣлаю, да и не понимаю ихъ. По мнѣ это все равно! Она такой же пріятель мой какъ и тѣ. Ну, попросилась переночевать, кабы у меня была лишняя комната, я бы, конечно, уступилъ ее, а нѣтъ комнаты, такъ гдѣ же мнѣ взять?

— А по ночамъ въ Гулянкины трактиры ѣздить съ порядочною дѣвушкой, это по-вашему не безчестно? презрительно и строго спросилъ его Лубянскій.

— Въ трактиры?... М-да! это какъ на чей

взглядъ, конечно... По-моему, не безчестно: просто, погулять людямъ захотѣлось, ну, и поѣхали. Самое естественное дѣло!

— Естественное дѣло позорить имя дѣвушки!

— Имя!... Ну что такое имя? Какое-то фиктивное понятіе! Пишите ваше имя на вашей дверной доскѣ, на вашей книгѣ, на вашихъ векселяхъ тамъ что ли, это я все понимаю; а что люди погулять поѣхали, такъ при чемъ тутъ имя-то? Все это, батюшка мой, одни только нелѣпыя предразсудки! Эта пѣсня стара, ее бросить пора! Ну, да ужъ такъ и быть! съ рѣшимостью какой-то внезапной мысли махнулъ вдругъ рукой Полояровъ: — хоть это и въ корень противно моимъ принципамъ и убѣжденьямъ, но... ужъ куда ни шло! Лишь бы только кончить эти скучныя объясненія! Мнѣ, пожалуй, все равно! Коли вы находите что Анна Петровна опозорена мною, я, извольте, женюсь на ней! То-есть, формально сочетаюсь законнымъ бракомъ! Угодно вамъ этого? Ну ужъ, кажется, „благороднѣе“ невозможно!

Дѣвушка изумленно и радостно векинула на него глаза свои.

— Папахень, голубчикъ! Старикашка ты мой, милый! весело защебетала вдругъ она,

льстясь и увиваясь около отца. — Ну вотъ, видишь ли какъ все это вдругъ хорошо устроилось! Ну, о чемъ же печалиться? Ну, улыбнись мнѣ, что ли! Вѣдь чего же тебѣ еще больше? Вѣдь мы съ нимъ любимъ другъ друга!

„Ишь заегозила какъ про налой-то услышала!“ молча и саркастически подумалъ себѣ Полояровъ. „Вотъ она, натура-то, и сказала! Дрянъ ты, матушка, какъ погляжу я! Кисейная дрянъ!“

Но старикъ не обрадовался. Великодушіе Ардаліона не произвело на него ни малѣйшаго эффекта. Онъ стоялъ въ глубоко грустномъ и сосредоточенномъ раздумьи, и только глаза его были устремлены на головку дочери съ какою-то болѣзненно-тоскливою нѣжностію.

— Пойдемъ, Нюта, домой, грустно проговорилъ онъ, и въ голосѣ его сказала тихая мольба и полное прощеніе во имя неизбежной покорности предъ судьбой и совершившимся фактомъ.

— А ты не будешь притѣснять меня? Не станешь дѣлать наперекоръ мнѣ? заторговалась вдругъ она. Въ ней мигомъ проснулась капризно-своеправная, избалованная натура. — Я,

пожалуй, вернусь, но только на вчерашнихъ моихъ условіяхъ! Не иначе!

— Пойдемъ, Нюта, домой! тихо повторилъ старикъ, беря ее за руку: — я ни въ чемъ тебѣ... ни въ чемъ не поперечу.

И лицо его нервно передернуло нѣчто горькое при этомъ послѣднемъ словѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, ступайте-ка, вы лучше домой пока, охотно поддакнулъ Полояровъ: — только ужъ, пожалуста, Петръ Петровичъ, вы ее не того... Ужъ теперь мнѣ, какъ жениху, предоставьте право слѣдить за ея поступками, — не вамъ, а мнѣ, вѣдь, жить-то съ нею. Такъ вы родительскую власть маленько того... на уздечку. Ха-ха ха! Такъ чтò ли говорю-то я? ась?...

— Папахень! защебетала снова радостная дѣвушка: — да чтò же ты не сказалъ еще ни слова! Радъ или не радъ? Я рада! Вѣдь говорю тебѣ, я люблю его! Ну скажи же намъ, скажи, какъ это обыкновенно въ старыхъ комедіяхъ говорится: „дѣти мои, будьте счастливы!“ съ комическою важностію приподнялась она на цыпочки, разставляя руки въ видѣ театральнаго благословенія, и наконецъ, не выдержавъ, весело расхохоталась.

Статикъ глубоко вздохнулъ и покачалъ головой.

— Эхъ, милая моя!... радоваться-то особенно нечему! сказалъ онъ: — надо говорить правду: не такого жениха я всегда мечталъ тебѣ, извините, госпдоинъ Полояровъ!... Ну, да коли любишь, выходи, Господь съ тобою! Изъ двухъ золъ это, конечно, все жъ таки меньшее... Одѣвайся, голубка! Прощайте, господинъ Полояровъ.

И черезъ минуту онъ увелъ свою дочь изъ этой мерзкой квартиры.

XXIII. Нежданнѣйшій ходатай.

Первый часъ пополудни. Въ губернаторской столовой, за большимъ столомъ, сидитъ самое отборное общество града Славнобубенска и завтракаетъ. По правую руку отъ хозяйки графиня де-Курси, по лѣвую — баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ. На другомъ концѣ стола — хозяинъ и около него ксендзъ Игнатій Кунцевичъ и полковникъ Пшецыньскій. Пространство по обѣ стороны между этими двумя полюсами занимаютъ: княгиня-шатап и князь-папа Чухломинскіе, шестерикъ княженъ-дочекъ, маленькій Шписъ и Анатолий де-Водо. Одинъ только ни

къ чему непригодный князь-папа, съ ни къ чему не нужною княгиней-матап составляли тутъ нѣчто въ родѣ официально-неизбѣжнаго зла. За симъ все остальное общество въ наличномъ составѣ своемъ представляло самый интимный кружокъ губернаторскаго дома. Тутъ были всѣ тѣ кого особенно жаловала madame Гржибъ-Загржимбайло.

Эмилія Александровна праздновала день своего рожденія. Она хотѣла придать этому дню исключительно семейный характеръ, и потому большаго приѣма не дѣлала. Служащіе, кто повыше, оставляли въ прихожей свои визитныя карточки, а кто пониже, тотъ расписывался на особомъ листѣ, по которому Непомукъ потомъ опредѣлялъ степень благонамѣренности и служебной доброкачественности славобубенскихъ чиновниковъ. Ея превосходительство нарочно не желала обременять себя утренними приѣмами, чтобы сохранить надлежащую бодрость и свѣжесть къ вечеру, такъ какъ сегодня у нея заранѣе условленный пикникъ на картиномъ берегу рѣки.

Непомукъ Анастасьевичъ любилъ хорошо поѣсть и хорошо выпить въ хорошей, интимной компаніи, а такъ какъ теперь собралась у него

компанія самая хорошая и самая интимная, и такъ какъ при этомъ всѣ обрѣтались въ самомъ счастливомъ, въ самомъ праздничномъ настроеніи духа, то Непомукъ достаточно успѣлъ уже оказать подобающую честь разнымъ соленьямъ и сырамъ, пропустивъ предварительно двѣ веселыя рюмочки хорошей старой водки, которую „презентовалъ“ ему любезный ксендзь-пробощъ, и теперь готовился оказать еще болѣе подобающую честь огромному ростбифу который будетъ запить великолѣпнымъ англійскимъ элемъ.

И въ эту-то минуту едва лишь начавшихся гастрономическихъ наслажденій, въ столовой неожиданно появилась офиціальная фигурка дежурнаго канцеляриста.

Непомукъ вообще терпѣть не могъ чтобъ его беспокоили какими бы то ни было дѣлами и офиціальностями въ минуты наслажденія собственной утробы, и потому онъ уже кинулъ выразительно-строгій взглядъ на смущеннаго чиновника осмѣлившася завѣдомо нарушить губернаторскія привычки, какъ вдругъ тотъ почтительно доложилъ что его преосвященство владыка Іосафъ изволили пожаловать.

Визитъ былъ крайне рѣдкій, вполнѣ неожи-

данный, и потому показался всѣмъ нѣсколько страннымъ.

Непомукъ недоумѣло перекинулся взглядами съ супругой. Что дѣлать и какъ быть въ столь экстренномъ случаѣ? Прерывать свое упитыванье, едва лишь начавшееся при столь счастливыхъ обстоятельствахъ, и прерывать его, быть-можетъ, на неопредѣленное время для какихъ-нибудь дѣловыхъ разговоровъ, это значило бы лишиться себя одного изъ высшихъ наслажденій благами жизни и погрузиться на весь остальной день въ самое непріятное расположеніе духа. Отказать владыкѣ въ приѣмѣ — неловко, коли ужъ онъ разъ приѣхалъ, заставить его дожидаться — еще неловче, а доброе впечатлѣніе завтрака во всякомъ случаѣ уже испорчено этимъ неожиданнымъ и притомъ, втайнѣ, весьма непріятнымъ гостемъ. Непомукъ порядкомъ-таки не долюбивалъ владыку и, между *своими*, интимно называлъ его иронически „столпомъ“, „строгимъ ревнителемъ du pravoslavie“.

Эмилія Александровна, встрѣтивъ вопрошающій взглядъ супруга, своею миной и пожатіемъ плечъ послала ему отвѣтъ что, молъ, нечего дѣлать, надо принять, и Непомукъ торопливо направился въ залу.

Посреди бѣлой залы рѣзко выдѣлялась черная, высокая фигура владыки. Суконная ряса и клобукъ, съ котораго почти до пятъ спадали складки креповой наметки, составляли его нарядъ, всегда отличавшійся строгою простотой, наравнѣ съ каждымъ рядовымъ монахомъ его епархіи. Сѣдая, длинная борода обрамляла его продолговатое, блѣдное и худощавое лицо. Въ тихихъ глазахъ свѣтился умъ, улыбка дышала кротостію, и только одни характерные углы губъ давали чувствовать что, въ случаѣ надобности, у этого человѣка, вѣроятно, найдется достаточно энергіи, мужества, силы воли и твердости характера.

Молчаливый поклонъ, которымъ привѣтствовалъ онъ входящаго Непомука, отличался пристотой и достоинствомъ.

— Ваше преосвященство! Чему обззанъ такою честью? любезно заговорилъ Гржибъ-Загржимбайло.

— Я, кажется, къ вамъ не во-время? съ видомъ извиняющейся предупредительности освѣдомился Іосафъ, замѣтивъ то особенное чавканье и чмоканье губами, которыя всегда почти сопровождаютъ рѣчь только-что ѣвшаго, но не доѣвшаго человѣка.

— О, это рѣшительно все равно! Такой почтенный гость всегда во-время! торопливо заговорилъ Непомукъ съ нѣсколько принужденною, но за то весьма изысканною любезностью: — позвольте просить ваше преосвященство въ кабинетъ...

И хозяинъ съ вѣжливымъ поклономъ сдѣлалъ ему пригласительный жестъ по направленію кабинетной двери.

Славнобубенскаго владыку сильно не долюбливало все то что интимно терлось около славнобубенскаго губернатора и особенно около губернаторши. Отношенія ихъ давно уже были натянуты. Какъ характеристику этихъ отношеній, въ Славнобубенскѣ рассказываютъ одинъ анекдотъ, сущность котораго не подлежитъ, по отзывамъ Славнобубенцевъ, ни малѣйшему сомнѣнію. Однажды, по какому-то чуть ли не officialному случаю, владыка долженъ былъ обѣдать у губернатора. Непомукъ, конечно, посадилъ Іосафа за столомъ рядомъ съ собою. Подавались между прочимъ свиныя котлеты. Въ это время у нихъ завязался какой-то административно-дѣловой споръ, а Непомукъ вообще терпѣть не могъ ничего дѣловаго за столомъ, во время упитыванія. Въ досадѣ на владыку, и желая

размѣнять дѣло на шутку чтобы потомъ ужъ больше къ нему и не возвращаться, онъ, собственноручно положивъ на тарелку свиныхъ котлетъ, любезно подалъ ихъ архіерею, говоря съ самою пріятною улыбкой:

— Ну, о дѣлѣ мы, ваше преосвященство, послѣ! А теперь — не угодно ли? „Пріимите и ядите!“ такъ вѣдь это, кажется, говорится?

Владыка на мгновеніе вспыхнулъ въ лицѣ, и смотря на губернатора, удивленно отклонился на спинку стула.

— Ваше преосвященство! я къ вамъ обращаюсь! говорилъ межъ тѣмъ Непомукъ, держа предъ нимъ котлеты: — пріимите и ядите!

— Продолжайте, ваше превосходительство, продолжайте, съ очень вѣжливою улыбкой повернулъ Іосафъ свое спокойное лицо къ губернатору.

Такъ въ лоскъ и положило сконфуженнаго Непомука, предъ цѣлымъ столомъ, это неожиданное, но наповаль бьющее „продолжайте“!

Стярикъ Іосафъ былъ прежде всего твердый русскій человѣкъ, который презиралъ всякую кривду, всякое шатаніе житейское, какъ умственное такъ нравственное, шелъ неуклонно своимъ прямымъ путемъ, паче зеницы ока оберегая ин-

тересы церкви и своей многочисленной паствы; онъ охотно благословлялъ и содѣйствовалъ открытію воскресныхъ и народныхъ школъ, но не иначе какъ подъ руководствомъ людей хорошо ему извѣстныхъ; къ нему шелъ за совѣтомъ и помощью всякій дѣйствительно нуждающійся въ совѣтѣ, либо въ помощи, и никогда не получалъ себѣ отказа. Не многоглаголивое и не частое слово его, раздававшееся съ епископской кафедры, звучало вѣрой въ Бога, любовью къ православнои Россіи, надеждой на добрые плоды благихъ царскихъ починовъ. Это строгое, неблажное, самоуважающее слово порою умѣло чутко поднимать въ массѣ народное чувство. Сказать короче: въ тѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы застаемъ городъ Славнобубенскъ, владыка Іосафъ на своемъ мѣстѣ былъ человѣкъ положительно вредный. Понятно, почему не долюбливали его въ салонѣ madame Гржибъ-Загржимбайло. Съ нимъ нужно бы было бороться, и необходимость этой борьбы очень хорошо понималъ и чувствовалъ ксендзъ Игнатій Кунцевичъ; его, по-настоящему, надо бы было постараться какъ-нибудь выжить отсюда поскорѣе и куда-нибудь подальше, гдѣ бы онъ могъ быть менѣе вреденъ. Но какъ бороться и

въ особенности какъ выжить, если подъ него, что называется, иглки не подточишь, если этотъ старикъ, на виду у всѣхъ, идетъ себѣ тихо, но вѣрно своею прямою дорогою и честно дѣлаетъ свое дѣло! Задача не малая, которую, такъ или иначе, необходимо нужно было рѣшить въ свою пользу.

Но... тамъ гдѣ часто останавливаются великія силы, вдругъ иногда помогаютъ дѣлу маленькія и совсѣмъ ничтожныя, совсѣмъ пустыя обстоятельства, лишь бы только ловкій умъ сумѣлъ ими воспользоваться.

— Я нынѣ просителемъ къ вашему превосходительству! уже въ кабинетѣ тихо началъ владыка, обращаясь къ Непомуку: — вы, конечно, позвольте мнѣ походатайствовать предъ вами за одного изъ моей паствы?

— За кого это? серьезно сдвинувъ брови, спросилъ губернаторъ, которому былъ уже не понутру самый разговоръ подобнаго рода, въ то время когда въ столовой ждетъ эль и рост-бифъ.

— За старичка тутъ одного... за маіора Лубянского, пояснилъ ему владыка. — Тѣмъ болѣе, ваше превосходительство, продолжалъ онъ: — что въ этомъ дѣлѣ, какъ мнѣ досто-

вѣрно извѣстно, вы были даже въ обманѣ введены, а это, полагаю, даетъ мнѣ тѣмъ бѣльшую смѣлость раскрыть предъ вами истину. Вы, конечно, не посѣтуете на меня за это?

— Я это дѣло хорошо знаю, ваше преосвященство; я *очень* хорошо знаю это дѣло! отпарировалъ Непомукъ, котораго задѣли за живое слова Іосафа.

„Съ какой стати и по какому праву мѣшается этотъ старикъ въ непринадлежащую ему область гражданской администраціи?“ подумалъ онъ въ досадѣ на архіерея.

— Итакъ, ваше превосходительство не посѣтуете на меня, если я все-таки буду продолжать по предмету моего ходатайства, говорилъ владыка: — я нарочно самъ лично пріѣхалъ къ вашему превосходительству, потому что я очень беру къ сердцу это дѣло. Подъ полицейскій надзоръ отданъ человѣкъ вполне почтенный, котораго я знаю давно какъ человѣка честнаго, благонамѣреннаго, — примите въ томъ мое ручательство. Вамъ, полагаю, невѣрно доложили о немъ.

— Ваше преосвященство, началъ, оправившись, Непомукъ: — я осмѣлюсь замѣтить вамъ на это что я слишкомъ хорошо знаю моихъ чи-

новниковъ и, какъ начальникъ, обязанъ вступить за ихъ добрую славу: ни одинъ изъ нихъ *не можетъ* сдѣлать мнѣ невѣрный докладъ! И... наконецъ, я самъ слишкомъ подробно вникаю въ мои дѣла, и потому не могу быть обманутымъ. Сфера нашей гражданской администраціи, конечно, нѣсколько менѣе знакома вашему преосвященству чѣмъ мнѣ, и потому... извините ваше преосвященство! — а имѣю скромную претензію знать что творится въ моемъ хозяйствѣ, и что касается до этого маіора, то мы имѣли достаточно данныхъ, основываясь на которыхъ, обязаны были поступить такъ, а не иначе. Это можетъ подтвердить и господинъ мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ.

— То-есть, ваше превосходительство хотите дать мнѣ уразумѣть что я мѣшаюсь не въ свое дѣло? благодушно улыбаясь, замѣтилъ Іосафъ: — но я вѣдь прошу только снизойти на просьбу, я въ этомъ случаѣ обращаюсь къ сердцу человека...

— Ваше преосвященство, возразилъ губернаторъ: — моему сердцу жаль его, можетъ, не менѣе чѣмъ вамъ; но... сердце человека должно молчать тамъ гдѣ дѣйствуетъ неуклонный долгъ администратора. Будучи сами администрато-

ромъ своей епархіи, вы, конечно, поймете меня, и я, повѣрьте, весьма радъ бы сдѣлать все удобное вамъ, но въ данномъ случаѣ мой долгъ положительно воспрещаетъ мнѣ всякое послабленіе. Да самое лучшее вотъ что, домекнулся вдругъ Непомукъ: — дѣло это такого рода что самъ я ни за что не возьму на себя разрѣшать его согласно вашему ходатайству... И надо мной вѣдь тоже есть власти... А мы вотъ что, ваше преосвященство: у меня, кстати, теперь сидитъ баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ, какъ сами знаете, присланъ для общихъ наблюденій за направлениемъ края. Чего же лучше! Мы вотъ спросимъ его мнѣнія. Если онъ согласится, я сію же минуту исполню желаніе вашего преосвященства. Тогда я въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ.

И прежде чѣмъ Іосафъ успѣлъ что-либо вымолвить, губернаторъ бросился къ дверямъ въ столовую и позвалъ Саксена!

— Адольфъ Крестьяновичъ!... Извините!... Пожалуйста сюда на минуточку! Дѣло есть!

Баронъ неохотно покинулъ свою прелестную сосѣдку и небрежною походкой направился въ кабинетъ.

— Что скажете, *mon cher*?

— Непомукъ изложилъ сущность ходатай-

ства владыки и свои затрудненія удовлетворить его просьбѣ.

Нѣмецъ фонъ - Саксенъ остался нѣсколько недоволенъ тѣмъ что владыка, при видѣ его, не выразилъ ему лично никакихъ особенныхъ знаковъ почтенія, и въ душѣ отдалъ въ этомъ отношеніи большое преимущество Кунцевичу, который всегда такъ видимо и почтительно умилялся предъ блистательнымъ положеніемъ барона.

— Я точно также не возьму на себя рѣшить это, съ суховатымъ поклономъ отклонился баронъ.

— Итакъ, ваше преосвященство, сами изволите видѣть! пожалъ плечами Непомукъ: — я говорилъ вамъ что тутъ никакое послабленіе невозможно. Посмотрите, въ этой школѣ его Богъ знаетъ что дѣлалось?

— Не дѣлалось, а дѣлается, съ значительнымъ удареніемъ, скромно поправилъ владыка: — и вотъ именно въ качествѣ администратора моей епархіи, на обязанности коего лежитъ, между прочимъ, блюсти за духовною нравственностью своей паствы, я считаю долгомъ своимъ обратить вниманіе вашего превосходительства на то что нынѣ дѣлается въ здѣшней воскресной школѣ. Эта школа стала школой безбожія: тамъ

открыто проповѣдуются такія мысли и ученія отъ какихъ избави Богъ cadaго честнаго человека. Прежній законо-учитель, человекъ достойный, котораго самъ я благословилъ на это дѣло, изгнанъ вдругъ чуть не съ позоромъ, а на мѣсто его учить какой-то исключенный изъ службы становой, вопреки постановленію закона.

— Но почему же становой, хотя бы и исключенный, не можетъ быть хорошимъ учителемъ? вмѣшался въ разговоръ фонъ-Саксенъ. — Сколько я понимаю, это одно къ другому не относится.

— Я и не говорю что *не* можетъ, отвѣтилъ владыка: — я говорю только что этотъ человекъ открыто проповѣдуетъ безбожіе, читаетъ тамъ воспрещенныя брошюры и дѣлаетъ на нихъ свои комментаріи, отвращаетъ учениковъ отъ церкви, наконецъ... Вотъ что говорю я, ваше превосходительство!

— Н-да-а! Это, конечно, дурно! небрежно протянулъ сквозь зубы фонъ-Саксенъ: — хотя, собственно говоря, въ нашъ вѣкъ болѣе важно чтобы церковь была построена въ сердцѣ человека, чтобъ онъ въ сердцѣ своемъ имѣлъ церковь... Это, конечно, важнѣе чѣмъ онъ будетъ ходить ничего не чувствуя и не понимая въ видимую церковь.

Іосафъ спокойно и нѣсколько строго посмотрѣлъ на либеральнаго барона.

— Да, ваше превосходительство изволили совершенно справедливо замѣтить, сказалъ онъ тихо и медленно: въ нашъ вѣкъ, дѣйствительно, появилось, къ прискорбію истинной церкви, очень много людей которые говорятъ что ихъ церковь въ одномъ только сердцѣ построена; но — странное дѣло! Я самъ знаю очень много подобныхъ, и почти всегда замѣчалъ что у такихъ колокольная непременно въ головѣ построена... и колокола, въ добавокъ, очень дурно подобраны.

И сказавъ это своимъ старчески-ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, владыка поднялся съ мѣста.

— Извините, ваше превосходительство, что обезпокоилъ васъ, поклонился онъ губернатору: — а мнѣ пора и къ дому.

Непомукъ, не удерживая его, пошелъ провожать до передней.

Баронъ былъ жестоко уязвленъ словами Іосафа. Въ первую минуту онъ покраснѣлъ и закусилъ губы, но тотчасъ же овладѣвъ собою, изобразилъ одну только улыбку презрительнаго пренебреженія: дескать, эти слова оскорбить меня никакъ не могутъ; я слишкомъ уменъ и слишкомъ высоко стою для этого!

— Какая грубость! Malotru! быстро вошелъ въ столовую Непомукъ, выражая и лицомъ, и голосомъ, и походкой значительную степень негодованія. Онъ словно желалъ показать до какой степени возмущена вся его внутренность. — Это, наконецъ, чистое невѣжество!

— Ну что жь! съ небрежною снисходительностью погримасничалъ Саксенъ: — на это, вѣдь, нельзя сердиться: онъ, во первыхъ, уже въ тѣхъ предѣлахъ старости, за которыми все прощительно, а вовторыхъ... вовторыхъ... чего жь вы хотите отъ людей его званія? Это вполнѣ понятно!

Однакоже, произнося всѣ эти успокоительныя фразы ради внѣшняго огражденія своего достоинства, баронъ въ душѣ весьма былъ золъ на владыку, ибо самымъ живѣйшимъ образомъ отнесъ на свой собственный счетъ его последнее слово.

— Это наконецъ ужъ Богъ знаетъ что такое! въ прежнемъ тонѣ продолжалъ Непомукъ: — до которыхъ же поръ будутъ продолжаться эти вмѣшательства!... Вѣдь я не вмѣшиваюсь въ его управленіе, съ какой же стати онъ въ мое мѣшается? Этого наконецъ уже нельзя болѣе терпѣть, и я рѣшительно намѣренъ сдѣ-

латъ представленіе объ огражденіи себя на будущее время!

— О чемъ это онъ просилъ, я хорошенько не понялъ? не выказывая особеннаго любопытства, съ обычною небрежностью спросилъ фонъ-Саксенъ.

— Представьте себѣ, cher baron: администрація отдаетъ человѣка подѣ надзорѣ полиціи за зловредность его дѣйствій, за явный призывѣ къ неповиновенію власти, за публичный скандалѣ, за порицаніе, наконецъ, правительственнаго принципа; администрація даже — каюстъ въ томѣ! — оказала здѣсь достаточное послабленіе этому господину, а его преосвященство, какѣ сами видите, вдругѣ изволить являться съ претензіями на наше распоряженіе, требуетъ чтобы мы сняли полицейскій надзорѣ! Если мнѣ на каждомѣ шагу будутѣ дѣлаться подобныя загвоздки, я ни за что не могу отвѣчать предѣ правительствомѣ!

— Н-да; его преосвященство безпокойный, очень, очень безпокойный человѣкъ, надо сознаться въ этомѣ! многозначительно шевельнувѣ усами, съ нѣкоторымѣ прискорбіемѣ замѣтилѣ Пшецыньскій.

— Помилуйте! волновался губернаторѣ! —

я, изъ крайней необходимости, учреждаю надъ школой административный надзоръ, поручаю его человѣку лично извѣстному мнѣ своею благонамѣренностью, человѣку аттестованному съ самой отличной стороны директоромъ гимназіи, человѣку способному и прекрасному педагогу, а его преосвященство вмѣшивается въ дѣло и видитъ въ этомъ распространеніе какихъ-то зловредныхъ идей, а самъ вступаетъ за господина который устраиваетъ антиправительственныя демонстраціи! Это, наконецъ, ни на что не похоже! При такихъ порядкахъ, и особенно въ настоящее смутное время, я рѣшительно отказываюсь управлять губерніей, если правительство не позаботится оградить меня! Или я губернаторъ, или я пѣшка!

— Но зачѣмъ же вы не дѣлаете представленія? Чего же ждать еще? замѣтилъ фонъ-Саксенъ: — на вашемъ мѣстѣ я давно бы постарался оградить себя.

— Ахъ, баронъ! прискорбно вздохнулъ губернаторъ: — это не такъ-то легко какъ кажется: у нихъ тамъ въ синодѣ я не знаю какіе порядки и какими соображеніями они руководствуются: для насъ это вполнѣ *terra incognita*; но... я очень радъ что все это случилось при

васъ, что вы сами были свидѣтелемъ... Теперь вы видите что̀ это такое! Я непремѣнно приму свои мѣры, и приму ихъ немедленно; а будетъ ли успѣхъ, ей-Богу не знаю!

— Въ успѣхѣ нечего сомнѣваться! авторитетно рѣшилъ баронъ: — въ этомъ случаѣ, если что̀ будетъ зависѣть отъ меня, я конечно подтверждаю одну только голую истину. Но этого, дѣйствительно, не возможно такъ оставить!

Непомукъ не продолжалъ, и разговоръ на этомъ прекратился. Веселое расположеніе духа его было поколеблено, и завтракъ испорченъ. Тѣмъ не менѣе это непріятное приключеніе не измѣнило программы нынѣшняго дня, и пикникъ устроился своимъ порядкомъ.

На другой день въ почтовой конторѣ были приняты, съ казенными печатями, четыре пакета для отправки въ Петербургъ: одинъ отъ владыки, другой отъ губернатора, третій отъ жандармскаго штабъ-офицера и четвертый отъ барона Иксъ-фонъ-Саксена.

XXVI. Съ неба свалилось.

Прошло около двухъ недѣль съ тѣхъ поръ какъ исключили Шишкина. Ударъ внезапнаго

горя столь сильно подѣйствовалъ на его старуху-бабушку, что она серьезно заболѣла. Дома лечить было не на что, и пришлось отправиться въ городскую больницу. Шишкинъ остался одинъ въ убогой квартиркѣ, за которую было уже заплачено хозяевамъ за мѣсяць впередъ. Старуха жила скуднымъ пансіономъ да тѣми крохами которыя удѣляли ей кое-кто изъ достаточныхъ знакомыхъ. Сынъ ея давалъ уроки въ трехъ домахъ и получалъ за это ежемѣсячно двѣнадцать рублей; но послѣ злосчастнаго *Орла* ему сразу отказали два дома, и молодому человѣку пришлось остаться на четырехъ рубляхъ въ мѣсяць, а на эту сумму не только въ Славнобубенскѣ, но даже и въ какомъ-нибудь Енотаевскѣ или Бузулукѣ особенно не разживешься, и потому Иванъ Шишкинъ начиналъ уже голодать. Занятій, или какого-либо дѣла онъ еще не подыскалъ себѣ и не зналъ пока что предстоитъ ему въ дальнѣйшемъ будущемъ. Что можно было заложить изъ домашняго скарба, то онъ уже снесъ къ Армянкѣ-ростовщицѣ, и часть денегъ отдалъ матери, на ея скудныя больничныя нужды, а остальное проѣлъ. Но вотъ опять стали подходить крутыя обстоятельства — закладывать было почти уже нечего — и

Шишкинъ въ весьма грустномъ настроеніи духа похаживалъ по своей горенкѣ. Онъ былъ золъ и печаленъ: нужда со всѣхъ сторонъ, а помощи ни откуда и, какъ обыкновенно бываетъ съ неособенно сильными людьми въ подобномъ положеніи, самъ онъ терялся и рѣшительно не могъ придумать чѣмъ бы и какъ пособить своему горю. Положеніе казалось ему безвыходнымъ и отчаяннымъ. Былъ десятый часъ вечера. Молодой человѣкъ уныло ходилъ въ темной комнатѣ, потому что свѣчу купить было не на что. Одинъ только лучъ маслянаго фонаря слабо закрадывался съ улицы въ его окошко и чуть свѣтлою полосой ложился на стѣну. Благодаря его бесплатному свѣту, Шишкинъ могъ еще кое-какъ ходить по комнатѣ. Вдругъ замѣтилъ онъ что кто-то заглянулъ къ нему въ окошко, но сначала не обратилъ на это обстоятельство никакого особеннаго вниманія и продолжалъ ходить по-прежнему. Черезъ нѣсколько времени темный обликъ чьей-то вглядывавшейся фигуры опять появился на томъ же мѣстѣ. Шишкинъ вскинулъ глаза, быстро подошелъ къ окну, но въ эту самую минуту обликъ исчезъ. Онъ подождалъ, приглядѣлся и подумалъ что это все только такъ ему показалось.

— Должно-быть, нервы разстроены, рѣшилъ онъ самъ съ собой.

Вдругъ въ сѣняхъ слышались чьи-то незнакомые шаги, очевидно, нащупывавшіе полъ, чья-то рука шарила по двери, отыскивая ручку, и въ ту жь минуту незапертая дверь довольно быстро и смѣло отворилась.

— Господинъ Шишкинъ здѣсь? спросилъ незнакомый голосъ.

— Здѣсь. А что вамъ?

— Кажется, вы сами и есть?

— Да, это я. Что вамъ угодно?

— Письмо къ вамъ. Извольте получить.

И незнакомый человѣкъ, котораго ни наружности, ни костюма не могъ разглядѣть юноша, вручилъ ему запечатанный конвертъ.

— Отъ кого это? спросилъ онъ.

— Тамъ написано... узнаете, торопливо отвѣтилъ этотъ кто-то, и вдругъ исчезъ изъ комнаты, плотно прихлопнувъ за собою дверь. Въ сѣняхъ слышалось поспѣшное шарканье быстрыхъ удаляющихся шаговъ.

— Да отъ кого же, однако? закричалъ въ догонку ему Шишкинъ, взволнованно выбѣжавъ на дворъ, но чья-то тѣнь безъ отвѣта мелькнула въ калиткѣ и скрылась на улицѣ.

Эксъ - гимназистъ постоялъ въ нѣсколько тревожномъ раздумьи и вернулся въ горницу.

— Что жь бы это значило? ... И что за странная таинственность? думалъ онъ, ощупывая конвертъ: — прочесть его, да какъ прочитаешь-то? ... Хозяева не дадутъ вѣдь свѣчки.

Но недаромъ говорится что голь хитра на выдумки. Вспомнилъ онъ что подъ кроватью валяется какая-то старая дощечка — дерево, стало-быть, сухое. Онъ нашарилъ ее рукой и накололъ лучины. Спички, слава Богу, тоже нашлись, и Иванъ Шишкинъ устроилъ себѣ освѣщеніе.

— Посмотрѣлъ онъ на конвертъ — нѣтъ никакой надписи; недовѣрчиво сорвалъ печать, развернулъ письмо, изъ бумажки выпала двадцати-пяти рублевая ассигнація.

— Господи! ... да что жь это? ... благодѣтель какой-то невѣдомый! вскрикнулъ онъ въ радостномъ восторгѣ, и вѣря, и не вѣря глазамъ своимъ. Ощупалъ поднятую бумажку, внимательно осмотрѣлъ ее предъ огнемъ: такъ; дѣйствительно двадцать пять рублей, и эта цыфра не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію. — Что жь это значитъ?

Взглянулъ на почеркъ; рука была совсѣмъ незнакомая. Онъ жадно сталъ читать письмо:

„Вашъ смѣлый поступокъ на литературно-музыкальномъ вечерѣ доказалъ что вы обладаете въ достаточной мѣрѣ гражданскимъ мужествомъ. Ваше послѣдующее благородное поведеніе побуждаетъ насъ вѣрить что вы человекъ честный, который дѣйствовалъ сознательно, изъ служенія своему принципу. Хотите ли стать въ ряды тѣхъ дѣятелей, которые несутъ съ собою новое соціальное устройство свободного общества? Хотите ли приносить пользу честному дѣлу? Если да, то дайте отвѣтъ. Вамъ дается сроку два дня на то чтобы подумать и рѣшиться. Отвѣтъ вы можете дать слѣдующимъ образомъ: завтра, или послѣ завтра, ровно въ четыре часа пополудни, въ городскомъ саду, на поворотѣ изъ главной аллеи въ поперечную среднюю, противъ второй скамейки, начертите тростью на пескѣ дорожки крестъ, такъ чтобы его можно было удобно замѣтить. Зная ваши временно стѣсненные обстоятельства, покорнѣйше просимъ не отказаться отъ *общественнаго пособія* изъ того фонда который имѣется въ нашемъ обществѣ для вспоможенія его членамъ въ ихъ полезныхъ предпріятіяхъ. Во всякомъ

случаѣ — угодно ли вамъ будетъ принять наше предложеніе, или нѣтъ — вы должны прежде всего хранить самое строгое молчаніе, подѣ страхомъ неминуемой отвѣтственности предѣ трибуналомъ общества.“

— Волненіе отъ всей этой внезапности; радость при неожиданныхъ и весьма значительныхъ для него деньгахъ; страхъ предѣ страннымъ тономъ письма и особенно предѣ заключительною, весьма-таки полновѣсною угрозою; заманчивость этой загадочно-таинственной неизвѣстности, за которою скрывается какая-то невѣдомая, но, должно-быть грозная и могучая сила (такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Шишкинъ), и наконецъ это лестно-пріятное щекотаніе по тѣмъ самымъ стрункамъ самолюбія которыя пробуждаютъ въ молодомъ человѣкѣ самодовольно-гордое сознаніе собственного достоинства и значительности, что вотъ, молъ, стало-быть, и я что-нибудь да значу, если меня ищутъ „такіе люди“. Вотъ мысли, чувства и ощущенія, которыя овладѣли восемнадцати-лѣтнимъ юношей по прочтеніи письма, невѣдомо кѣмъ поданнаго. Все это такъ странно, такъ неожиданно, внезапно, въ такую пору, въ такую минуту, — кто же, и что же это такое? У Шишкина просто голова закружилась. Онъ

отчасти испытывалъ ощущенія челоѣка стоящаго на самомъ краю площадки очень высокой башни: „а ну, какъ поймаютъ, какъ все это раскроется, обнаружится? тогда что?... Страшно, чортъ возьми!... Страшно, но... заманчиво. Служить честному, великому дѣлу, быть членомъ... *самому* быть членомъ... Меня зовутъ... меня ищутъ... Они первые обратили на меня вниманіе, они, а не я... значить, я стою того, если меня избираютъ!“

И онъ перечиталъ письмо и старался вдумываться въ отдѣльныя, наиболѣе льстящія самолюбію фразы, повторяя ихъ про себя по два и по три раза, словно любуясь этими фразами, ихъ смысломъ, значеніемъ, ихъ красивою сверткой.

Имъ овладѣло какое-то щежотно-щемящее, захватывающее, жуткое чувство. Самолюбіе разыгрывалось все болѣе. Онъ уже такъ живо сталъ воображать себя дѣятелемъ. Чего? — это ему самому не было еще вполнѣ ясно. Дѣятелемъ *чего-то*, но чего-то высокаго, честнаго, благороднаго, дѣятелемъ окруженнымъ таинственностью грозной силы. „Новое соціальное устройство свободнаго общества“, кажется, такъ сказано въ этомъ письмѣ? — Да, такъ точно! Онъ воображалъ себя устраивающимъ нѣчто

большое, предъ чѣмъ всѣ преклоняются, дивятся ему и завидуютъ... Онъ извѣстенъ, онъ знаменитъ, имя его гремитъ, о немъ говорятъ, имъ интересуются, ему удивляются... Его вездѣ и повсюду встрѣчаетъ почетъ, и любовь, и слава народная... Онъ говоритъ съ народомъ, даетъ ему новыя свободныя права, народъ избираетъ его своимъ диктаторомъ... Наполеонъ... Вѣдь могъ же Наполеонъ добиться всего этого! Простой артиллерійскій поручикъ!... Директоръ и инспекторъ гимназіи приходятъ къ нему и уничиженно вымаливаютъ пощады, потому что на площади эшафотъ стоитъ... Онъ отсылаетъ ихъ на эшафотъ, но тамъ, въ самую роковую минуту, даритъ имъ пощаду и жизнь, въ виду восторженнаго народа, и даже награждаетъ весьма значительными деньгами... хорошенькая племянница директора, внѣ себя отъ радости, кидается ему на шею. Да что племянница: тутъ ужъ не племянница, а княгини и графини... Но нѣтъ! Онъ не унижится до брака съ княгиней... Его жена (если ужъ жениться!) должна быть гражданкой, демократкой... А вдругъ жандармы? вдругъ Пшецыньскій является?... Обыскъ, арестъ, казематы... Его вывозятъ на площадь, читаютъ приговоръ... Онъ гордо и смѣло всходитъ на

эшафотъ... „Я умираю за васъ!“ говоритъ онъ народу... На ногахъ его кандалы, на рукахъ кандалы, на плечахъ каторжная сермяга съ бубновымъ тузомъ... Длинная, безконечно-длинная, снѣжная пустыня... кандалы — звякъ, звякъ... пѣсня долгая поется во всю широкую грудь... Тобольскъ прошли... Томскъ прошли... Иркутскъ прошли... Нерчинскъ. „Такъ вѣдь, кажется? Тобольскъ, Омскъ, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Чита — главный городъ Забайкальской области“, Богъ знаетъ по какому сцѣпленію мыслей и почти машинально вспоминаетъ Шишкинъ старый, давно уже наизусть заученный урокъ изъ географіи. И онъ идетъ бодро и гордо... Онъ страдаетъ, но не падаетъ духомъ... „Я за васъ страдаю“, говоритъ онъ кому-то: — „вы не признали, вы отвергли меня!... Я гибну... Что жь? Ничего!... Пусть гибну я, но я гибну за честное дѣло! за свободу!... за свободу милліоновъ братій моихъ!...“

Такъ мечталъ юноша. Мысль его перелетала отъ знаменитости и диктатуры къ кандаламъ и Нерчинску: но одно его прельщало, другое же не пугало нисколько: въ обоихъ случаяхъ онъ чувствовалъ и мечталъ себя героемъ... И все это казалось ему такъ просто, такъ легко

и возможно, и яркое восемнадцати-лѣтнее, воображеніе заносилось все дальше и дальше, все выше, все привлекательнѣй... Онъ почувствовалъ себя какъ-то жутко, болѣзненно счастливымъ. Двадцати-пяти-рублевая ассигнація лежала предъ нимъ; онъ взялъ ее, и съ тѣмъ особеннымъ наслажденіемъ, которое хорошо знакомо людямъ очень рѣдко имѣющимъ въ рукахъ своихъ деньги, пощупалъ и пошурстѣлъ ею между кончиками пальцевъ. Онъ воображалъ себя почти богатымъ. „Теперь деньги будутъ!“ говорилъ онъ себѣ съ непоколебимою увѣренностью: — „теперь-то ужъ навѣрное будутъ!... И много будетъ... У нихъ вотъ фондъ какой-то есть... для членовъ... значить, будутъ!... Бабушкѣ надо рублей десять снести... То-то обрадуется!... Скажу: заработалъ!... „Молчать подъ страхомъ неминуемой отвѣтственности“... Ну, еще бы тебѣ болтать! что я, мальчишка, что ли... Хорошо бы кумачовую рубаху завести, какъ у Ардалиона Михайлыча... А вѣдь онъ, вѣрно, тоже того?... Впрочемъ, нѣтъ, — гдѣ ему?... Только надо бы еще и поддевку... плисовую... Если когда случится, то непременно такой указъ надо издать чтобы фраки и мундиры долой, а однѣ бы только поддевки...“

Но мечтая такимъ образомъ и быстро перебѣгая отъ одной мысли къ другой, Шишкинъ вспомнилъ что онъ сегодня очень плохо обѣдалъ, то-есть, лучше сказать совсѣмъ, не обѣдалъ, а съѣлъ одну только трехкопѣечную булку которую купилъ на пристани. Желудокъ, при этомъ воспоминаніи, не преминулъ заявить о себѣ довольно чувствительнымъ голодомъ. Юноша запряталъ письмо въ комодъ, отыскалъ шапку и весело отправился въ трактиръ, аппетитно разрѣшая вопросъ чего бы лучше заказать себѣ: поросенка подъ хрѣномъ, или московскую селянку на сковородкѣ?

Вернувшись домой уже сытый и притомъ съ фунтомъ стеариновыхъ свѣчей подъ мышкой, да съ пачкой папиросъ въ карманѣ, Шишкинъ почувствовалъ себя еще болѣе довольнымъ и счастливымъ. На сытый желудокъ, при ровномъ свѣтѣ свѣчи и въ струйкахъ табачнаго дыму, лежа на постелѣ, мечталось еще лучше. Онъ часто и такъ довѣрчиво улыбался широкою, мечтательною улыбкой на свои увлекательныя фантазіи, поминутно ворочался съ боку на бокъ и очень долго не могъ заснуть. Порою нѣчто острое и жуткое возвращало его изъ міра поэзіи въ міръ дѣйствительности, и вставалъ предъ

нимъ серіозный и какъ бы какой-то лотерейный вопросъ: что же дѣлать? Какъ быть? Вѣдь завтра или послѣ завтра!

„Ну, конечно, крестъ! Есть тутъ долго думать о чемъ!... Aut Caesar, aut nihil! беззавѣтно порѣшилъ онъ себѣ: — Противъ второй скамейки, на поворотѣ изъ большой въ среднюю поперечную... Однакоже, какъ подумаешь: Господи, какъ странно все это!“

Наконецъ-то Шишкинъ заснулъ, и снилися ему все тѣ же грезы. Снилось широкая, снѣжная пустыня... снилось дарованіе новыхъ правъ и диктатура надъ Русскою землею, и уничтоженный инспекторъ, и директорская племянница, и плисовая поддевка...

XXV. Крестъ начерченъ.

Шишкинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ назначеннаго часа. На нынѣшнее утро раздумье почти совсѣмъ уже не приходило ему въ голову. Онъ рѣшился на „была не была!“ Утромъ сходилъ въ больницу къ бабушкѣ и снесъ ей десять рублей, сказавъ что получилъ два новые и очень выгодные урока по рублю за часъ. Старуха, дѣйствительно, и удивилась, и обрадовалась не-

сказанно, да и внукъ-то былъ доволенъ что успѣлъ доставить ей эту неожиданную радость.

— Теперь, бабушка, вы только выздоравливайте! утѣшалъ онъ ее: — а денегъ у насъ съ вами будетъ вдоволь! Вотъ погодите: заживемъ припѣваячи.

Та слушала, и старое сердце ея дрожало любовью и слезами...

„А какъ же, если Сибирь... какъ же она-то?“ мелькнула ему непріятная, укорливая мысль, и онъ самъ себѣ удивился что до этихъ поръ, во всѣхъ его мечтахъ и предположеніяхъ, при всемъ ихъ калейдоскопическомъ разнообразіи, мысль о бабушкѣ ни разу не пришла ему въ голову.

„Какъ же бабушка-то?... Что жъ она тогда?“ думалъ онъ, и тотчасъ же утѣшилъ себя самымъ успокоительнымъ завѣреніемъ что Сибирь — вздоръ: „Сибири не будетъ; надо только умѣть молчать хорошо... Вѣдь ужъ они-то, при ихъ силахъ, при ихъ средствахъ, знаютъ же что дѣлаютъ.“

Кто были эти *они* — Шишкинъ не зналъ, и какъ ни бился, со вчерашняго вечера, все-таки никакъ не могъ опредѣлить себѣ *ихъ* даже приблизительно; но при этомъ въ немъ почему-то

поселилось твердое убѣжденіе что *они* сила, ворячающая очень большими и могучими средствами.

Онъ не могъ дожидаться, когда-то наконецъ придутъ эти желанные четыре часа, и время сегодня казалось ему какимъ-то безконечнымъ. Уйдя отъ бабушки, онъ долго безъ цѣли бродилъ по городу, наконецъ въ два часа пообѣдалъ въ трактирѣ и прямо оттуда отправился въ городской садъ. Вотъ и условный перекрестокъ, вотъ и вторая скамейка... на этой самой дорожкѣ будетъ начерченъ крестъ. Кто же замѣтитъ его? кто прочтетъ этотъ отвѣтъ? Кто такой это будетъ? Теперь уже Шимкина завлекло лихорадочное любопытство разгадать поскорѣй кто такіе эти таинственные, невѣдомые *они*, которымъ онъ уже весь принадлежитъ и душою, и тѣломъ, на жизнь и на смерть. (Такъ ему думалось.)

День былъ прекрасный. Въ саду пестрѣло много гуляющихъ. Юнаша пытливо и притомъ съ особенною выразительностью вглядывался во многія лица, стараясь разгадать: не одинъ ли изъ *нихъ* это идетъ мимо него.

Но вотъ наконецъ на соборной колокольнѣ пробило четыре.

„Что жь, чертить, или нѣтъ? ... Aut Caesar, aut nihil! ... Все равно теперь!“

Онъ торопливо, но внимательно оглядѣлся во всѣ стороны: кажется, никто не обращаетъ на него особеннаго вниманія. Вставъ со скамейки и принявъ равнодушно-разсѣянный видъ, нервно дрожащею рукой рѣзко начертилъ онъ на пескѣ крестъ, и посвистывая да поглядывая вверхъ на вѣтви и прутья, съ независимымъ видомъ и какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ себѣ вдоль по дорожкѣ.

А между тѣмъ лицо его было нѣсколько блѣдно, и сердце билось шибко-шибко и немного болѣзненно.

„Ну, теперь ужъ кончено! ... баста на вѣки! ... Теперь уже нѣтъ возврата!“ думалъ онъ себѣ, и было ему, по-вчерашнему, такъ жутко и такъ радостно, только ощущенія эти сказывались теперь еще ярче и сильнѣе.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по аллеѣ, все ожидая что вотъ-вотъ ктонибудь сейчасъ подойдетъ къ нему, дотронется легонько до плеча, шепнетъ какое-то условное, таинственное слово и поведетъ за собой, и приведетъ куда-то, и тамъ будутъ они, и онъ всѣхъ ихъ увидитъ, и начнутъ они сейчасъ дѣло дѣлать...

Но тщетно прохаживался и ждалъ увлекающійся юноша, тщетно заглядывалъ въ лицо чуть не каждому прохожему: къ нему никто не подходилъ, никто не прикасался и не шепталъ таинственного слова.

Онъ прошатался по саду до позднего вечера, да такъ и не дождался, и ушелъ съ досадой и почти что съ полнымъ разочарованіемъ въ сердцѣ. Мечтамъ его на сей день не суждено было сбыться.

XXVI. Изъ тѣхъ или нѣтъ?

На другой день, навѣстивъ нарочно пораньше бабушку, Шишкинъ отправился, по-вчерашнему, бродить по саду. Но всѣ ожиданія его точно также были тщетны. Думая что крестъ его либо не былъ замѣченъ, хотя самъ онъ очень хорошо видѣлъ двѣ рѣзкія черты, либо никто *изъ нихъ* не пришелъ вчера, вѣроятно, ожидая на сегодня крайняго назначеннаго срока, — онъ, едва лишь пробило четыре часа, начертилъ новый крестъ на томъ же самомъ мѣстѣ, со всѣми вчерашними предосторожностями, и отправился гулять по главной аллеѣ. Предположивъ что его прогулка мимо креста, выказывая извѣстную

степень ненужнаго любопытства, быть-можетъ, послужила причиной что никто не подошелъ къ нему, изъ понятной предосторожности, онъ на нынѣшній разъ, сдѣлавъ должное, нарочно сталъ прохаживаться по другимъ дорожкамъ.

Но опять-таки и на сегодня, до самаго поздняго вечера, были тщетны всѣ его ожиданія. Озадаченный и еще болѣе раздосадованный, онъ рѣшился на завтра цѣлый день не выходить изъ сада, и, точно, привелъ это рѣшеніе къ самому акуратному исполненію, но результатъ оказался все также безуспѣшенъ.

Тѣмъ не менѣе ретивый юноша рѣшился продолжать ежедневно свои прогулки, до тѣхъ поръ пока не добьется чего-нибудь положительнаго.

„Вѣдь не можетъ же быть мистификація! Да и съ какой же стати? рассуждалъ онъ самъ съ собою: — какой же дуракъ, ради одной шутки, станетъ посылать такія деньги? А если кто-нибудь и рѣшился оказать мнѣ помощь, такъ тотъ, конечно, не сталъ бы шутить и издѣваться надо мной. Это было бы несообразно.“

Заключенія Шишкина были вполнѣ разсудительны. Онъ гулялъ по саду, почти уже потерявъ всякую надежду на осуществленіе нетер-

пѣливой мечты своей, но все-таки ходилъ, почти изъ одного упрямства. Странная обстановка всего этого приключенія положительно сбивала его съ толку. Онъ ломалъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ загадки и все-таки ни до чего не добился. Думалъ было въ третій разъ начертить условный знакъ, такъ какъ прежній былъ уже стертъ ступнями гуляющаго люда, но поостерегся, чтобы не подать этимъ кому-либо излишнихъ подозрѣній. Уже четвертый день сряду проводилъ онъ въ городскомъ саду.

Былъ третій часъ въ началѣ. День стоялъ прекрасный. Теплое солнце высоко горѣло среди чистаго, весенне-синяго неба. Молодая, нѣжная поросль быстро прорѣзывалась изъ почекъ и мягкожелтоватою зеленью запушила сочно налитыя, упругія вѣтви, въ которыхъ свистали, заливались и перекликались весеннія птицы.

Иванъ Шишкинъ, уставъ наконецъ шататься по дорожкамъ, сѣлъ въ тѣни стараго вяза на скамейку помѣщавшуюся у площадки предъ павильономъ, куда на лѣтній сезонъ переселялся нѣкій предприниматель и открывалъ тамъ кафе-ресторанъ и кондитерскую. По краямъ площадки, предъ скамейками, стояли зеленые столики — признакъ того что предприниматель

уже открылъ свою лѣтнюю дѣятельность, къ услажденію славнобубенской гуляющей публики. Эксъ-гимназистъ снялъ фуражку, обтеръ со лба потъ, взъерошилъ немножко волосы и закурилъ папирску.

Вскорѣ на той же площадкѣ появился какой-то молодой человѣкъ, довольно привлекательной наружности, лѣтъ двадцати-пяти, въ костюмѣ буднично-сѣроватомъ, но вполне приличномъ.

Шишкинъ сначала не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Этотъ неизвѣстный господинъ присѣлъ на другой конецъ той же самой скамейки и сталъ отдуваться, какъ обыкновенно отдувается человѣкъ нѣсколько утомленный ходьбой подъ солнечнымъ жаромъ. Затѣмъ неторопливо скрутилъ онъ себѣ папирску, вставилъ ее въ простой мундштучокъ и раза два искоса взглянулъ на своего сосѣда.

— Позвольте у васъ попросить огоньку! вѣжливо обратился онъ къ Шишкину, подвигаясь ближе чѣмъ на полскамейки.

Тотъ молча подалъ ему папирску, съ обычною въ такихъ случаяхъ готовностью.

— Очень вамъ благодаренъ. Фу, батюшки,

какая жара сегодня!... Это, кажись, еще первый день такой.

— Да, тепловато, проговорилъ Шишкинъ, чувствуя какъ бы нѣкоторую необходимость отвѣтить на фразу которая въ данную минуту ни къ кому кромѣ него не могла относиться.

— Даже и черезчуръ, я нахожу. Эй! Человѣкъ! закричалъ неизвѣстный сосѣдъ лакею торчавшему на террасѣ павильйона: — подай-ка мнѣ сюда пива бутылку, да только холодного!... Смерть пить хочется! какъ бы въ скобкахъ замѣтилъ онъ, обращаясь въ полвзгляда къ Шишкину.

Тотъ ничего не отвѣтилъ на это, кромѣ какого-то безотносительнаго „гм!“, сопровождаемаго легкимъ кивкомъ, и продолжалъ курить свою папиросу.

Прошла минута молчанія. Незнакомецъ из-коса поглядывалъ порою на сосѣда и раза два откашлялся.

— Извините... если не ошибаюсь, вы, кажется, господинъ Шишкинъ? вѣжливо и немного застѣнчиво спросилъ онъ.

— Такъ точно-съ.

Гимназистъ оторопѣлъ и смутился.

„Вотъ оно!... Это изъ нихъ навѣрно!...“

Наконецъ-то!“ думалъ онъ, слясь поскорѣй отдѣлаться отъ своего неумѣстнаго смущенія.

— Имѣлъ удовольствіе слышать васъ на публичномъ чтеніи, продолжалъ незнакомый съ легкимъ, но пріятнымъ поклономъ: — ваше дарованіе... это, знаете, вѣдь надо особое искусство умѣть читать... Вы имъ вполне обладаете.

Теперь уже Шишкинъ, въ свою очередь, сдѣлалъ легкій, но пріятный поклонъ.

„Изъ нихъ или нѣтъ?... Изъ нихъ или нѣтъ? прыгалъ въ умъ его неотвязный вопросъ: какъ бы это разрѣшить себѣ поскорѣе! Какъ бы вызнать его?“

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? полусклоняясь, приподнялъ онъ свою фуражку.

— Василій Свитка, отрекомендовался незнакомый: — бывшій казанскій студентъ... теперь въ нѣкоторомъ родѣ торговыми предпріятіями занимаемся. Я еще недавно здѣсь, въ Славнобубенскѣ, говорилъ онъ совершенно просто и добродушно: — по дѣламъ зятя моего.

— А вашъ зять что такое? безцеремонно спросилъ юноша.

— А лѣсопромышленникъ... Жду вотъ теперь плотовъ, по первому половодью погнали...

Лѣсъ сплавляемъ, такъ надо вотъ встрѣтить, провѣрку сдѣлать... да тутъ еще съ купцомъ съ однимъ заподрядиться надо... Вотъ и сижу пока.

„Нѣтъ, это не изъ тѣхъ, должно-быть“, сомнѣвался юноша, пытливо разсматривая сосѣда и слушая его болтовню, простую и, повидимому, вполнѣ искреннюю, вполнѣ лишенную всякихъ заднихъ мыслей. „Нѣтъ, не изъ тѣхъ!... Это просто такъ себѣ, добрый малый какой-то, и только!“ рѣшилъ онъ и успокоился.

Лакей принесъ на подносѣ бутылку.

— Не хотите ли? предложилъ Свитка: — по жарѣ хорошо это холодненькаго.

— Нѣтъ... благодарю васъ, замѣявшись, нерѣшительно отказался Шишкинъ.

— Пожалуста, не церемоньтесь!... Мнѣ очень пріятно... Эй, человѣкъ! Тащи еще стаканъ, да скорѣе!... Для перваго знакомства! кивнулъ головой Свитка, дотронувшись краемъ своего стакана до налитаго стакана Шишкина: — мнѣ очень пріятно!... Я здѣсь, знаете ли, совершенно одинъ и никого почти не знаю, ни съ кѣмъ не знакомъ... Должно-быть, у васъ тутъ въ Славнобубенскѣ скука ужасная?... То ли дѣло, бывало, у насъ, въ Казани!... Дивный городъ, я вамъ скажу! Вы не бывали?

— Въ Казани? Нѣтъ.

— А жаль. Вамъ бы понравилось. Вы, конечно, въ университетъ намѣрены?

— Право, не знаю еще... какъ случится.

— Если поступать, такъ поступайте въ Казанскій, я вамъ совѣтую.

— Да мнѣ это довольно трудно... вѣдь я... замаялся немного Шишкинъ, глядя въ землю: — вѣдь я за это самое чтеніе исключенъ изъ гимназіи.

— Какъ исключены!... Быть не можетъ! сорвался съ мѣста неожиданно изумленный Свитка: — да за что же-съ?

— А вотъ, за *Орла*.

— Ну, что за мерзости!... И за что же исключать-то тутъ? Ахъ ты Господи Боже мой!... А я и не зналъ этого!

„Нѣтъ, это не изъ тѣхъ! Совсѣмъ не изъ тѣхъ!“ окончательно убѣждалъ себя въ душѣ Иванъ Шишкинъ.

— Что жъ вы намѣрены дѣлать теперь? съ участіемъ спросилъ Свитка.

— А право, не знаю... Я не рѣшилъ еще. Свитка призадумался.

— Гм!... Это не хорошо. Мой совѣтъ все-

таки въ университетъ. Экзаменъ вѣдь не затруднитъ васъ?

— Экзаментъ - то? Нисколько! Я экзамена не боюсь. Но... средства... какъ добратся-то? У меня средствъ нѣтъ.

— А пѣшечкомъ? пояснилъ Свитка, искоса взглядывая пытливо на сосѣда: — и пѣшечкомъ можно! Не вы первый, не вы и послѣдній. По крайности прогуляетесь, время теперь хорошее, съ народомъ познакомитесь, а это вѣдь никогда не лишнее.

— Н-нѣтъ, мнѣ это неудобно, отклонился эксъ-гимназистъ, вспомя о своей прикосновенности къ какому-то дѣлу“.

— Почему такъ? съ живостью спросилъ Свитка.

— Такъ... Я ужъ лучше тутъ какъ-нибудь устроюсь. А развѣ потомъ какъ-нибудь...

Тотъ какъ-то особенно и чуть замѣтно улыбнулся про себя и опять заговорилъ съ прежнимъ участіемъ:

— Если хотите поступать, я могу объяснить вамъ все дѣло, какъ и что, однимъ словомъ, весь ходъ, всю процедуру... Научу какъ устроиться, заочно съ профессорами познакомлю, то-есть, дамъ ихъ характеристики... Ну, а кромѣ

того есть тамъ у меня товарищи кое-какіе, могу познакомить, дамъ письма, это все вѣдь на первое время необходимо въ чужомъ городѣ.

— Благодарю васъ... я подумаю.

— Подумайте, подумайте!... Вообще, господинъ Шишкинъ, прибавилъ онъ, радушно и любезно протягивая руку: — мнѣ бы очень пріятно было познакомиться съ вами поближе... Извините, можетъ-быть, вы примете это за навязчивость съ моей стороны, но... я здѣсь совершенно одинъ, просто слова не съ кѣмъ перемолвить.

Эксъ-гимназистъ охотно принялъ предложеніе этого знакомства.

— Я стою здѣсь въ номерахъ Шипкова, пояснилъ Свитка: — милости просимъ ко мнѣ какъ-нибудь, очень радъ буду! Да самое лучшее вотъ что: вы ничего не дѣлаете нынче вечеромъ?

— Особеннаго ничего.

— Такъ приходите-ка ко мнѣ!... Поболтаемъ, закусимъ, а?

Шишкинъ согласился. Юноши его возраста вообще очень легко и скоро сходятся съ людьми.

Часу въ восьмомъ вечера онъ уже сидѣлъ въ гостяхъ у новаго своего знакомца. Тотъ раз-

сказывалъ ему о Казанскомъ университетѣ, о жизни въ Казани... Потолковали и о современномъ положеніи дѣлъ вообще и о Россіи въ особенности. Въ рѣчахъ Василья Свитка было очень много симпатіи къ Польшѣ. Шишкинъ тоже вполне раздѣлялъ это чувство.

— Я думаю что и наша матушка-Русь тоже того... наканунѣ какой-нибудь большой революціи, замѣтилъ хозяинъ, бросая пристальный взглядъ на гостя.

— Да, вотъ ужъ въ Высокихъ Снѣжкахъ поднимались... тамъ уже началось, авось и другіе подхватятъ, подтвердилъ ему Шишкинъ.

— Да, да; вообще въ воздухѣ, кажись, сильно пахнетъ чѣмъ-то, согласился Свитка: — но все-таки, мнѣ кажется, всѣ эти бунты не приведутъ ни къ чему большому безъ послѣдовательной агитаціи... Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, нужна система, планъ; а безъ того будутъ только отдѣльныя вспышки. Если-бы тутъ какая-нибудь организація была, ну, тогда другое дѣло.

— А можетъ-быть и есть уже организація, задорливо возразилъ Шишкинъ.

Свитка быстро вскинулъ на него глаза, и

не сводя съ его лица своего внимательно наблюдающаго взора, спросилъ:

— Организація?... А почему вы думаете что есть?

Юноша спохватился что чуть было не сказалъ лишняго: „подъ страхомъ неминуемой отвѣтственности предъ трибуналомъ общества“, отчеканилась въ его сознаніи знакомая фраза.

— То-есть, я... конечно, ни на чемъ собственно не основываю этого, пояснилъ онъ: — но... такъ, одно предположеніе.. Почему жъ и не быть ей? Если Италія, напимѣръ... отчего жъ бы и намъ тоже?

— Нѣтъ-съ, батюшка, мы, Русскіе, слишкомъ еще дураки для этого, авторитетно возразилъ Свитка съ какимъ-то презрѣніемъ: — вы говорите: Италія! Такъ вѣдь въ Италіи, батюшка, были карбонаріи-съ, Италія вся покрыта сѣтью революціонныхъ кружковъ, тайныхъ обществъ, въ Италіи — шутка сказать! голова дѣлу, Мадзини, есть, наконецъ, сердце и руки, Джузеппе Гарибальди-съ! А у насъ-то что?

— А Герценъ? а Огаревъ? горячо вступился Шишкинъ, юное самолюбіе котораго особенно задѣли за живое эти презрительные отзывы о дуракахъ Русскихъ.

— Ну, что же!... Конечно, Герценъ - то есть, да вѣдь одна ласточка весны еще не дѣлаетъ!... Ну, положимъ, что есть у насъ и Герценъ, и Огаревъ, и еще кто-нибудь, кто ихъ тамъ знаетъ! Да гдѣ же наши кружки? гдѣ наша организація? Я нигдѣ и ни въ чемъ не вижу ея пока! Ну, вотъ, сойдемся, напримѣръ, мы съ вами и потолкуемъ по душѣ, и оба, кажись, одушевлены одними стремленіями, однѣми симпатіями, а что изъ этого выходитъ? Словоизверженіе одно, а чего-нибудь дѣйствующаго мы все-таки никогда не составимъ, и эта недѣятельность, эта апатія лежитъ въ нашей національной глупости, потому что мы, Русскіе, рабы по натурѣ своей и лучшаго ничего не желаемъ! И организаціи у насъ нѣтъ и никогда не будетъ!

Шишкина такъ и подмывало схватиться съ мѣста и сказать ему: „анъ нѣтъ, молъ, есть же! есть!“ и показать въ подтвержденіе полученное имъ письмо и деньги, и для окончательной убѣдительности признаться что самъ онъ членъ тайнаго общества, и что стало-быть Русскіе не совсѣмъ ужъ такіе круглые дураки и презрѣнные рабы какими изволить изображать ихъ господинъ Свитка. Однакоже попридержалъ на

время свою прыть, „подъ страхомъ неминуемой отвѣтственности“.

— Н-ну, какъ знать чего не знаешь! процѣдилъ онъ сквозь зубы не безъ нѣкоторой многозначительности въ тонѣ.

Хозяинъ изъ-подлобья оглядѣлъ его своимъ изучающимъ взглядомъ и улыбнулся про себя, какъ прежде, чуть замѣтною, странною усмѣшкой.

Этотъ взглядъ и усмѣшка были замѣчены Шишкинымъ.

„Неужели *изъ тѣхъ!*“ быстро мелькнуло въ его соображеніи, но всѣ предшествовавшія обстоятельства ихъ знакомства, противорѣчили такому предположенію. „Зачѣмъ же онъ такъ пытливо взглянулъ на меня? Чему онъ такъ улыбнулся?“ думалъ эксъ-гимназистъ, „Боже мой! ужъ не шпіонъ ли это какой-нибудь?.. Можетъ, заодно съ Устиновымъ, съ Пшецыньскимъ... можетъ, онъ хочетъ выпытывать меня?“

И Шишкинъ вдругъ поблѣднѣлъ и тревожно забѣгалъ глазами по комнатѣ.

— Однако прощайте... мнѣ пора, поднялся онъ съ мѣста, неловко и нѣсколько смущенно протягивая хозяину руку.

— Куда же вы? изумился тотъ: — а я думалъ, мы цѣлый вечеръ проведемъ вмѣстѣ,

чаю напьемся, закусимъ... Оставайтесь-ка, полноте!

— Нѣтъ, ей-Богу, пора!... Не могу я больше... Прощайте-съ.

— Ну, какъ знаете! До свиданья.

„И чего я такъ испугался?“ думалъ Шишкинъ, подходя уже къ своей квартирѣ: „вѣдь я самъ чуть не похвастался, что какъ знать чего не знаешь! Можетъ, онъ оттого-то только и поглядѣлъ на меня эдакъ... И удралъ сейчасъ, а онъ ужинать приглашалъ!... Дуракъ, право, дуракъ я! И съ чего онъ вообразился мнѣ то вдругъ изъ тѣхъ, то вдругъ шпиономъ, а онъ, кажись, просто такъ себѣ, добрый малый и очень неглупый... а я, какъ дуракъ, струсилъ!“

И на будущее время Шишкинъ рѣшился уже не трусить болѣе своего новаго знакомца.

XXVII. Въ западнѣ.

На слѣдующій день, около четырехъ часовъ пополудни, прохаживаясь по главной аллеѣ городского сада, Шишкинъ, все еще не теряя нѣкоторой надежды что ожиданія его увѣнчаются какимъ-нибудь успѣхомъ, вдругъ завидѣлъ идущаго навстрѣчу Василя Свитку который еще издали кивалъ ему головой и махалъ руками.

— Здравствуйте, батюшка, сказалъ онъ подходя къ Шишкину: — а вы, кажись, часенько тутъ прогуливаетесь?

Тотъ немного смутился.

— Нѣтъ, я такъ только... отъ нечего дѣлать.

Свитка подхватилъ его подъ руку, и дойдя да поворота въ среднюю поперечную аллею, повернулъ туда какъ бы неумышленнымъ и совсѣмъ машинальнымъ образомъ.

— Фу! какъ усталъ я!... Присядемте-ка малость!

И онъ опустился какъ разъ на вторую скамейку.

Шишкинъ опять слегка смутился. Нѣкоторое сомнѣніе закралось ему въ голову: случайно все это, или нѣтъ? Изъ тѣхъ, или шпіонить? Но взглянувъ внимательно въ лицо своего знакома и прочтя на немъ полнѣйшее и открытое простодушіе, онъ снова рѣшилъ что Свитка ни то, ни другое.

— Послушайте, Шишкинъ, началъ тотъ, усаживая подлѣ себя эксъ-гимназиста: — простите мою нескромность, но я все думалъ о васъ какъ вы ушли отъ меня, и знаете ли что пришло мнѣ въ голову?

— Что такое?

— Вѣдь вы тутъ ровно ничего не дѣлаете, ничѣмъ особенно не занимаетесь?

— Уроки кой-какіе имѣю.

— Н-да, конечно, это немаловажно... А я хотѣлъ было вамъ предложить прокатиться вмѣстѣ со мной кое-куда. Отличное бы дѣло, ей-Богу! а? А потомъ прямо бы васъ въ Казань и предоставилъ, какъ разъ къ началу курса.

Шишкинъ задумался: предложеніе имѣло свою заманчивую сторону, но... какъ же *тѣ*-то? Какъ же отказаться отъ блестящей перспективы быть заправскимъ, серіознымъ дѣятелемъ „такого дѣла“? Или, по крайней мѣрѣ, хотъ узнать бы прежде что-нибудь положительное: есть ли тутъ что, или одна только мистификація?

— А какъ скоро поѣдете вы? спросилъ онъ.

— А право не знаю еще!... Думаю, на дняхъ.

— Н-нѣтъ, на дняхъ-то мнѣ не удобно.

— Отчего неудобно? съ живостью спросилъ Свитка.

— Да такъ... не могу я.

— Отчего не можете?

— Да мало ли?... Ну, уроки... ну, ба-

бушка у меня... нездоровая, замаяся Шишкинъ:
— да и вообще, просто не могу.

Оба примолкли.

— А я знаю почему вы не можете! вѣско
и медленно началъ наконецъ Свитка, смотря
ему въ глаза пристально и нагло.

Сердце юноши екнуло тревогой страха и
ожиданія.

— Почему? едва могъ проговорить онъ.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, взялъ у него трость
и рѣзко начертилъ ею крестъ на песокъ дорожки.

Шишкинъ поблѣднѣлъ. Чувство внезап-
ности, удивленіе, испугъ и страхъ разомъ отра-
зились на его лицѣ. Свитка неотводно продол-
жалъ глядѣть на него своимъ наглымъ взглядомъ.

— Дайте вашу руку!... Вы человекъ годя-
щій! похвалилъ онъ съ видомъ покровительства.

Юноша не успѣлъ еще придти въ себя.

— Но зачѣмъ же вы только теперь!?... За-
чѣмъ не сразу... не тогда какъ я крестъ поста-
вилъ?

Тотъ усмѣхнулся, будто на ребяческое слово.

Гм... сразу ничто, мой другъ, не дѣлается.
Надо было прежде дать вамъ срокъ, чтобы по-
глядѣть на сколько серіозна ваша рѣшимость,
потомъ попытать вашу скромность, удостовѣ-

риться, умѣете ли вы держать языкъ на привязи, — ну, экзамень оказался удаченъ, значитъ теперь можно поздравить.

— Я вашъ и душой, и тѣломъ! восторженно воскликнулъ юноша: — дѣлайте со мной что хотите!... Когда вы меня представите?

— Какъ это „представите“? куда? кому? серьезно поморщился Свитка.

— Ну, понятно: членамъ нашего общества пояснилъ Шишкинъ.

— Членамъ? Да вы уже представлены; васъ знаютъ тамъ. Развѣ безъ этого рѣшились бы выбрать васъ?

Этотъ отвѣтъ польстилъ самолюбію эксъ-гимназиста.

— Но когда же я увижу ихъ? оживленно спросилъ онъ.

— Кого это „ихъ“?

— Ну, разумѣется, членовъ!

— Полагаю, что совсѣмъ не увидите. Да это и не нужно. Вы знаете меня, и больше никого, и по всѣмъ дѣламъ будете сноситься только со мной.

— Стало-быть, общества нѣтъ никакого?

— Напротивъ, есть, и весьма сильное, весьма многочисленное; но знать всѣхъ членовъ, это

совершенно излишне и даже вредно; да наконецъ, и нѣтъ возможности; ихъ слишкомъ много, они разсѣяны повсюду.

— Что же я обязанъ дѣлать? пожавъ плечами, спросилъ юноша. Дѣло выходило совсѣмъ не такъ какъ мечталъ онъ, и въ мечтахъ оно казалось ему лучше, красивѣе какъ-то.

— Дѣлать? а вотъ что дѣлать, пояснилъ Свитка: — вы будете строго и неуклонно исполнять что вамъ укажутъ. Въ послѣдствіи, съ моего разрѣшенія, вы можете избрать себѣ двухъ помощниковъ изъ надежныхъ и лично вамъ извѣстныхъ людей, но кромѣ васъ, они точно также не должны ничего и никого знать; я и самъ точно такъ же никого не знаю. Понимаете? И вотъ все что вамъ предоставляется. Средства на веденіе дѣла вы будете получать отъ меня, а за измѣну дѣлу, предваряю васъ, послѣдуетъ неминуемая кара.

— То-есть, какже это? оторопѣло спросилъ Шишкинъ.

— А такъ, что въ одинъ прекрасный день можно отправиться *ad patres*, очень серьезно отвѣтилъ Свитка: — поэтому, будьте осторожны и прежде всего — языкъ за зубами. Назадъ уже, конечно, отступленія нѣтъ; вы понимаете...

— Но... отправиться *ad patres*... Это легко сказать...

— Легко сказать, и не трудно исполнить: какая-нибудь маленькая доза стрихнину, уколъ отравленною булавкой, да и... Боже мой! мало ли есть средствъ для этого?

Свитка на первыхъ же порахъ нарочно старался побольше запугать неопытнаго юношу чтобы тѣмъ легче забрать его въ руки и сдѣлать ему невозможнымъ поворотъ назадъ. Шишкинъ призадумался и даже пріунылъ немного. Онъ вдругъ почувствовалъ себя въ положеніи мышонка, попавшагося въ мышеловку на кусочекъ свиного сальца.

— Ну, другъ любезный! чуръ головы не вѣшать! хлопнувъ по плечу, весело подбодрилъ его Свитка: знаете, говорятъ, это вообще дурная примѣта, если конь передъ боемъ повѣситъ голову. Смѣлѣе! Будьте достойны той чести которую сдѣлалъ вамъ выборъ общества, будьте же порядочнымъ человѣкомъ! Надо помнить то святое дѣло за которое вы теперь взялись своею охотой!

— О, Боже мой, да я готовъ! Неужели вы можете сомнѣваться? воскликнулъ Шишкинъ: —

но въ чемъ же дѣло? и только давайте его поскорѣе!

— Дѣло въ томъ, что дня черезъ два-три мы отправимся съ вами въ путь, послоняемся по Поволжью: гдѣ пѣшечкомъ, гдѣ на лодочкѣ, а гдѣ и конно, какъ случится; ну, и станемъ мужичкамъ православнымъ золотыя грамотки казать. Понимаете-съ? прищурился Свитка. — Нынче вечеромъ будьте у меня: я покажу вамъ экземплярчикъ, и вообще потолкуемъ, условимся, а пока прощайте, да помните же хорошенько все что сказалъ я вамъ.

И пожавъ ему руку, Свитка быстро пошелъ изъ сада.

Передъ вечеромъ онъ постучался у двери ксендза пробоща; Зося, отворивъ ему, объявила что его мосци нѣтъ дома. Свитка вырвалъ листокъ изъ записной книжки, и написавъ на немъ нѣсколько словъ, тщательно свернулъ и отдалъ женщинѣ для передачи по принадлежности, а вечеромъ, возвратясь домой, панъ Кунцевичъ не безъ труда разобралъ на этомъ листочкѣ слѣдующее:

„Дѣло съ гимназіастомъ кончено наиуспѣшнѣйше. Послѣ завтра, въ ночь, отправляемся.

„Фр. Пожондковскій.“

Черезъ сутки, дѣйствительно, Шишкинъ исчезъ изъ города. На прощанье, онъ вручилъ бабушкѣ еще десять рублей и увѣрилъ ее что ѣдетъ на вакацію къ одному помѣщику, приготовлять къ гимназіи его сына.

XXVIII. Женихъ.

Ардаліонъ Полояровъ, совсѣмъ неожиданно для самого себя, очутился въ положеніи жениха. Онъ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, жертвой собственнаго великодушія. За то Лубянская все время оставалась вполнѣ довольна своею судьбой, въ качествѣ будущей супруги Ардаліона Михайловича. Но о самомъ маіорѣ далеко нельзя сказать того же. Въ странныхъ какихъ-то отношеніяхъ вдругъ очутились между собой эти три лица, съ той минуты, какъ слово великодушія нежданно-негаданно было произнесено Полояровымъ. Старикъ не перечилъ, но и не радовался; напротивъ, теперь чаще чѣмъ когда-либо онъ, изъ своего уголка, подолгу сталъ засматриваться на дочку, съ молчаливою, но глубокою грустью. Хоть онъ и молчалъ, но по всему было видно что сердце его и не чувствуетъ для дочери ничего хорошаго въ будущемъ, и не ждетъ

никакого счастія въ этомъ бракѣ. Съ Полояр-
 ровымъ отношенія его были суховато вѣжливы:
 въ нихъ проглядывало такое чувство, какъ будто,
 подавая руку Ардаліону, или говоря съ нимъ,
 старикъ боялся быть укушеннымъ какою-нибудь
 гадиной, или чѣмъ-нибудь запачкаться, — чув-
 ство давно не испытанное его простымъ, отзыв-
 чиво откровеннымъ сердцемъ. Онъ какъ-то все
 не вѣрилъ въ чистоту Полояровскаго великодуп-
 шія, и порою казалось ему будто брака этого
 никогда не будетъ, что въпрочемъ нисколько его
 и не опечалило бы, лишь бы только быть увѣ-
 реннымъ что она, чистая голубка его, осталась
 такою же какъ и прежде. Самъ Полоярвъ ни
 мало въпрочемъ не смущался подобными отноше-
 ніями; онъ, говоря его словами, „игнорировалъ
 глупаго старца“ и, какъ ни въ чемъ не бывало,
 въ качествѣ жениха, почти ежедневно ходилъ къ
 нему то обѣдать, то чай пить, то ужинать. Толь-
 ко въ отношеніи Нюточки тонъ его сдѣлался
 еще рѣзче и нахальнѣе. Когда же маіоръ за-
 мѣтилъ ему это однажды, то Ардаліонъ отвѣ-
 чалъ, что „какъ мы съ нею теперь женихи, такъ
 особенно церемониться нечего, потому не съ
 тономъ жить, а съ человѣкомъ“.

Одна только Нюточка, повидимому, каза-

лась довольна и счастлива. Вѣра ея въ Полоярова была безгранична: ужъ если онъ сказалъ, ужъ если онъ что сдѣлалъ, значитъ, это такъ и должно, значитъ, иначе и быть ничего не можетъ, и все что ни сдѣлаетъ онъ, все это хорошо, потому что Полояровъ не можетъ сдѣлать ничего дурнаго, потому что это человѣкъ иного закала, иного развитія, иного ума, даже просто, наконецъ, иной совсѣмъ, новой породы, тѣмъ болѣе что и самъ онъ называлъ себя „новымъ человѣкомъ“. Дѣвушка привязалась къ нему еще больше съ той минуты какъ онъ, ради нея, ради любви къ ней, поступилъ даже самыми коренными изъ своихъ убѣжденій, предложивъ ей „формальнымъ образомъ окрутиться вокругъ наложя“. Она видѣла въ этомъ величайшую съ его стороны жертву, а жертва его льстила ея самолюбію.

Съ какимъ удовольствіемъ бѣгала она въ гостиный дворъ покупать то себѣ, то ему разныя принадлежности къ своему приданому. Каждая вещица, каждая наволочка, полотенце, каждая дюжина чулокъ или платковъ носовыхъ, купленная на скромныя деньжишки прикопленные для нея маіоромъ, приводили ее въ восторгъ. Съ какою радостію припасала она все это къ

устройству будущаго своего хозяйства; сколь свѣтло мечтала о томъ какъ это у нихъ все такъ хорошо, такъ просто и мило будетъ устроено; съ какимъ живымъ наслажденіемъ показывала жениху всѣ эти покупки и приготовленія, сама любясь и на нихъ, и на него своими влюбленными глазами!

Но Полояровъ всѣ эти радости и восторги встрѣчалъ совершенно холодно: больно ужъ не понутру оно ему было. И именно въ тѣ самыя минуты когда она показывала ему новыя свои покупки, рассказывая планы будущаго житья-бытья, онъ глядѣлъ совсѣмъ равнодушно какъ на нѣчто постороннее и слушалъ вполнѣ безучастно, а иногда съ видимымъ раздраженіемъ и неудовольствіемъ.

Все это искренно огорчало любящую дѣвушку.

— Ардаліонъ! да чтò это съ тобой! высказала она ему однажды съ полудосадливымъ и полунѣжнымъ упрекомъ: — я хлопочу, я бѣгаю, стараюсь, прошу твоего совѣта, одобренія, а ты глядишь на все на это словно бы совсѣмъ чужой, словно бы даже тебѣ непріятно это!... Ей Богу, хотъ бы маленькое участіе!... Неужели же тебя это нисколько не занимаетъ?

— Да чему тутъ особенно занимать-то?... Есть на что радоваться! фыркнулъ онъ, скосивъ свои губы: — ну, нравится тебѣ это, ну, и занимайся! Я не мѣшаю... Мнѣ-то что!

Нюта поглядѣла на него пристально, рѣшительнымъ взглядомъ.

— Послушай, начала она послѣ нѣкотораго молчанія, — мнѣ кажется, ты раскаиваешься въ своемъ намѣреніи... Пожалуста, не стѣсняй себя; скажи мнѣ прямо, вѣдь еще есть время...

Ардаліонъ молчалъ и хмурился.

— Ну, вотъ видишь, ты молчишь, ты сердишься!... Зачѣмъ все это!... Не лучше ли прямо?... (На рѣсницахъ ея задрожали слезы.) Милый ты мой!... Ты знаешь что мнѣ лично, пожалуй, и не нужно этого пустаго обряда: я и безъ того люблю тебя, вѣдь ужъ я доказала!... Мнѣ ничего, ничего не нужно, но отецъ... вѣдь это ради отца... я вѣдь понимаю что и ты-то ради него только рѣшился тогда. Милый мой! я тебя еще больше полюбила за эту жертву!

— Хм!... Полюбить-то, пожалуй, и больше полюбила согласился онъ, по обыкновенію, медленно и туго потирая между колѣнъ свои руки и глядя мимо очковъ въ какое-то пространство

предъ собой: — насчетъ любви не знаю, можетъ и такъ, а можетъ и нѣтъ; но уважать-то ужъ, конечно, менѣе стала.

— Какъ!... Почему это? отклонилась дѣвушка, широко раскрывъ на него изумленные взоры.

— А потому что за такіе пассажики нельзя никого уважать, да и нѣ за что... Развѣ ты можешь уважать человѣка измѣняющаго своимъ принципамъ, идущаго противъ убѣжденія? Ну, стало-быть, и меня не уважаешь!

— Но, милый мой, это совсѣмъ другое...

— Э, матушка! одно и то же! перебилъ Ардаліонъ, съ гримасой махнувъ рукою.

— Такъ не женись на мнѣ! Кто жъ тебя принуждаетъ! открыто и просто предложила она.

Полояровъ скорчилъ новую, досадно-нетерпѣливую гримасу и нѣсколько времени не отвѣчалъ ни слова, только попрежнему теръ себѣ ладони. Нюточка тихо заплакала.

— Ну, ужъ что сказано разъ... такъ ужъ нѣчего говорить, пробурчалъ наконецъ Ардаліонъ сквозь зубы въ какомъ-то раздумьи. — Да, пожалуйста, слезы-то въ сторону! прибавилъ онъ, замѣтивъ что невеста вытерла платкомъ свои глаза: — терпѣть не могу когда женщины пла-

чуть : у нихъ тогда такое глупое лицо — не то на моченую рѣпу, не то на каучуковую куклу похоже... Чего куксишь-то? Полно!... Садись-ка лучше ко мнѣ на колѣни; это я, по крайности, люблю хоть; а слезы къ чорту!

Нюта исполнила его желанье, но съ этой минуты отлетѣли отъ нея всѣ счастливыя мечты и планы. Она уже безъ удовольствія стала ходить въ ряды и даже неохотно готовила себѣ приданое, никогда болѣе не заставляла жениха любоваться на свои покупки. Въ душу ея заралось тяжелое и темное раздумье о своемъ сомнительномъ будущемъ...

Маіоръ молчалъ и курилъ свою трубочку, но сердце его чуяло, и родной глазъ очень хорошо замѣчалъ все что дѣется съ дѣвочкой.

Однажды она пошла въ ряды, и сдѣлавъ какую-то покупку, забѣжала „по пути“ къ жениху, хотя, собственно говоря, это было ей вовсе не по пути.

Полояровъ спалъ на диванѣ. Нюта осторожно подкралась къ нему и разбудила своимъ звучнымъ, любящимъ поцѣлуемъ.

— Здравствуй, милый! Что я тебѣ скажу... начала она весело и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то таинственно и отчасти смущенно.

— Ну, ладно!... Послѣ, послѣ!... Теперь я спать хочу... Убирайся, пожалуйста!... Не мѣшай мнѣ, или, коли хочешь, посиди, пожалуй, пока выплюсь, пробормоталъ Ардаліонъ, и калачомъ отвернувшись къ спинкѣ дивана, въ ту же минуту сонно засопѣлъ съ носовымъ присвистомъ.

Дѣвушка постояла, посмотрѣла ему въ спину, повернулась и ушла. Съ больнымъ чувствомъ обиды возвратилась она домой, сѣла на маленькую скамеечку за какимъ-то коленкоромъ который въ тотъ день кроила, и заплакала тихо, беззвучно, но горько.

Маіоръ, запахнувъ халатикъ, подкрался на цыпочкахъ къ двери и осторожно заглянулъ на дочь изъ своей комнаты. Тревога отеческой любви и вмѣстѣ съ тѣмъ негодующая досада на кого-то чѣмъ-то трепетнымъ отразились на лицѣ его. Нервно сжимая въ зубахъ чубучокъ своей носогрѣйки, пришелъ онъ въ гостиную, гдѣ сидѣла Нюта не замѣчавшая среди горя его присутствія, и зашагалъ отъ одного угла до другаго, искоса взглядывая иногда на плачущую дочку.

Наконецъ онъ остановился предъ нею.

— Ну его къ чорту! нервно дрогнулъ го-

лось старика: — Брось, Нюта!... брось!... Не стоить!... Не думай ты о немъ больше!... Право!... Весь-то онъ какъ есть одной твоей слезенки чистой не стоить!... Ну его!... Ей-Богу, говорю, брось ты все это!

И онъ еще крѣпче защемиль между зубами свой чубучокъ, потому что и у самого-то уже наворачивались на глаза жгучія слезы обиды, боли и досады. Но Нюта, не подымая головы, только медленно и отрицательно покачала ею, и въ этомъ движеніи было такъ много чего-то кручиннаго, безнадежнаго, беспомощнаго...

XXIX. Эврика по-гречески значитъ: нашелъ!

Ардаліона разбудили вторично. Но на этотъ разъ предъ нимъ уже стояла не улыбающаяся Нюточка, а почталіонъ принесшій ему съ почты письмо. На конвертѣ значился петербургскій штемпель. Заспанный Полояровъ однакоже почти сразу догадался отъ кого было это посланіе. Въ письмѣ значилось:

„Все готово. Предпріятіе наше прочно поставлено на ноги, открываемъ типографію, швейную, переплетную, читальню и много еще дру-

гаго; если можешь, прїѣзжай поскорѣе; ты бы былъ теперь здѣсь очень кстати. До свиданія!

„Весь твой Лукашка.“

— Не многоглаголиво, но ясно! улыбнулся про себя Полояровъ.

Письмо это заставило его призадуматься.

„Ѣхать... Конечно, надо Ѣхать! размышлялъ онъ: — объ этомъ нечего и говорить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а то еще гляди, пожалуй, окрутятъ какъ-нибудь... заставятъ... Начальство, власти и прочее... Вѣдь добродѣтельный папенька, пожалуй, и на это способенъ!... Но какъ тутъ, чортъ возьми, уѣдешь! Занять бы у кого, что ли?... Хм!... Какъ же! поди займи въ этомъ подломъ обществѣ! Дадутъ чорта съ два!... Дождись! Развѣ какъ-нибудь у Затцъ да у Нюточки прихватить?... Сотнягу бы, что ли, тогда хватить... Да бѣда, капиталы-то вѣдь у добродѣтельнаго папахена въ шкатулкѣ!... Кабы у самой, такъ и говорить бы не о чемъ. а тутъ вотъ и ломай себѣ голову!“

И дѣйствительно, Ардаліонъ Полояровъ упорно ломалъ голову надъ разрѣшеніемъ трудной задачи. При дальнѣйшихъ размышленіяхъ выходило что и у Нюточки не совсѣмъ-то ловко взять деньги: станетъ подозрѣвать, догадается,

пойдутъ слезы, драмы и прочее, а лучше махнуть такъ чтобъ она узнала объ этомъ только по письму, уже послѣ отъѣзда; тогда дѣло короче будетъ. Оставалась одна только Лиденька Затцъ; но и тутъ встрѣчалось нѣкоторое сомнѣніе: Лиденька и безъ того уже зла на него за Лубянскую, за его предполагаемую женитьбу. Но положимъ что на этотъ счетъ можно бы легко разубѣдить ее; для этого потребуется только немного нѣжности да бойкій разговорецъ въ томъ духѣ и въ тѣхъ принципахъ которымъ поклоняется съ нѣкотораго времени Лиденька, и сердце ея умягчится, и прикажетъ она своему благовѣрному добыть ей, какъ бы то ни было, денегъ, и благовѣрный въ этомъ случаѣ не будетъ ослушникомъ обожаемой супруги, только съ получателя документецъ возьметъ на всякій случай. Но главное сомнѣніе не въ этомъ. „А какъ дернетъ ее нелегкая, думаль Полояровъ, — бросить благовѣрнаго? Да какъ ко мнѣ на шею накачается; бери, молъ, съ собой! тогда что?... Куда мнѣ съ нею?... А это весьма легко можетъ случиться!“

Возиться съ Лиденькой Затцъ никакъ не входило въ дальнѣйшіе расчеты и планы Ардіона Михайловича, и потому онъ все еще бро-

дилъ въ лабиринтъ своихъ сомнѣній и предположеній, не останавливаясь ни на чемъ рѣшительномъ относительно путей добычи.

Какъ часто бываетъ съ человѣкомъ, который въ критическую минуту полнѣйшаго отсутствія какихъ бы то ни было денегъ, начинаетъ вдругъ шарить по всѣмъ карманамъ стараго своего платья, въ чаяніи авось-либо обрѣтется гдѣ какой-нибудь забытый, завалящій двугривенникъ, хотя самъ въ то же время почти вполнѣ убѣжденъ что двугривенника въ жилеткахъ нѣтъ и быть не можетъ; такъ точно и Ардаліонъ Поляровъ, ходючи по комнатѣ, присѣлъ къ столу и почти безотчетно сталъ рыться въ ящикахъ, перебирая старыя бумаги, словно онѣ могли вдругъ подать ему какой-нибудь дѣльный, практическій совѣтъ.

Принялся онъ за это занятіе разсѣяннo, почти и самъ не опредѣляя и даже не зная цѣли зачѣмъ и для чего это дѣлается, и вотъ, перебирая машинально бумагу за бумагой цѣлый ворохъ писемъ и записокъ, адресовъ, рецептовъ, гостиничныхъ и иныхъ счетовъ, начатыхъ и неконченныхъ статей, выписокъ, замѣтокъ, наткнулся онъ вдругъ на одну свою старую и позабытую рукопись. Листы ея были за-

литы кофеемъ и частію закапаны саломъ, но рукопись эта напомнила Ардаліону то крутое время, когда откупщикъ Верхохлебовъ, послѣ самоличной ревизіи, вдругъ прогналъ его съ очень вкусной и питательной должности. Она напомнила ему время, когда онъ только что сталъ мечтать о литературномъ поприщѣ и принимался уже кое-что пописывать. Эта рукопись была даже чуть ли не первою его попыткой. Фигурировалъ въ ней откупщикъ Верхохлебовъ, въ тѣ дни либераль и патріотъ сольгородскій, какъ нынѣ все такой же либераль и патріотъ славнобубенскій. Фигурировалъ онъ въ этой рукописи своею собственною персоною купно съ сожителницами законною и незаконною, со чады и дамочадцы, и со всѣми дѣлами и помышленіями своими, со всѣмъ домашнимъ обиходомъ и явными и тайными грѣхами и провинностями, по части откупныхъ и иныхъ не совсѣмъ-то свѣтлыхъ операцій, которыя сильно пахивали уголовщиной. Писалъ тогда Полояровъ эту рукопись подъ впечатлѣніемъ свѣжихъ ранъ, причиненныхъ ему лишеніемъ питательнаго мѣста, подъ наплывомъ яростной злости и личного раздраженія противъ либерала и патріота сольгородскаго, и слѣды сей злобы явно сказывались

на всемъ произведеніи его, которое было преисполнено обличительнаго жара и блистало молніями благороднаго негодованія и паѳосомъ гражданскихъ чувствъ. Но такъ какъ въ тѣ поры, рукопись относилась къ 1857 году, — Ардаліонъ Полояровъ былъ еще писатель юный и начинающій, а извѣстно что юнымъ и начинающимъ писателямъ весьма свойственъ бываетъ пересоль увлеченія, то поэтому и онъ черезчуръ пересолить въ своемъ произведеніи всѣ благородныя и гражданскія чувства. Но въ то время все это казалось ему безусловно прекраснымъ и возвышеннымъ. Онъ гордился своимъ произведеніемъ, и желая полною неожиданностью поразить сердце Верхохлебова, переписалъ начисто и втихомолку отправилъ свое созданіе въ одну изъ редакцій. Долго ждалъ онъ послѣ того появленія его въ печати и даже писалъ письма въ редакцію, но неизвѣстно почему редакція не воспользовалась созданіемъ Ардаліона Полоярова, которое такъ и погибло въ ея непригодномъ хламѣ. Слѣдующее произведеніе Ардаліона, не касавшееся патріота съ его сожительницами и домашнимъ обиходомъ, было счастливѣе перваго; а затѣмъ вскорѣ получилъ онъ мѣсто становаго пристава, и среди новыхъ впечатлѣній и занятій,

позабылъ про свою рукопись. Такъ она съ тѣхъ поръ и лежала чернякомъ въ его столѣ, изрѣдка попадаясь случайно на глаза, при переборкѣ бумагъ, но уже не возбуждая собою никакихъ бособыхъ соображеній. Въ послѣдствіи даже самъ авторъ созналъ въ своемъ дѣтищѣ нѣкоторые недостатки, и это сознаніе не мало способствовало полному забвенію, тѣмъ болѣе что и самыя раны, нанесенныя автору патріотомъ, отъ времени успѣли затянуться.

И вотъ теперь, въ критическую минуту жизни, сидитъ Ардаліонъ надъ своею рукописью и въ разсѣянной задумчивости перебираетъ поблеклыя листы ея, прочитывая кое-какія мѣста и переносясь мыслію въ прошедшее.

Вдругъ его словно бы что-то кольнуло.

Быстро восклоняясь отъ стола, онъ приложилъ палецъ къ зубамъ и серьезно задумался.

За тѣмъ на лицѣ его отразилось нѣкоторое колебаніе, мелькнула тѣнь сомнѣнія; за тѣмъ скользнулъ яркій лучъ надежды, и наконецъ все оно самодовольно оживилось лучезарною и радостною улыбкой.

— Эврика!... Эврика по-гречески значитъ: нашелъ! воскликнулъ онъ, цѣликомъ повторяя знаменитую фразу Михайла Васильевича Кречинскаго.

Чрезъ полчаса послѣ этого, Ардаліонъ уже сидѣлъ за перепиской рукописи, значительно исправляя, сокращая и уснащая ее перцемъ и солью.

XXX. Игра въ половинки.

Чрезъ день вся эта работа была уже готова. Полояровъ отправился къ Верхохлебову и приказалъ доложить о себѣ по весьма важному „для самого барина“ и безотлагательно-нужному дѣлу.

Либераль и патріотъ поморщился при имени Ардаліона Полоярова, однакоже имѣя въ соображеніи какую-то невѣдомую важность и безотлагательность, приказалъ впустить его.

Ардаліонъ по мягкому ковру вступилъ въ кабинетъ патріота, причемъ сопровождавшій его лакей не безъ презрительной злобы покосился на его смазные сапожищи.

Славнобубенскій откупщикъ жилъ на широкую ногу. Кабинетъ его, какъ и весь домъ, носилъ яркую печать аляповатой, но спѣсивой роскоши. Тутъ все блистало бархатомъ и позолотой, точеный орѣхъ и рѣзной дубъ, ковры и бронза, и серебро въ шкафахъ за стекломъ,

словно на выставкѣ, и призовые ковши и кубки (онъ былъ страстный любитель рысистыхъ лошадей), дорогое и рѣдкое оружіе, хотя самъ онъ никогда не употреблялъ его и даже не умѣлъ имъ владѣть, но держалъ затѣмъ единственно, что „пушай, молъ, будетъ; потому зачѣмъ ему не быть, коли это мы можемъ, и пушай всякъ видитъ и знаетъ что мы все можемъ, хотя собственно намъ на все это наплевать!“ По стѣнамъ въ роскошныхъ золоченныхъ рамахъ висѣли разныя картины весьма сомнительнаго достоинства, но тѣмъ не менѣе на досщечкахъ при нихъ красовались имена Калама, Верне, Делароша и прочихъ. Всѣ эти произведенія искусства сбылъ ему въ Петербургѣ, за очень выгодный кушъ, нѣкій аферистъ, и Верхохлебовъ необыкновенно былъ доволенъ покупкой, „по крайности, стѣны не будутъ голыя, и все же дому украшенье“. И въ залѣ, и въ гостиной, и въ кабинетѣ, словомъ повсюду, гдѣ только могъ, Верхохлебовъ поразвѣсилъ масляныя и фотографическія изображенія собственной персоны, и не иначе какъ во всѣхъ своихъ медаляхъ и регаліяхъ „за пожертвованія“. Особенно въ этомъ отношеніи отличались зала и кабинетъ, гдѣ висѣли портреты его во весь ростъ „въ са-

мой государственной позитурѣ“, какъ говорилъ онъ. Слабость къ регаліямъ доходила въ немъ до того, что онъ даже сдѣлалъ какое-то пожертвованіе самому шаху Персидскому, за что и получилъ звѣзду Льва и Солнца, которую неукоснительно возлагалъ на себя во всѣхъ важныхъ и экстренныхъ случаяхъ жизни.

— Что скажете-съ? въ полъ-оборота и почти чрезъ плечо обратился онъ къ Полоярову, встрѣтивъ легкимъ кивкомъ его поклонъ.

— Скажу очень многое! со многозначительною усмшкой отвѣтилъ гость, не мало не измѣняя своему обычному, такъ сказать, Полояровскому достоинству: — у васъ есть на часъ свободнаго времени?

— Это смотря какъ: иное дѣло и на два, и на три есть, а иное — и на полсекунды нѣту.

— Ну, для моего, я надѣюсь, найдется! съ полною увѣренностью замѣтилъ Ардаліонъ: — дѣло, говорю вамъ, очень важное, и вы будете мнѣ даже весьма благодарны за то что я не пошелъ съ нимъ помимо васъ.

— Да въ чемъ дѣло-то? Вы мнѣ толкуйте прямо, а не съ подходцемъ, сказалъ Верхохлебовъ, показывая знаки нетерпѣнія.

— Своевременно узнаете, спокойно возра-

зиль Полояровъ: — намъ нужно будетъ поговорить ладкомъ, побожью, чтобы толкомъ кончить. Прикажете-ка никого не принимать пока я здѣсь.

— Да зачѣмъ же это? съ неудовольствіемъ замялся откупщикъ.

— А за тѣмъ что присутствіе лишняго человека будетъ для васъ самихъ обременительно. Вотъ увидите!

Верхохлебовъ позвонилъ и отдалъ требуемое распоряженіе.

— Вотъ это такъ! Это хорошо! одобрилъ нецеремонный гость: — теперь ужъ, не взыщите, я присяду, и вамъ посовѣтую сдѣлать то же, потому, знаете, стоя-то неловко.

И усѣвшись въ малиновое бархатное кресло, онъ вынулъ изъ боковаго кармана рукопись.

— Что это? Никакъ статья какая? прищурился Верхохлебовъ: — у меня, сударь мой, времени нѣтъ. Это ужъ оставьте!

Но Полояровъ, разъ уже добившись такого свиданья, рѣшительно не жалалъ и не могъ даже оставить дѣло и уйти изъ этого кабинета безъ какого-либо положительнаго результата.

— Эй, Калистратъ Стратилатовичъ, смотрите, чтобы не пришлось потомъ горько по-

каяться! предостерегъ онъ весьма полновѣсно и внушительно: — знаете пословицу: и близокъ локоть, да не укусишь; такъ кусайте-ка пока еще можно! Говорю, сами благодарить будете! Вы вѣдь еще по прежнимъ отношеніямъ знаете что я малый не дуракъ и притомъ человѣкъ предприимчивый, а нынче вотъ не безъ успѣха литературой занимаюсь. Полноте! что артачиться! а вы лучше присядьте, да выслушайте: это не долго будетъ.

— Проектецъ что ли какой? недовѣрчиво спросилъ Калистратъ Стратилатовичъ.

— И — да, пожалуй, въ нѣкоторомъ родѣ, есть и проектецъ. Вотъ погляжу какъ вы найдете... Одобрите ли его? Прошу прислушать!

И комфортно разсѣвшись въ глубокомъ креслѣ, да заложивъ ногу на ногу, Ардалионъ Михайловичъ не безъ внутренняго удовольствія принялся за чтеніе и читалъ, что называется, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, наблюдая, время отъ времени, изъ-подъ синихъ очковъ, какое дѣйствіе производитъ его статья на Калистрата Стратилатовича. Но въ началѣ не было замѣтно никакого дѣйствія. Верхохлебовъ даже пренебрежительно перебилъ его:

— Что это? Никакъ повѣстѣлка какая-то?... Это къ намъ неподходящее!

— Пойдите, не торопитесь! остановилъ Полояровъ: — оно только въ началѣ такъ кажется; „но подождемъ конца!“ сказалъ дуракъ какой-то. Вотъ и вы, батюшка, подождите: своевременно все выяснится, все-съ обнажится!

И чтеніе продолжалось. И по мѣрѣ того какъ продолжалось оно, оказывалось и достодолжное дѣйствіе его на либерала и патріота славнобубенскаго. Брови его сунулись, лицо хмурилось, губы подергивало нервною гримаской. Онъ то блѣднѣлъ, то наливался пунцовымъ шюномъ и дышалъ тяжело, съ какимъ-то сопѣньемъ; на лбу проступали капли крупнаго поту, а въ глазахъ выраженіе злобы и негодованія смѣнялось порою выраженіемъ ужаса и боязни.

Полояровъ очень хорошо подмѣчалъ все что дѣялось съ Верхохлебовымъ, и это обстоятельство придавало ему еще болѣе прѣти. Онъ не смущаясь ни мало, читалъ еще съ бѣльшимъ чувствомъ, толкомъ и разстановкой.

Опубликованіе подобной статьи, во всякомъ случаѣ, было бы въ высшей степени неблагопріятно и невыгодно для Калистрата Стратилатовича. Она, изъ тѣмъ винныхъ подваловъ и

изъ-подъ спуда собственной его совѣсти, выводила на свѣтъ Божій множество такихъ милыхъ дѣлишекъ, которыя либераль и патріотъ считалъ безвозвратно канувшими въ пучину забвенія. А тутъ вдругъ, нежданно-негаданно, всплываютъ они напоказъ почтеннѣйшей и благосклонной публикѣ, во всей своей цѣльности, во всемъ блистаніи своей подпольной красоты. Особенно не кстати было все это именно въ настоящее время, когда патріотъ только что сдѣлалъ новое „пожертваніе“ и, чрезъ ходатайство барона Иксъ-фонъ-Саксена и иныхъ сильныхъ людей въ Петербургѣ, ожидалъ полученія Святыя Анны на шею.

Святая Анна! Боже мой!... Онъ такъ давно и такъ сердечно мечталъ о ней, такъ томился, ждалъ и надѣялся, совершенно основательно полагая ее гораздо выше Льва и Солнца, „хотя Левъ будетъ и не въ примѣръ показистѣ“, — онъ ужъ даже призывалъ къ себѣ живописца и заранѣе заказалъ ему перемалевать на портретахъ свои регалии, чтобы выше всѣхъ прочихъ начертить Анну, — и теперь, когда Анна готова уже украсить собою его шею, вдругъ, словно съ неба свалился — нѣ-ко тебѣ! — эдакой позорный скандалище! „И хоть бы имя-то какъ-ни-

будь замаскировалъ, злодѣй, а то вмѣсто Верхохлебова, да вдругъ Низкохлебовъ — ну, кто жь не узнаетъ? И для кого еще останется хотя малѣйшее сомнѣніе?“

Верхохлебовъ уразумѣлъ ясно, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, придется ему теперь дѣлать новое „пожертвованіе“ только ужъ не въ пользу казны, и въ тайникѣ сердца своего рѣшилъ что сдѣлать его необходимо.

„Десяти тысячъ не пожалѣю, думалъ онъ, — а ужъ этой пакости не допущу!... Потому, имя мараешь... Лишь бы болѣе не запросилъ, каналья... Въ случаѣ надобности, можно и поторговаться. А какъ упрется?... Вотъ она штука-то!... Коли упрется, пожалуй что и уступишь... Эка напасть, помилуй Господи!...“

Полояровъ кончилъ.

Патріотъ отдувался, словно кузнечный мѣхъ и вытиралъ платкомъ обильный потъ со своей пунцовой фізіономіи.

— Какъ вы находите это, почтеннѣйшій Калистратъ Стратилатовичъ? не безъ гордой ироніи отнесся къ нему Ардаліонъ Михайловичъ.

— То-есть, чтò же-съ? пробормоталъ тотъ невнятно: — пашквиль какой-то... значить, пашквильями заниматься изволите... Чтò же, это похвально!

— Да не въ томъ сила-съ! Каждый занимается чѣмъ можетъ: кто отъ откуповъ наживается, плоть и кровь народную высасываетъ, а кто литературнымъ трудомъ добываетъ; дѣло это, значить, отъ талантовъ и отъ способностей, а вы скажите-ка мнѣ лучше, узнаете ли вы кого-нибудь въ господинѣ Низкохлебовѣ?

— Почему же мнѣ знать-съ!... Что вы тамъ напишете, я знать этого не могу... Откуда-жъ мнѣ!...

— Э, полноте, батюшка! Чего тутъ политику-то эту!... Давайте лучше дѣло на чистоту: эта рукопись приготовлена мною для печати и отсылается завтра же въ Питеръ въ самыхъ вѣрныхъ и надежныхъ рукахъ. Вы знаете, что вѣдь меня всѣ журналы печатаютъ, а за эту штуку обѣими руками ухватятся! Одна *Искра* то чего стоить, а ужъ о другихъ нечего и говорить!... Впрочемъ, я въ *Искру* дамъ одно только извлеченьице, а всю штуку помѣщу въ серьезномъ журналѣ. Скажите же октровенно: угодно вамъ чтобъ это все было цѣликомъ, какъ есть, пропечатано?

— Да мнѣ-то что же-съ!... Конечно... я-то, собственно, не желалъ бы... Потому что жъ

это... марать отечественную литературу такими пашквилями. Дѣло зазорное-съ!

Полояровъ нагло расхохотался.

— Да полноте вамъ, почтеннѣйшій, вилять-то!... Вѣдь мы отлично понимаемъ другъ друга! Небось, одинъ другаго не проведетъ! Скажите напрямикъ: я, молъ, не желаю чтобъ это было напечатано! тогда у насъ и разговоръ пойдетъ настоящій, значить, побожью!...

— Да вѣдь за это можно и къ суду потянуть... Это вѣдь дѣло персональное-съ, погрозился патріотъ.

— Ге-ге! Куда хватили! ухмыльнулся обличитель. — А позвольте спросить, за чтò же вы это къ суду потянете? чтò же вы на судѣ говорить-то станете? что вотъ, меня, молъ, господинъ Полояровъ изобразилъ въ своемъ сочиненіи? Это, что ли? А судъ васъ спросить: стало-быть, вы признали самого себя? Ну, съ чѣмъ васъ и поздравляю! Вѣдь нынче, батюшка, не тѣ времена-съ; нынче гласность! газеты! въ темную значить, нельзя сыграть! Почему вы тутъ признаете себя? Развѣ Низкохлебовъ то же самое чтò Верхохлебовъ?

— Не то, да похоже, возразилъ сбитый съ пункта Калистратъ Стратилатовичъ.

— Похоже да не съ рожѣ, хотя къ дѣлу и гоже, знаете, какъ говорится это, по-простому! подхватилъ Ардаліонъ.

— Но я... я могу сказать какъ дѣло было-съ, какъ вы у меня въ кабинетѣ все это, читали какъ торговались...

— Можете! согласился Полояровъ: — а гдѣ, позвольте узнать, гдѣ у васъ на все на это свидѣтели найдутся: дѣло-то вѣдь у насъ съ глазу на глазъ идетъ, а я — мало ль зачѣмъ я могъ приходить къ вамъ! Кто видѣлъ? Кто слышалъ? Нѣтъ-съ, почтеннѣйшій, ни хера вы на этомъ не возьмете! И мы вѣдь тоже не лыкомъ шиты! А вы лучше, совѣтую вамъ, эдакъ душевно, побожью! Ну-съ, такъ что же-съ? вопросительно прибавилъ онъ въ заключеніе: — говорите просто, желаете, аль нѣтъ?

— Не желаю, тихо и какъ бы стыдливо сказалъ наконецъ Верхохлебовъ, упорно глядя на коверъ сильно потупленными глазами. Въ эту минуту у него просто духъ захватило: а ну, какъ хватить, каналья, сейчасъ такую цыффрищу, отъ которой семь круговъ огненныхъ въ глазахъ заколесаются?!

— Не желаете? прищурился Ардаліонъ: — ну, такъ покупайте за тысячу рублей!

Верхохлебовъ чуть съ мѣста не вскочилъ, чуть въ глаза не расхохотался своему мучителю, чуть дуракомъ его не назвалъ. Ярославская сметка молніей озарила его голову: онъ тотчасъ же быстро сообразилъ положеніе противника, сравнительно со своимъ собственнымъ, и солидно сдержалъ себя отъ всякихъ сильныхъ и неумѣстныхъ проявленій своихъ чувствъ и мыслей,

„Эге! подумалъ онъ: малый-то, какъ видно, голякъ, щелкоперъ... Ну, другъ любезный, для тебя и тысячи, значить, ужъ больно много... Не къ рылу тебѣ деньги такія!... Не умѣешь ты ими пользоваться!“

— Хе, хе, хе! тихо засмѣялся онъ въ бороду съ шильническимъ лукавствомъ истаго кулака: — тысячу!... За чтò же-съ тутъ тысячу?... Какъ это вы легко такія крупныя суммы валяете!... У меня вѣдь не самодѣльныя, чтобы на вѣтеръ, зря, по тысячѣ кидать!... А вы не заламывайте, вы по душѣ скажите!

— Н... нѣтъ, менѣе тысячи нельзя, запнувшись, сказалъ Полояровъ, и въ голосъ его явно дрогнуло внутреннее сомнѣніе.

— Чего тутъ нельзя!... Вамъ нельзя взять, а мнѣ нельзя дать, у cadaго, значить, свои расчеты. А вы возьмите половинку? пятьсотъ?

ась? Пятьсотъ рубликовъ? Чтò вы на это скажете?

— Н-нѣтъ, пятьсотъ слишкомъ мало... Пятисотъ невозможно!...

— Эхъ, любезнѣйшій! Ну чтò вы мнѣ говорите! Вѣдь напечатать-то, такъ вамъ за нее сущую пустяковину дадутъ! Знаемъ мы тоже чтò вашему брату платять-то! Ну, чтò жь это такое? говорилъ Верхохлебовъ, взявъ рукопись и перелистывая ее да прикидывая на вѣсъ по рукѣ. — Такъ-себѣ, жиденькая тетрабочка... Ну сколько тутъ листиковъ-то этихъ? сущая бездѣлица! Поди-ка и всей-то бумаги на четверть фунта не будетъ, а вы вдругъ — тысячу! Берите-ка лучше по чести пятьсотъ! Деньги хорошія! Вѣдь экіе куши на панели не валяются... берите что ль, а то я неравно разсержусь!

— Нѣтъ, пятьсотъ мало... Ей-Богу нельзя, никакъ нельзя мнѣ! полусдавался колеблющійся обличитель.

— Ну, такъ печатайте! Мнѣ все равно!... Мнѣ это ровно чтò наплевать, коли вы чести не понимаете! рѣшительно махнулъ рукой Верхохлебовъ. — Прощайте! Извольте уходить отсюда!... Извольте!... Мнѣ некогда тутъ съ вами, поважнѣе вашего дѣла есть. Ступайте, любезнѣйшій, ступайте!

И онъ его выпроводилъ за двери.

„Что же коли напечатать ее? грустно раздумывалъ Полояровъ, очутясь уже внѣ кабинета: — вѣдь тутъ не болѣе какъ два съ половиной листа печатныхъ, а дадутъ за нихъ... ну, много-много коли по пятидесяти съ листа... и то ужъ красная плата! Значить, за все сто двадцать пять, а гляди и того меньше будетъ!... Что жъ, пятьсотъ рублей цѣна хорошая, вѣдь это выходитъ по двѣсти съ листа; да такой благодати во вѣкъ не дождешься! Ну его къ чорту, помирюсь и на этомъ!“

И онъ направился обратно къ кабинету.

А въ это самое время Верхохлебова одолевали мысли и сомнѣнія другаго рода.

„А ну какъ напечатаетъ! волновался онъ въ нерѣшительности: — вѣдь шкандалъ-то какой! шкандалище!... А тутъ Анна... а тутъ срамъ, позоръ... да и слѣдствіе, пожалуй!... Вернуть его нешто? Ужъ куда ни шла тысяча! Дамъ ему!“

И онъ тоже направился въ догонку за Полояровымъ.

Столкнулись они въ самыхъ дверяхъ.

— А, вы еще здѣсь!... Чего вамъ? окинулъ его патріотъ притворно-удивленнымъ взглядомъ,

сразу смекнувъ что фонды его не совсѣмъ еще плохи.

— Я, Калистратъ Стратилатовичъ, согласенъ, угрюмо проговорилъ обличитель.

— То-есть насчетъ чего-съ это? прищурился тотъ съ обычнымъ шильничествомъ.

— Да насчетъ пятисотъ... Ужъ такъ и быть! Для васъ только!

— Ахъ, насчетъ пятисотъ!... Да-съ; ну, такъ что же?

— Вотъ вамъ рукопись и позвольте деньги.

— Да-съ... Рукопись? Очень хорошо-съ. Такъ вы теперь согласны?... Тэкъ-съ, тэкъ-съ... Да я-то, вотъ, видите ли, не согласенъ уже: я раздумалъ.

— Какъ же это такъ, право! почти жалобно простоналъ Полояровъ.

— А такъ, что надо было не привередничать, а сразу брать тогда, когда давалъ. Вотъ оно что-съ, любезнѣйшій!

— Да нѣтъ, это вы шутите!... Давайте пятисотъ и покончимъ!

— Нѣтъ-съ, сударь мой, теперича ужъ я вамъ не дамъ пятисотъ, а не угодно ли помириться на половинкѣ? игриво предложилъ Верховхлебовъ.

„Да что жь это, дневной грабежъ, просто!“ въ отчаяніи помыслилъ Ардаліонъ, почувствовавъ себя въ нѣкоторомъ родѣ припертымъ къ стѣнѣ.

— Нѣтъ, перестаньте, Калистратъ Стратилатовичъ! уговаривалъ онъ уже чуть не просительнымъ тономъ: — ей-Богу! клянусь вамъ, меньше пятисотъ никакъ невозможно!

— Нѣ, нѣ! Полно, любезнѣйшій, полно! Что баловать-то! отрицательно замахалъ откупщикъ. Бери двѣсти пятьдесятъ, а то черезъ минуту я, можетъ, и половины-то не дамъ!

— Ну, нечего дѣлать! Получайте рукопись! съ глубоко скорбнымъ и досадливымъ вздохомъ сказалъ онъ. — Только не думалъ же я, Калистратъ Стратилатовичъ, чтобы вы были такой... Эхъ, право!

— Ну, а ты напередки думай! Это, значить, наука!

— Да ужъ что съ вами!... Вотъ вамъ тетрадка, давайте деньги.

Верхохлебовъ принялъ съ рукъ на руки Полояровскій пасквиль и внимательно поглядѣлъ на рукопись.

— Да вѣдь это бѣлякъ? спросилъ онъ.

— Бѣлякъ, Калистратъ Стратилатовичъ.

— Ну, то-то, я и вижу что бѣлякъ.

А вы мнѣ, батюшка, чернячокъ пожалуйте, а безъ того нельзя; мнѣ и чернячокъ тоже нуженъ. Доставьте прежде чернячокъ, тогда и деньги получите.

— Да на что же вамъ чернякъ-то? Не все ли равно это?

— Нѣтъ, ужъ все-таки для спокойствія... Такъ-то поблагонадежнѣе будетъ.

Полоярова покоровило. Онъ понялъ что этого гуся никакъ не проведешь.

— Хорошо-съ, я вамъ доставлю завтра утромъ, попытался вильнуть онъ въ послѣднее.

— Э, нѣтъ, милѣйшій, завтра уже будетъ поздно! отрицательно развелъ руками патріотъ.

— А вы мнѣ его сейчасъ же доставьте, не медля ни секундочки, тогда и деньги вамъ съ рукъ на руки.

Ардаліонъ согласился, на извощикѣ полетѣлъ домой за черновою рукописью. Его душила злость и досада, но въ тщетномъ безсиліи онъ только награждалъ себя названіями осла и дурака, а Верховлебову слылалъ эпитеты подлеца и мерзавца. „Двѣсти пятьдесятъ рублей — шутка сказать! — такъ-таки ни за-что изъ-подъ носа вотъ прахомъ развѣялись!... Экой

мерзавецъ! Чуть три половины не отнялъ! Три половины! Тьфу, подлецъ какой!“

Черезъ четверть часа онъ опять уже стоялъ въ откупщицьемъ кабинетѣ.

— Ну что, милѣйшій, привезли?

— Привезъ, Калистратъ Стратилатовичъ! Извольте получить.

Верхохлебовъ взялъ чернякъ и тщательно провѣрилъ его съ бѣловою.

— Да ужъ не беспокойтесь, вѣрно! Не на-
дую, повѣрьте слову! убѣждалъ его Ардалионъ
Михайловичъ. — Вы мнѣ деньги-то поскорѣе
давайте!

— Позвольте, батюшка... Деньги!... Такъ
дѣло не дѣлается. Своевременно и деньги по-
лучите; не задержу-съ, не бойтесь! А вы сперва
вотъ что, солидно предложилъ онъ съ видомъ
вполнѣ дѣльнаго, резоннаго человѣка: — из-
вольте-ка мнѣ прежде выдать такую подписку,
что вы обязуетесь ни на меня, ни на мое се-
мейство никакихъ болѣе пашквилей не писать,
во всю вашу жизнь, и что все написанное вами
въ переданныхъ нынѣ статьяхъ есть ложь и
пашквиль, одна только ваша чистая выдумка,
отъ которой вы, по совѣсти, отказываетесь, и
нигдѣ болѣе ни письменно, ни устно повторять

этой лжи не станете. Вотъ какъ вы мнѣ дадите такую подписку, я вамъ и деньги вручу-съ. Понимаете?

Полояровъ увидѣлъ что тутъ, какъ ни вертись, а ровно ничего не подѣлаешь, и потому присѣлъ къ столу и подъ диктовку Верхохлебова настрочилъ требуемую подписку.

Калистратъ Стратилатовичъ внимательно прочелъ ее, аккуратно сложилъ пополамъ и, вмѣстѣ съ двумя рукописями, заперъ въ свой массивный несгараемый шкафъ, ключъ отъ котораго неизмѣнно носилъ въ карманѣ. Оттуда же, изъ одной полновѣсной пачки (Ардаліонъ очень хорошо замѣтилъ эту полновѣсность быстрымъ и горящимъ взоромъ) отсчиталъ онъ двѣ новенькія радужныя бумажки и одну сѣрую, и съ полупоклономъ подалъ ихъ Полоярову.

— Теперича, значить, дѣло между нами чисто, сказалъ онъ съ облегченно-сіяющею фізіономіей.

— Послушайте, Калистратъ Стратилатовичъ, въ минорномъ тонѣ заговорилъ Ардаліонъ, кисло и жалостно пожимаясь, — вѣдь вы у меня, ей-Богу, за безцѣнокъ пріобрѣли, сами понимаете!... вѣдь только одна крайность моя... Вы бы что-

нибудь прибавили... право! Ей-Богу, не грѣхъ бы вамъ!... Вѣдь не разоритесь!

— Ну, ну! Не скрипи, не скрипи! Ужъ такъ и быть, куда ни шло, одну красненькую накинну! пренебрежительно утѣшалъ его патріотъ, выбрасывая на столъ десятирублевую ассигнацію.

И вдругъ захотѣлось ему, жестоко захотѣлось, до какого-то дьявольскаго зуда во всей волѣ и во всемъ помышленіи, во всемъ сердцѣ своемъ, безпощадно поддразнить Ардаліона Полоярова.

Онъ выждалъ пока тотъ положилъ деньги въ карманъ и сталъ откланиваться.

— Постой-ка, милый, постой малость самую! остановилъ онъ его: — слово тебѣ хочу сказать еще одно.

И самодовольно растопыривъ ноги и фертотъ заложа въ карманы панталонъ мясистыя руки свои, съ серіознымъ лицомъ, но нагло издѣвающимися глазами сталъ онъ глядѣть въ Полояровскую фізіономію.

— Что вамъ угодно? угрюмо повернулся обличитель.

— А мнѣ угодно сказать тебѣ что ты дура! какъ есть дура-баба несуразая! Вѣдь пойми, голова, что я тебѣ за этотъ сомый твой пашквиль

не то что тысячи, пятнадцать тысяч не пожалѣлъ бы!... Да чего тутъ пятнадцать! И всѣ бы двадцать пять отдалъ! И за тѣмъ не постоялъ бы, кабы дѣло въ крутую пошло! Вотъ лопни глаза мои, чтобъ и съ мѣста съ этого не сойти, когда лгу... А потому что какъ есть ты дура, не умѣлъ пользоваться, такъ будетъ съ тебя и двухъ съ половиною сотенокъ. Вотъ те и упустилъ всю фортуна свою! Упусти-иль!

И онъ весело и самодовольно расхохотался прямо ему въ лицо своимъ широкимъ, размашистымъ и неудержимымъ смѣхомъ. Полояровъ поблѣднѣлъ и даже зашатался отъ этого неожиданнаго удара. Лицо его перекосила злостная судорога.

— У меня... все жъ таки остались факты! проговорилъ онъ съ трудомъ и чуть не задыхаясь.

— Факты? шильнически прищурился Верховлебовъ: — нѣтъ, братъ, врешь! Вонъ они гдѣ, факты-то, у меня въ шкапчикѣ!... И только, значить, пикни ты мнѣ, такъ ничего не пожалѣю, а ужъ засужу! За бугры спроважу!... И всю подписку твою цѣликомъ пропечатаю! Ну, да теперь уже кончено! Что съ возу упало, то пропало! благодушно-плутовски махнулъ онъ

рукой: — Пошелъ, пошелъ отсюда! Проваливай, сударь! Не досугъ мнѣ съ тобою!... Ишь, сапожищами-то по ковру наслѣдилъ какъ! У меня, братъ, ковры дорогіе, одинъ поди чай стоить дороже тебя самого и со всѣми-то потрохами твоими. Ну, убирайся же, съ Богомъ, убирайся! Христось съ тобою!

И онъ, безъ церемоніи, деликатными, легонькими толчками выпроводилъ его изъ комнаты.

XXXI. Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!

Какъ представить всю великую степень той досады и злобы которыми воспылалъ Ардаліонъ Полояровъ по выходѣ отъ Верхохлебова. Онъ, дѣйствительно, почувствовалъ что лишился всей фортуны своей и кромѣ того еще дозволилъ насмѣяться и наругаться надъ собою, какому-нибудь Калистрату Верхохлебову, тогда какъ часъ тому назадъ онъ изъ этого самого Калистрата веревки могъ вить, и Калистратъ не пикнулъ бы. Хуже всего было то, что самъ Ардаліонъ чувствовалъ и признавалъ, какъ разыгралъ онъ жалкаго дурака и упустилъ изъ рукъ своихъ

львиную силу. „Какъ Исавъ... какъ Исавъ, за чечевичную похлебку! думалъ онъ: да и тотъ-то поступилъ умнѣе, потому продалъ какое-то тамъ фиктивное первенсто, а я капиталъ... капиталъ!... двадцать пять тысячъ серебромъ продалъ за двѣсти пятьдесятъ рублишекъ!“ И на глаза его чуть слезы не проступали отъ боли всей злобы его.

Послѣ такого пассажа и тѣмъ паче невозможно была оставаться въ Славнобубенскѣ: Ардаліону казалось (впрочемъ совершенно неосновательно) будто здѣсь каждая собака, каждый камень на улицѣ будетъ знать какого дурака разыгралъ онъ и какъ наругался надъ нимъ — шутка сказать! надъ нимъ, надъ Ардаліономъ Полояровымъ! — какой-нибудь кабатчикъ... Самолюбіе вопіяло. Надо было удирать поскорѣе.

Вернувшись домой, Ардаліонъ наказалъ хозяйкѣ, что кто бы его ни спрашивалъ, а особенно Затцъ и Лубянская, говорить всѣмъ „дома нѣтъ, и когда будетъ — неизвѣстно, и комната молъ заперта, и ключъ унесъ съ собою“. Послѣ таковой мѣры предосторожности, онъ спѣшно упаковался, уложилъ въ чемоданъ всѣ свои пожитки да бумаги, и принялся за письмо къ невѣстѣ. Оно гласило такъ:

„Лубянская! Васъ, конечно, удивитъ это посланіе, но удивляться тутъ въ сущности нечего. Я получилъ извѣщеніе, которое немедленно призываетъ меня къ дѣлу. Надѣюсь, вы поймете, что дѣло для насъ прежде всего. Я бы позволилъ каждому назвать себя презрѣннымъ эгоистомъ и подлецомъ, еслибы ради моего личнаго комфорта и счастья, ради моихъ личныхъ выгодъ, рѣшился пожертвовать счастьемъ милліоновъ и дѣломъ, которое составляетъ высшія стремленія людей нашего закала. Мой разумъ, моя совѣсть, наконецъ, рѣшительно воспрещаютъ мнѣ думать исключительно о себѣ тамъ гдѣ надо безкорыстно служить дѣлу. Думать и желать иначе было бы малодушно. Я люблю васъ и, сколь ни горестно это, вижу тѣмъ не менѣе что намъ необходимо разстаться. Надолго ли? Это покажетъ будущее. Если современемъ ваше чувство ко мнѣ не остынетъ, можете пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ я, вѣроятно, и останусь. Тогда отъ насъ будетъ зависѣть продолжать ли наши отношенія или нѣтъ, тогда же, глядя по обстоятельствамъ, быть-можетъ, успѣемъ и сочетаться законнымъ бракомъ. Если же вамъ понравится кто-либо другой, можете спокойно назвать его своимъ супругомъ и быть увѣренною что я ни на минуту не позволю себѣ стѣснять какими бы то ни было обязательствами вашу свадьбу. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, мы расстаемся друзьями. Пожелайте мнѣ успѣха въ нашихъ честныхъ начинаніяхъ, въ нашемъ общемъ вели-

комъ дѣлѣ. Если всѣ сѣмена, брошенныя мною на вашу почву, не пропали безслѣдно, то я съ полнымъ моимъ уваженіемъ буду считать васъ женщиной дѣла, а какъ женщина дѣла, вы не имѣете даже права выставлятъ на первый планъ ваши личныя, эгоистическія желанія и чувства, и охотно покоритесь необходимости. Постарайтесь легко перенести нашу разлуку, быть-можетъ, только временную. Современемъ, если обстоятельства позволятъ, повторяю вамъ, вы можете пріѣхать. Васъ ожидаетъ тогда новая жизнь съ неизмѣнно преданнымъ вамъ

„Ардаліономъ Полояровымъ.“

„P. S. Нарочно уѣзжаю экспромптомъ и даже не прощаясь съ вами чтобъ избѣжать лишнихъ слезъ и печалей. Дальніе проводы — лишнія слезы, знаете пословицу, а я слезъ, вообще, терпѣть не могу, какъ вамъ уже хорошо извѣстно. Вѣрьте одному, что мнѣ очень тяжело разставаться съ вами. Кланяйтесь отъ меня всѣмъ добрымъ пріятелямъ.“

Заклеивъ пакетъ и надписавъ адресъ, Ардаліонъ отдалъ письмо хозяйкѣ съ точнымъ приказаніемъ отнести его къ Лубянской завтрашній день, въ три часа пополудни.

XXXII. Въ Жегуляхъ.

На лѣвомъ берегу Волги, у протока Куньей Вóложки, окруженный темными лѣсистыми горами, пріютился городокъ Ставрополь со своими двумя каменными церковками. Начиная отъ этого городка Волга беретъ прямо къ востоку, до двухъ совершенно однообразныхъ, похожихъ одна на другую каменистыхъ горъ, которыя называются поэтому „Двумя Братьями“. Одинъ братъ стоитъ на правомъ берегу, другой, какъ разъ насупротивъ его, на лѣвомъ. Съ этого послѣдняго мѣста будетъ виднѣться уже направо, къ югу, въ голубоватой дали, городъ Самара. Отъ Самары Волга круто пойдетъ на западъ, вплоть до города Сызрани. Нѣсколько выше Ставрополя, на правомъ берегу, лежитъ деревня Жегули, и весь заворотъ Волги отъ Жегулей до Сызрани извѣстенъ подъ именемъ Луки Самарской. Въ Россіи рѣдко найдется мѣсто красивѣе горъ Жегулевскихъ, извѣстныхъ просто подъ именемъ Жегулей. На всемъ протяженіи ихъ, верстъ на восемьдесятъ, Волга, сжатая между крутизнами, словно широчайшій каналъ, течетъ ровно, прямо стрѣлой. „Словно бы она

тутъ тебѣ вразъ кнутомъ шибанута,“ говорятъ о ней мѣстные Поволжане, характеризуя прямолинейное направленіе своей „матушки“.

Дичь, глушь, тишина и величіе.

Вонъ потянулись они вверхъ, на восемьдесятъ и на сто сажень надъ рѣчнымъ уровнемъ, эти утесистые великаны: то цѣлая сплошная масса ровно тянется съ версту, словно валъ гигантской крѣпости, вся заросшая дремучимъ, темнымъ, непродорнымъ лѣсомъ; то, глядишь, плотился цѣлый рядъ скалистыхъ конусовъ, покрытыхъ, словно зеленою мерлушкой, кудрявымъ кустарникомъ. Подъемъ туда, на эти вершины, почти неприступенъ: тамъ гнѣздится соколъ, плаваетъ крупный крапчатый коршунъ, да орелъ-бѣлохвость. По дѣвственнымъ вѣтвямъ прыгаетъ большая бѣлка-бѣлянка; при корняхъ сѣро-пестрый гадъ ползаетъ, а ниже, межъ водороевъ и узкихъ ущелій, въ трущобахъ да въ берлогахъ, да въ каменистыхъ пещерахъ вырытыхъ либо водой, либо временемъ, залегаетъ черный и красноватый медвѣдь, порскаетъ лисица, рыщетъ волкъ понурый, да ходитъ человѣкъ бездомный, котораго народъ знаетъ подъ общимъ именемъ „кукліма четырехсторонней губерніи“, а самъ

онъ себя при дознаньяхъ показываетъ спокойно и просто „Иваномъ родства не помнящимъ“.

Плывешь ты внизъ по рѣкѣ, а справа по горамъ точно развалины замковъ какихъ-то разбросаны: вонъ, точно столбъ какой или обломленная колонна высится, и на вершинкѣ ея тонкое деревцо у самого края прилѣнилось, вотъ, подпертыя контрафорсами, выступаютъ остатки стѣнъ какого-то замка съ разрушенными башнями, и точно бы еще скважины бойницъ и амбразуры оконъ видны тамъ; вонъ цѣлый бастионъ выдается угломъ впередъ, и весь онъ украшенъ причудливыми нишами да колонками. И невольно даешь ты разгулъ воображенію, которое на каждомъ шагу поражается этими обломками какой-то стародавней, фантастической, вѣками изжитой уже жизни... Но... никакихъ замковъ, никакой особо фантастической жизни и ничего никогда тутъ не бывало, а всѣ эти чудеса понадѣлала природа изъ скалистыхъ известковыхъ горъ, да вѣчная Волга, которая прорыла да пробуравила въ этихъ скалахъ множество причудливыхъ пещеръ и водомоинъ. То насупятся тихія горы къ самой водѣ почти отвѣсными скалами, то разодвинутся узкимъ, глубокимъ ущельемъ, въ которомъ взоръ замѣчаетъ

другія, за другими третьи курчавыя и сизо-темныя лѣсистыя вершины. Налетитъ вѣтеръ, и пойдетъ по горамъ ровный гулъ и мягкій шумъ и шепотъ между лѣсами. Набѣжитъ гроза, и посыплются трескучіе, громоносные, долгіе раскаты, которые переливисто подхватываетъ и несетъ по дальнимъ ущельямъ гулкое, содрогающее горное эхо. Жегулевскій старецъ-отшельникъ перекрестится въ отвѣтъ „Божьему гнѣву“ и тихо зачитаетъ про себя псаломъ: „Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго“. Въ Жегуляхъ, по природнымъ пещерамъ, либо въ нарочито вырытыхъ землянкахъ, спасаются индѣ старцы-отшельники; но всѣ они люди „древляго благочестія“. Скучно и сурово-подвижнически живетъ жегулевскій старецъ, въ постѣ и молитвѣ, и дикій звѣрь его не трогаетъ, и гадъ ползучій не жалитъ. По зарямъ выходитъ онъ молиться на востокъ, и мѣрно кладетъ земные поклоны. Вотъ парохоть „бѣжитъ“ мимо, старецъ долго машетъ ему бѣлымъ ручникомъ и шлетъ свое благословеніе странствующимъ и путешествующимъ. Вонъ по низу бурлаки съ однообразнымъ, протяжнымъ стономъ идутъ бичевою, старецъ съ вершины горы своей благословляетъ труждающагося и обременнаго чело-

вѣка, и бурлакъ, завидѣвъ старца, благоговѣнно, на ходу, обнажаетъ свою облитую потомъ голову. А взобраться на вершину да глянуть окрестъ себя — Господи! что за кругозоръ откроется предъ тобой! что за даль раскинется тамъ верстъ на девяносто въ окружности! Вотъ подъ ногами, внизу, эта полоса Волги „кнутомъ шибанутая“, а тамъ, въ далекой, далекой дали „Сенгилѣвы Уши“ виднѣются. Обернись на югъ, на западъ, замѣтишь индѣ искры солнца на крестахъ церквей православныхъ. Вотъ онъ, этотъ размашистый просторъ, эта необъятная ширь свято-русская!

И долго, да самого „Царева Бугра“, до самыхъ „Двухъ Братевъ“ тянется эта безлюдная, дико и сурово-прелестная пустыня. На всемъ протяженіи ея приткнулись по рѣдкимъ лощинкамъ три-четыре деревни, и окрестъ этихъ сѣрыхъ деревнюшекъ мѣсто всегда такое хорошее, красивое, благодатное и покрытое тучною пашней, либо сочнымъ, веселымъ лугомъ. Близъ деревень, по берегу рѣки, у подножія нѣкоторыхъ скалъ, крестьяне мѣстами жгутъ известь и промышляютъ ею. Сказываютъ тоже иные изъ усольскихъ и жегулевскихъ мужиковъ, будто въ горахъ, кромѣ извести да сѣры, есть и золото

самородное; но слова ихъ никѣмъ еще не про-
вѣрены на дѣлѣ.

Теперь по Волгѣ то и дѣло „бѣгають“ па-
роходы, и потому бурлакъ спокойно себѣ тянетъ
бичеву Жегулями, и спокойно плыветъ мимо
ихъ расшива и бѣляна, а еще не далѣе какъ
лѣтъ двадцать назадъ Жегули, это классическое
мѣсто волжскихъ разбоевъ, были далеко не бе-
зопасны. Вдругъ, бывало, надъ гладью рѣки
раздастся зычно молодецкое *сарынь на кичку!* и
судохозяинъ вмѣстѣ съ батраками, въ ужасѣ,
ничкомъ падаетъ на палубу и лежитъ непод-
вижно пока въ его суденышкѣ шарятъ, хозяй-
ничаютъ да шалятъ вольные ребята.

Но если оживленнѣе стало на рѣкѣ, то въ
горахъ, по-стародавнему, все та же тихая, див-
но-дикая пустыня. Тутъ гулялъ нѣкогда „бат-
юшка“, котораго понизовскіе Поволжане обзы-
ваютъ въ разсказахъ „Стенькой“, или чествуютъ
и величаютъ по изотчеству „Тимоѣеичемъ“. Вамъ
и теперь укажутъ въ Жегуляхъ нѣсколько горъ
да овраговъ которые называются Стенькиными
горами и Стенькиными оврагами. Здѣсь всецѣло
живутъ богатые преданія о понизовской воль-
ницѣ, потому что и обселили-то эти мѣста все
больше бѣглецы изъ помѣщичьихъ да монастыр-

скихъ крестьянъ, да кое-кто изъ служилаго люда, словомъ, тотъ народъ который въ устахъ своихъ теперешнихъ потомковъ, когда ихъ спрашиваютъ про предковъ, характеризуется словами, что „былъ, молъ, это всякій сбродъ да наволока“.

Надъ Жегулями собирались тучи. Въ лѣсу было сумрачно и такъ тихо, какъ будто все что ни есть въ природѣ притаило дыханье. Листъ шелестя упадетъ съ дерева, птица пугливо затрепещетъ крыломъ, сухая хворостинка хрустнетъ подъ ступней зайца — всѣ эти звуки чутко слышатся въ пригнетенномъ, недвижномъ воздухѣ. Надъ горами скапливалась гроза — первая весенняя гроза. Дѣло шло къ вечеру: былъ часъ восьмой въ началѣ. По лѣсу брели два человека, одѣтые въ простыя сермяги, съ небольшими котомками за плечами. Опираясь на свои самодѣльные дубинки, они ступали довольно бодро и видимо торопились добратъся, пока до грозы, къ какому-нибудь жилью.

Вдругъ зашумѣло и загудѣло по лѣсу, и этотъ мѣрный и ровный гулъ, начавшись гдѣ-то издавеча, побѣжалъ по лѣснымъ пространствамъ, пригнетая деревья на вершинахъ и сердито воя по ущельямъ. Только на днѣ глубокихъ овра-

говъ, залегшихъ котловинами между горъ, было все тихо и глухо: туда не залеталъ горный вихрь. Стрижи да чайки, учуя бурю, низко-низко замелькали зигзагами надъ рѣкой, черпая воду своимъ острымъ крыломъ. Воронье тревожно закаркало и стаями съ разныхъ концовъ потянуло куда-то на югъ, а гуль все шелъ да шелъ по лѣсамъ, и слышался въ немъ скрипучій и рѣзкій трескъ ломающихся стволовъ и сучьевъ, Лѣсная сова одиноко гукала на какомъ-то деревѣ, и въ этомъ гуканьи было нѣчто такое жалобное и похожее на дѣтскій больной стонъ, что прохожихъ невольно хватала за сердце пугливая тоска. Вдругъ въ лилово-свинцовой тучѣ какою-то судорогой затрепетала молнія, и съ быстро прерывистымъ трескомъ брызнулъ изъ нея бѣлый огонь внизъ на горную вершину. Въ ту жь минуту, съ того самого мѣста гдѣ упалъ онъ, пока еще громовые раскаты перекликались по ущельямъ, закурился бѣлый дымокъ: какое-то дерево загорѣлось. Нѣсколько тяжелыхъ капель шлепнулись на листья. Дрогнула еще одна молнія въ другомъ концѣ неба, и сразу послѣ нея зашумѣлъ частый и крупный ливень. Съ этимъ мгновениемъ какъ будто немножко полег-

чало въ природѣ: дождевая влага разрѣжала насыщенную электричествомъ сухость воздуха.

Путники спускались въ оврагъ. По глинистому дну его бурлилъ и крутился пѣнисто-мутный ручей, взбученный дождевою водою, и въ немъ кружились и стремительно неслись внизъ оторванные листья, сучья, вѣтви, корни и комья земли да глины, сейчасъ только отмытыя отъ грунта.

Вдругъ, въ срединѣ ската, у подошвы каменистой скалы, путники замѣтили человѣческую фигуру. Это былъ высокій, босой старецъ въ длинной, холщевой рубахѣ, съ обнаженною, лысою головой, который спокойно глядѣлъ на небо и медленно крестился. Вѣтеръ извѣвалъ остатки его волосъ и длинную, совсѣмъ сѣдую бороду.

Въ первое мгновеніе оба путника даже вздрогнули и отступили шагъ назадъ: до того было неожиданно и странно это внезапное появленіе такой необыкновенной человѣческой фигуры, подъ страшною грозой, въ этой дикой пустынѣ.

— Э! жегулевскій старецъ! оправясь отъ внезапнаго впечатлѣнія и отчасти обрадовавшись, сказалъ своему товарищу тотъ который казался постарше.

— Гей! дѣдушка! закричалъ онъ вслѣдъ

за тѣмъ, слясь перекричать гуль бури: — пусти, Христа ради, переждать грозу!

Тотъ повернулъ на крикъ голову и сталъ вглядываться да вслушиваться: кто зоветъ и что кричатъ ему?

— Грозу переждать пусти! еще громче повторилъ путникъ.

Старецъ призывно замахалъ имъ рукой и знаками силился указать тропинку по которой слѣдуетъ спуститься.

Путники уразумѣли, и хватаясь одною рукой за мокрыя вѣтви, а другою опираясь на дубинки, осторожно стали сходить внизъ по крутому и скользкому скату.

— У него вѣрно тутъ землянка гдѣ-нибудь, сказалъ старшій: — смотри, входя, не забудь перекреститься, а то выгонить, пожалуй. Съ этимъ народомъ надо умѣть ладить: народъ нужный. Ужъ я немножко успѣлъ изучить ихъ!

Спутникъ не отвѣчалъ, но къ свѣдѣнію принялъ.

Еще не доходя нѣсколько шаговъ до старца, передній почтительно снялъ свою шапку и низенько поклонился: „лучше пересолить чѣмъ не досолить“, думалъ онъ. Товарищъ его неу-

жоснительно повторялъ все то что продѣлывалъ набольшій.

— Миръ вамъ! степенно и просто поклонился старецъ: — переждите пока.

— Впусти, дѣдушка! Мы люди добрые, молвилъ старшій.

— Коли добрые, и того лучше, опять поклонился тотъ: — а и злой человѣкъ такъ все одно же: злomu человѣку взять съ меня нечего! Войдите Бога-для! Милости просимъ.

— Благослови, дѣдушка!

И старшій, склонясь предъ старикомъ, прошелъ вмѣстѣ съ товарищемъ въ узкій проходецъ завѣшенный простою цыновкой.

Это была пещера высѣченная самою природой въ глубинѣ известково-каменистой скалы. Внутренность ея слабо освѣщала огонекъ неугасимой лампы предъ образами очень древняго письма, которые помѣщались на деревянной полочкѣ, вдѣланной въ каменную стѣну. По другой стѣнѣ держались двѣ другія полочки: на одной лежало нѣсколько книгъ въ древнихъ кожаныхъ переплетахъ съ застежками; на другой — коровай пшеничнаго хлѣба, да съ десятокъ луковокъ и кой-какая скудная деревянная посуда. Въ углу была свалена грудка карто

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

И

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

ПОИ

Обрубокъ пня, перетащенный сюда изъ лѣсу, замѣнялъ столъ, а ворохъ сѣна, покрытый старенькимъ овчиннымъ тулупомъ, служилъ постелью старцу-отшельнику.

— Вотъ гроза перейдетъ, разложимъ бостеръ, сказалъ старецъ, — тогда обсушитесь, а пока — Господь съ вами!... Посидите на постели-то...

— Эка непогода! ужасъ просто замѣтитъ младшій: — и съ чего это вдругъ подвѣло?

— Божья благодать! простодушно и кратко молвилъ старецъ: — какъ хлѣба-то пойдутъ!... Землѣ прохлада и насыщеніе. Дары-то такая стояла все!...

И онъ пошелъ изъ пещеры.

— Дѣдушка, вѣдь тебя ничуть не боитъ?

— Э, милый! гроза — Божья сила!... Богъ съ небеси, значить, всяку тварь живую святою водой своею кропитъ. Въ это время молиться надо.

И онъ скрылся по ту сторону шлановки.

— Послушай-ка, Шишкинъ, штука хорошая! шепотомъ началъ Свитеа, чуть лишь они остались одни: — вѣдь эти старцы имѣютъ огромное вліяніе на народъ! къ нимъ вотъ сюда и подаваніе приносятъ, и за советомъ, и за поученьемъ идутъ. Кабы этому стар-

цу-то, что-называется, очки втереть? Настроить бы полегоньку на такой ладъ чтобы самъ подходящую пѣсенку запѣлъ?... А?... Что ты на это скажешь?

— А что жь, надо воспользоваться! согласился Шишкинъ: — только съ чего начать? Какъ приступить-то?

— Ну, тамъ увидимъ! Къ чему-нибудь приступимся.

Гроза все еще продолжалась, но дождь шумѣлъ уже тише и ровнѣе, припускаясь иногда только на минуту съ новою, тревожно напряженною силой и опять ослабѣвая. Блескъ молніи не залеталъ въ пещеру, и громовые удары слышались въ ней глухо. Казалось, будто вся эта сила гудитъ и гремитъ гдѣ-то тамъ, выше, надъ землею, а здѣсь — такая тишина, миръ и спокойствіе въ этомъ ровномъ, кроткомъ, колеблющемся мерцаніи лампы, озаряющей темные, сурово-святые строгіе лики. Но вотъ громовые удары стали все рѣже и глуше, и мѣрный шумъ дождя, все болѣе слабѣя, почти прекратился.

Вскорѣ отшельникъ снова появился къ кельѣ.

— Ну, что гроза, дѣдушка?

— Перешла, слава Господу!... Пошла те-

перь туда на востѣкъ, на Самару, а на закатѣ расчистило... Солнышко садится.

Путники выглянули изъ-подъ цыновки.

Въ воздухѣ разлилась живительная свѣжесть, вмѣстѣ съ тихою вечернею прохладой. Листва стала какъ-то крѣпче и темнѣе, словно вся она подбодрилась, вымылась, напилась и напилалась во время грозы, и теперь, такая сочная, свѣжая и нарядная, спокойно готовится къ ночи, на сонъ грядущій. Тамъ, вдали, на востокѣ, и земля, и небо, и рѣка, все было темно и подернуто сизо-свинцовымъ колоритомъ. Уходящія тучи, въ которыхъ порою все еще судорожно вздрагивали зеленовато-бѣлыя и лиловыя молніи, красовались тѣми разнообразно-суровыми и красивыми тонами, которыми всегда бывають окрашены разорванные облака удаляющейся сильной грозы. А на западѣ все небо, весь воздухъ, и вода, и скалы, и верхушки деревьевъ были залиты ярко-розовымъ, золотистымъ блескомъ заката. Прямо надъ головой висѣло далеко-далеко ушедшее въ глубь густо-синее небо, по которому кое-гдѣ неслись еще разорванные клочья бѣлыхъ, полупрозрачныхъ облаковъ. Вся природа бодро и тихо дышала какою-то неизъяснимою прелестью

и могуче-спокойною силой молодой, обновленной жизни.

Оба путника слышали вздохъ и обернулись. За ними стоялъ старецъ и глядѣлъ вдаль, на закатъ, на горы и воды, играющія золотыми, струистыми полосами. На лицѣ его стояла безмятежная, свѣтлая улыбка.

— Ну, вотъ, дѣтушки, теперь и костеръ разложимъ, пообсушимся да картошки подваримъ, дѣло-то и ладно будетъ!

И онъ на нѣсколько сажень опустился въ оврагъ. Тамъ находилась другая небольшая пещерка. На полу сложенъ былъ валежникъ, сухое листьё да дрова, а подъ потолкомъ сережками подвѣшены связки вяленой рыбы аблы, которую поволжане зовутъ „ваблой“, мерёжи да лесы съ удочками. Старикъ иногда занимался рыболовствомъ. Онъ притащилъ теперь изъ своего запаснаго магазина связку сухой аблы да охапку хвороста и разложилъ костеръ на площадкѣ, предъ входомъ въ свою келью. Двѣ-три пригоршни прошлогоднихъ листьёвъ, подожженныхъ съ помощію трута, быстро, занялись пламенемъ; огонекъ затрещалъ и побѣжалъ по прутьямъ, изъ костра закурился ѣдкій, бѣлый дымокъ. Чрезъ нѣсколько минутъ валежникъ

жарко разгорѣлся. Старикъ подвѣсилъ надъ нимъ на треногѣ небольшой котелокъ съ водой и картофелемъ и, вмѣстѣ съ гостями своими, присѣлъ на корточкахъ поближе къ огню, сушиться. Тѣ ждали что онъ начнетъ спрашивать ихъ что за люди, откуда и куда путь держать и зачѣмъ идутъ: но старикъ и не подумалъ предложить хоть одинъ изъ подобныхъ вопросовъ. Это все было для него дѣло совсѣмъ постороннее, чуждое, мірское; онъ зналъ только что къ нему пришли два человѣка просить гостепріимства, и радушно предложилъ имъ все что могъ, какъ предложилъ бы каждому кто пришелъ бы къ нему за этимъ.

— Что, дѣдушка, въ пустынѣ-то? спросилъ Василій Свитка.

— Хорошо, милый человѣкъ, хорошо! Тихо!

— И не страшно тебѣ?

— Зачѣмъ страшно? Человѣкъ одного только гнѣва Божьяго да дня суднаго страшиться долженъ.

— А звѣрь всякій? а змѣи? вѣдь тутъ ихъ, всего этого страсть! подхватилъ Шишкинъ.

— Звѣрь не трогаетъ и змѣя не кусаетъ, потому имъ отъ Бога такой предѣлъ положенъ. Звѣря ты не тронь, и онъ тебя не тронетъ.

Онъ на этотъ счетъ тоже справедливый. Ну, опять же кто Бога знаетъ, тому по Писанію „дадеса власть наступити на змію и скорпію и на всю силу вражію“. Значить, чего жъ тутъ страшиться? Надо только вѣру имати. Отъ Господа вся возможна суть.

— И въ міръ не хочется? спросилъ Свитка.

Старець тихо поглядѣлъ на него, и взглядъ его словно бы выразилъ: чего это малый пытается-то блазно?

— Въ міръ? молвилъ онъ, помолчавъ немного: — да чтò въ міру-то дѣлать? Я и тутъ въ мірѣ... Вотъ онъ, міръ Божій окрестъ меня... Чего же еще-то?

— Да, чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ лучше, замѣтилъ Шишкинъ: — теперь въ міру-то Богъ вѣсть чтò дѣлается!... Кажись, никогда еще такого не бывало... Вѣру, дѣдушка, обижаютъ!

Старикъ внимательно поглядѣлъ на юношу.

— Вѣру? Какую вѣру-то?

— Нашу, дѣдушка, нашу! Христіанскую.

— Кто жъ обижаетъ-то?

— Какъ кто!... Извѣстно, начальство, власти...

Тотъ, прежде чѣмъ отвѣтитъ, еще разъ внимательно поглядѣлъ на обоихъ.

— За что жь имъ свою-то вѣру обличать? возразилъ онъ: — они, напротивъ того, блюдутъ свою вѣру-то; имъ не стать обижать ее.

— Да имъ это все одно, дѣдушка!

Старикъ тихо улыбнулся. „Молодо — зелено“, сказала улыбка его.

— Нѣтъ, чадушко, не все одно! вздохнулъ онъ: — ты какую вѣру разумѣешь-то? Вѣры есть разныя, и всяка себя православной нарицаетъ. Кабы нашу вѣру обижать, ну это дѣло иное, потому вѣра наша старозаконная. Она же просія древле съ южныхъ старанъ, отъ Кіева града. А нынѣ пошла все вѣра искаженная. Одни только наши отцы что живутъ въ Нѣмцахъ да въ Туркахъ, прости Господи, остались невредимы въ вѣрѣ-то. А спаслись они по старымъ книгамъ, которыя писаны прежде Никона патріарха. А которые и по Россіи живутъ, такъ и тѣхъ, слышно, нынѣ не трогаютъ. Да и что же трогать, коли они, по Писанію, крыяхуся въ горахъ и вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ, и никому никакого зла не творяху?

— Э, дѣдушка, да мало ли гоненій на васъ бывало! Такъ неужто же все это терпѣть!... Да до коихъ же поръ?

— А что же, милый? Гоненьевъ точно что

много было. Ну, гонимы — и терпимъ; хулимъ — утѣшаемся о Господѣ нашемъ. Упованіе наше Отецъ, прибѣжище наше Сынъ, покровитель есть Духъ Святъ и защита наша есть самъ Спаситель, равно соцарствующій Святой Троицѣ. Ты вотъ такъ строптиво мыслишь: до коихъ, молъ, поръ терпѣть-то?... А что сказано-то? Сказано: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“. Значить, и терпи.

— Да; вотъ какъ Поляки, напримѣръ, тѣ тоже такъ разсуждаютъ, сказалъ Свитка: — ихъ тоже въ Польшѣ ужъ какъ вѣдь мучаютъ! И казнятъ, и огнемъ жгутъ, и въ Сибирь ссылаютъ тысячами, а они все терпѣли и терпятъ... Только собираются всѣмъ народомъ въ церковь Богу молиться за свое горе, чтобы Богу избавилъ ихъ, а въ нихъ тутъ, въ самомъ же храмѣ Божьемъ, изъ ружей стрѣляютъ, штыками колютъ, и женщинъ, и малыхъ дѣтей, всѣхъ безъ разбору!

Старикъ сострадательно покачалъ головой.

— Кто жъ это ихъ такъ-то? спросилъ онъ.

— Какъ кто! Да все наши же, Русскіе!... Солдаты... начальство.

— Ну, нѣтъ, малый! Это ты, должно, блазное слово молвишь! Чтобы русскій человѣкъ

малыхъ ребятъ сталъ штыкомъ колоть, этого ни въ жизнь невозможно! Вотъ у насъ, точно что бывало, злотворцы наши, чиновники земскіе понаѣдутъ, молельни позапираютъ, иконы святыя отберутъ, иной озорникъ и надругательство какое сотворить, это все точно бываетъ объ иную пору, а чтобы бабъ съ ребятами въ церкви колоть, это ужъ неправда!

— Чего неправда! горячо подхватилъ Шишкинъ: — а вотъ недавно еще, съ мѣсяцъ назадъ, въ Славнобубенской губерніи, въ Высокихъ Снѣжкахъ, помѣщики да генералы съ солдатами по-мужикамъ стрѣляли! Сколько народу-то перебили, говорятъ! Страсти просто!

— Для чего жъ это они стрѣляли? недоувѣрчиво спросилъ старецъ.

— А такъ вотъ! Здорово живешь!

Тотъ, съ видимымъ недоувѣріемъ, сомнительно покачалъ головою.

— Нѣтъ, что-нибудь да не такъ, сказалъ онъ: — здорово живешь стрѣлять не станутъ... Бывалъ я въ тѣхъ мѣстахъ, знавалъ и Высокіе Снѣжки, хорошее село. Только тамъ вѣдь больше все, почитай, народъ никоніянецъ живетъ... За что же въ нихъ стрѣлять-то? Помѣщику своихъ крестьянъ морить — себѣ же убытокъ.

— А за то за самое что имъ теперь волю дали! Помѣщики злы на это!

— Хм... Да вѣдь кто же волю-то далъ? Вѣдь Царь далъ? А солдаты чьи? Все царскіе же? Такъ какъ же жь это Царь пошлетъ солдатъ бить крестьянъ за свою же волю? Это ты, малый, не вѣсть что городишь! Тутъ вѣрно что-нибудь да не такъ!...

— Да вѣдь бьютъ же, напримѣръ, хоть тѣхъ же самыхъ Поляковъ, ни за что ни про что! подвернулъ Свитка свое слово.

— Поляковъ коли и бьютъ, такъ за то что Полякъ бунтуетъ, увѣренно возразилъ старикъ. — Онъ еще издревле мутитъ землю Русскую, за то его и бьютъ... Поляка, малый, бьютъ за дѣло. А впрочемъ, не нашему разуму судить про то! рѣшительно завершилъ старикъ: — и вы меня, милые, такими рѣчами не блазните! не смущайте меня!... Я этихъ самыхъ дѣлъ не знаю, и не вѣрю вамъ, и слушать не желаю!... Мнѣ не о томъ надлежитъ помышленіе имѣть! А вотъ и картошка никакъ попѣла! заглянулъ онъ въ котелокъ: — вотъ и поѣдимъ съ рыбицей. Ышьте себѣ, ничтоже сумнящися! Милости просимъ!

Онъ отдѣлилъ себѣ въ особую посудинку

нѣсколько картофелинѣ, а остальные подвинулъ гостямъ своимъ. И всѣ молча, съ молитвой, по примѣру старика, принялись за ужинъ.

Наступила уже ночь, а съ ея тишиной стало ощутительнымъ то особенное явленіе, которое лѣтомъ всегда замѣчается на Волгѣ: вдругъ, откуда-то съ юга, пахнетъ въ лицо тебѣ струя теплаго, сильно нагрѣтаго воздуха, обвѣтъ всего тебя своимъ нѣжащимъ, мягкимъ дыханіемъ, то вдругъ, вслѣдъ за тѣмъ, съ сѣверо-востока рѣзкимъ холодкомъ потянетъ, и опять, спустя нѣкоторое время, теплая струя, и опять холодокъ, а въ промежуткахъ — ровная тишь и мягкая ночная прохлада. Изъ-за горъ показался край полного мѣсяца въ темно-синемъ, чистомъ небѣ, и сквозь необыкновенно прозрачный воздухъ, на золотистомъ дискѣ этого мѣсяца отчетливо и рѣзко вырисовывались черныя вѣтви молодыхъ деревьевъ на той вершинѣ изъ-за которой онъ прорѣзывался. Гдѣ-то и волга тихо стонала; дикія утки крякали изрѣдка подъ берегомъ, а по водѣ, волнистыми струями, начинали бродить прозрачные туманы. И тихое безмолвіе жегулевской ночи нарушалось иногда только мѣрнымъ шумомъ парохода, который выбрасывалъ изъ трубы мириады красныхъ

искорокъ, длинною полосой кружившихся змѣйками за кормою.

Путники улеглись въ пещерѣ, а на площадкѣ долго еще молился жегулевскій старецъ, кладя положенное число земныхъ поклоновъ, и — пока до сна — разсѣянное ухо молодыхъ людей слышало слова благоговѣйной молитвы: „Боже, милостивъ буди ми грѣшному!... Боже, направи мя на путь Твоея святыя истины и отъ злыхъ избави, и отврати помыслы отъ лукаваго, да ничѣмъ же смущаемъ предстану предъ Тобою!“

XXXIII. Золотая грамота.

Утро встало тихое, сіяющее. День былъ воскресный. Судя по солнцу, должно-быть, былъ уже часъ одиннадцатый. Путники спускались съ горы въ лощину, гдѣ засѣла небольшая деревнюшка, дворовъ въ сорокъ. Еще издали можно было легко отличить кабакъ по той пестрой кучкѣ народа которая стояла и галдила предъ крылечкомъ... Кабачная изба глядѣла наряднѣе прочихъ. Между сѣрмягой и пестрядью ярко выдѣлялся кое-гдѣ розовый, желтый и голубой ситецъ, давая чувствовать собою каждому что день дѣйствительно былъ праздничный. У ка-

бака стояла небольшая крашеная телѣжка въ одну лошадку, въ какихъ обыкновенно ѣздятъ малой руки управляющіе, сельскіе попы да прикащики хлѣбныхъ торговцевъ, скупающіе товаръ на мѣстѣ. Сытая лошадка стояла безъ привязи, потупя голову, и терпѣливо отмахиваясь хвостомъ отъ докучливой волжской мошки. Встрѣченные лаемъ собакъ, отмахиваясь отъ нихъ дубинками, вступили путники въ деревню и прямехонько направились къ кабаку.

— Съ праздничкомъ, господа честные! мимоходомъ поклонились они кучкѣ народа, взбираясь на крылечко.

И васъ съ тѣмъ же! отвѣтили имъ: — откуда Богъ несетъ?

— Съ подѣ-Новодѣвичья... Пока до Самары бредемъ.

— А что такъ?

— Да такъ... бурлачили, да животомъ заболѣли подѣ Новодѣвичьимъ-то... Прикащикъ и покинулъ... Теперь бредемъ, пока Богъ дастъ что.

— Ну, помогай вамъ Христось!

И они прошли въ кабачную горницу, разсѣлись въ уголку предъ столикомъ и спросили себѣ полштофъ. Предъ стойкой, за которою

возсѣдала плотная солдатка-кабатчица, въ пестрыхъ ситцахъ, стояла кучка мужиковъ, съ которыми вершилъ дѣло захмелѣвшій кулакъ, въ синей чуйкѣ нѣмецкаго сукна. Рѣчь шла насчетъ пшеницы. Повидимому, только что сейчасъ совершенно было между ними рукобитье, и теперь запивались магарычи. Свитка досталъ изъ котомки гармонику и заигралъ на ней развеселую пѣсню.

Шишкинъ молодецки хватилъ шкаликъ, подщелкнулъ языкомъ, поморщился и крякнулъ да закусилъ со стойки сухарикомъ, и залихватски запѣлъ подъ гармонику:

Какъ злодѣюшка чужа жена
Да прельстила добра молодца меня,
За колѣчушко я брякъ! брякъ! брякъ!
А собачушка-то тяфъ! тяфъ! тяфъ!
А сердечушко-то іокъ! іокъ! іокъ!
А какъ мужъ во дворъ да скокъ! скокъ! скокъ!
Мою спинушку набухали,
Что четырьми ли обухами,
А какъ пятый-то кистень
По бокамъ моимъ свистѣлъ.
Ой, свись! свисть! свисть!
Плетка хлысть! хлысть! хлысть!

— Эка черти! Важно! важно! крикнулъ прикащикъ подернувъ плечомъ и стукнувъ кулакомъ по стойкѣ. — Тетка! Ставь еще сладкой водки!

Заслыша звуки гармоникъ, въ кабакъ навалила и та кучка народу что галдила предъ крилечкомъ. Солдатка привѣтливо ухмылялась, чуя хорошую выручку. Путники межъ тѣмъ, не обращая вниманія на новыхъ слушателей, продолжали свое дѣло. Свитка перемѣнилъ пѣсню и заигралъ новую. Шишкинъ съ тою же молодецкою ухваткой, выразительно подмигивая нѣсколькимъ молодыцамъ да дѣвкамъ, ухорски подхватилъ ее:

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
 Золотой гребешокъ!
 Зачѣмъ рано встаешь,
 Голосисто поешь,
 Голосисто поешь,
 Съ милымъ спать не даешь?
 И я встану ли, младшенька,
 Ранымъ рано ли, ранешенько,
 Я умоюсь ли, младшенька,
 Бѣлымъ мылицемъ бѣлешенько
 Я взойду ли подъ насѣсточку,
 Пѣтушка возьму за крылышко,
 За правильное за перышко.
 Я ударю объ насѣсточку:
 Еще вотъ те пѣтушокъ,
 За ночной за смѣшокъ!
 Зачѣмъ рано встаешь,
 Голосисто поешь,
 Голосисто поешь,
 Съ милымъ спать не даешь!

— Ишь ты, какъ бурлаки-то пѣсни играютъ! восхищались въ кучкѣ народа: — Ай, лядъ же дери ихъ!... Хорошо, робя!... Что и говорить!... И отколь это такіе расвеселые!

Пѣсни, видимо, душевнымъ образомъ располагали народъ въ пользу двухъ бурлаковъ. Надо было еще болѣе завладѣть этимъ хорошимъ, привѣтливымъ расположеніемъ чтобы тѣмъ успѣшнѣе подготовить начало дѣла.

Шишкинъ подмигнулъ товарищу, налилъ еще немного изъ полуштофа и запѣлъ новую:

Ой, чобъ! чеба-чобъ!
 Чеботочки мои!
 Черевички невелички,
 Алы бархатныи!
 Ужъ я вышла молода
 За новыи ворота, —
 Черевички скрипятъ,
 А молодчики глядятъ.
 Ахъ, молодчики глядятъ —
 Все гулять со мной хотятъ,
 Меня въ гости зовутъ,
 Въ карманъ золото кладутъ.

— Ай, лихо играютъ!... Молодцà! ей-ей, молодцà!... Веселые! замѣчали слушатели: — и съ чего это ихъ такъ раззудило?

— Съ воли радуемся! обратился къ мужикамъ Шишкинъ: — потому нынѣ, ребятушки,

совсѣмъ ужъ пошла вольная воля! Слышали, братцы?

— Чего этта?... Волю? Какъ-ста не слышать!... По церквамъ читали.

— Ну, это не та что по церквамъ, это совсѣмъ особая!

— Какая особая? недоумѣло переглянулись въ кучкѣ.

— Напольоновская! Вотъ какая! подхватилъ Свитка: — Императоръ Наполеонъ Третій Бонапартъ подарилъ эту волю.

— Эка чудовый парень! ухмыльнулись нѣкоторые изъ слушателей: — Банапаръ... анпираторъ!... Какой-те Банапаръ? Что толкуешь-то, несуразый!

— А то и толкую! Слышали, братцы, про Крымскую войну? про Севастополь-то?

— Какъ-ста, не слыхать!... Некрутчина тогда большая была...

— Ну, такъ вотъ, противъ васъ тогда воевалъ Французъ...

— И Турка! подсказалъ кто-то изъ кучки.

Свитка глянулъ туда и замѣтилъ отставнаго солдатика въ заплатанномъ солдатскомъ пальтишкѣ.

— Ну да, и Турка, согласился онъ: — такъ

вотъ, Напольйонъ съ тѣмъ только и мировую подписалъ съ нашимъ Государемъ, чтобы мужичкамъ безпремѣнно волю дать, а коли не дашь, говорить, такъ будемъ опять воевать, и все ваше царство завоюемъ.

— Ишь ты, какъ! замѣчали озадаченные слушатели: — да что-жь это ему такая объ насъ забота? Съ чего это?

— Потому и забота что онъ — добродѣтельный человѣкъ, и хочетъ чтобы всѣ вольные были. Вотъ, сказываютъ, и Поляковъ тоже освободить велѣлъ.

— Поляковъ? — подхватилъ солдатикъ: — ну, ужъ это совсѣмъ напрасно! Полякъ глупъ, его напротивъ въ струнѣ надо содержать, а безъ того сейчасъ забунтуетъ.

— Эхъ, голова! какъ это такъ легко сказать! горячо вступился Свитка: — если намъ съ тобой хорошо жить на свѣтѣ, и никто насъ не обижаетъ, развѣ мы станемъ бунтовать? да Господи помилуй! Зачѣмъ намъ это?

— Ну, такъ то мы, а то Поляки! возразилъ солдатикъ.

— Да развѣ не все одно это?

— Нѣтъ, не все! Ужъ про Поляка ты мнѣ лучше и не говори. Поляка, братъ, я знаю,

потому въ этой самой ихъ Польшѣ мы три года стояли. Первое дѣло — лядащій человѣкъ, а второе дѣло, что на всю-то ихъ Польшу комаръ на хвостѣ мозгу принесъ, да и тотъ-то бабы расхватили!

Въ кучкѣ отзывчиво, дружно и весело раздался смѣхъ удовольствія. Очевидно, слово пришлось по сердцу.

У Василия Свитки при этомъ только слегка подернуло мускуль справа надъ верхнею губой.

— Н-да, вотъ тамъ толкуй какъ знаешь, продолжалъ онъ: а Напольйонъ все-таки приказалъ волю дать, — и дали! а кабы не онъ, быть бы намъ вѣчно крѣпостными!

— Пстой, парень!... Пстой... Ты это не того, разводя руками вмѣшался въ разговоръ захмелѣвшій прикащикъ: — мы тоже на этотъ счетъ небезызвѣстны!... Намъ старики тоже сказывали, какъ въ двѣнадцатымъ годѣ этого самага Бонапартія мы метлой изъ Расеи погнали; и онъ, значить, за это за самое, опричь одной злобы, ничего къ намъ питать не можетъ!

— Тотъ-то былъ дядя, сказываютъ! возразилъ Свитка: — а теперь на тронѣ сидитъ племянникъ, и онъ разсуждаетъ по-христіански: ваши мужички, говоритъ, моего дядю обидѣли,

а я хочу имъ за зло добромъ заплатить, и потому пускай всѣ будутъ вольные. Вотъ онъ какъ разсуждаетъ!

— Нѣтъ, братъ, стой! подошелъ къ столу солдатикъ: а зачѣмъ же онъ, коли такъ, эту Крымску кампанію свою затѣялъ? Сколько народу-то покалѣчилъ у насъ? Коли онъ такой сердобольный, такъ онъ бы лучше Богу молился. Вотъ что!

— Ну ужъ это не нашего ума дѣло, а лучше скажи-ка ему спасибо за его приказъ!

— Да кто-жъ это нашему Государю можетъ приказывать! горячо стукнулъ солдатъ ладонью по столу: — ты, братъ, эти глупыя рѣчи покинь лучше, пока мы те бока не намяли! Пѣсни вотъ ты хорошо играешь, а ужъ слова-то говоришь совсѣмъ, какъ есть, дурацкія!

— Постой, братцы! перекрикивая всѣхъ, вмѣшался Иванъ Шишкинъ: — чѣмъ попустому толковать, такъ лучше настоящее дѣло! Пускай всякъ видитъ и судить. Вотъ что, братцы: какъ были мы подъ Новодѣвичимъ, такъ при насъ тамъ вотъ какую грамоту читали и раздавали народу. Одна и на нашу долю досталась... Прислушайте-ка, пожалуйста!

И развязавъ свою котомку, онъ досталъ изъ

нея сложенный вчетверо листъ плотной бумаги и показалъ его присутствующимъ.

На листѣ золотомъ и киноварью, красивымъ шрифтомъ, было напечатано: „золотая грамота“.

— Это чтò-жъ такое? съ любопытствомъ и недоумѣніемъ пытали въ кучкѣ. Всѣ придвинулись поближе къ Шишкину.

— Это, братцы, манифестъ! Царская грамота! пояснилъ онъ: — слушайте!

— И сталъ громко и внятно читать. За титуломъ, какъ быть должно, и за вступленіемъ слѣдовало:

„... Всѣмъ крестьянамъ, какъ бывшимъ крѣпостнымъ, такъ и государственнымъ, даруемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ землю, безъ всякой за оную уплаты, какъ помѣщикамъ, такъ и государству, въ полное, неотъемлемое, потомственное ихъ владѣніе.“

— Это, значитъ, господа, помѣщикамъ больше ни копѣйки! какъ есть шишъ одинъ! пояснилъ Свитка.

— О?! И въ самъ-дѣлѣ?... Это, братцы, намъ на руку! съ видимымъ удовольствіемъ откликнулся кое-кто изъ кучки: — Это и очень намъ любезно!... Ну, ну! Валяй-ка дальше! Чтò еще тамъ прописано?

„Полагаясь на вѣрность народа Нашего,“ продолжалъ Шишкинъ, весьма подбодренный сочувственнымъ отношеніемъ слушателей: „Я призналъ за благо для облегченія края упразднить армію Нашу, Мы отнынѣ впредь и навсегда освобождаемъ Нашихъ любезныхъ вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода наборовъ и повинностей рекрутскихъ; затѣмъ солдатамъ арміи Нашей повелѣваемъ возвратиться на мѣста ихъ родины.“

— Значить некрутина шабашъ? спросилъ кто-то.

— Шабашъ! подтвердилъ Свитка: — отнынѣ и навсегда шабашъ и некрутинъ, и наборамъ, и всякому войску! Ни одного солдата больше не должно быть въ цѣлой Россіи! Всѣ будутъ вольные, всякъ, значить, дѣлай что хочешь!

— Э?!!! Это важно?... А насчетъ повинностей какъ?

— А вотъ, слушай далѣе!

„Уплата подушныхъ окладовъ, имѣвшихъ назначеніемъ содержаніе столь многочисленной арміи, со дня изданія манифеста отмѣняется. Всѣмъ солдатамъ возвращающимся изъ службы, такъ же всѣмъ дворовымъ людямъ, фабричнымъ и мѣщанамъ повелѣваемъ дать безъ всякаго воз-

мездія надѣлъ земли изъ казенныхъ дачъ обширной Имперіи Нашей.“

— Э, робя! Это, ей-ей-хорошо!...

— Чтò и говорить! Чего лучше!... Надо только Бога молить...

— Да только неужто же все это Французъ?

— Все онъ! съ неколебимою увѣренностью подтвердилъ Свитка.

— А какъ же насчетъ теперича лѣсу? ну, и опять же всяко хозяйство тоже надо обзавести себѣ, избу поставить, скотинку тамъ чтò ли, безъ того нельзя же вѣдь, хотя и солдату, али дворовому. Это-то какъ же? Сказано про то, аль нѣтъ?

— Про это хоть и не сказано, а слышали мы такъ, будто все это брать отъ помѣщиковъ, объяснялъ Свитка: — помѣщикъ долженъ отдавать все безпрекословно, а ежели чтò зартачился — сейчасъ его своею расправой, и бери все чтò хочешь!

— Это хорошо! одобрилъ чей-то голосъ, но большинство не подхватило, а напротивъ того, о чемъ-то сомнительно раздумалось.

— Ну, да этого не сказано; это, должно, малый вретъ, а ты читай далѣ! молвилъ какой-то мужикъ.

„Въ каждой волости, равно въ городѣ, продолжалъ Шишкинъ: — народъ избираетъ четырехъ пользующихся его довѣріемъ человекъ, которые, собравшись въ уѣздномъ городѣ, выберутъ совокупно уѣзднаго старшину и прочія уѣздныя власти; четыре депутата отъ cadaго уѣзда, собравшись въ губернской городѣ выберутъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Депутаты отъ каждой губерніи, призванные въ Москву, составятъ Государственный Совѣтъ, который съ Нашею помощью будетъ управлять всею Русскою землею. Такова Монаршая воля Наша.“

— Теперь, братцы, значитъ, сами управляться будемъ?

— Такъ, слышите, царь желаетъ! комментировалъ Свитка.

Мужики призадумались.

— И бумаги править намъ же? спросилъ одинъ.

— И бумаги, и все, какъ есть, всѣмъ самимъ заправлять.

— Самимъ?... Ну, это что-то не того... Какъ же теперь стану я заправлять, коли я грамотѣ не знаю.

— А мозги на что? ... Есть мозги? значить и валяй!

— Да всежь, безъ грамоты не управишься! Тутъ, вона, мало ли чего нужно! ...

— Ну, грамотныхъ выбирайте ...

— Такъ-то оно такъ! ... И значить это мужики всѣмъ царствіемъ заправлять будутъ?

— Значить, будутъ.

— А господа-то куды же?

— А къ чорту! Куда хотятъ, туда и идутъ! А нѣтъ, и на сукъ можно вздернуть!

— Ишь какой прыткій! ... На сукъ! ... За что же это на сукъ? ... Душа-то вѣдь тоже крещёная! ... За эки дѣла и кнутъемъ на площади порятъ да въ каторгу шлютъ ... Нѣтъ, это ты, братъ, дуришь! ... Да ну, ладно! Читай далѣ! ...

„Всякій объявляющій противное и не исполняющій Монаршей воли Нашей есть врагъ Нашъ. Уповаемъ что преданность народа оградить престолъ Нашъ отъ покушеній злонамѣренныхъ людей, не оправдавшихъ Наше Монаршее довѣріе. Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ вѣрить одному Нашему Монаршему слову.“

— Такъ вотъ, слышишь, любезный, что самъ Царь повелѣваетъ! строго обратился Свит-

ка къ мужику, выказавшему нѣкоторое сомнѣніе: — ты, значитъ, ослушникъ волѣ царской!... За это въ кандалы!... За это вяжутъ, да къ становому нашего брата, а ты, значитъ, молчи да вѣрь, коли это пропечатано!

— Да я что-жь... я ничего... я такъ только... Извѣстно, супротивъ Царя не пойдешь, опѣшилъ мужикъ и смущенно примолкнулъ.

„Если войска, обманываемыя ихъ начальниками, продолжалъ межъ тѣмъ Шишкинъ: — если генералы, губернаторы, посредники осмѣлятся силою воспротивляться сему манифесту, да возстанетъ всякій для защиты даруемой Мною свободы и, не щадя живота, выступить на брань со всѣми, дерзающими противиться сей волѣ Нашей. Да благословитъ Всемогущій Господь Богъ начинанія Наши! Съ Нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!“ громко и торжественно заключилъ Шишкинъ, вторично обращая къ слушателямъ и показывая красиво расписанный листъ.

На листъ глядѣли съ любопытствомъ, но въ каждой почти головѣ царило недоумѣнье и сомнѣніе. Манифестъ давалъ уже такъ много, что невольно рождался въ душѣ вопросъ: да ужъ точно ли правда все это! — хотя, быть-можетъ,

каждый не прочь бы былъ воспользоваться его широкими посулами. Перспектива казалась заманчивою.

— Значить, коли начальство не согласно, сейчасъ бунтовать? спросилъ кто-то.

— Такъ, голова! Вѣрно!... Сейчасъ и бунтуй! съ полною увѣренностью одобрили оба бурлака.

— А отчего-жъ это доселева за бунты-то все наказывали?

— Теперь, милый, другіе порядки пошли. Теперь самъ Царь бунтовать велить.

Наступило новое раздумье и молчаніе.

— Други почтенные! братцы! вдругъ возвысилъ голосъ отставной солдатикъ: — это, надо быть, и вправду Французъ всю эту штуку выдумалъ! Потому онъ, первымъ дѣломъ, въ этой грамотѣ что говорить? Говорить что войско прочь, что солдатовъ больше не требуется! Такъ ли?

— Такъ, такъ!... Не требуется!

— А кто же Расею-то защищать будетъ? продолжалъ онъ: — коли войска нѣтъ, сичасъ, значить, непріятель подошелъ, и сичасъ заполонилъ себѣ какъ есть всю землю. Это онъ подъ насъ, значить, ловкую штуку подводитъ!

Никакъ тому быть не возможно, безъ войска-то! Онъ, значить, только глаза отводить!....

— Э!... И въ самъ-дѣлѣ! одобрили въ кучкѣ: — оно точно что такъ!... А то бы съ чего ему сердобольствовать!

— Безпремѣнно такъ, братцы!... Опять же хотъ это взять: сами, говоритъ, управляйтесь. Теперь будемъ говорить посолдатски! Примѣромъ взять — батальйонъ. Какъ же-жь этта управится батальйонъ безъ командеровъ? Никакой команды нѣтъ, и не знаешь ни куда тебѣ идти, ни что дѣлать. Солдаты этому не обученъ, а командеръ обученъ, онъ всю эту штуку знаетъ. Въ батальйонѣ, теперича, только шестьсотъ, аль семьсотъ человѣкъ, а въ Расеѣ-то тьма народу! Какъ же-жь тутъ-то управиться? Это, значить, Французъ подѣ Расею всю эту штуку подводитъ, чтобы способнѣй заполонить-то было! Ей-Богу, такъ, братцы!... Этому вы ничему не вѣрьте.

— Э, другъ любезный! Ты, стало быть, противъ Царя! Ослушникъ воли царской! напустился Свитка на солдата: — братцы! Слышали что Царь насчетъ ослушниковъ сказалъ? Чего глядите-то?

— Нѣтъ, ты погоди! выступилъ впередъ

солдатыкъ: — нешто волю царскую такъ объявляютъ? Волю царскую по церквамъ, подъ колоколами читаютъ, а не въ кабакахъ! Царское слово чрезъ начальство, да чрезъ священство идетъ; а ты что за человѣкъ? По какому ты праву? а?

— Эй, почтенные! Находка! закричалъ вдругъ прикащикъ.

Пока Шишкинъ читалъ, а Свитка дѣлалъ поясненія, онъ подобрался къ раскрытой котомкѣ, изъ которой чуть-чуть высывался край другой подобной же грамоты. Подобравшись и смекнувъ что дѣло тутъ, кажись, не совсѣмъ-то чисто, онъ подъ шумокъ запустилъ въ нее руку и досталъ цѣлую пачку золотыхъ грамотъ.

— Вонъ сколько съ ними добра! кричалъ хмельной кулакъ: — дѣло не чистое!... Это, ребята, бунтовщики!... Смуту варятъ!... Бей ихъ!... Бей въ мою голову!... всѣхъ бей!... Держи ихъ, ребята!... Вяжи по рукамъ да къ становому!

Агитаторы поблѣднѣли. Шишкинъ совсѣмъ почти растерялся, но Свитка не утратилъ присутствія духа. Минута была критическая. Люди, за нѣсколько еще минутъ расположенные въ-

рить имъ, теперь готовы уже были кинуться на обоихъ и начать свою страшную расправу.

— Гдѣ твой кистень? . . . Держись за мной! . . . Не робѣй! быстрымъ шепотомъ обратился къ Шишкину Свитка и мигомъ досталъ изъ-за пазухи заряженный револьверъ.

Солдатыкъ, съ крикомъ „вяжи!“ первый ретиво кинулся на него.

— Убью! закричалъ тотъ и выстрѣлилъ почти въ упоръ.

Пуля, вырвавъ клочъ судна изъ лѣваго рукава, шлепнулась въ стѣну.

— Кто первый подступится, убью на мѣстѣ! грозно кричалъ Свитка!

И съ этимъ словомъ, пятясь къ дверямъ вмѣстѣ съ товарищемъ, онъ воспользовался минутнымъ ошеломленіемъ присутствующихъ и выскочилъ изъ горницы.

— Держи! держи! раздались за ними крики. Но Свитка успѣлъ уже вскочить въ телѣжку — Шишкинъ вслѣдъ за нимъ — и сразу захватилъ вожжи. Ударивъ ими что было мочи по лошаdkѣ, онъ отчаянно загикалъ, продолжая непрерывно хлестать ее, и озадаченная лошадь, дергая головой, быстро сорвалась съ мѣста и пошла вскачь — вонъ изъ деревни.

— Держи! держи! раздавались межъ тѣмъ громкіе крики.

Весь народъ выскочилъ изъ кабака, и нѣсколько человѣкъ погнались за бѣглецами.

Свитка, упершись колѣномъ въ сидѣнье, стоялъ обернувшись назадъ къ преслѣдователямъ и держалъ револьверъ наготовѣ.

— Удирай живѣй!... Хлещи ее!... Нагоняютъ! задыхаясь, кричалъ онъ товарищу, и тотъ немилосердно гналъ бойкую лошадку.

Одинъ парень совсѣмъ уже почти хватался руками за задокъ телѣжки.

— Кистень!... дай кистень сюда!... живѣе!... говорилъ Свитка, и не отвращая лица отъ преслѣдователя, протянулъ назадъ руку.

Шишкинъ торопливо вложилъ въ нее требуемое оружіе.

Парень ужела держся за задокъ и на бѣгу старался заскочить въ телѣжку. Свитка хватилъ его кистенемъ въ лобъ, — тотъ вскрикнулъ и опрокинулся на дорогу. Остальные, не преслѣдуя бѣглецовъ, раздумчиво остановились надъ ушибеннымъ парнемъ, который, съ посинѣлымъ лбомъ, лежалъ безъ чувствъ поперекъ дороги.

Телѣжка межъ тѣмъ скрылась въ лѣсу, но Шишкинъ все еще гналъ и билъ вожжами лошадь.

Черезъ часъ бѣглецы очутились уже верстѣ за семь. Конь былъ въ конецъ заморенъ и не могъ уже двинуться съ мѣста. Они его покинули въ кустахъ, вмѣстѣ съ телѣжкой, и pokračались кустами же вдоль по берегу. Теперь опасность погони нѣсколько миновала. На счастье ихъ, неподалеку отъ берега стояла на водѣ рыбацья душегубка, и въ ней мальчишка какой-то удилъ рыбу. Они крикомъ стали звать его. Рыбакъ подчалилъ, бѣглецы прыгнули въ лодку и за гривенникъ, безъ излишнихъ торговъ и разговоровъ, перебрались на лѣвый берегъ, въ Самарскую губернію.

Здѣсь, пока, они уже были внѣ опасности.

XXXIV. Последняя литургія.

Прошло съ небольшимъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ какъ владыка Іосафъ пріѣзжалъ къ губернатору ходатайствовать за маіора Лубянскаго. И вдругъ теперь по городу Славнобубенску быстро пронеслась вѣсть, что владыка покидаетъ свою кафедру, на которой честно служилъ столько лѣтъ, и что онъ переводится на дальній сѣверъ, въ другое епископство. Эта неожиданная вѣсть поразила многихъ. Большинство недоу-

мѣвало: „какъ? что? зачѣмъ и почему?“ пыталъ каждый, и въ отвѣтъ встрѣчалъ только пожатіе плечами: никто почти не зналъ и даже не подозрѣвалъ настоящей причины этого внезапнаго смѣщенія. Весьма и весьма многіе искренно сожалѣли объ отъѣздѣ Іосафа: онъ никому не сдѣлалъ никакого зла, напротивъ, сколько людей оставляло въ сердцѣ благодарное воспоминаніе о томъ добрѣ которое творилъ старикъ по силѣ по мочи! Никто не могъ укорить его въ чемъ-либо недобромъ, и каждый сознавалъ въ душѣ что старикъ былъ глубоко правдивымъ и честнымъ человѣкомъ. Тѣмъ страннѣе казался непосвященному большинству этотъ переводъ въ отдаленную, заброшенную полосу Россіи, переводъ похожій скорѣе на какую-то ссылку.

По городу стало извѣстно что въ слѣдующее воскресенье владыка въ послѣдній разъ будетъ литургисовать въ кафедральномъ соборѣ. Эта литургія смущала нѣсколько полковника Пшецыньскаго и Непомука. И тотъ и другой ожидали, что старикъ не уйдетъ безъ того чтобы не сказать какое-нибудь громовое, обличающее слово, во всеуслышаніе православной паствы своей. И еслибы такое слово было произнесено, положеніе ихъ стало бы весьма неловкимъ.

Но вотъ, наступило и воскресенье.

Церковь была полнехонька, безъ различія какихъ бы то ни было кастъ и сословій. Между народомъ, поближе къ каѳедрѣ, затершись въ одномъ уголкѣ, стоялъ Феликсъ Подвилянскій вмѣстѣ съ докторомъ Яроцемъ. Оба рѣшились выстоять всю службу, даже самолично быть свидѣтелями того что произойдетъ сегодня. Они тоже ожидали чего-то ...

Владыка служилъ, какъ и всегда, величественно и просто. Ясность душевная и твердое спокойствіе были написаны на его строгомъ и въ то же время кроткомъ лицѣ. Слова молитвы произносилъ онъ тихо, но явственно, такъ что голосъ его отчетливо былъ слышенъ во всѣхъ концахъ древняго храма. Подъ впечатлѣніемъ того сознанія что эта литургія уже послѣдняя, прощальная, предстоящему народу служба владыки казалась еще величественнѣе, еще торжественнѣе. Но вотъ окончилась литургія. Всѣ взоры напряженно обратились къ алтарю, всѣ ожидали появленія владыки на каѳедрѣ, но каѳедра оставалась пуста. При звукахъ „ис полла эти, деспота!“ разоблаченный архіерей взшелъ на возвышеніе посреди храма, и пѣніе замолкло.

Перекрестясь на алтарь, онъ положилъ зе-

мный поклонъ Богу и храму Его, съ которымъ отнынѣ прощался навѣки. За тѣмъ тихо отдалъ на всѣ четыре стороны по одному глубокому, поясному поклону. Это было безмолвное прощаніе его съ народомъ.

— Прощайте, возлюбленные! Прощайте! раздался его любящій, но твердый старческій голосъ: — разставаясь съ вами, скажу одно вамъ: будьте твердыми сынами церкви; будьте твердыми и честными людьми Русскими! Ежели кого обидѣлъ, или прегрѣшилъ я предъ кѣмъ-либо изъ васъ, простите мнѣ, ради Христа, простившаго врагамъ своимъ свое великое поруганіе, свою страшную, крестную смерть. Прощайте!

И съ этимъ словомъ, благословивъ народъ, онъ пошелъ изъ храма.

Всѣ разомъ бросились къ владыкѣ. Каждый хотѣлъ получить отъ него еще одно благословеніе и въ послѣдній разъ облобызать пастырскую руку. На многихъ глазахъ виднѣлись слезы.

Владыка уѣзжалъ почти нищимъ. Весь небольшой капиталъ скопленный имъ изъ своего жалованья, около пяти тысячъ, онъ пожертвовалъ на богадѣльни, больницы и народныя школы своей бывшей епархіи. Вѣсть объ этомъ по-

жертвованіи какъ-то успѣла разнестись между предстоящими еще во время литургіи, и это безкорытствіе еще болѣе возвысило владыку въ глазахъ покидаемой паствы.

— Поздравляю, сойдя съ паперти, обратился Подвилянскій къ Яроцю.

И онъ, съ многодовольною улыбкой, весело протянулъ и пожалъ руку своему пріятелю.

— Выпендзили, хвала Богу! съ такимъ же удовольствіемъ отвѣтствовалъ Яроць.

Въ это время мимо нихъ сходилъ со ступенекъ Лубянскій. Онъ былъ растроганъ и шель уныло понутивъ голову.

— Полковникъ! прелюбезно снимая шляпу и пресладостно улыбаясь, обратился къ нему докторъ: а когда же мы въ шашки сразимся?

Подвилянскій тоже любезно раскланялся.

Маіоръ отвѣтилъ обоимъ очень сухимъ поклономъ.

— Какъ жаль что архіерей покидаетъ насъ! съ гримасой сожалѣнія продолжалъ Яроць, увязавшись за Лубянскимъ и таща за собой подъ руку Подвилянскаго: — и скажите, пожалуйста, отчего это такъ внезапно?

— Добрые люди постарались, нехотя отвѣтилъ маіоръ.

— Ай-ай-ай!... Неужели такъ!... А говорятъ, онъ нѣкоторую частичку изъ своихъ капиталовъ пожертвовалъ на что-то? Правда ли это?

— Не частичку, а все что имѣлъ! выразительно поправилъ Лубянской: — и завѣщалъ намъ еще быть твердыми и честными людьми Русскими. Впрочемъ, это до васъ, господа, не касается: вы вѣдь Поляки.

И проговоривъ все это довольно рѣзкимъ тономъ, старикъ круто повернулъ отъ нихъ въ другую сторону.

XXXV. Въ саду.

Солнце садилось за низкую тучу и послѣднимъ своимъ отблескомъ окрашивало ее въ густой темно-розовый и почти багряный цвѣтъ, съ ярко-золотистыми скважинами въ серединѣ и излучинами по краямъ, сверкавшими словно растопленное золото. Рѣка мѣстами тоже была подернута этимъ багрянымъ отливомъ послѣднихъ лучей которые жаркими искрами замирали на прорѣзныхъ крестахъ городскихъ церквей и колоколенъ.

Въ воздухѣ было тихо и тепло. Порою легкой вѣтерокъ приносилъ воздушною струей свѣ-

жій запахъ воды и степныхъ весеннихъ травъ. Стояли послѣдніе дни мая.

Въ небольшой и легкой плетеной бесѣдкѣ, сплошь обвитой побѣгами павоя и хмѣля, на зеленой скамьѣ, предъ зеленымъ садовымъ столикомъ сидѣла Татьяна Николаевна Горева и шила себѣ къ лѣту холстинковое платье. Предъ нею лежали рабочій баулъ и недавно сорванные съ клумбы двѣ розы. По саду начинали уже летать майскіе жуки да ночныя бабочки, и какъ-то гуще и сильнѣе запахло къ ночи со всѣхъ окружающихъ клумбъ ароматомъ резеды и садоваго жасмина.

Дѣвушка старалась шить прилежнѣй, потому что чувствовала будто сегодня ей какъ-то не шьется. Голова была занята чѣмъ-то другимъ; взоръ отрывался отъ работы и задумчиво летѣлъ куда-то вдаль, и долго, почти неподвижно тонулъ въ вечерѣющемъ пространствѣ; рука почти машинально останавливалась съ иглой, и только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, словно опомнясь и придя въ себя, дѣвушка замѣчала что шитье ея забыто, а непослушныя мысли и глаза опять-вотъ блуждали гдѣ-то.

„Господи! Да что это со мной сегодня?“

недоумѣло шептала она себѣ, и снова еще прилежнѣй принималась за работу.

Или вдругъ начинала она пристально вглядываться и вслушиваться въ садовую чащу, словно бы ожидая чьего-то прихода. Но замѣтивъ что слухъ и глаза опять обманули ее, снова наклонялась къ шитью, и только одна какая-то жилка въ нервно-молодомъ, впечатлительномъ лицѣ на мгновеніе вздрагивала досадливымъ нетерпѣніемъ. Задумчиво-ясная улыбка появлялась порой на губахъ и во взорѣ, и свѣтло блуждала нѣкоторое время по лицу, словно въ эти минуты дѣвушка вспоминала о комъ-то и о чемъ то, словно ей приходили на память чьи-то хорошія слова, чей-то милый образъ, какія-то пріятныя мгновенья, уже перешедшія въ недавнее прошлое, быть-можетъ только вчера, быть-можетъ еще сегодня... И она снова нетерпѣливо и выжидательно начинала вглядываться въ чащу.

Но въ саду было совсѣмъ тихо, только комарикъ какой-то звенѣлъ не далеко надъ ухомъ, да соловей гдѣ-то рано начиналъ выщелкивать, да еще гуще пахло резедой и жасминами.

Вдругъ по песку ближней дорожки послышались быстрые, легкіе, молодые шаги.

Дѣвушка чутко вздрогнула, затаила свѣтлую,

всю душу выдающую улыбку и принудила себя наклониться къ работѣ, стараясь сдѣлать видъ будто она вся поглощена этимъ занятіемъ.

„Нѣтъ! Чего лгать-то!“ мелькнула ей мысль, и спѣшно отодвинувъ свой баулъ да холстинку, она нетерпѣливо и радостно подняла глаза и вся ждала ими вотъ-вотъ сію секунду появленія предъ собой кого-то давно ужежданнаго и желаннаго.

Вошелъ Хвалынцевъ.

— Что такъ поздно? съ легкимъ укоромъ, но внутренно довольнымъ тономъ, спросила Татьяна Николаевна, протягивая ему руку.

— Да вотъ, только что съ дѣлами управился.

— Кончили?

— Совсѣмъ уже.

— И стало быть, завтра? задумчиво проговорила она, опять устремляя долгій, блуждающій взглядъ въ степное пространство за рѣкой.

— Завтра... Прощайте, Татьяна Николаевна!... тоже задумчиво и не сразу отвѣтилъ студентъ, сядя на зеленую скамейку.

— Ну, прощайте... Дай Богъ вамъ...

Она не договорила, и отвернувшись, глядѣла все въ ту же прозрачно-мглистую даль.

— А не хочется уѣзжать!... Ей-Богу, такъ

привыкъ я за все это время... заговорилъ онъ, глядя себѣ въ ноги, словно боялся прямымъ взглядомъ на нее выдать свои ощущенія.

— Нельзя, Константинъ Семеновичъ... нельзя. Надо ѣхать. Надо дѣло дѣлать.

— Эхъ, ей-Богу, и вы туда же! съ нѣкоторою досадой махнулъ онъ рукой: — отъ всѣхъ вокругъ только и слышишь „дѣло да дѣло“, а какое дѣло-то?... Какъ подумать-то хорошенько, такъ и дѣла-то никакого нѣтъ!

— А учиться?... Развѣ это не дѣло?

— Положимъ и такъ; да что толку-то?

— Ну, коли о толкѣ говорить, такъ это длинные разговоры пойдутъ. Надо, голубчикъ мой, чтобъ у каждаго человѣка какое-нибудь дѣло было, какая нибудь задача въ жизни.

— Вы, кажись, резонировать начинаете? мягко улыбнулся Хвалынцевъ.

— Нѣтъ, а такъ мнѣ кажется. Скучно безъ дѣла-то.

— Хм... Ну, возьмемъ къ примѣру хоть васъ: какое у васъ дѣло?

— А вотъ, какъ видите, платье холстинковое шью себѣ.

— И въ этомъ задача жизни? пошутилъ онъ.

— Вы, къ словамъ придираетесь. Задача,

положимъ, и не въ этомъ, но умѣть самой шить себѣ платье — дѣло не лишнее.

— Да вѣдь это все такъ себѣ, одни слова только, или отъ нечего дѣлать! Задача въ жизни!... легко сказать! И всѣ мы любимъ тѣшить себя такими красивыми словами. Оно и точно: сказалъ себѣ „задача въ жизни“ — и доволенъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ однимъ уже этимъ словомъ что-то опредѣлено, что-то сдѣлано, а разобратъ поближе — и нѣтъ ничего! Ну, какая, на примѣръ, ваша задача въ жизни? Простите за вопросъ! улыбнулся Хвалынцевъ.

Татьяна Николаевна поглядѣла на него серьезно и просто.

— Очень не хитра, сказала она: — быть хорошею женщиной.

— Понятіе условное-съ. Одни понимаютъ его такъ, другіе иначе. Да вотъ вамъ, для нагляднаго сравненія: мать Агаѳоклея потеряла жениха, пошла въ монастырь, всю жизнь осталась вѣрна его памяти, все имѣніе раздала нищимъ и на старости лѣтъ имѣетъ полное право сказать о себѣ; „я честная женщина“; ну, и наша общая знакомая Лидія Затцъ тоже вѣдь съ полнымъ убѣжденіемъ и совсѣмъ искренно говоритъ: „я честная женщина“.

— Что жь, можетъ-быть, съ своей точки зрѣнія и Лиденька права, пожала плечами Горева: — какъ права и мать Агаѳоклея. Я, Константинъ Семеновичъ, понимаю это дѣло такъ, продолжала она: — прожить свою жизнь такъ, чтобы ни своя собственная совѣсть, ни людская ненависть ни въ чемъ не могли упрекнуть тебя, а главное — собственная совѣсть. Для этого нужно немножко сердца, то-есть чело-вѣческаго сердца, немножко разсудка, да искренности. Ну, вотъ и только.

— Рецептъ не особенно сложенъ, возразилъ Хвалынцевъ: и былъ бы очень даже хорошъ, еслибы сердце не шло часто наперекоръ разсудку, вотъ, какъ у меня, напримѣръ, разсудокъ говорить: поѣзжай въ Петербургъ, тебѣ, братъ, давно пора, а сердце, быть-можетъ, просить здѣсь остаться. Что вы съ нимъ подѣлаете! Ну, и позвольте спросить васъ, что бы вы сдѣлали, еслибы, выйдя замужъ, да вдругъ... вѣдь всяко бываетъ! глубоко полюбили бы другаго.

Горева, прежде чѣмъ отвѣтить, поглядѣла на него серьезно и нѣсколько строго, словно бы желая опредѣлить себѣ подъ какимъ побужде-ніемъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ. Хвалын-

цевъ глядѣлъ на нее, какъ и всегда, и серьезно, и съ уваженіемъ.

— Что бы я сдѣлала? медленно проговорила она: во первыхъ, я бы не вышла иначе замужъ какъ только убѣдясь прежде въ самой себѣ, что я *точно* люблю человѣка, что это не блажь, не вспышка, не увлеченіе, а дѣло крѣпкое и серьезное. Ну, и послѣ этого... мнѣ бы ужъ, конечно, не пришлось полюбить другаго.

— Да если другой-то будетъ лучше!...

— Тутъ нѣтъ, мнѣ кажется, ни лучше, ни хуже, столь же серьезно продолжала дѣвушка: — можетъ-быть, я даже могла бы полюбить и очень друнаго человѣка, потому что любишь не *за что-нибудь*, а любишь просто, потому что любится да и только. Знаете пословицу: не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Но дѣло въ томъ, мнѣ кажется, что можно полюбить разъ да хорошо, а больше и не надо! Больше ужъ это будетъ не любовь, а Богъ знаетъ что! Одно баловство.

— Но какъ же послѣ этого Лиденъка-то права, положимъ, хотъ и „съ своей точки зрѣнія“? спросилъ Хвалынцевъ, думая поймать на словѣ собесѣдницу.

— Лиденъка? Да Лиденъка не понимаетъ и

никогда не понимала этого. И развѣ она виновата въ томъ? Вѣдь человѣкъ не виноватъ если родился слѣпымъ или безрукимъ. О немъ только пожалѣть можно. То же самое и Лиденъка.

— Однако, вѣдь эдакъ и все оправдать легко? сомнительно улынулся студентъ.

— Обвинять еще легче. Лиденъка никогда не любила, а теперь ужъ едвали и можетъ полюбить серьезно. Она „за свободу чувства,“ какъ говоритъ она, и совершенно искренно стоитъ за эту свободу, не понимая что это такое; притомъ же она никому не повредила, не сдѣлала ничего такого что называется „подлостью“, Лиденъка къ тому же еще „свои убѣжденія имѣетъ“, и потому съ полною искренностью называетъ себя честною женщиной. Ей бы только, по настоящему, замужъ выходить не слѣдовало, но... это ошибка ея родныхъ: ее выдали, не спрашивая согласія, чуть не ребенкомъ.

Хвалынцевъ задумался.

— Такой взглядъ на серьезное чувство, безспорно, хорошъ, сказалъ онъ наконецъ: — но вѣдь съ нимъ иногда рискуешь быть очень несчастливымъ въ жизни.

— То-есть, какъ это? подняла голову дѣвушка.

— А такъ, что если вы полюбите человѣка вѣтренаго, увлекающагося, который разлюбитъ васъ потомъ, который въ каждомъ смазливомъ личикѣ будетъ находить себѣ источникъ чувства или развлеченія, тогда что?

— Да, тогда не хорошо, согласилась Горева : — это, бесспорно, величайшее несчастіе, но это еще не достаточная причина чтобъ и самой дѣлать то же.

— Опять маленькое резонерство! подхватилъ Хвалынцевъ : — это говоритъ голова, или, пожалуй, сознаніе долга, но никакъ не сердце. Такого нестоящаго человѣка какъ ни люби, а наконецъ все-таки охладѣешь къ нему. Тогда что?

— Тогда? Уйти въ свою улитку и затвориться.

— А коли душа снова запроситъ солнца, свѣта, воздуха; коли кровь еще въ каждой жилкѣ будетъ напоминать про молодость?

— А сила воли на что?

— Но вѣдь это какое-то факирство! Это значитъ душить самое себя!

— Потому-то вотъ прежде и надо почувствовать хорошо свое чувство, а потомъ уже рѣшаться, серьезно сказала дѣвушка.

— А если обманешься и, главное, выйдешь замужъ, да потомъ увидишь что дѣло-то плохо?

Она улыбнулась и собралась съ мыслями.

— Знаете что, я думаю во власти самой женщины сдѣлать такъ чтобы человѣкъ всегда любилъ тебя — только тебя! чтобъ ему и въ голову не пришло о возможности увлечься другою. Это *можетъ* сдѣлать женщина. Надо только умѣть любить, любить прежде всего и... вѣрить!... Въ себя вѣрить!

Она говорила съ увлеченіемъ, искренно, горячо. Голубые глаза ея горѣли и щеки раскраснѣлись молодымъ и горячимъ румянцемъ.

Хвалынцевъ жадно слушалъ и любовался ею, ловя глазами каждый ея взглядъ, каждое движеніе бровей, губъ, улыбку, выраженіе лица и чувствовалъ какъ нѣчто острое и жуткое идетъ гдѣ-то внутри его и проникаетъ весь составъ собою.

Ему было хорошо въ эту минуту. Онъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разсудкомъ, всею волею склонялся предъ этою открытою простотою и беззавѣтною искренностью.

Разомъ обдавъ его своимъ яснымъ взглядомъ, дѣвушка замѣтила, угадала и поняла все и еще пуще зардѣвшись, вдругъ примолкла и

тихо, немножко смущенно опустилась на прежнее мѣсто.

Разговоръ самъ собой прекратился, да и не къ чему было возобновлять его: на душѣ у обоихъ было такъ полно, такъ хорошо, такъ молодод и счастливо, что слова были излишни. Наступило полное и совсѣмъ спокойное молчаніе, въ которомъ еще отчетистѣй звенѣлъ какой-то назойливый комарикъ или ночная пчелка, и прерывисто раздавались надъ уснувшимъ берегомъ яркіе соловьиные раскаты. Она сидѣла подпершись рукой и въ задумчивости небрежно перебирала лепестки розы, а онъ сосредоточенно курилъ свою сигару и тихо глядѣлъ на ея полуопущенную русую головку. Съ того самаго раза какъ Горева пригласила его къ себѣ, послѣ сходимки у Лубянской, онъ часто и почти ежедневно сталъ бывать въ домѣ ея тетки. Къ нему скоро привыкли и перестали имъ стѣсняться. Татьянѣ Николаевнѣ незамѣтно даже стало нравиться его присутствіе; онъ и ей, и старухѣ пришелся по сердцу. Дѣвушка любила быть съ нимъ и говорить съ нимъ, а молодое весеннее чувство межъ тѣмъ обоимъ закрадывалось въ душу, и какъ это сдѣлалось? они сами того не знали и не замѣчали, а оно шло все дальше и

все глубже пускало въ сердце свои живучіе, молодые корни. Они ни разу даже не подумали объ этомъ чувствѣ, ни разу не позаботились заглянуть внутрь себя и дать себѣ отчетъ о томъ что это такое; слово „люблю“ не разу, ни было сказано между ними, а между тѣмъ въ этотъ часъ оба инстинктивно какъ-то поняли что они не просто знакомые, не просто пріятели или друзья, а что-то больше, что-то ближе, теплѣй и роднѣе другъ другу.

Поняли и молчали.

— Итакъ, завтра ѣдете? прервала она наконецъ это молчаніе.

— Завтра... проворчалъ Хвалынцевъ и бросилъ отъ себя окурокъ сигары.

— А въ самомъ дѣлѣ, грустно какъ-то разставаться, задумчиво сказала она: — до послѣдней минуты объ этомъ и не думаешь, а тутъ — гляди — и грустно... Такъ все это хорошо было... время летѣло незамѣтно... и вдругъ ничего этого не будетъ...

— Остаться развѣ? нерѣшительно и робко отозвался Хвалынцевъ.

Дѣвушка мелькомъ взглянула на него, но тотчасъ же, потупясь, отвернулася и молчала, не отвѣчая ни словомъ, ни жестомъ.

— Остаться? еще тише молвилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Поѣзжайте... поѣзжайте...
Надо ѣхать! быстро и рѣшительно проговорила
Татьяна Николаевна, какъ-то нервно и озабо-
ченно принимаясь ошипывать лепестки своей
разы, славно въ этомъ занятіи была теперь вся
ея главная, сосредоточенная и серіозная забота.

— Значить, такъ и не увидимся больше?
спросилъ онъ, стараясь придать своему голосу
спокойное и даже равнодушное выраженіе.

— Зачѣмъ не увидаться?... Приѣдете опять
какъ-нибудь... А можетъ, и мы съ тетушкой по
осени тоже въ Питеръ соберемся... Вотъ и
увидимся.

Опять наступило молчаніе.

— Таня! громко раздался съ террасы дома
знакомый голосъ старушки: — Таня! Гдѣ ты?
Пора чай пить... Андрей Павлычъ пришелъ!

— Устиновъ здѣсь, тихо вымолвилъ Хва-
лынцевъ.

Дѣвушка, ничего не отвѣтя, быстро собрала
шитье, надѣла на руку бауль и поднялась съ
мѣста. Глаза ея встрѣтились съ глазами Хва-
лынцева.

— Ну, прощайте! тихо, но рѣшительно ска-
зала она, усиливаясь улыбнуться, тогда какъ

щека ея нервно подрагивала, и въ груди колесомъ ходило что-то похожее на подступающія слезы.

— Прощайте... Нѣтъ, до свиданья! прошепталъ Хвалынцевъ, и взявъ протянутую ему руку, долго, тихо и горячо, не отрываясь, сталъ цѣловать ее.

— До свиданья... до свиданья... вся слегка дрожа, тихо шептала и принужденно улыбалась дѣвушка, и глядѣла въ его лицо, отрывая и въ то же время не желая отрывать отъ его губъ свою руку: — Ну, будетъ... будетъ... Пойдемте... Пора... Тетушка ждетъ къ чаю...

И они молча пошли по дорожкѣ въ сумракъ сада, сквозь который привѣтно и весело глядѣлъ на нихъ изъ-за вѣтвей яркій свѣтъ лампы въ окнахъ хорошенькаго домика.

конецъ первой части.

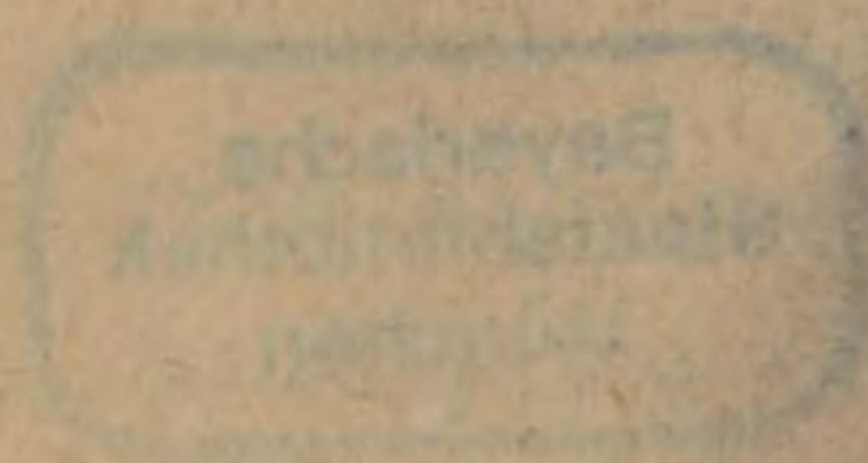
Bayrische
Staatsbibliothek
München

НАУМБУРГЪ,

въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG.

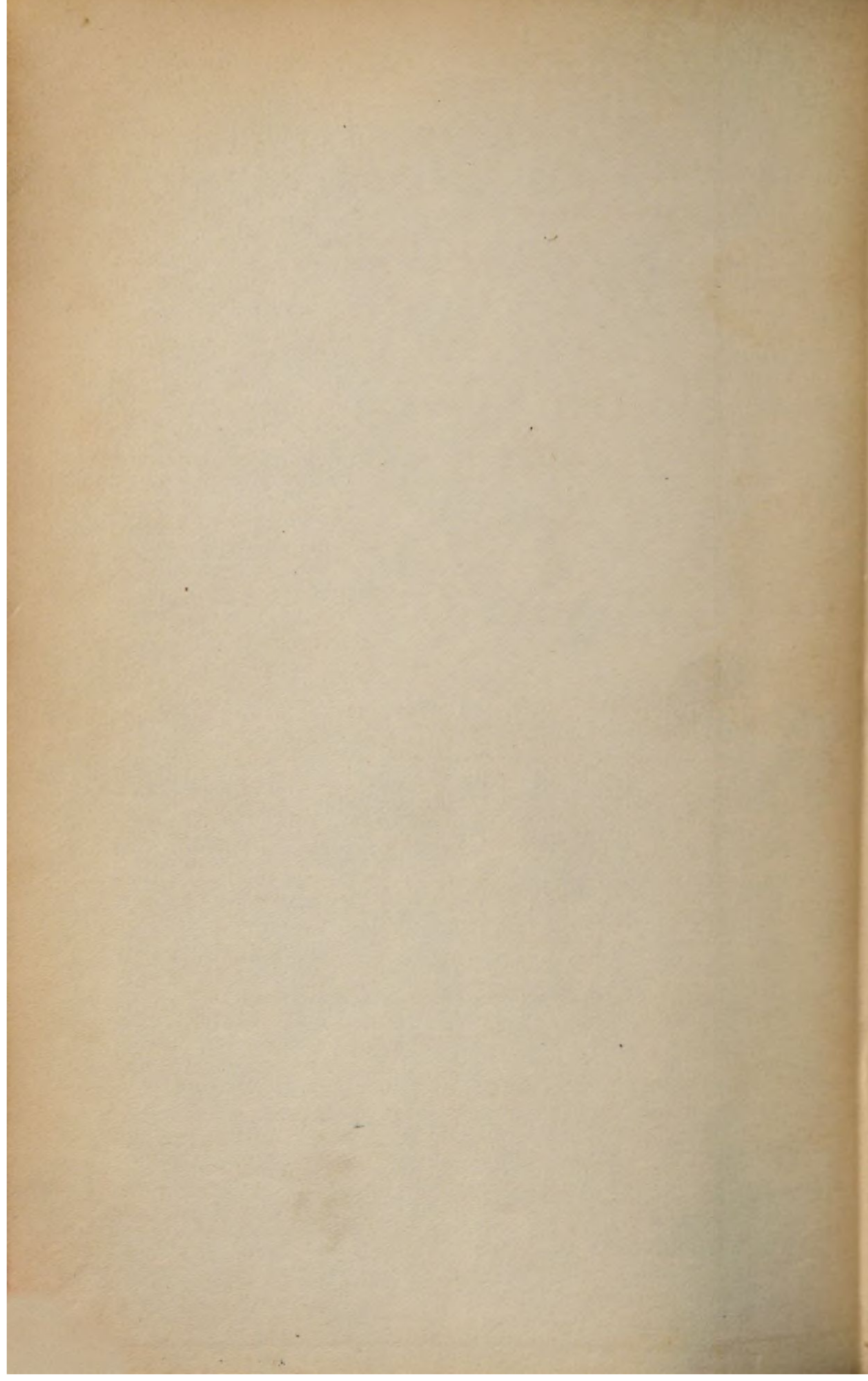
Druck von G. Pätz.

ВОЛЬФГАНГЪ ГЕРГАРДЪ книгопродавецъ, издатель и коммиссіонеръ для иностранцевъ, предлагаетъ свои услуги Г. г. авторамъ для напечатанія ихъ произведеній на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- Томъ I. Стихотворенія ПУШКИНА, РЫЛѢЕВА, ЛЕРМОНТОВА и другихъ лучшихъ авторовъ. 22½ Ngr.
- Томъ II. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. 15 Ngr.
- Томъ V. ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АНГЛІИ Ивана Головина, съ портретомъ автора 1 Thlr. 15 Ngr.
- Томъ VI. ЗАПИСКИ Ивана Головина. 1 Thlr. 15 Ngr.
- Томъ VII. МОЛОДАЯ РОССІЯ Ивана Головина. 24 Ngr.
- Томъ VIII. НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Пушкина и Шевченки. 7½ Ngr.
- Томъ IX. ЗАПИСКИ ФОНЪ-ВИЗИНА. 1 Thlr.
- Томъ X. СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Некрасова. 22½ Ngr.
- Томъ XI. СТИХИ Сп аго и П. П. 15 Ngr.
- Томъ XII. ОДНА ТОЛЬКО ДУША! Вильгельма Вольфзона. 1 Thlr.
- Томъ XIII. РИМЪ И С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 7½ Ngr.
- Томъ XIV. КТО ПРАВЪ? 15 Ngr.
- Томъ XV. О СВОБОДѢ. Соч. Д. С. Милля. 1 Thlr. 10 Ngr.
- Томъ XVI. ДУХОВНАЯ Василія Никитича Татищева. 7½ Ngr.
- Томъ XVII. О ЮНОСТИ АЛЕКСАНДРА 1го, кн. Ав. Голицына. 10 Ngr.
- Томъ XVIII. РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА о 14 Декабрѣ 1824. кн. Ав. Голицына. 7½ Ngr.
- Томъ XIX. БІОГРАФІЯ АРСЕНІЯ МАЦѢВИЧА, Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, кн. Ав. Голицына. 7½ Ngr.
- Томъ XX. О МНИМОЙ КНЯЖИѢ ТАРАКАНОВОЙ, кн. Ав. Голицына. 7½ Ngr.
- Томъ XXI. О СОСТОЯНІИ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ СЕМІЛѢТНЮЮ ВОЙНУ. — О ЗЛОЙ САЛТЫЧИХЪ. 7½ Ngr.
- Томъ XXII. ДОКЛАДЪ о управленіи государствомъ, поданный Екатеринѣ II вскорѣ по восшествіи ея на престолъ. ЗАПИСКА князя Михаила Никитича Волконскаго о необходимыхъ улучшеніяхъ (1775) 7½ Ngr.
- Томъ XXIII. ИСТОРІЯ О ОЦѢХЪ И СТРАДАЛЬЦѢХЪ СОЛОВЕЦКИХЪ: Иже за благочестіе и святыя церковныя законы и преданія, въ настоящая времена, великодушно пострадаша. 15 Ngr.
- Томъ XXIV. ДЫМЪ. Соч. Ив. Тургенева. 1 Thlr. 15 Ngr.
- Томъ XXV. НЕСЧАСТНАЯ. Соч. Ив. Тургенева. 20 Ngr.
- Томъ XXVI. ОТЦЫ И ДѢТИ. Соч. Ив. Тургенева. 1½ Thlr.

Kruis

Krestowski, W. W.

Panurgovo stado

Bd.: 1

Leipzig (1870)

P.o.rel. 2910-27

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11016805-7